Нил

Гейман

дети АНАНСИ

Дети Ананси
Нил Гейман

Аннотация
Нил Гейман. Дети Ананси
Посвящение
Глава первая,. в которой рассказывается об именах и делах семейных
Глава вторая,. в которой рассказывается о том, что иногда случается после похорон
Глава третья,. в которой происходит воссоединение семьи
Глава четвертая,. которая завершается вечером с вином, женщинами и песнями
Глава пятая,. в которой речь идет об утренней расплате
Глава шестая,. в которой Толстому Чарли не удается попасть домой даже на такси
Глава седьмая,. в которой Толстый Чарли заходит очень далеко
Глава восьмая,. в которой полный кофейник оказывается как нельзя кстати
Глава девятая,. в которой Толстый Чарли идет открывать дверь, а Паук знакомится со стаей фламинго

Глава десятая,. в которой Толстый Чарли отправляется повидать мир, а Мэв Ливингстон крайне недовольна
Глава одиннадцатая,. в которой Рози учится говорить «нет» незнакомым, а Толстый Чарли обзаводится зеленым лимоном
Глава двенадцатая,. в которой Толстый Чарли кое-что делает впервые
Глава тринадцатая,. которая кое для кого плохо кончается
Глава четырнадцатая,. в которой все нити находят логичное завершение

Аннотация

Бог пауков Ананси.

Персонаж милых детских сказок?

Один из загадочнейших властителей Вуду!

Ему повинуются несущие богатство крестовики и несущие смерть тарантулы.

Он известен бесчисленным множеством жен, своеобразным, жестоким юмором и любовью к своим детям.

Может ли Ананси умереть?

Могут ли вообще умирать боги?

И главное — что оставит умерший бог своим наследникам?!

Нил Гейман
Дети Ананси

Посвящение

Сами знаете, как это бывает. Выбираете книгу, открываете на странице с посвящением и обнаруживаете, что снова автор посвятил свое детище кому-то еще, а не вам.

Но не на сей раз.

Потому что мы еще не знакомы, или знакомы лишь шапочно, или просто без ума друг от друга, или слишком давно не виделись, или состоим в отдаленном родстве, или никогда не встретимся, но тем не менее надеюсь, всегда будем думать друг о друге с нежностью…

Эта книга для вас.

Сами знаете, с чем, и скорее всего знаете, за что.

ПРИМЕЧАНИЕ. Автору хотелось бы воспользоваться возможностью снять шляпу перед тенями Зоры Нил Херстон, Торна Смита, П.Г. Вудхауза и Фредерика «Текса» Эйвери.

Глава первая, в которой рассказывается об именах и делах семейных

Как и почти все на свете, эта история началась с песни.

В конце концов, в начале ведь были слова, а что они без мелодии? Вот как был создан мир, как разделили пустоту, как появились на свет страны и звезды, сны и малые боги и звери.

Их спели.

Великие чудища были выпеты после того, как Великий Певец покончил с планетами и холмами, деревьями и океанами, и зверьми поменьше. Отвесные скалы на краю мироздания были выпеты, а за ними — охотничьи угодья, а после — тьма.

Песни никуда не исчезают. Они прочнее времени. Подходящая песня способна выставить на посмешище императора и свергнуть династию. Песня может протянуть еще долго после того, как превратились в прах и сны события и люди, про которых в ней говорилось. Такова сила песен.

Песнями можно сделать многое. Они не только

творят миры или изменяют бытие. Отец Толстого Чарли Нанси, например, просто использовал их, чтобы провести — как он ожидал и надеялся — чудесный вечерок с друзьями.

Пока не явился отец Толстого Чарли, бармен считал, что затея с караоке обернется полнейшим провалом, но потом в зал скользящей походкой вошел старичок, протанцевал мимо стола нескольких свежеобгорелых блондинок с улыбками туристок, которые сидели возле маленькой импровизированной сцены в углу. Здороваясь с ними, он приподнял шляпу (да, да, на нем и впрямь была шляпа, новенькая зеленая шляпа с широкими полями, а еще лимонно-желтые перчатки), а после присел за их столик.

— Хороший вечер, дамы? — спросил он.

Они же только захихикали и ответили, мол, да, они развлекаются, спасибо, и вообще они тут в отпуске. А он им:

— Сейчас станет еще веселее, помяните мое слово.

Он казался старше их, много, много старше, но был само обаяние: человек ушедшей эпохи, когда обходительные манеры еще чего-то стоили. Бармен расслабился. Когда в баре такой человек, вечер удастся.

Потом пели под караоке. Танцевали. Старик тоже поднимался петь на импровизированную сцену. И не один раз, а дважды. У него был хороший голос, прекрасная улыбка и ноги, которые так и мелькали, когда он танцевал. Выйдя в первый раз, он спел «Что нового, киска?». А когда вышел во второй, то испоганил жизнь Толстому Чарли.

Толстый Чарли был толстым всего лет пять: с почти десяти — когда его мать объявила на весь свет, что с одним и только одним она покончила раз и навсегда (и если у означенного негодяя есть возражения, то он сами знаете куда может их засунуть), а именно с семейной жизнью с престарелым козлом, за которого ей не посчастливилось выйти замуж, и что утром она уезжает далеко-далеко и лучше бы ему не пытаться ее разыскивать — до четырнадцати, когда Толстый Чарли чуть подрос и стал понемногу заниматься спортом. Он не был толстым. Правду сказать, он даже пухлым не был, просто чуть рыхлым и бесформенным. Но прозвище «Толстый» прилипло, как жвачка к подошве кроссовки. Он представлялся как Чарльз или (когда ему было двадцать с небольшим) Чаз, или письменно Ч.Нанси, но без толку: кличка выползала словно из ниоткуда, проникала в

новую часть его жизни, как тараканы из-за холодильника в новенькую кухню, и хочешь не хочешь (а Чарли не хотел) он опять становился Толстым Чарли.

А виной тому (вопреки всей логике, Чарли был в этом уверен) отец, ведь когда он давал кому-то или чему-то прозвище, оно приставало намертво.

Жил один пес, через дорогу от дома во Флориде, где прошло детство Толстого Чарли. Это был каштановый боксер, с длинными ногами, остроконечными ушами и с мордой такой, будто щенком налетел с разбегу на стену. Голову он держал высоко, обрезок хвоста — пистолетом. С первого взгляда видна, перед вами аристократ среди собак. Его возили на выставки. У него были розетки «Лучший в породе» и «Лучший в классе» и даже одна «Лучший на выставке». Этот пес носил гордое имя Кэмпбеллс Макинрори Арбутнот Седьмой, а владельцы, когда решались на фамильярность, звали его Кэмп. Так продолжалось до того дня, когда отец Толстого Чарли, попивая пиво в облупившемся кресле-качалке на крыльце, заметил, как пес лениво бегает по соседскому двору на цепи, которая смещалась по веревке от пальмы до заборного столба.

— Вот так Гуфи! — воскликнул отец Толстого Чарли. — Надо же, какой дурашливый пес! Вылитый дружок Дональда Дакка из мультика. Эй, Гуфи!

И реальность «Лучшего на выставке» пса внезапно сдвинулась и вывихнулась. Толстый Чарли словно бы взглянул на него отцовскими глазами, и черт бы его побрал, если перед ним не самый дурашливый на свете, разгуфийный пес. Почти плюшевый.

Прошла неделя, и прозвище распространилось по всей улице. Владельцы Кэмпбеллса Макинрори Арбутнота Седьмого с ним боролись, но с тем же успехом могли бы встать на пути урагана. Совершенно незнакомые люди гладили некогда гордого боксера по голове и говорили: «Привет, Гуфи. Как дела, дружок?» Вскоре владельцы перестали записывать пса на выставки. Просто духу не хватало. «Как он похож на собачку из мультика», — говорили судьи.

Да уж, отец Толстого Чарли давал такие прозвища, что они прилипали намертво.

И это в нем было еще далеко не самое худшее.

За годы детства у Толстого Чарли набрался целый ряд кандидатов на роль «самого худшего»: оценивающий взгляд и не менее предприимчи-

вые пальцы (здесь речь обычно шла о молодых дамах со всей округи, которые жаловались маме Толстого Чарли, и тогда бывали ссоры), тонкие черные сигариллы, которые он называл черуттами и запах которых льнул ко всему, чего бы он ни касался, его пристрастие к странно шаркающей чечетке, модной (как подозревал Чарли) с полчаса в Гарлеме середины двадцатых; его полнейшее и неукротимое невежество относительно всего, что творится в современном мире, в сочетании с твердой убежденностью, что сериалы — это получасовые «окна» в перипетии жизней реальных людей. На взгляд Чарли, каждую мелочь в отдельности еще нельзя было квалифицировать как «худшее», но все вносили свой вклад в общую картину.

Наихудшим же в нем было самое простое: Чарли постоянно его стеснялся. Разумеется, все стесняются своих родителей. А как же иначе? В природе родителей стеснять детей самим фактом своего существования, так же как в природе детей сжиматься от конфуза и стыда, если родители хотя бы заговаривают с ними на улице.

И, конечно же, отец Чарли возвел это в искусство и упивался им, как наслаждался розыгрышами всех мастей, от простых (Толстый Чарли

никогда не забудет, как увидел однажды утром в зеркале американский флаг, нарисованный зубной пастой у себя на физиономии) до невообразимо сложных.

— Например? — спросила однажды вечером невеста Толстого Чарли Рози.

Толстый Чарли, обычно избегавший разговоров о своем отце, как раз пытался (довольно сбивчиво) объяснить, почему приглашать его отца на их будущую свадьбу чудовищно плохая идея. Они сидели в небольшом кафе в Южном Лондоне. Толстый Чарли давно уже пришел к выводу, что четыре тысячи миль плюс Атлантический океан — самое подходящее расстояние между ним и его родителем.

— Ну… — протянул Толстый Чарли.

И в памяти у него возникла череда унижений, от каждого из которых даже сейчас невольно поджимались пальцы на ногах. Он выбрал только одну историю.

— Понимаешь, когда я в десять лет перешел в другую школу, отец без устали твердил, как в детстве всегда ждал Дня Президента, потому что есть такой закон, по которому дети, приходящие на занятия в костюме любимого президента, получают большой мешок конфет.

— Какой забавный закон! — улыбнулась Рози. — Жаль, у нас в Англии ничего такого нет.

Рози никогда не уезжала из Соединенного Королевства — если не считать каникул, когда она ездила в дешевый молодежный тур на какой-то остров, расположенный (она почти не сомневалась) в Средиземном море. Пусть она не слишком хорошо разбиралась в географии, у нее были теплые карие глаза и доброе сердце.

— Это не забавный закон, — буркнул Толстый Чарли. — Такого закона вообще не существует. Он его придумал. В большинстве штатов занятия в День Президента вообще отменены, а где нет, нет и традиции ходить в школу в костюме любимого президента. И никакой принятый конгрессом закон не предписывает дарить детям мешок конфет, и твою популярность в последующие годы, до самого конца школы не определяет исключительно то, в какого президента ты вырядишься. Середнячки будто бы одеваются в кого попроще, в линкольнов и вашингтонов или джефферсонов, но те, кому суждено стать популярным, вот эти приходят как Джон Квинси Адамс, или Уоррен Гамалиель Хардинг, или еще кто-нибудь в том же духе. И нельзя загодя обсуждать свой костюм, поскольку это приносит неудачу. Или, точнее, не

приносит, но он так сказал.

— И мальчики, и девочки одеваются в президентов?

— А? Да, и мальчики, и девочки. Поэтому я целую неделю перед Днем Президента провел, читая все, что есть о президентах во «Всемирном альманахе», стараясь выбрать самого подходящего.

— И ты не заподозрил, что он тебя дурачит? Толстый Чарли покачал головой.

— Стоит папочке за тебя взяться, такое даже в голову не придет. Он лучший лжец на свете. Такая сила убеждения!

Рози отпила глоток шардоне.

— Ив кого ты нарядился?

— В Тафта. В двадцать седьмого президента. На мне был коричневый костюм, который отец где-то выкопал, штанины пришлось закатать, а спереди затолкать подушку. Еще у меня были нарисованные усы. Отец сам в тот день повел меня в школу. Я пришел такой гордый. Остальные ребята только улюлюкали и показывали на меня пальцами, и в какой-то момент я просто заперся в уборной для мальчиков и заплакал. Пойти домой переодеться мне не позволили. Пришлось весь день так проходить. Это был сущий ад.

— Надо было что-нибудь придумать, — откликнулась Рози. — Мол, после уроков ты идешь на маскарад или еще что-нибудь. Или просто сказать правду.

— Ну да, — многозначительно и мрачно протянул Толстый Чарли, вспоминая.

— И что сказал твой папа, когда ты вернулся домой?

— Ах он? Он пополам согнулся от смеха. Давился и хихикал. А потом сказал, что, наверное, от маскарада на День Президента уже отказались. А еще, мол, хватит дуться, пора идти на пляж искать русалок.

— Искать… русалок?

— Мы спускались на пляж и ходили вдоль кромки воды, и он вел себя так, что любого бы вогнал в краску: то начинал вдруг, петь или выделывал шаркая какие-нибудь коленца, то просто заговаривал с людьми. С совершенно незнакомыми людьми, с первыми встречными! Мне было так неловко… Вот только он говорил, что в Атлантическом океане живут русалки, и если я буду смотреть внимательно, то углом глаза обязательно какую-нибудь увижу. «Вот там! — восклицал он. — Видел? Рыжая красавица с зеленым хвостом». А я все смотрел и смотрел,

но ничего не видел.

Он покачал головой. Потом взял из мисочки на столе горстку орехов ассорти и стал забрасывать по одному в рот, с силой раздавливая зубами, будто каждый был унижением двадцатилетней давности, которое ни за что не стереть.

— Брось, — весело сказала Рози. — Судя по всему, он занятный тип. Обязательно надо будет позвать его на свадьбу. Он станет душой праздника.

А вот это, объяснил Толстый Чарли, едва не подавившись бразильским орехом, последнее, чего бы ему хотелось, — чтобы объявился его отец и стал душой праздника. Он не сомневается, больше, чем отца, ему не придется стесняться никого на всем белом свете. И добавил, что был бы совершенно счастлив еще сто лет не видеть старого козла и что самое лучшее, что сделала его мать, это ушла от него и переехала жить к тете Альме в Англию. Свое утверждение он подкрепил, категорически заявив, что будь он проклят, дважды проклят и, вполне возможно, даже трижды проклят, если пригласит отца. На деле, завершил Толстый Чарли, самое лучшее в браке то, что можно не приглашать отца на свадьбу.

Тут Толстый Чарли увидел выражение лица

Рози и стальной блеск в обычно ласковых глазах и поспешил исправиться, объяснив, что имел в виду второе самое лучшее, но было уже слишком поздно.

— Привыкай к мысли, — посоветовала Рози. — В конце концов свадьба — самое лучшее время залечивать старые раны. Это твой шанс показать ему, что не держишь на него зла.

— Но я же держу! — возразил Толстый Чарли. — Еще как держу!

— У тебя есть его адрес? — спросила Рози. — Или номер телефона? Тебе, наверное, следует ему позвонить. Когда женится единственный сын, письмо выглядит как-то безлично… Ведь ты его единственный сын, верно? Электронная почта у него есть?

— Да. Я его единственный сын. И я понятия не имею, есть ли у него электронная почта. Скорее всего нет.

«Письмо — это хорошо, — подумал Толстый Чарли. — Как минимум его могут потерять на почте».

— Так у тебя есть адрес или номер телефона?

— У меня нет, — честно ответил Толстый Чарли. Может, отец переехал? Мог же он перебраться из Флориды куда-нибудь, где нет ни телефонов,

ни адресов?

— А у кого есть? — проницательно спросила Рози.

— У миссис Хигглер, — сказал Толстый Чарли и совсем пал духом.

— И кто такая миссис Хигглер? — ласково улыбнулась Рози.

— Друг семьи. Когда я был маленьким, она жила по соседству.

Он разговаривал с миссис Хигглер несколько лет назад, когда умирала мама. По просьбе матери он позвонил миссис Хигглер, чтобы она передала отцу Толстого Чарли, что дело плохо, и попросила, чтобы он с ней связался. Несколько дней спустя на автоответчике Толстого Чарли появилось сообщение, оставленное, пока он был на работе. Голос был, безусловно, отцовский, хотя и довольно старческий и чуточку пьяный. Отец сказал, что время неподходящее и что дела удерживают его в Америке. А после добавил, что, несмотря ни на что, мать Толстого Чарли чертовски хорошая женщина. Несколько дней спустя в палату доставил и вазу с полевыми цветами. Прочитав приложенную карточку, мать Толстого Чарли фыркнула.

— Он думает, что я так сразу размякну? — во-

просила она в пространство. — Придется ему крепко подумать. Уж ты мне поверь.

Но вазу велела поставить на почетное место у кровати и с тех пор несколько раз спрашивала Толстого Чарли, не слышал ли он что-нибудь? Не собирается ли отец навестить ее перед концом?

Толстый Чарли отвечал, что ничего не знает. Понемногу он начал ненавидеть и ее вопросы, и свои ответы, и выражение на ее лице, когда он снова и снова повторял, мол, нет, отец не приедет.

Самым худшим днем, по мнению Чарли, был тот, когда низенький мрачный врач отвел его в сторону и сказал, что осталось недолго, что его мать быстро уходит и их задача облегчить ей последние дни.

Кивнув, Толстый Чарли отправился к матери. Держа его за руку, она как раз спрашивала, не забыл ли он оплатить ее счета за газ, когда в коридоре начался какой-то переполох: грохот и шум, топот и бряцанье, барабанный бой и литавры, короче, все те звуки, какие обычно не услышишь в больнице, где таблички на лестницах требуют соблюдать тишину, а ледяные взгляды медсестер и санитарок вынуждают к повиновению.

Шум становился все громче.

В какой-то момент Толстый Чарли решил, что это террористы. А вот его мать слабо улыбнулась какофонии.

— Желтая птица, — прошептала она.

— Что? — переспросил Толстый Чарли, испугавшись, что она теряет рассудок.

— «Желтая птица», — повторила она громче и тверже. — Они играют «Желтую птицу».

Подойдя к двери, Толстый Чарли выглянул наружу.

По больничному коридору, не обращая внимания на протесты сестер, ошеломленные взгляды пациентов в пижамах и их родных, шел очень маленький новоорлеанский джаз-банд. Тут были саксофонист и трубач. Тут был огромный детина, тащивший контрабас, туг был человечек с большим барабаном, в который он бил. И во главе этой оравы, в щегольском клетчатом костюме, фетровой шляпе и лимонно-желтых перчатках вышагивал отец Толстого Чарли. Ни на каком инструменте он не играл, но отплясывал степ по затертому больничному линолеуму, приподнимал шляпу перед каждой нянечкой и сестрой, пожимал руки всем, кто оказывался достаточно близко, чтобы заговорить и пожаловаться.

Прикусив губу, Толстый Чарли взмолился всем

силам небесным, кто мог бы его услышать, чтобы земля разверзлась и поглотила его, а если нет, то пусть с ним случится быстрый, милосердный и бесконечно фатальный сердечный приступ. Не повезло. Он остался в живых, начищенная медь неуклонно приближалась, отец танцевал, пожимал руки и улыбался.

«Если есть на свете справедливость, — подумал Толстый Чарли, — отец пройдет дальше по коридору. Мимо нас. Прямо в урологическое отделение». Но на свете нет справедливости, и у двери в онкологическую палату отец остановился.

— Толстый Чарли, — сказал он так громко, что все в отделении, на этаже, в целой больнице поняли, что Толстый Чарли знает этого человека. — Посторонись, Толстый Чарли. Твой отец пришел.

Толстый Чарли посторонился. Возглавляемый отцом джаз-банд змеей потянулся к кровати матери. Когда он приблизился, она подняла глаза и улыбнулась.

— «Желтая птица», — слабо сказала она. — Моя любимая песня.

— Что бы я был за человек, если бы забыл? — спросил отец Толстого Чарли.

Мать медленно качнула головой и, протянув

руку, сжала его пальцы в лимонно-желтой перчатке.

— Прошу прощения, эти люди с вами? — вмешалась невысокая блондинка с планшеткой.

— Нет, — ответил Толстый Чарли, щеки у него пылали. — Честное слово. Нет.

— Но это же ваша мать, верно? — Женщина смерила его взглядом василиска. — Будьте добры, сделайте так, чтобы они немедленно освободили палату, и, пожалуйста, без дальнейшего нарушения покоя.

Толстый Чарли сбивчиво забормотал.

— Что вы сказали?

— Я сказал, я почти уверен, что ничего не могу поделать, — внятно произнес Толстый Чарли.

Он утешал себя, что хуже уже не будет, но тут отец забрал у барабанщика пластиковый пакет и начал доставать из него банки с элем и раздавать их… музыкантам, нянечкам и пациентам. А после он закурил черутту.

— Прошу прощения, — сказала женщина с планшеткой, а увидев дым, стартовала через комнату, нацелясь на отца Толстого Чарли как боеголовка «земля-земля» с часиками на цепочке.

Толстый Чарли воспользовался шансом улизнуть. Это казалось самым мудрым.

Вечером он сидел и ждал, когда раздастся телефонный звонок или стук в дверь. Точно так же осужденный стоит на коленях под гильотиной и ждет, когда почувствует холодок от лезвия на шее. Но ничего не происходило. Всю ночь он почти не смыкал глаз и наутро проскользнул в больницу, готовясь к худшему.

Такой счастливой и здоровой мать выглядела впервые за многие месяцы.

— Он уехал, — объяснила она Толстому Чарли. — Не смог остаться. Должна сказать, Чарли, мне очень жаль, что ты ушел. Мы устроили вечеринку. Мы на славу повеселились.

Толстый Чарли не мог вообразить себе ничего хуже, чем вечеринка в палате для больных раком, вечеринка, которую устроил его отец со своим джаз-бандом, но промолчал.

— Он не плохой человек, — сказала мама Толстого Чарли, озорно блеснув глазами. Потом нахмурилась. — Нет, это не совсем верно. Он совершенно точно не хороший человек. Но вчера вечером он принес мне уйму пользы.

Тут она улыбнулась настоящей радостной улыбкой и на мгновение снова стала молодой.

В дверях стояла вчерашняя блондинка с планшеткой, которая теперь поманила Толстого

Чарли пальцем. Ползя со скоростью улитки через палату, он начал шепотом извиняться, еще будучи вне пределов слышимости. Но, подойдя поближе, сообразил, что вид у блондинки вовсе не как у василиска с желудочной коликой. Теперь она выглядела шаловливым котенком.

— Ваш отец, — начала она.

— Извините, пожалуйста, — выпалил Толстый Чарли, как делал это в детстве всякий раз при упоминании отца.

— Нет, нет, — откликнулась бывшая василиск. — Не за что извиняться. Мне просто интересно… Ваш отец… На случай, если нам понадобится с ним связаться… В карте нет ни телефона, ни адреса. Мне следовало бы спросить вчера, но совершенно вылетело из головы.

— Сомневаюсь, что у него есть телефон, — сказал Толстый Чарли. — Чтобы его найти, лучше всего слетать во Флориду и проехать по шоссе A1. Это прибрежное шоссе, которое идет вдоль всего полуострова. После полудня вы, возможно, застанете его за рыбалкой с моста. Вечером он будет в баре.

— Такой обаятельный мужчина, — мечтательно протянула она. — Чем он занимается?

— Я же вам сказал. Он называет это чудом хлеба

насущного.

Блондинка посмотрела на него недоуменно, и Толстый Чарли почувствовал себя глупо. Когда эти слова произносил отец его, собеседники смеялись.

— Э-э-э… Как в Библии. Чудо хлебов и рыб. Папа обычно говорил, что просто рыбачит, и истинное чудо, что ему удается добывать себе на хлеб. Шутка, понимаете?

Ответом ему стал затуманенный взгляд.

— Да, — протянула блондинка. — У него такие смешные шутки. — Потом она щелкнула языком и снова стала сама деловитость. — Итак, вы нужны мне здесь в половине шестого.

— Зачем?

— Забрать вашу мать. И ее вещи. Разве доктор Джонсон не сказал вам, что ее выписывают?

— Вы отправляете ее домой?

— Да, мистер Нанси.

— А как же… а как же рак?

— Кажется, была ложная тревога.

Толстый Чарли не мог понять, как это могла быть ложная тревога. На прошлой неделе врачи собирались послать его мать в хоспис. Врач произносил такие фразы, как «недели, не месяцы» и «их задача облегчить ей неизбежный конец».

Тем не менее он вернулся в половине шестого и забрал мать, которая как будто ничуть не удивилась, узнав, что больше не умирает. По дороге домой она сказала, что спустит сбережения на путешествия по миру.

— Врачи говорили, мне осталось три месяца. И точно помню, как, слушая их, я думала, что если когда-нибудь встану с больничной койки, то поеду в Париж и в Рим, и еще куда-нибудь. Вернусь на Барбадос и на Сан Андреас. Возможно, съезжу в Африку. И в Китай. Я люблю китайскую кухню.

Толстый Чарли не понимал, что происходит, но во всем винил своего отца.

Отвезя мать с увесистым чемоданом в аэропорт Хитроу, он помахал ей на прощание в зале международных перелетов. Проходя через контроль, она лучилась улыбками, сжимая в руке паспорт и билеты, и выглядела такой молодой, какой Чарли не помнил ее уже многие годы. Она посылала ему открытки из Парижа и Рима, из Афин и Лаоса или из Кейптауна. В открытке из Нанкина писала, что ей совсем не понравилось то, что тут, в Китае, выдают за китайскую кухню, и она ждет не дождется, когда вернется в Лондон поесть настоящих китайских блюд.

Умерла она во сне, и случилось это в отеле

города Уильямстаун на карибском острове Сан Андреас.

На похоронах в «Крематории Южного Лондона» Толстый Чарли ожидал встретить отца: может, старик устроит грандиозное выступление во главе джаз-банда или по проходу за ним потянется труппа клоунов вперемежку с шимпанзе на трехколесных велосипедах и с сигарами в зубах. Но отца Толстого Чарли тут не было, только подруги и дальние родственницы матери — по большей части крупные женщины в черных шляпах, которые сморкались, прижимали носовые платки к глазам и качали головами.

А когда зазвучат последний псалом, когда была нажата кнопка и мама покатилась по линии конвейера к своему воздаянию после смерти, Толстый Чарли заметил мужчину одних с ним лет, который стоял у задней стены часовни. Совершенно точно не отец. Но кто-то, кого он не знал, даже не заметил бы среди теней, если бы не выискивал глазами отца… И вот пожалуйста, незнакомец в элегантном черном костюме, взгляд опущен, руки сложены.

Толстый Чарли на один лишний момент задержался на нем взглядом, и, подняв голову, незнакомец сверкнул ему безрадостной улыбкой

— на лицах чужих людей такого обычного не увидишь, и все равно Чарли не мог сообразить, кто это. Он отвернулся к алтарю. Там пели «Спускайся вниз, сладкая колесница» (Толстый Чарли был почти уверен, что мать никогда не любила этот псалом), и преподобный Райт пригласил всех к двоюродной бабушке Толстого Чарли Альме немного перекусить. В доме двоюродной бабушки Альмы собрались сплошь знакомые лица.

За годы, прошедшие со смерти матери, он иногда вспоминал про незнакомца. Интересно, кто это был? Зачем приходил в часовню? Временами Толстому Чарли казалось, будто он ему только привиделся…

— Значит, так, — сказала, допив шардоне, Рози, — ты позвонишь своей миссис Хигглер и дашь ей номер моего сотового. Расскажешь ей про свадьбу и когда она будет… Да, кстати. Как по-твоему, следует ее пригласить?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Толстый Чарли. — Только сомневаюсь, что она приедет. Она старый друг семьи, отца знает с незапамятных времен.

— Прозондируй почву. Узнай, не надо ли ей послать приглашение.

Рози была хорошим человеком. В ней было по-

немногу от Франциска Ассизского, Робина Гуда, Будды и волшебницы Глинды Доброй из «Страны Оз», она решила, что примирение любимого с отцом придаст их свадьбе дополнительный смысл. Это уже была не простая свадьба, а практически священная миссия мира, и Толстый Чарли достаточно давно знал Рози, чтобы никогда не вставать между своей невестой и ее потребностью Творить Добро.

— Завтра позвоню миссис Хигглер, — смирился он.

— О! Придумала! — Рози трогательно сморщила носик. — Позвони-ка ты ей сегодня. В Америке ведь еще не так поздно.

Толстый Чарли кивнул. Они вышли из кафе: Рози легкой походкой, Чарли — как приговоренный к виселице. Он уговаривал себя не глупить: может же миссис Хигглер в конце концов переехать или отключить телефон. Все возможно. Все что угодно возможно.

Они пошли к Толстому Чарли, поднялись на второй этаж скромного домика в Максвелл-гарденс рядом с Брикстон-роуд.

— Сколько сейчас во Флориде? — спросила Рози.

— Почти вечер.

— Отлично. Звони же.

— Давай подождем? Что, если она вышла?

— А может, лучше сейчас, пока она не села обедать?

Толстый Чарли отыскал старую бумажную записную книжку и на букву «Х» — обрывок конверта, где почерком матери был записан номер телефона, а под ним — «Каллианна Хигглер».

Телефон звонил и звонил.

— Ее нет дома, — объяснил он Рози, но в этот момент на том конце подняли трубку и женский голос произнес:

— Да? Кто это?

— М-м-м. Это миссис Хигглер?

— Кто это? — повторила миссис Хигглер. — Если вы из треклятого сетевого маркетинга, то немедленно вычеркните меня из списка, не то я подам на вас в суд. Я свои права знаю.

— Нет. Это я. Чарльз Нанси. Я раньше жил по соседству.

— Толстый Чарли? Вот так сюрприз. Я целое утро искала твой телефон. Весь дом вверх дном перевернула и, как по-твоему, нашла? Если хочешь знать, наверное, записала его в какую-нибудь старую книгу расходов. Честное слово, дом вверх дном перевернула. Поэтому сказала себе: Калли-

анна, сейчас самое время просто помолиться и уповать, что Господь тебя услышит и наставит, и потому стала на колени, а они у меня сейчас уже не те, и руки сложила, но все равно твоего номера не нашла, что в какой-то мере даже неплохо, особенно потому, что я не из денег сделана и не могу себе позволить звонить за границу даже по такому случаю, хотя я собиралась тебе позвонить, не волнуйся, учитывая, что случилось…

Тут она остановилась, то ли чтобы перевести дух, то ли чтобы отпить из гигантской кружки обжигающе горячего кофе, которую всегда держала в левой руке, и в мгновение тишины Толстый Чарли поспешил вставить:

— Я хотел пригласить папу на свадьбу. Я женюсь.

На том конце провода воцарилось молчание.

— Но свадьба будет не раньше конца года…

Все равно тишина.

— Ее зовут Рози, — стараясь разрядить напряжение, добавил он.

Толстый Чарли уже начал задумываться, а не оборвалась ли связь: разговоры с миссис Хигглер обычно бывали одно-сторонними, часто она даже произносила реплики за собеседника, а тут дала целых три фразы сказать, не прерывая. Он решил

попробовать четвертую:

— И вы тоже приезжайте, если хотите.

— Господи, господи, господи! — забормотала миссис Хигглер. — Никто тебе не сказал?

— Что?

Тогда она ему объяснила пространно и в подробностях, а он только стоял и ни слова не мог выдавить, а когда она закончила, сказал только:

— Спасибо, миссис Хигглер, — и записал что-то на клочке бумаги. А потом снова: — Спасибо. Нет, честное слово, спасибо, — и положил трубку.

— Ну? — спросила Рози. — Получил его номер?

— Папа на свадьбу не приедет. — А потом: — Мне нужно поехать во Флориду.

Голос у него был пустой и бесчувственный. С тем же успехом он мог бы сказать: «Нужно заказать новую чековую книжку».

— Когда?

— Завтра.

— Зачем?

— На похороны. Моего папы. Он умер.

— Ох! Мне очень жаль. Мне так жаль!

Она обняла его покрепче, а он только стоял как манекен из витрины.

— Как это… как он… он был болен?

Толстый Чарли покачал головой.

— Не хочу об этом говорить.

И Рози обняла его еще крепче, потом сочувственно кивнула и отпустила. Она решила, что он слишком горюет, чтобы говорить о своих чувствах.

Но нет. Совсем нет. Он слишком стеснялся случившегося.

Есть, наверное, сотни респектабельных способов умереть. Например, прыгнуть в реку с моста, чтобы спасти маленького ребенка. Или пасть под градом пуль, единолично штурмуя бандитское гнездо. Совершенно респектабельные способы умереть.

Правду сказать, существуют и не слишком респектабельные способы умереть. Даже эти не так плохи. Спонтанное самовозгорание, например: щекотливо, с точки зрения медицины, и маловероятно, с точки зрения науки, но люди тем не менее упорно самовозгораются, оставляя по себе лишь обугленную руку с зажатой в пальцах недокуренной сигаретой. Толстый Чарли читал про такое в одном журнале и ничего не имел бы против, если бы отца постиг такой конец. Или даже если бы у него случился инфаркт, пока он догонял воров, укравших у него деньги на пиво.

Но нет, отец Толстого Чарли умер не так.

Он рано пришел в бар, начал вечер, спев под караоке «Что нового, киска?». И (по словам миссис Хигглер, которая сама там не присутствовала) исполнил эту песню так, что Тома Джонса эксальтированные дамочки забросали бы нижним бельем, а он только получил дармовое пиво от нескольких блондинок-туристок, которые считали его самым большим очаровашкой, какого только встречали.

— Это они во всем виноваты, — горько сказала по телефону миссис Хигглер. — Это они его подстрекали!

Эти женщины, затянувшие себя в узкие топы на резинке, эти женщины с красноватым загаром от слишком раннего солнца годились ему в дочери.

И потому очень скоро он оказался у них за столиком, курил свои черутты и прозрачно намекал, что во время войны служил в разведке (хотя осторожничал и не говорил, во время какой именно войны) и еще что знает десяток способов голыми руками запросто убить человека. А потом решил покружить по танцполу самую грудастую и блондинистую туристку, пока одна из ее товарок распевала со сцены «Чужие в ночи» Фрэнка Синатры. Он как будто развлекался вовсю, хотя туристка была на голову его выше, так что он

поблескивал ухмылкой на уровне ее бюста.

Покончив с танцем, он объявил, что сейчас опять его очередь. А поскольку он как никто другой был уверен в своей гетеросексуальности, то спел «Я есть, что я есть» всему залу, но особенно самой блондинистой туристке за столиком под сценой. Он выложился вовсю. И как раз собирался объяснить всем вокруг, что, на его взгляд, жизнь ломаного гроша бы не стоила, если бы он не мог сообщить всем и каждому, что собой представляет, когда вдруг скорчил странную гримасу, прижал одну руку к груди, а другую вытянул и повалился (настолько медленно и элегантно, насколько может повалиться мужчина) с импровизированной сцены и на ту самую блондинистую туристку, а с нее на пол.

— Ему всегда хотелось так уйти, — вздохнула миссис Хигглер.

А потом она сказала Толстому Чарли, как последним жестом его отец схватил и дернул вниз что-то, оказавшееся топом без бретелек блондинистой туристки, поэтому сначала все решили, что это он сладострастно нырнул со сцены с единственной целью обнаружить красную от загара грудь. Ведь что же получилось? Вот вам, пожалуйста, она вопит, ее грудь выставлена на

всеобщее обозрение, а на сцене играет «Я есть то, что я есть», только никто под музыку не поет.

Когда зеваки сообразили, что на самом деле произошло, повисло двухминутное молчание, а после отца Толстого Чарли вынесли из бара и положили в машину «скорой помощи» — блондинистая туристка тем временем устраивала истерику в дамской комнате.

Именно голая грудь не шла у Толстого Чарли из головы. В мыслях соски обвиняюще следовали за ним по комнате, как взгляд Джоконды с картины. Ему все время хотелось извиниться перед посетителями бара, которых он в глаза не видел. А от сознания того, что отец счел бы это уморительным, становилось только хуже. Когда тебе стыдно за то, при чем ты даже не присутствовал, тебе становится еще хуже: воображение постоянно приукрашивает события, раз за разом возвращается к ним, снова и снова ворошит их и изучает со всех сторон. Ну с вами, возможно, дело обстоит иначе, а у Толстого Чарли было как раз такое воображение.

От стеснения у Толстого Чарли, как правило, начинали ныть зубы и желудок куда-то проваливался. Если на телеэкране случалось что-то, хотя бы предвещавшее неловкую ситуацию, Толстый

Чарли вскакивал и выключал телевизор. Если это было невозможно (скажем, в комнате он был не один), то он под каким-нибудь предлогом выходил и пережидал, пока неловкая ситуация не разрешится.

Толстый Чарли жил в Южном Лондоне. В возрасте десяти лет он приехал сюда с американским акцентом, за который его безжалостно дразнили, от которого он по мере сил старался избавиться и наконец искоренил все до единой мягкие согласные и раскатистые «р», научившись правильно и к месту употреблять чисто английские междометия. Когда к шестнадцати ему удалось окончательно расстаться с акцентом, его школьные друзья только-только обнаружили, что им необходимо говорить так, будто они из Бруклина. Вскоре все, кроме Чарли, говорили как люди, которые хотят говорить так, как говорил Толстый Чарли, когда только-только приехал в Англию, — вот только он ни за что не произнес бы на публике таких слов, не то мама тут же дала бы ему подзатыльник.

Все дело в тоне.

Когда стеснение от того, как отец окончил свои дни, начало понемногу спадать, Толстый Чарли поймал себя на мысли, что ощущает лишь сосу-

щую пустоту.

— У меня нет семьи, — почти раздраженно сказал он Рози.

— У тебя есть я.

Это вызывало у Толстого Чарли улыбку.

— И моя мама, — добавила Рози, отчего его улыбка разом увяла. Рози поцеловала его в щеку.

— Может, останешься на ночь? — предложил он. — Утешишь меня и так далее.

— Могла бы, — согласилась она. — Но не останусь.

Рози не собиралась спать с Толстым Чарли, пока они не поженятся. Она сказала, что такое решение приняла, когда ей было пятнадцать; нет, конечно, Толстого Чарли она тогда не знала, но решения надо выполнять. Поэтому она его обняла — крепко и надолго. И сказала:

— Хотя бы теперь тебе нужно помириться с отцом, ты же сам знаешь.

И поехала домой.

А он провел беспокойную ночь — то дремал, то просыпался и мучил себя разными вопросами, потом снова проваливался в сон.

Проснулся он на рассвете. Когда люди придут на работу, он свяжется со своим турагентом и спросит про скидки для скорбящих во Флориду,

потом позвонит в «Агентство Грэхема Хорикса» и скажет, что в связи с кончиной родственника берет несколько отгулов и, да, он знает, что это из его отпуска по болезни или из настоящего отпуска. Но пока он был счастлив, что в мире так тихо.

Пройдя по коридору в крошечную пустую комнатенку на задах дома, он посмотрел в сад. Утренний хор уже начался, с ветки на ветку перелетали черные дрозды и воробьи, а на ближайшем дереве сидел одинокий скворец с крапчатой грудкой. Толстый Чарли подумал, что мир, в котором по утрам поют птицы, это нормальный мир, разумный мир, мир, жить в котором приятно.

Позже, когда птицы станут смертельной угрозой, Толстый Чарли еще будет вспоминать то утро как нечто доброе и милое, но и как момент, когда все началось. Мгновение до безумия, до страха.

Глава вторая, в которой рассказывается о том, что иногда случается после похорон

Отдуваясь и щурясь на флоридское солнце, Толстый Чарли пробирался по Мемориальным Садам Успокоения. По пиджаку расползались от подмышек темные пятна, со лба катил пот.

Мемориальные Сады Успокоения действительно напоминали сад, но очень странный: все цветы здесь были искусственными и росли из металлических ваз, в свою очередь, поднимавшихся из вкопанных в землю стальных плит. Толстый Чарли прочел на бегу надпись на одной из них: «БЕСПЛАТНЫЙ похоронный участок для ветеранов, уволенных в запас с почестями!» Он миновал Младенцекрай, где среди искусственных цветов на флоридском газоне торчали разноцветные игрушки-вертушки и сидели отсыревшие голубые и розовые плюшевые мишки. В синее небо бессмысленно смотрел плесневеющий Винни-Пух.

Впереди уже показалась группка людей в трауре, и Толстый Чарли чуть изменил направление,

отыскав нужную тропинку, чтобы поскорее до нее добраться. Вокруг могилы стояли человек тридцать, может, чуть больше. Женщины были в темных платьях и больших черных шляпах с отделкой из черных же кружев — точь-в-точь инопланетные цветы. На от мужчинах — костюмы без пятен пота. Серьезно глядели дети. Толстый Чарли перешел с бега на уважительный шаг, все еще стараясь спешить, но при этом чтобы никто не заметил, что он торопится, и, подойдя к скорбящим, попытался осторожно, не привлекая к себе излишнего внимания пробраться в первые ряды. Учитывая, что к тому времени он пыхтел как кит, который только что вскарабкался на два пролета лестницы, что пот с него лил ручьями и что, протискиваясь, он многим отдавил ноги, его попытка провалилась.

Не только провалилась, но и вызывала свирепые взгляды, которые он постарался проигнорировать. Все пели песню, которую Толстый Чарли не знал. Он кивал головой в такт музыке и пытался шевелить губами, делая вид, что поет по-настоящему, но вполголоса, а может, произносит молитву, а может, у него просто тик. Пением он воспользовался, чтобы заглянуть в могилу, и с удовлетворением увидел, что гроб закрыт.

Гроб был великолепный: из материала, похожего с виду на закаленную сталь и цвета вороненого пистолета. Буде при славном воскрешении, архангел Гавриил затрубит в трубу и мертвые восстанут из могил, подумал Чарли, папочка застрянет у себя в гробу, начнет тщетно биться о крышку, жалея, что его не похоронили с ломом, а еще лучше с ацетиленовой горелкой.

Наконец смолкла последняя мелодичная и протяжная «аллилуйя». В последовавшей за ней тишине Чарли услышал, как кто-то кричит в другом конце кладбища, рядом с воротами, через которые он вошел.

— А теперь кто-нибудь скажет несколько слов в память о дорогом усопшем? — предложил священник.

По лицам тех, кто стоял у самой могилы, очевидно, читалось, что многим есть что сказать. Но Чарли знал: сейчас или никогда. «Тебе нужно помириться с отцом, ты же сам знаешь». Да, верно.

Сделав глубокий вдох, он шагнул вперед и оказался у самого края могилы, где начал:

— М-м… Прошу прощения. Ладно. Думаю, мне нужно кое-что сказать.

Отдаленные крики становились все громче. Кое-кто из пришедших на похороны стал огля-

дываться, чтобы понять, откуда они раздаются. Остальные в упор смотрели на Толстого Чарли.

— Мы с отцом никогда не были близки, — начал Толстый Чарли. — Наверное, мы просто не умели. Я на двадцать лет ушел из его жизни, а он — из моей. Нам многое трудно было простить друг другу, но однажды настает день, когда ты оглядываешься вокруг и видишь, что семьи у тебя не осталось. — Он отер ладонью лоб. — Кажется, за всю жизнь я ни разу не говорил «Я люблю тебя, папа». Вы… Вы все, вероятно, знали его лучше меня. Кое-кто из вас, возможно, его любил. Вы были частью его жизни, а я нет. Поэтому мне не стыдно, что кто-либо из вас это услышит. Услышит, как я говорю впервые по меньшей мере за двадцать лет… — Он поглядел вниз, на непроницаемую крышку гроба. — Я люблю тебя, — сказал он. — И я никогда тебя не забуду.

Крики стали еще громче, и в последовавшей за речью Толстого Чарли тишине все разобрали слова, которые кто-то орал с другого конца кладбища:

— Толстый Чарли! Прекрати докучать этим людям и тащи сюда свою задницу! Сейчас же!

Толстый Чарли уставился в море незнакомых лиц, на которых увидел смесь возмущения, недо-

умения и гнева. Уши у него пылали. Он понял…

— Э-э-э… извините… Ошибся похоронами, — выдавил он.

— Это моя бабушка, — гордо сказал маленький мальчик с огромными ушами и еще большей улыбкой.

Бормоча бессвязные извинения, Толстый Чарли попятился через небольшую толпу. Где же конец света, когда он так нужен? Он понимал, что отец тут не виноват, но знал, что он живот надорвал бы от смеха.

На тропинке, уперев руки в боки, стояла крупная седая женщина с грозовым лицом. Толстый Чарли пошел к ней словно по минному полю, словно ему снова девять лет и он напроказил.

— Ты что, не слышал, как я ору? — вопросила она. — Прошел мимо меня. Оскандалился! Вон туда! — указала она. — Ты пропустил службу и все остальное. Но побросать землю лопатой тебе еще оставили.

За последние два десятилетия миссис Хигглер почти не изменилась, лишь стала чуть толще и чуть больше седины появилось в волосах. Плотно сжав губы, она повела Толстого Чарли по многочисленным дорожкам Садов, а он тем временем думал о том, что произвел не самое лучшее впе-

чатление. И теперь оставалось только позорно плестись следом. На колышек стального забора в конце Садов Успокоения взбежала ящерка и застыла на самом острие, пробуя язычком душный воздух Флориды. Солнце скрылось за облаком, но стало как будто еще жарче. Ящерица раздула шею ярко-оранжевым шаром.

Журавли на длинных ногах, которых Чарли поначалу принял за садовые украшения, подняли головы, когда они проходили мимо. Один резко дернул шеей, а после поднял клюв, в котором болталась большая лягушка. Чередой глотательных движений он пытался затолкать ее себе в горло, а она упиралась задними лапами и била воздух передними.

— Пойдем, — сказала миссис Хигглер. — Не трать времени попусту. И так скверно, что ты пропустил похороны собственного отца.

Толстый Чарли подавил желание сказать, что за один день он уже преодолел четыре тысячи километров по воздуху, взял напрокат машину и проделал весь путь из Орландо, что съехал с автобана не в том месте, и вообще кто это придумал загнать кладбище за супермаркет на самой окраине города? Они все шли и шли вдоль большого бетонного здания, от которого пахло

формальдегидом, пока не достигли открытой могилы в самом дальнем закутке кладбища. За ней не было ничего, кроме высокого забора, дальше — лишь буйство деревьев, пальм и зелени. В могиле лежал скромный деревянный гроб. На нем уже скопилось несколько горок земли. Рядом с могилой — гора глины и лопата.

Подняв лопату, миссис Хигглер протянула ее Толстому Чарли.

— Неплохая получилась служба, — сказала она. — Явились кое-какие собутыльники твоего отца и все дамы с нашей улицы. Даже когда он переехал в другой квартал, мы не теряли связи. Ему бы служба понравилась. Конечно, еще больше ему бы понравилось, если бы ты тоже присутствовал. — Она покачала головой. — Копай давай. И если у тебя есть что сказать на прощание, можешь говорить, пока закапываешь.

— Я думал, мне полагается бросить всего одну-две лопаты, — сказал он. — Показать, что я готов.

— Я дала тридцать долларов могильщику, чтобы ушел, — объяснила миссис Хигглер. — Сказала, сын усопшего прилетит с другого конца света и захочет сделать папе все как надо. Сделать как надо, а не просто «показать, что готов».

— Ладно, — сказал Толстый Чарли. — Ясно.

Усек.

Сняв пиджак, он повесил его на забор. Распустил галстук, стащил его через голову и затолкал в карман пиджака. А потом начал кидать лопатой в открытую могилу глину и черную землю, а кругом дрожал от жара густой, как похлебка, воздух Флориды.

Некоторое время спустя заморосило, только дождь все не мог решить, пойти ему или нет. Когда едешь под таким в машине, никак не можешь понять, включать ли дворники. А когда под таким работаешь лопатой, то просто еще больше потеешь, сыреешь и тебе становится еще больше не по себе. Чарли все копал, миссис Хигглер стояла, скрестив руки на колоссальной груди, а почти дождь туманом обволакивал ее черное платье и соломенную шляпу с одинокой шелковой розой.

Земля и глина раскисли и превратились в грязь. Стали еще более тяжелыми.

Прошла, казалось бы, целая жизнь (и притом не слишком приятная), но, наконец, Толстый Чарли прихлопал лопатой последнюю горсть земли.

Миссис Хигглер подала ему пиджак, который сняла с забора.

— Ты промок до нитки, вспотел и перепачкался, но, кажется, повзрослел. Добро пожаловать до-

мой, Толстый Чарли, — сказала она, улыбнулась и прижала к необъятной груди.

— Я не плачу, — ответил Толстый Чарли.

— Ну же, ну, — сказала миссис Хигглер.

— Это дождь у меня на лице, — объяснил Толстый Чарли.

Миссис Хигглер молчала. Просто обнимала его и раскачивалась из стороны в сторону, и некоторое время спустя Толстый Чарли сказал:

— Все в порядке. Мне уже лучше.

— Еда у меня в доме, — сказала миссис Хигглер. — Давай тебя накормим.

На стоянке он вытер грязь с ботинок, потом сел в свою серую арендованную машину и последовал за седаном (ужасного брюквенного цвета) миссис Хигглер по улицам, которых двадцать лет назад вообще не существовало. Миссис Хигглер водила как человек, который только что обнаружил, что где-то впереди его ждет вожделенная огромная кружка свежесваренного кофе, поэтому Чарли изо всех сил старался не отставать, несся от светофора к светофору и при этом пытался сообразить, где, собственно, находится.

А потом они свернули на какую-то улицу, и со все растущим дурным предчувствием Чарли понял, что узнает ее. На этой улице он жил

ребенком. Даже дома выглядели более-менее знакомыми, хотя у многих перед палисадниками выросли внушительные заборы из стальной сетки.

Перед домом миссис Хигглер уже стояло несколько машин. Толстый Чарли пристроился за престарелым «фордом». Подойдя к входной двери, миссис Хигглер открыла ее ключом.

Чарли оглядел свой грязный, пропотевший костюм.

— Не могу же я войти в таком виде.

— Я видела и похуже, — сказала миссис Хигглер. Потом потянула носом воздух. — Вот что я тебе скажу: отправляйся прямиком в ванную, там можешь помыть лицо и руки, привести себя в порядок, а когда будешь готов, приходи к нам на кухню.

Толстый Чарли послушно направился в ванную. Там от всего пахло жасмином. Сняв грязную рубашку, он намылил лицо и руки жасминовым мылом над крохотной раковиной. Намочив махровую варежку, вытер себе грудь и как мог отскоблил комья грязи с брюк. Потом посмотрел на рубашку, которую утром надел белой и которая теперь стала редкого оттенка бурой глины, и решил от нее отказаться. В дорожной сумке у

него есть свежие, но сумка на заднем сиденье машины. Лучше просто выскользнуть через черный ход, надеть чистую рубашку и тогда можно будет предстать перед собравшимися на поминки.

Отперев дверь ванной, он ее толкнул.

В коридоре стояли, уставившись на него во все глаза, четыре старушки.

— Что это ты задумал? — спросила миссис Хигглер.

— Сменить рубашку, — отчеканил Толстый Чарли. — В машине рубашка. Да. Скоро вернусь.

Задрав подбородок, он решительно зашагал по коридору к входной двери.

— На каком это языке он говорит? — громко спросила у него за спиной миниатюрная миссис Дунвидди.

— Не каждый день такое увидишь, — сказала миссис Бустамонте, — хотя на Берегу Сокровищ во Флориде что ни день видишь десятки полуголых мужчин и не обязательно в грязных брюках от делового костюма.

Сменив возле машины рубашку, Толстый Чарли вернулся в дом. Старушки на кухне деловито складывали в пластиковые контейнеры остатки, судя по всему, обильного угощения.

Миссис Хигглер была старше миссис Буста-

монте, и обе — старше миссис Ноулс, но моложе миссис Дунвидди. Миссис Дунвидди была старой и выглядела на свои годы. Наверное, существовали геологические эпохи и помладше миссис Дунвидди.

Мальчиком Толстый Чарли воображал себе, как в Экваториальной Африке миссис Дунвидди неодобрительно щурится сквозь толстые линзы очков на едва научившихся ходить гоминидов. «Держись подальше от моего сада, — говорит она едва эволюционировавшему и сильно нервничающему австралопитеку, — не то получишь основательный нагоняй, уж ты мне поверь». От миссис Дунвидди пахло фиалковой водой, за которой чудился запах очень и очень старой женщины. Эта крошечная старушка умела укротить взглядом грозу, и Толстый Чарли, который два десятилетия назад забрался к ней в сад за потерявшимся теннисным мячиком и разбивший украшение ее газона, все еще до смерти ее боялся.

В настоящий момент миссис Дунвидди руками ела куски козлятины в карри из миски.

— Жалко выбрасывать, — объяснила она и положила обсосанные косточки на фарфоровое блюдце.

— Пора тебе поесть, да, Толстый Чарли? — спросила миссис Ноулс.

— Я не голоден. Честное слово.

Четыре пары глаз укоризненно уставились на него поверх четырех пар очков.

— Нет смысла морить себя голодом от горя, — сказала, облизывая пальцы, миссис Дунвидди и выловила еще кусок жирной коричневой козлятины.

— Я не голоден. Просто не голоден. Вот и все.

— Тоска съест тебя изнутри, останутся только кожа да кости, — с мрачным наслаждением сказала миссис Ноулс.

— Сомневаюсь.

— Я тебе много вкусненького припасла. Вон на том столе тарелка стоит, — сказала миссис Хигглер. — Пойди поешь. И больше ни слова. Всего осталось вдоволь, так что не беспокойся.

Толстый Чарли сел, куда сказано, и через минуту перед ним оказалась тарелка, доверху заполненная тушеным горошком и рисом, сладким картофельным пудингом, вяленой свининой, козлятиной и курицей в карри, жареными бананами и маринованной говядиной. Толстый Чарли уже почувствовал приближение изжоги, а ведь еще и куска не проглотил.

— Где все остальные? — спросил он.

— Собутыльники твоего папы пошли пить. Они собираются устроить большую рыбалку с моста в его память. — Миссис Хигглер вылила остатки кофе из своей ведерной походной кружки в раковину, чтобы заменить его дымящейся жидкостью из недавно выкапавшей свое кофеварки.

Дочиста облизав пальцы розовым язычком, миссис Дунвидди прошаркала к столу, где над нетронутой тарелкой сидел Толстый Чарли. Маленьким мальчиком Толстый Чарли искренне верил, что миссис Дунвидди ведьма. И не симпатичная, а такая, которую приходится посадить в печку, чтобы сбежать. Сегодня он увидел ее впервые за двадцать лет и тем не менее с трудом подавил отчаянное желание с визгом забиться под стол.

— Я видела уйму смертей, — сказала миссис Дунвидди. — За мои-то годы. Поживи с мое, своими глазами увидишь. Все однажды умрут, только дайте время. — Она помолчала. — Однако… Никогда бы не подумала, что такое случится с твоим папой. — Она покачала головой.

— Каким он был? — спросил Толстый Чарли. — Когда был молодым?

Миссис Дунвидди поглядела на него через

толстые, очень толстые линзы и, поджав губы, покачала головой.

— Меня тогда еще не было, — сказала она. — Ешь свою говядину.

Вздохнув, Толстый Чарли взялся за еду.

Сгущались сумерки, все разошлись.

— Где ты собираешься ночевать? — спросила миссис Хигглер.

— Сниму комнату в мотеле, наверное.

— Когда у тебя есть отличная спальня здесь? И отличный дом в квартале отсюда? Ты его еще даже не видел. Думаю, твой отец хотел бы, чтобы ты там остановился.

— Я бы предпочел мотель. Мне не по себе при мысли о том, чтобы спать в отцовском доме.

— Ну, не я деньги на ветер выбрасываю, — пожала плечами миссис Хигглер. — Тебе ведь еще надо решить, что с ним делать. И с его вещами.

— Мне все равно, — ответил Толстый Чарли. — Устроим распродажу. Выставим их на аукцион в Интернет. Свезем на свалку.

— Это что еще за глупости? — вскинулась старуха.

Порывшись в ящиках буфета, она достала ключ от входной двери с большой бумажной биркой.

— Перед переездом он оставил мне запасной

ключ, — сказала она. — На случай, если свой потеряет, или запрется изнутри, или еще что-нибудь. Он говаривал, что голову потерял бы, не будь она прикреплена к шее. Продавая свой прошлый дом, он сказал: «Не волнуйся, Каллианна, далеко я не уеду». И ведь в том доме он жил, сколько я себя помню, а потом вдруг решил, что он для него слишком велик и что нужно переезжать.

Не переставая говорить, она вывела Толстого Чарли к брюквенному седану, на котором они проехали несколько улиц, пока не добрались до одноэтажного деревянного домика.

Миссис Хигглер отперла дверь, и они вошли.

Пахло знакомым: смутно сладким, будто, когда кухней пользовались в последний раз, здесь пекли шоколадное печенье, но было это давным-давно. Еще тут было слишком жарко. Миссис Хигглер толкнула дверь в маленькую гостиную и включила встроенный в окно кондиционер. Кондиционер загремел и затрясся, и стал гонять теплый воздух, запахло мокрой псиной.

Вокруг дивана, который Толстый Чарли помнил с детства, горами лежали книги, на столике стояли фотографии в рамках. На одной, черно-белой, — мама Толстого Чарли, когда была молодой: черные блестящие волосы уложены в высокую

прическу, Платье с блестками. Рядом фотография самого Толстого Чарли в возрасте пяти-шести лет возле зеркальной двери: на первый взгляд казалось, с фотографии смотрят два маленьких серьезных мальчика.

Толстый Чарли взял наугад книгу из стопки — это оказалась монография По итальянской архитектуре.

— Он увлекался итальянской архитектурой?

— Да. Страстно.

— Я не знал.

Пожав плечами, миссис Хигглер отпила кофе. Открыв обложку, Толстый Чарли увидел имя отца, аккуратно выведенное на первой странице. И закрыл книгу.

— Я его по-настоящему и не знал.

— Его не так легко было понять, — сказала миссис Хигглер. — Я была знакома с ним… сколько? Почти шестьдесят лет? И я его не знала.

— Вы, наверное, познакомились, когда он был мальчиком.

Миссис Хигглер помедлила, как будто что-то вспоминала, потом очень тихо произнесла:

— Я познакомилась с ним, когда была девочкой. Толстый Чарли счел, что пора сменить тему, поэтому указал на фотографию матери:

— У него тут мамина фотография.

Старуха с шумом отхлебнула кофе.

— Снимал на лодке, — сказала она. — Еще до твоего рождения. Были такие яхты, на которых можно пообедать, а потом тебя увозили мили на три, за пределы территориальных вод, и там по-крупному играли на деньги. Потом возвращались. Не знаю, ходят ли еще такие. Твоя мать говорила, что тогда она впервые попробовала стейк.

Толстый Чарли постарался представить себе, какими были родители до его рождения.

— Он всегда был представительным мужчиной, — задумчиво продолжала миссис Хигглер, точно прочла его мысли. — До самого конца. У него была такая улыбка, от которой девушке хотелось расправить плечи. И он всегда отлично одевался. Все дамы его любили.

Ответ Толстый Чарли знал еще до того, как задал вопрос:

— И вы?..

— Разве респектабельной вдове задают такие вопросы? — Она отпила кофе. Толстый Чарли ждал ответа. — Однажды я его поцеловала. Давно, давным-давно, до того, как он встретил твою мать. Он хорошо, так хорошо умел целоваться. Я

надеялась, что он позвонит, снова поведет меня на танцы, а он пропал. Отсутствовал… сколько? Год? Два? А к тому времени, когда вернулся, я уже была замужем за мистером Хигглером, а он привез твою мать. Встретил ее на островах.

— Вы расстроились?

— Я была замужней женщиной. — Еще глоток кофе. — И к тому же его невозможно было ненавидеть. Даже по-настоящему на него сердиться. И то, как он на нее смотрел… Проклятие, если бы он хоть когда-нибудь посмотрел так на меня, я умерла бы счастливой. Знаешь, это ведь я была замужней подругой невесты на свадьбе твоей матери.

— Я не знал…

Теперь кондиционер начал с ревом выплевывать холодный воздух. Но от него все равно пахло мокрой псиной.

— Как по-вашему, они были счастливы? — спросил Толстый Чарли.

— Вначале. — Она подняла огромную кружку-термос, как будто собралась отпить еще, но передумала. — Вначале. Но даже она не смогла надолго удержать его при себе. У него было столько дел. Твой отец был очень занятым человеком.

Толстый Чарли попытался определить, шутит

миссис Хигглер или нет, но так и не смог. Однако она не улыбнулась.

— Столько дел? Каких, например? Рыбачить с моста? Играть в домино на веранде? Ждать неизбежного изобретения караоке? Он не был занятым человеком. Сомневаюсь, что за все то время, что я его знал, он хотя бы день работал.

— Тебе не следует говорить так про отца.

— Но это же правда! Он был никчемным. Скверным мужем и скверным отцом.

— И что с того! — с нажимом сказала миссис Хигглер. — Его нельзя судить по тем же меркам, что и обычного человека. Надо помнить, Толстый Чарли, твой отец был богом.

— Богом среди людей?

— Нет. Просто богом. — Она произнесла это совершенно буднично и так нормально, как если сказала бы: «у него был диабет» или просто «он был негром».

Толстому Чарли хотелось обратить все в шутку, но в глазах у миссис Хигглер он увидел нечто такое, что все остроты вылетели у него из головы. Поэтому он только негромко сказал:

— Он не был богом. Боги особенные. Мифические. Они творят чудеса и так далее.

— Верно, — согласилась миссис Хигглер. — По-

ка он был жив, мы бы тебе не сказали, но теперь, когда его нет, вреда от этого не будет.

— Он не был богом. Он был моим папой.

— Можно быть и тем, и другим, — пожала плечами старуха. — Такое случается.

Словно споришь с сумасшедшей, подумал про себя Чарли, а потом сообразил, что надо бы просто заткнуться, но его язык продолжал молоть сам по себе. Как раз сейчас он выдал:

— Да ладно вам! Ведь будь мой отец богом, у него были бы божественные силы.

— И были. Правда, он редко ими пользовался. Но он был старым. А как еще, по-твоему, ему удавалось не работать? Всякий раз, когда требовались деньги, он играл в лотерею или ехал в Холлендейл и там ставил на лошадиных или на собачьих бегах. Никогда не выигрывал помногу, чтобы не привлекать внимания. Ровно столько, чтобы перебиться.

Толстый Чарли никогда в жизни ничего не выигрывал. Вообще ничего. В различных офисных тотализаторах можно было смело рассчитывать, что его лошадь вообще не выйдет на старт или что его команду отправят в какой-нибудь доселе неслыханный дивизион на задворках цивилизованного спорта. Неудачи оставляли о себе

неприятный осадок.

— Если мой отец был богом, а должен сказать, что я ни в коей мере с этим не согласен, то почему я не бог? Вы ведь пытаетесь сказать, что я сын бога, да?

— По всей очевидности.

— Тогда почему у меня не получается выигрывать на скачках или творить чудеса?

Она шмыгнула носом.

— Все хорошее досталось твоему брату.

Тут Толстый Чарли поймал себя на том, что улыбается. И вздохнул с облегчением. Значит, она все-таки шутит.

— Ага. Только ведь у меня нет брата, миссис Хигглер.

— Конечно, есть. Вон там вы с ним вместе сфотографированы.

Хотя он прекрасно знал, что увидит, Толстый Чарли все же перевел взгляд на фотографию. Старуха определенно помешалась. Стопроцентно.

— Миссис Хигглер, — как можно мягче сказал он, — это я… Просто я ребенком. На фотографии я стою возле зеркальной двери. Это я и мое отражение.

— Да, но еще это твой брат.

— У меня никогда не было брата.

— Конечно, был. И я по нему не скучаю. Из вас двоих ты всегда был хорошим. А от него, пока он жил здесь, были одни только беды. — И прежде чем Толстый Чарли успел хоть что-нибудь вставить, старуха добавила: — Он уехал, когда ты был совсем маленьким.

Толстый Чарли подался вперед и своей лапищей накрыл костлявую ручку миссис Хигглер, ту, в которой не было кружки с кофе.

— Это не так, — сказал он.

— Луэлла Дунвидди заставила его уехать, — не унималась старуха. — Он ее боялся. Но все равно возвращался время от времени. Умел очаровывать, когда хотел. — Она допила кофе.

— Мне всегда хотелось иметь брата, — потерянно протянул Толстый Чарли.

Миссис Хигглер встала.

— Этот дом сам себя не уберет, — сказала она. — У меня в багажнике есть мусорные мешки. Нам, пожалуй, понадобится уйма мусорных мешков.

— Да, — согласился Толстый Чарли.

Ночь он провел в мотеле. Утром они встретились в доме его отца и стали собирать хлам в большие черные мусорные мешки. Вскоре в коридоре выстроились пакеты с вещами, которые предстояло отдать на благотворительность. А еще

появилась коробка с мелочами, которые Толстый Чарли хотел оставить на память, в основном фотографии детских лет и до его рождения.

Тут был старый ларь, похожий на пиратский сундук для сокровищ, набитый документами и старыми бумагами. Устроившись рядом с ним на полу, Толстый Чарли взялся их разбирать. Из спальни с очередным набитым поеденной молью одеждой мешком вышла миссис Хигглер.

— Этот сундук твой брат ему подарил, — ни с того ни сего сказала она.

Так она впервые коснулась своих вчерашних фантазий.

— Жаль, что у меня не было брата, — отозвался Толстый Чарли и сам не понял, что сказал, пока не услышал:

— Я же говорила. У тебя есть брат.

— Ну и где мне искать этого мифического брата?

Позднее он не раз будет спрашивать себя, что толкнуло его на этот вопрос. Потакал ли он помешавшейся женщине? Подтрунивал ли над ней? Или просто надо было как-то заполнить повисшую паузу?

Пожевав нижнюю губу, старуха кивнула.

— Да. Тебе нужно знать. Это твое наследие. Твоя

кровь. Подойди поближе.

Она поманила его узловатым пальцем.

Толстый Чарли нагнулся. Губы старухи коснулись его уха, когда она прошептала:

— …нужда в нем… попроси…

— Что?

— Я сказала, — обычным голосом произнесла она, — что если у тебя возникнет нужда в нем, просто попроси паука. И он мигом прибежит.

— Попросить паука?

— А я что сказала? Ты что, думаешь, я для моциона разговариваю? Упражняю легкие? Никогда не слышал про то, как говорят с пчелами? Когда я была девочкой на Сан Андреасе, до того, как мои родные переехали сюда, пчелам рассказывали все хорошие новости. Так это и происходит. Скажи пауку. Я так посылала сообщения твоему отцу, когда он исчезал.

— Ну ладно…

— И не говори таким тоном «ну ладно».

— Каким?

— Точно я выжила из ума. Ты думаешь, я не знаю, что к чему?

— М-м-м. Уверен, что знаете. Честное слово.

Но миссис Хигглер не смягчилась. Даже отходить не начала. Взяв со стола кружку, она с

обиженным видом прижала ее к груди. Вот теперь Толстый Чарли своего добился, и миссис Хигглер твердо вознамерилась ему это показать.

— Я ничего такого делать не обязана, сам знаешь, — сказала она. — И помогать тебе тоже. Я делаю это только ради твоего отца, потому что он был особенный, и ради матери, потому что она была хорошей женщиной. Я тебе серьезные вещи говорю, важные вещи. Тебе бы следовало меня послушать. Тебе бы следовало мне поверить.

— Я вам верю, — насколько мог убедительно сказал Толстый Чарли.

— А теперь ты только потакаешь старухе.

— Нет, — солгал он. — Честно-пречестно.

В его словах звенела искренность. Его занесло за тысячу миль от дома, в дом покойного отца, к сумасшедшей старухе на грани апоплексического удара. Он признал бы, что луна — это необычный тропический плод, лишь бы ее успокоить.

Миссис Хигглер шмыгнула носом.

— Беда с вами, молодежью, — сказала она. — Вы думаете, будто все знаете, а сами только вчера на свет родились. Да я за свою жизнь забыла больше, чем ты когда-либо знал. Ты ничегошеньки не знаешь о своем отце, ты ничегошеньки не знаешь о своей семье. Я сказала, что твой отец бог, а ты

даже не спросил, какой именно.

Толстый Чарли порылся в памяти, стараясь вспомнить имена каких-нибудь богов.

— Зевс? — рискнул он.

Миссис Хигглер издала странный придушенный звук, точно чайник, подавляющий в себе желание закипеть. И Толстому Чарли осталось только признать свое поражение.

— Купидон?

Она издала новый звук, который начался как возмущенный треск, а закончился хихиканьем.

— Так и представляю себе, как твой папочка разгуливает в пушистых памперсах с огромным луком и стрелой.

Она опять захихикала и едва не поперхнулась кофе.

— В стародавние времена, когда он был богом, его звали Ананси.

Вы скорее всего знаете кое-какие сказки про Ананси. Наверное, нет на свете людей, которые не знали бы каких-нибудь историй про Ананси.

Когда мир был молод и все истории рассказывались впервые, Ананси был пауком. Он попадал в разные переплеты и всегда из них выпутывался. Знаете сказку о Смоляном Чучелке, которую обычно рассказывают про Братца Кролика? Изна-

чально это была история про Ананси. Кое-кто считает его кроликом. Но они ошибаются. Он не был кроликом. Он был пауком.

Истории про Ананси живут с тех пор, как люди рассказывают друг другу сказки. В далекой Африке, где все начиналось, когда люди еще не рисовали на скалах пещерных львов и медведей, уже тогда они рассказывали истории — про обезьян и львов и про бизонов. Людей всегда тянуло к великим историям, уводящим в мечту. Так они наделяли свой мир смыслом. Все, кто бегает, ползает, летает и качается на ветках, оказались в этих сказках, и различные племена почитали различных существ.

Уже тогда Лев был царем зверей, а Газель — самой быстроногой, Обезьяна — самой глупой, Тигр — самым ужасным, но людям хотелось слушать истории не про них. Им хотелось веселья и смеха.

Ананси дал имя историям. Всякая сказка, всякая песня — про него. В незапамятные времена все они принадлежали Тигру (так люди островов называли любых крупных хищных кошек), и эти сказки были мрачными и злыми, полными боли и неизменно плохо кончались. Но так было давным-давно. Сегодня все истории принадлежат

Ананси.

А поскольку мы только что были на похоронах, давайте я расскажу вам историю про Ананси и про то, как умерла его бабушка. (Ну да, она была очень, очень старой женщиной и почила во сне. Такое случается.) Она умерла вдали от дома, поэтому Ананси прошел через весь остров с тележкой, поднял тело бабушки, посадил его в тележку и покатил домой. Он собирался похоронить ее под большим баньяновым деревом за своей хижиной.

Так вот, проходит он через город, а ведь тележку пришлось толкать все утро, и думает: «Мне нужно выпить виски». Идет он в лавку, так как в этом городке есть лавка и там продается все, что только душа пожелает, но у лавочника очень скверный характер. Так вот, Ананси заходит и заказывает стакан виски. Потом еще стакан, и еще и думает: «Сыграю-ка я шутку с этим малым». «Эй, — говорит он лавочнику, — пойди отнеси виски моей бабушке, она спит в тележке на дворе. Возможно, тебе придется ее разбудить, ведь она спит крепко». Лавочник идет на двор, подходит с бутылкой к тележке и говорит старушке: «Эй, вот твой виски», — но старушка ничего ему не отвечает. А лавочник сердится все больше и больше,

ведь у него такой скверный характер. Он говорит: «Вставай, старуха, просыпайся и пей свой виски!» Но старушка все не отвечает. И вдруг делает то, что делают иногда мертвецы на жаре: громко пускает ветер. А лавочник, осерчав на старушку, которая пустила на него ветер, ее ударил, потом другой раз и третий, да так, что она выпала из тележки на землю.

Тут Ананси выбегает из лавки и начинает вопить, и плакать, и голосить: «Ах моя бабушка! Она мертва! Посмотри, что ты наделал! Убийца! Злодей!» Тогда лавочник просит Ананси: «Только не говори никому», — и дает Ананси пять бутылок виски, и кошель золота, и мешок бананов, ананасов и манго, лишь бы он поскорее убрался со своей бабушкой и тележкой. (Понимаете, он-то думает, что убил бабушку Ананси.)

Так вот, Ананси катит тележку домой и закапывает бабушку под большим баньяновым деревом.

На следующий день идет мимо дома Ананси Тигр и чует запах готовящейся еды. Поэтому он входит туда незваный и видит, как Ананси пирует, а у Ананси нет выбора, только пригласить Тигра разделить с ним трапезу.

«Братец Ананси, — говорит Тигр, — говори, где

ты взял эту прекрасную еду, и не лги мне. И где ты взял эти бутылки с виски и кошель с золотыми монетами? Если солжешь, я вырву тебе горло!»

А Ананси отвечает: «Я не могу лгать тебе, Братец Тигр. Все это добро я получил за то, что повез мою мертвую бабушку в город. И лавочник дал мне все это добро за то, что я привез ему мою мертвую бабушку».

Но у Тигра нет ни живой, ни мертвой бабушки, зато у его жены есть мать, поэтому он идет домой и вызывает к себе на двор мать жены, говоря: «Выходи, бабушка, так как нам надо поговорить». И она выходит, оглядывается подозрительно по сторонам и спрашивает: «В чем дело?» Ну, Тигр ее убивает, хотя его жена ее любит, и кладет ее тело в тележку.

Потом привозит тележку в городок, а на тележке его мертвая теща. «Кому тут мертвое тело? — кричит он. — Кому нужна мертвая бабушка?» Но все только потешаются над ним, смеются и издеваются, а поняв, что он говорит серьезно и никуда не уйдет, начинают забрасывать его гнилыми плодами, так что ему приходится убегать, поджав хвост.

Так Ананси не в первый раз выставил Тигра дураком, и не в последний. Жена Тигра не дает

ему забыть, что он убил ее мать. Бывают дни, когда Тигр думает, что лучше бы ему вообще не родиться на свет.

Вот вам типичная история про Ананси.

Конечно, ведь любые истории принадлежат Ананси.

В стародавние времена все звери хотели, чтобы сказки называли в их честь. Это было в те дни, когда песни, которыми творился мир, еще пелись, в те дни, когда еще выпевали небо, и радугу, и океан, в те дни, когда звери были людьми, а не только животными. И паучок Ананси одурачивал всех, особенно Тигра, потому что хотел, чтобы все истории назвали его именем.

Сказки — как пауки: у них длинные ноги. Сказки — как паутина, в которой запутывается человек, но которая так красива, когда рассматриваешь, как изящно сплетаются ниточки над листком, как драгоценными каплями блестит на них утренняя роса.

В чем дело? Хотите знать, выглядел ли Ананси как паук? Конечно, выглядел — кроме тех случаев, когда выглядел как человек.

Нет, он никогда не менял облик. Все дело в том, как рассказывать историю. Ни в чем больше.

Глава третья, в которой происходит воссоединение семьи

Толстый Чарли улетел домой в Англию, во всяком случае, к тому дому, какой у него вообще имелся. Когда с чемоданчиком и большой, оклеенной скотчем картонной коробкой он прошел через таможню, то увидел в зале ожидания Рози. Она крепко его обняла.

— Как прошло?

Он пожал плечами:

— Могло быть и хуже.

— Теперь тебе незачем волноваться, что он приедет на свадьбу и поставит тебя в неловкое положение.

— Это точно.

— Мама говорит, в знак уважения нам следует отложить свадьбу на несколько месяцев.

— Твоя мама просто хочет, чтобы мы отложили свадьбу, и точка.

— Ерунда. Она считает тебя завидной партией.

— Твоя мать не назвала бы «завидной партией» Брэда Питта, Билла Гейтса и принца Уильяма в

одном лице. На свете нет человека, достойного стать ее зятем.

— Ты ей нравишься, — как послушная дочь и без тени убежденности сказала Рози.

Ни для кого не секрет, что Толстый Чарли не нравился ее маме. Мама Рози казалась клубком нервов, натянутых из-за невесть откуда взявшихся предрассудков, фобий и враждебности. Она жила в великолепной квартире на Уимпол-стрит, где в гигантском холодильнике прозябали лишь бутылки с витаминизированной водой и ржаные хлебцы. В вазах на антикварных сервантах возлежали восковые фрукты, с которых дважды в неделю сметали пыль.

При первом своем посещении этой квартиры Толстый Чарли один такой надкусил. Он крайне нервничал и, не зная, чем занять руки, взял яблоко (крайне реалистичное, надо сказать) и его надкусил. Рози, гримасничая, подавала ему отчаянные знаки. Выплюнув в руку кусок воска, Толстый Чарли подумал, не сделать ли вид, что он любит восковые фрукты, или, может, лучше изобразить, что с самого начала знал, что оно искусственное, и лишь хотел рассмешить. Однако мать Рози подняла бровь, забрала у него остатки яблока и отрывисто объяснила, сколько

стоят сейчас настоящие восковые фрукты, если вообще удается их найти, а после бросила объедки в корзинку для мусора. Остаток визита он просидел на краешке дивана, вкус во рту у него был такой, словно он съел свечку, а мать Рози не спускала с него глаз, дабы он не посмел отведать еще какой-нибудь из ее драгоценных плодов или попытаться обглодать ножку чиппендейловского стула.

На сервантах в квартире матери Рози стояли большие цветные фотографии в серебряных рамках: Рози ребенком, родители Рози. Толстый Чарли внимательно их изучил, стараясь отыскать разгадку великой тайны, которой являлась сама Рози. Ее отец, который умер, когда Рози не исполнилось и пятнадцати, был огромным толстяком. Начинал он как повар, потом выбился в шеф-повара и, наконец, открыл собственный ресторан. Фотографии запечатлели его элегантным, одетым с иголочки, точно перед каждым снимком над ним потрудился целый отдел дорогого мужского магазина, он был круглым и улыбчивым и локоть держал согнутым, чтобы мать Рози могла положить на сгиб руку.

— Он изумительно готовил, — сказала Рози.

На фотографиях мать Рози была соблазнитель-

ной и улыбчивой. Теперь, двенадцать лет спустя, она походила на исхудавшую до скелета актрису Эрту Китт, и Толстый Чарли ни разу не видел на ее лице улыбки.

— Твоя мама что, вообще никогда не готовит? — спросил после того первого визита Толстый Чарли.

— Не знаю. Никогда такого не видела.

— Чем же она питается? Не может же она жить на хлебцах и воде.

— Наверное, заказывает что-нибудь на дом.

Толстый Чарли решил, что уж скорее мама Рози вылетает по ночам летучей мышью, чтобы сосать кровь у спящих младенцев. Однажды он изложил эту теорию Рози, но она не увидела в ней ничего смешного.

Мать Рози сказала дочери: мол, уверена, Чарли женится на ней ради денег.

— Каких денег? — спросила Рози.

Мать обвела рукой квартиру, охватив этим жестом восковые фрукты, антикварную мебель и картины на стенах, и поджала губы.

— Но это же все твое! — пылко возразила Рози.

Она ведь жила на зарплату, работая в одном лондонском благотворительном обществе. А зарплата у нее была маленькая, поэтому Рози то и

дело залезала в деньги, которые отец оставил ей по завещанию. Так удавалось оплачивать скромную квартирку, которую Рози делила с чередой австралиек и новозеландок, и на подержанный «фольксваген-гольф».

По дороге к дому Толстого Чарли Рози решила, что надо сменить тему.

— У меня отключили воду. Во всем здании.

— Это почему?

— Из-за миссис Клингер этажом ниже. Она заявила, мол, что-то подтекает.

— Скорее всего сама миссис Клингер.

— Чарли!!! А потому, ну… Можно мне сегодня принять ванну у тебя?

— Тебе потереть спинку?

— Чарли!!!

— Ладно, ладно. Нет проблем.

Не отводя глаз от багажника идущей впереди машины, Рози вдруг сняла руку с рычага передач и сжала лапищу Толстого Чарли.

— Мы и так скоро поженимся, — улыбнулась она.

— Знаю, — отозвался Толстый Чарли.

— И тогда у нас на все будет уйма времени, верно?

— Уйма, — согласился Толстый Чарли.

— Знаешь, что сказала однажды мама? — спросила Рози.

— М-м-м. Снявши волосы, по голове не плачут?

— Вовсе нет. Она сказала, что если бы в первый год своего брака семейная пара клала по монетке в банку всякий раз, когда занимается любовью, и вынимала по монетке всякий раз, когда занимается любовью в последующие годы, то банка никогда не опустела бы.

— Иными словами…

— Интересно, правда? Приеду в восемь с моим резиновым утенком. Как у тебя с полотенцами?

— Э-э-э…

— Понятно, привезу свои.

Толстый Чарли сомневался, что наступит конец света, если случайная монетка упадет в банку до того, как они свяжут себя узами и разрежут пирог, но у Рози было собственное мнение на этот счет, и делу конец. Банка оставалась совершенно пустой.

Есть один минус в раннем возвращении домой после краткой отлучки: если прибываешь утром, не знаешь, чем занять остаток дня.

Толстый Чарли был из тех, кто предпочитает работать. Лежание на диване под «Обратный отсчет» по телевизору неизменно напоминало

ему о тех периодах, когда он вливался в братство безработных. Вот и сейчас он решил, что самым разумным будет вернуться на работу на день раньше. В олдвичском офисе «Агентства Грэхема Хорикса» на пятом и самом верхнем этаже он снова почувствует себя в центре событий. Будут интересные разговоры с коллегами в комнате отдыха. Все прелести жизни развернутся перед ним, величественные в своем многообразии, неумолимые и упорные в своей деловитости. Ему будут рады.

— Тебя же ждали только завтра, — неласково сказала секретарша Энни, увидев на пороге Толстого Чарли. — Я всем объясняла, что до завтра тебя не будет. Тебе столько звонили. — Похоже, ее это совсем не радовало.

— Не смог удержаться.

— То-то и видно, — фыркнула она. — Свяжись с Мэв Ливингстон. Она каждый день звонит.

— Я думал, ею занимается сам Грэхем Хорикс.

— Ну, кажется, он передал ее тебе. Подожди минутку. — И она снова отвлеклась на телефонный звонок.

Грэхема Хорикса всегда называли по имени и фамилии. Никаких мистеров Хориксов. Никакого дружеского Грэхем. Это было его агентство, оно

представляло знаменитостей и брало свой процент за честь, какую оказывало, их представляя.

Толстый Чарли прошел в свой кабинет, крошечную комнатенку, которую делил с несколькими каталожными шкафами. На экране его компьютера красовалась желтая самоклеющаяся бумажка с «Зайдите ко мне. Г.Х.», поэтому он отправился по коридору к громадному кабинету Грэхема Хорикса. Дверь была закрыта. Толстый Чарли постучал, а потом, неуверенный, раздалось из-за нее что-нибудь или нет, толкнул дверь и просунул в щель голову.

В комнате было пусто. Там вообще никого не было.

— Э-э-э… привет, — позвал вполголоса Толстый Чарли.

Ответа не последовало. Однако в кабинете царил беспорядок: книжный шкаф был отодвинут от стены под странным углом, и из-за него доносились какие-то удары — словно бы молотком.

Как можно тише прикрыв дверь, Толстый Чарли вернулся за свой стол.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку.

— Грэхем Хорикс на проводе. Зайдите ко мне.

На сей раз Грэхем Хорикс сидел за письменным столом, а шкаф был прижат к стене. Сесть

Толстому Чарли не предложили. Грэхем Хорикс был средних лет человеком с очень светлыми редеющими волосами. Если бы при виде Грэхема Хорикса вам на ум пришел хорек-альбинос в дорогом костюме, вы были бы недалеки от истины.

— Вернулись, как вижу, — сказал Грэхем Хорикс. — М-да.

— Да, — согласился Толстый Чарли, а потом, поскольку Грэхем Хорикс как будто не спешил обрадоваться его раннему возвращению, добавил: — Извините.

Грэхем Хорикс поджал губы, вперился в какую-то бумагу у себя на столе, снова поднял глаза.

— Мне дали понять, что до завтрашнего дня вы не вернетесь. Рановато явились, а?

— Мы… я хотел сказать, я… уже утром прилетел. Из Флориды. И решил прийти. Уйма дел. Покажу, что готов работать. Если вы не против.

— Абсо-ненно, — отозвался Грэхем Хорикс. От этого слова (лобового столкновения «абсолютно» и «несомненно») на руках у Толстого Чарли всегда выступали мурашки. — Это же ваши похороны.

— На самом деле моего отца.

Дернулась хоречья шея.

— И все равно вы использовали один из дней на больничные.

— Верно.

— Мэв Ливингстон. Обеспокоенная вдова Морриса. Нуждается в утешении. Красивые слова и златые горы. Рим не за один день строился. Процесс улаживания дел Морриса Ливингстона и передачи ей средств идет своим чередом. Звонит мне чуть ли не каждый день и плачется в жилетку. С сего дня передаю это задание вам.

— Ладно, — откликнулся Толстый Чарли. — Итак, э-э-э… Кто рано встает, тому Бог подает.

— Что ни день, то шиллинг, — погрозил пальцем Грэхем Хорикс.

— Ни отдыху ни сроку? — предложил Толстый Чарли.

— Приналечь, — согласился Грэхем Хорикс. — Приятно было поболтать. Но у нас обоих полно работы.

Было что-то в обществе Грэхема Хорикса, заставлявшее Толстого Чарли: а) говорить штампами и б) мечтать о черных вертолетах «сикорски», которые сперва открыли бы огонь, а потом сбросили бы ведра пылающего напалма на офисы «Агентства Грэхема Хорикса». В этих снах наяву Толстый Чарли в офисе отсутствовал. Он сидел на террасе маленького кафе в другом конце Олдрича, попивал кофе с пенкой и временами кричал «ура»

особо меткому попаданию ведра с напалмом.

А потому предположив, что нынешняя работа Толстому Чарли не нравилась, вы не ошиблись бы. Толстый Чарли умел обращаться с цифрами, что давало ему работу, но слишком стеснялся указывать, чем именно он занимается и как много на самом деле делает. Повсюду вокруг Толстого Чарли другие неостановимо поднимались на положенные им уровни некомпетентности, а он оставался на ступени испытательного срока, помогая вертеться колесикам до того дня, когда снова вступал в ряды безработных и опять начинал смотреть дневные программы по телевизору. Периоды безделья не затягивались надолго, но за последние десять лет случались слишком часто, и потому Толстый Чарли ни на одной работе не чувствовал себя комфортно. Однако он не воспринимал это как личное оскорбление.

Он позвонил Мэв Ливингстон, вдове Морриса Ливингстона, в прошлом самого известного йоркширского комика в Англии и давнего клиента «Агентства Грэхема Хорикса».

— Алло, — сказал он. — Это Чарльз Нанси из бухгалтерии «Агентства Грэхема Хорикса».

— О! — разочарованно выдохнул женский голос на том конце провода. — Я думала, Грэхем сам

мне позвонит.

— Он немного занят. Поэтому он э-э-э… перепоручил это мне, — объяснил Толстый Чарли. — Итак. Могу я чем-то помочь?

— Даже не знаю. Я… хотела бы знать… ну, управляющий банком хотел бы знать… когда поступят оставшиеся средства из имущества Морриса… в прошлый раз Грэхем Хорикс мне объяснил… ну, мне кажется, это было в прошлый раз… когда мы разговаривали… что они вложены… я хочу сказать, я понимаю, на это требуется время… он сказал, что иначе я могу потерять крупную сумму…

— Скажу вам одно, он над этим работает. Но такие операции действительно требуют времени.

— Да, наверное, да. Я позвонила на Би-би-си, и там сказали, что со смерти Морриса уже было сделано несколько выплат. Вы знаете, что программу «Моррис Ливингстон, полагаю?» целиком выпустили на DVD? И к Рождеству будут готовы обе серии «Короткая спина и бока».

— Впервые слышу, — признался Толстый Чарли. — Но, уверен, Грэхем Хорикс знает. В своем деле он дока.

— Мне пришлось купить себе DVD-проигрыватель, — тоскливо сказала Мэв. — Но благодаря

ему все вернулось. Запах грима, рев Би-би-си-клуба. Честное слово, я даже затосковала по софитам. Знаете, как я познакомилась с Моррисом? Я была танцовщицей. У меня была собственная карьера.

Пообещав передать Грэхему Хориксу, что управляющий в ее банке немного обеспокоен, Толстый Чарли положил трубку, недоумевая, как можно тосковать по свету софитов. В самых страшных ночных кошмарах Толстого Чарли софит светил на него с темного неба, а сам он стоял на широкой сцене, куда его выпихнули невидимые руки, чтобы заставить петь. И как бы далеко и быстро он ни убегал, как бы старательно ни прятался, неведомые злоумышленники все равно его находили и притаскивали на сцену, а снизу на него смотрели десятки выжидательных лиц. Он всегда просыпался до того, как открывал рот, — весь в поту, дрожа, и сердце выстукивало в груди канонаду.

Потянулся рабочий день. Толстый Чарли работал в агентстве уже два года. Дольше кого-либо, кроме самого Грэхема Хорикса, потому что текучка кадров в агентстве была довольно высокой. И все равно ему никто не обрадовался.

Иногда Толстый Чарли сидел за своим столом, смотрел в окно, в которое стучал безутешный

серый дождь, и воображал себе, что прохлаждается на каком-нибудь тропическом пляже, где с невероятно синего моря волны набегают на невероятно желтый песок. Толстый Чарли спрашивал себя, а не мечтают ли эти воображаемые люди, глядя на белые бурунчики, слушая пение тропических птиц в пальмах, оказаться в Англии под серењким дождем, в кабинетике размером со шкаф на пятом этаже конторского здания, на безопасном расстоянии от тупизны золотого песка и адской скуки дня настолько совершенного, что даже пенисто-кремовый напиток с лишней дозой рома и красным бумажным зонтиком никак ее не разгоняет. Это немного утешало.

По дороге домой он остановился у кафе и купил бутылку немецкого белого вина, а в крохотном супермаркете по соседству — свечу с запахом пачули и пиццу в пиццерии за углом.

В половине восьмого позвонила с занятия йогой Рози и сказала, что немного опоздает, потом в восемь из машины — сказать, что застряла в пробке, и в четверть десятого, что она всего в квартале. К тому времени, когда она приехала, Толстый Чарли выпил большую часть вина и съел почти всю пиццу, кроме одинокого треугольничка.

Позднее он спрашивал себя, не вино ли развя-

зало ему язык.

Рози прибыла в двадцать минут десятого с полотенцами и полной сумкой шампуней, разного мыла и большой банкой похожего на майонез средства для волос. От стакана вина она деловито, но весело отказалась и от пиццы тоже, объяснив, что поела в пробке, мол, заказала еду в машину. Поэтому Толстому Чарли оставалось только сидеть на кухне, допивая белое вино и таская сыр и пеперони с холодной пиццы, пока Рози пошла наполнять ванну, откуда вдруг пронзительно и громко заорала.

Толстый Чарли оказался в ванной еще до того, как замер первый крик, когда Рози набирала воздух для второго. Он был уверен, что она истекает кровью. К немалому его удивлению и облегчению, крови не было и в помине. Стоя в голубых трусиках и лифчике, Рози указывала в ванну, где в самом центре сидел большой бурый садовый паук.

— Извини! — заголосила она. — Он застал меня врасплох.

— Они такое умеют, — сказал Толстый Чарли. — Сейчас я его смою.

— Не смей! — решительно возразила Рози. — Это живое существо! Вынеси его на улицу.

— Ладно.

— Я подожду на кухне. Позовешь меня, когда все будет кончено.

Если ты выпил целую бутылку белого вина, уговорить довольно капризного садового паука перебраться в прозрачный пластиковый стаканчик при помощи всего лишь старой поздравительной открытки превращается в подвиг твердой руки и острого глаза. Совершению такого подвига никак не способствует присутствие полураздетой невесты на грани истерики, которая, невзирая на свое обещание подождать на кухне, заглядывает тебе через плечо и помогает советами.

Но вопреки ее помощи он довольно скоро загнал паука в стаканчик, который плотно прикрыл сверху открыткой от однокашника, говорившей: «ТЕБЕ СТОЛЬКО ЛЕТ, НА СКОЛЬКО ТЫ СЕБЯ ЧУВСТВУЕШЬ» (а внутри шло юмористическое дополнение: «ПОЭТОМУ ПЕРЕСТАНЬ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ СЕКС-МАШИНОЙ. С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ»).

Спустившись, со стаканчиком вниз, он вынес паука за порог — в крохотный палисадник, в котором имелись изгородь, чтобы за нее блевать, и несколько больших каменных плит с прорастающей в щелях травой. Толстый Чарли убрал

открытку, в желтом свете фонаря паук казался черным. Толстому Чарли показалось, что насекомое его изучает.

— Извини, дружище, — сказал он пауку и, поскольку в желудке у него плескалось белое вино, произнес эти слова вслух.

Положив открытку и стаканчик на плиты, он опрокинул стаканчик на бок и стал ждать, чтобы паук убежал. Но тот остался сидеть неподвижно на морде мультяшного медведя с поздравительной открытки. Человек и паук задумчиво рассматривали друг на друга.

Тут Толстому Чарли вспомнилось кое-что, сказанное миссис Хигглер, и слова сорвались у него с языка прежде, чем он успел его прикусить. То ли черт его дернул, то ли алкоголь подтолкнул.

— Если увидишь моего брата, — сказал Толстый Чарли пауку, — передай, пусть зайдет поздороваться.

Паук посидел еще немного, потом задумчиво поднял одну лапу, побежал наконец к изгороди и исчез в траве.

Приняв ванну, Рози звонко чмокнула Толстого Чарли в щеку и поехала домой.

А Толстый Чарли включил телевизор, но поймал себя на том, что клюет носом, поэтому,

выключив аппарат, отправился в кровать, где ему приснился сон такой странный и яркий, что он будет помнить его до конца своих дней.

Если знаешь, что очутился в совершенно незнакомом месте, можно не сомневаться — это сон. В реальной жизни Толстый Чарли никогда не бывал в Калифорнии. Никогда не бывал в Беверли-Хиллз. Однако достаточно часто видел это место в кино и по телевизору, чтобы испытать сладкую дрожь узнавания.

Шла вечеринка. Внизу поблескивали и перемигивались огни Лос-Анджелеса.

Люди на вечеринке как будто делились на тех, кто расхаживал с серебряными подносами, заставленными великолепными закусками на тостах, и тех, кто брал с подносов снедь или от нее отказывался. Те, кого кормили, расхаживали по выложенному плитами дворику и комнатам огромного дома, сплетничали и улыбались, уверенные в собственной значимости в мире Голливуда, будто были придворными в Древней Японии. И в точности как при дворе Древней Японии каждый был уверен, что, поднимись он на ступеньку выше, несомненно, сможет чувствовать себя в безопасности. Тут были актеры, которые хотели быть звездами; звезды, которые

хотели быть независимыми продюсерами; независимые продюсеры, тоскующие по надежности, какую дает постоянный контракт со студией; режиссеры, которые хотели быть звездами; боссы студий, которые хотели быть боссами других, более преуспевающих студий; юристы студий, которым хотелось нравиться самим по себе, а если уж не выйдет, то просто нравиться.

В том сне Толстый Чарли видел себя одновременно изнутри и снаружи, однако был каким-то другим человеком. Обычно ему снилось, что он сдавал экзамен по двойной бухгалтерии, к которому забыл подготовиться, и к тому же, когда выходил к доске, обнаруживал, что, одеваясь утром, забыл про все, что полагается иметь на себе ниже пояса. Иными словами, ему снился Толстый Чарли, только еще более нелепый и неловкий. Но не сейчас.

В этом сне Толстый Чарли был крутым и не только. Он был мастак, он был дока, он был единственным на этой вечеринке человеком, не попадавшим ни в одну из категорий, ведь у него не было серебряного подноса и явился он без приглашения. И веселился он на славу, что вызывало несказанное изумление у спящего Толстого Чарли, который даже представить себе

не мог ситуацию более неловкую, чем явиться без приглашения.

Всем, кто с ним заговаривал, он рассказывал разное о том, кто он и почему сюда пришел. Уже через полчаса большинство гостей были уверены, что он представитель иностранной инвестиционной компании, которая собирается перекупить какую-то студию, а еще через полчаса собравшиеся утвердились во мнении, что он положил глаз на «Парамаунт пикчерз».

Смеялся он хрипловато и заразительно, и уж точно развлекался больше всех остальных. Он научил бармена готовить коктейль под названием «Двойной намек» — с научной точки зрения, совершенно безалкогольный, хотя и на основе шампанского. Туда пошла толика того, толика сего, пока жидкость не приобрела ярко-пурпурный цвет, а затем он стал раздавать напиток гостям, навязывая его с радостью и жаром, пока даже те, кто попивал газированную воду так опасливо, словно она вот-вот взорвется, не начали с удовольствием заливать в себя один бокал за другим.

А потом — по логике сна — он повел всех к бассейну и предложил научить фокусу с хождением по воде. Все дело в уверенности, объяснил

он, в том, чтобы знать, как это делается. И гости решили, что это поистине отличный трюк, что в глубине души они всегда знали, как это делается, просто забыли, а вот сейчас новый друг напомнит, в чем соль.

«Снимите обувь», — сказал он, и они сняли: «серджио розессы», «кристиан лубутены» и «рене каовилльясы» выстроились бок о бок с «найками» и «док-мартенсами» и безымянными черными туфлями охранников. И новый друг повел гостей и хозяев в танце «конга» вокруг плавательного бассейна, а после за его край. Вода была прохладной на ощупь и подрагивала под ногами, как упругое желе. Некоторые женщины и несколько мужчин зашатались, а пара охранников помоложе запрыгали вверх-вниз, как дети в надувном замке. Далеко внизу огни Лос-Анджелеса сияли сквозь смог, точно далекие галактики.

Вскоре гости заняли каждый дюйм бассейна: стояли, танцевали, дурачились или подпрыгивали на воде. Столпотворение было такое, что мастак и дока, которым был во сне Толстый Чарли, поднялся на бетонный парапет и взял с серебряного подноса фалафель-сашими.

На плечо ему приземлился упавший с листа жасмина паучок. Пробежав по руке, он устроился

на ладони, где его приветствовало радостное «Ух ты!».

Повисла тишина, будто не-Чарли слушал, что говорил паучок, что мог слышать лишь он один, а потом сказал:

— Ищите и обрящете. Ну не в точку ли?

И осторожно ссадил паучка на листок жасмина.

В это самое мгновение все стоявшие босиком на поверхности плавательного бассейна вдруг вспомнили, что вода не твердая, а жидкая, и что именно поэтому по ней нельзя ходить, не говоря уже о том, чтобы танцевать или прыгать, иными словами, что это невозможно.

И хотя эти люди были воротилами и винтиками «машины грез», они вдруг забарахтались в глубокой воде — мокрые и перепуганные.

Тем временем отличный малый, мастак и дока, иными словами, не-Чарли, небрежно пересек бассейн, шагая по головам и рукам, но ни разу не потеряв равновесия. А после, когда добрался до дальнего края, где терраса обрывалась отвесным склоном, он подпрыгнул и нырнул в огни лос-анджелесской ночи, которая мерцала и которая поглотила его, как океан.

Гости же выбирались из бассейна, рассержен-

ные, расстроенные, ошарашенные, мокрые, а в ряде случаев и нахлебавшиеся воды…

В Южном Лондоне было раннее утро. В окно сочился голубовато-серый рассвет.

Даже проснувшись, Толстый Чарли не мог стряхнуть остатки странного наваждения, а потому встал и подошел к окну. Шторы были раздвинуты. Занималась заря, огромный апельсин утреннего солнца поднимался в обрамлении подкрашенных алым облаков. При виде такого неба даже самый прозаичный зануда вдруг открывает погребенную в недрах души потребность рисовать маслом.

Толстый Чарли смотрел на восход. «Утром солнце красное, — подумал он. — Ночь будет ненастная… или несчастная?»

Какой странный сон! Вечеринка в Голливуде… Секрет хождения по воде… И человек, который был и не был им одновременно…

Внезапно Толстый Чарли сообразил, что знает этого человека, что уже где-то с ним встречался, а теперь попытки вспомнить будут донимать его весь день, как волоконце между зубов или точная разница между словами «сладострастный» и «сластолюбивый», — до ночи покоя не видать. Он смотрел в окно.

Чуть меньше шести утра. Мир тих. В конце переулка ранний собаковладелец уговаривал погадить шпица. Лениво тащился к домам и назад к своему красному фургончику почтальон. Затем на тротуаре под домом Толстого Чарли вдруг что-то шевельнулось. Толстый Чарли опустил взгляд. У живой изгороди стоял мужчина. И увидев, что Толстый Чарли в пижаме смотрит на него, он улыбнулся и помахал. Мгновенное узнавание потрясло Толстого Чарли до глубины души: ему были знакомы и улыбка, и манера махать, хотя он не мог бы сказать, откуда или почему. Обрывки сна еще вертелись у него в голове, от этого Толстому Чарли стало не по себе, а весь мир показался нереальным. Он потер глаза, и человек у изгороди исчез. Толстый Чарли понадеялся, что он ушел, растворился в клочьях утреннего тумана, забрав с собой беспокойство и безумие, которые принес.

Тут снизу позвонили.

Просунув руки в рукава халата, Толстый Чарли спустился.

Раньше он никогда не набрасывал цепочку прежде, чем открыть дверь, но сейчас сделал это, а дверь оттянул на себя лишь на шесть дюймов.

— Доброе утро, — настороженно сказал он.

Просочившаяся в щелку улыбка осветила бы небольшую деревушку.

— Ты позвал, и я явился, — сказал незнакомец. — Ну, Толстый Чарли, разве ты не собираешься открыть мне дверь?

— Кто вы?

Уже произнося эти слова, он понял, где видел этого мужчину: в маленькой часовенке при крематории на похоронах матери. Тогда он в последний раз видел эту улыбку. И ответ угадал еще до того, как его услышал.

— Я твой брат.

Толстый Чарли закрыл дверь. Снял цепочку и дверь распахнул. Незнакомец все еще стоял на пороге. Интересно, как здороваться с предположительно воображаемым братом, в существование которого ты раньше вообще не верил?

Так они и стояли, один по одну сторону порога, другой — по другую, пока брат не сказал:

— Можешь звать меня Паук. Кстати, ты пригласишь меня войти?

— Да. Приглашу. Конечно, приглашу. Пожалуйста. Входи.

Толстый Чарли первым стал подниматься по лестнице.

Невозможное случается. Когда такое проис-

ходит, большинство людей справляются как могут. Сегодня, как и в любой другой день, приблизительно пять тысяч человек на планете столкнутся с событием, вероятность которого одна на миллион, и никто не откажется верить своим глазам и ушам. Большинство (каждый на своем языке) скажут что-нибудь вроде «Странная штука жизнь, верно?» — и займутся своими делами. Толстый Чарли пытался отыскать логичное, разумное, здравое объяснение происходящему, а еще силился свыкнуться с мыслью, что брат, о котором он не подозревал, поднимается за ним двумя ступеньками ниже. Войдя в кухню, они остановились.

— Хочешь чашку чая?

— Кофе есть?

— Боюсь, только растворимый.

— Сойдет.

Толстый Чарли повернулся к чайнику.

— Значит, приехал издалека? — спросил он.

— Из Лос-Анджелеса.

— Как долетел?

Брат присел за кухонный стол. Пожал плечами. Такое движение может означать все что угодно.

— М-м-м… Ты надолго в Лондон?

— Пока не задумывался.

Незнакомец — Паук — оглядел кухню Толстого Чарли так, словно никогда не бывал на самой обычной кухне.

— Какой любишь кофе?

— Черный как ночь, сладкий как грех.

Толстый Чарли поставил перед ним кружку и передал сахарницу.

— Накладывай.

Паук ложку за ложкой клал в чашку сахар, а Толстый Чарли только смотрел во все глаза.

Между ними действительно было семейное сходство. С этим не поспоришь, хотя одно это не объясняло острого ощущения знакомости, которое накатило на Толстого Чарли при виде Паука. Паук выглядел таким, каким Толстый Чарли видел себя в мечтах, а не стеснительным, слегка разочаровывающим малым, какого он с монотонной регулярностью встречал по утрам в зеркале. Паук был жилистее, выше, элегантнее. Черная с красным кожаная куртка и черные кожаные штаны в обтяжку сидели на нем как вторая кожа. Толстый Чарли постарался вспомнить, такая ли одежда была на крутом малом из его сна. Паук словно бы подавлял все вокруг: всего лишь сидя по другую сторону стола от него, Толстый Чарли чувствовал себя неловким, дурно сложенным и

глуповатым. Дело было не в одежде, а в сознании, что сам он в таких вещах выглядел бы жалким клоуном. Дело было не в том, как Паук улыбался (небрежно, радостно), а в холодной, непреложной уверенности самого Толстого Чарли, что даже практикуйся он перед зеркалом до конца времен, ему все равно не выдавить улыбку и вполовину столь обаятельную — чуть нахальную, чуть галантную.

— Ты приезжал на мамину кремацию, — сказал Толстый Чарли.

— Я собирался подойти к тебе после службы, — отозвался Паук, — но решил, что это не самая удачная мысль.

— Жаль. — Тут Толстому Чарли кое-что пришло в голову. — Я думал, ты и на папины похороны придешь.

— Что? — переспросил Паук.

— На папины похороны. Во Флориде. Пару дней назад.

Паук тряхнул головой.

— Он не мертв! Уверен, я бы знал, если бы он умер.

— Он мертв. Я его похоронил. Ну, во всяком случае, засыпал могилу. Спроси миссис Хигглер, если хочешь.

— Как он умер?

— Сердечный приступ.

— Это ничего не значит. Это только говорит, что он умер.

— Ну да. Умер.

Паук перестал улыбаться. Теперь он смотрел в свой кофе, будто надеялся там найти ответ.

— Надо бы самому посмотреть, — пробормотал он. — Нет, я тебе, конечно, верю. Но когда речь идет о твоем старике… Даже если твой старик одновременно мой старик.

Он скривился. Толстый Чарли прекрасно знал, что значит эта гримаса. Она достаточно часто возникала на его собственном лице, когда заговаривали о его отце.

— Она живет все там же? В доме по соседству с тем, где мы выросли?

— Миссис Хигглер? Да, там же.

— Ты, случаем, ничего оттуда не привез? Открытку? Может, фотографию?

— Целую коробку.

Большую картонную коробку Толстый Чарли еще не открывал. Она так и осталась забытая в коридоре. Принеся ее в кухню, он поставил ее на стол. Потом кухонным ножом разрезал скотч, которым она была оклеена. Запустив тонкие

пальцы в коробку, Паук перелистнул фотографии точно игральные карты, пока не нашел одну двадцатилетней давности, на которой их мать и миссис Хигглер сидели на крыльце у последней.

— И крыльцо еще на месте?

Толстый Чарли напряг память.

— Кажется, да.

Позднее он так и не мог сообразить, увеличилась ли фотография или Паук уменьшился. Он мог бы поклясться, что ничего такого на самом деле не произошло, тем не менее бесспорным было одно: Паук ушел в фотографию, которая замерцала, пошла рябью и его поглотила.

Толстый Чарли потер глаза. Шесть утра, он в кухне один. На столе картонная коробка с бумагами и фотографиями, рядом — пустая кружка. Кружку Толстый Чарли поставил в раковину. Потом прошел по коридору в спальню, рухнул в кровать и проспал, пока будильник не зазвонил в четверть восьмого.

Глава четвертая, которая завершается вечером с вином, женщинами и песнями

Толстый Чарли проснулся.

Мысли у него путались: вспоминался то сон, в котором он встретился с братцем-шоуменом, то тот, в котором к нему явился президент Тафт заодно со всеми персонажами из «Тома и Джерри». Приняв душ, Толстый Чарли пошел на работу.

И весь рабочий день что-то свербило у него в голове, но он никак не мог понять что. А потому у него все валилось из рук: он клал вещи не туда и то и дело что-нибудь забывал. В какой-то момент даже запел, сидя за столом, но не от счастья, а потому что забыл, что так не положено. Поймал он себя на этом только, когда сам Грэхем Хорикс просунул голову в его шкаф-кабинет, чтобы его одернуть.

— Никаких радио, плейеров или прочей аудиоаппаратуры в офисе, — с видом злобного хорька сказал Грэхем Хорикс. — Такое разгильдяйство в рабочем помещении недопустимо.

— Это не радио, — признался Толстый Чарли,

уши у него пылали.

— Нет? Тогда что, скажите на милость?

— Я.

— Вы?

— Да. Я пел. Извините, пожалуйста…

— Готов был поклясться, что это радио. Надо же так ошибиться! Господи всемогущий! Ну, с такими поразительными способностями, с такими талантами вам следовало бы оставить нас ради сцены… Так сказать, услаждать слух больших аудиторий, возможно, даже в летнем театре на пирсе, а не занимать стол в офисе, где простые смертные пытаются работать. А? Мы здесь способствуем творческим карьерам.

— Нет, — пробормотал Толстый Чарли. — Я не хочу от вас уходить. Просто не подумал.

— Тогда вам нужно научиться воздерживаться от пения… За исключением ванны, душа или, быть может, трибун, когда болеете за любимую футбольную команду. Кстати, я болею за «Хрустальный дворец». Не то скоро поймете, что вам пора искать другое место.

Толстый Чарли улыбнулся, но тут же понял, что ему не до улыбок, и сделал серьезное лицо, но Грэхем Хорикс уже ушел, поэтому Толстый Чарли только выругался себе под нос, сложил на столе

руки и ткнулся в них головой.

— Это вы пели? — спросила новенькая из отдела по связям с клиентами-артистами. Толстому Чарли никогда не удавалось запомнить имен сотрудниц: только выучишь, они уже уходят.

— Боюсь, что так.

— Что вы пели? Хорошо звучало.

Толстый Чарли сообразил, что не знает, и только пожал плечами:

— Не знаю. Я не слушал.

Девушка рассмеялась, но тихонько, чтобы не привлечь внимания начальства.

— Он прав. Вам бы записываться, а не здесь прозябать.

На это Толстый Чарли не нашелся, что ответить. Зардевшись, он начат вычеркивать цифры, делать пометки, собирать самоклеющиеся бумажки с записками и клеить их на экран, пока не удостоверился, что девушка ушла.

Позвонила Мэв Ливингстон: не будет ли Толстый Чарли так добр попросить Грэхема Хорикса связаться с управляющим в ее банке. Он пообещал сделать все, что сможет. В ответ миссис Ливингстон с нажимом посоветовала ему постараться.

В четыре позвонила на мобильный Рози, чтобы

сказать, мол, воду в ее квартире снова включили и что (отличная новость!) мама решила проявить интерес к будущей свадьбе и просила заехать к ней обсудить приготовления.

— Если она возьмет на себя праздничный обед, то мы сэкономим на еде целое состояние.

— Нехорошо так говорить. Позвоню вечером сказать, как все прошло.

Сказав, что любит ее, Толстый Чарли отключился. И, почувствовав спиной чей-то взгляд, повернулся.

— Кто звонит по личным делам в рабочее время, пожнет бурю. Знаете, кто это сказал?

— Вы?

— Воистину, — согласился Грэхем Хорикс. — Воистину я. И никогда не произносилось более праведных слов. Считайте это официальным предупреждением.

Тут он улыбнулся самодовольной ухмылочкой, от которой в голову Толстого Чарли невольно полезли праздные мысли: а что будет, если погрузить кулак в пухленький живот Грэхема Хорикса. К сожалению, такая попытка скорее всего похожа на игру в орлянку между увольнением и судебным иском о нападении. И все-таки как приятно было бы…

По природе своей Толстый Чарли чурался насилия, но можно же помечтать. Мечтал он обычно о чем-нибудь небольшом и комфортном. Достаточно денег, чтобы есть в хороших ресторанах, когда пожелает. Работу, на которой никто бы не шпынял его и не понукал. Петь без стеснения — где-нибудь, где его никто не услышит.

Но сегодня мысли бежали вскачь… Хорошо бы уметь летать… И чтобы пули отскакивали от его могучей груди, когда, спикировав с неба, он спасет Рози от банды похитивших ее мерзавцев и негодяев. Она крепко его обнимет, а потом они полетят на закат… в Замок Отважного Героя, где благодарность захлестнет ее настолько, что она с энтузиазмом забудет про решение дожидаться свадьбы и тут же начнет проверять, как быстро они сумеют заполнить банку…

Сны наяву помогали снять стресс от пребывания в «Агентстве Грэхема Хорикса», от повторений звонящим, что их чеки ушли по почте, от выколачивания денег, которые причитаются агентству и его клиентам.

В шесть Толстый Чарли выключил компьютер и, подозрительно глянув на лифт, спустился по лестнице. Дождя не было. Над головой кружили и чирикали скворцы — предвечерний хор горо-

да. Все прохожие на тротуаре куда-то спешили — большинство, как и Толстый Чарли, к станции метро линии Кингсвей-Холборн. Люди шли, втянув головы в плечи, и вид у них был такой, словно им не терпится попасть домой.

Только один никуда не торопился. Он стоял лицом к Толстому Чарли и спешащим по домам людям, и полы его кожаной куртки хлопали на ветру. Он не улыбался.

Толстый Чарли увидел его еще от угла. По мере того как расстояние между ними сокращалось, окружающее утрачивало реальность. День растворялся, и Толстый Чарли понял, что провел его, стараясь вспомнить…

— Привет, Паук, — сказал он, когда подошел поближе.

Вид у Паука был такой, будто в душе у него бушевала буря. Или будто он вот-вот расплачется. Откуда было знать Толстому Чарли? В лице, в осанке Паука отражалось столько эмоций, что люди пристыженно отводили глаза.

— Я туда съездил. — Слова прозвучали тускло. — Повидался с миссис Хигглер. Она отвела меня на могилу. Мой отец умер, а я не знал…

— Он был и моим отцом, Паук.

Как же он мог забыть про Паука, как мог отмах-

нуться от него, словно от сна?!

— Верно.

Предвечернее небо расчертили скворцы, одни кружили, другие летали зигзагами между крыш.

Паук вдруг рывком расправил плечи, словно бы принял какое-то решение.

— Ты прав, так прав, — сказал он. — Мы совершим это вместе.

— Вот именно, — согласился Толстый Чарли, а потом спросил: — Что совершим?

Но Паук уже подозвал такси.

— Мы — мужчины в большой беде, — возвестил Паук всему миру. — Нашего отца больше нет с нами. Сердца тяжелы у нас в груди. Горе опустилось на нас страшным бременем. — Тьма — наша участь, а неудача — единственный спутник.

— Ладно, ладно, джентльмены, — весело отозвался таксист. — Куда вас везти?

— Туда, где можно найти три лекарства от горя, — велел Паук.

— Может, купим курицу в карри? — предложил Толстый Чарли.

— Есть три и только три вещи, способные усмирить боль, какую испытываешь при мысли о смерти, — сказал Паук. — Это вино, женщины и песни.

— Курица в карри тоже неплохо, — заметил Толстый Чарли, но никто его не слушал.

— В каком-то особом порядке? — поинтересовался таксист.

— Сначала вино, — объявил Паук. — Озера, и реки, и безбрежные океаны вина.

— Поехали.

Такси тронулось с места.

— У меня на душе кошки скребут, — любезно внес свою лепту Толстый Чарли.

Паук кивнул.

— Скверно на душе. Да. Нам обоим скверно. Сегодня мы поделимся друг с другом бедой и прогоним ее. Мы будем горевать. Мы до осадка изопьем смертности. Разделенная боль, брат мой, не увеличивается вдвое, но уменьшается вполовину. Не разломить колчан стрел, но одну…

— И не спрашивай, по ком звонит колокол, — произнес нараспев таксист. — Он звонит по тебе.

— Ух ты! — вырвалось у Паука. — Крутой у тебя коан!

— Спасибо, — скромно ответил водитель.

— Верно, все мы смертны. А вы, похоже, философ. Меня зовут Паук. А это мой брат, Толстый Чарли.

— Чарльз, — сказал Толстый Чарли.

— Стив. Стив Берридж.

— Мистер Берридж, — сказал Паук, — не хотелось бы вам стать нашим личным водителем на сегодняшний вечер?

На это Стив Берридж объяснил, что у него как раз заканчивается смена и что он погонит такси на стоянку, а после его ждет обед с миссис Берридж и множеством маленьких Берриджей.

— Слышал? — обратился Паук к Толстому Чарли. — Семейный человек. А вот у нас с братом никого больше нет. И ведь мы только сегодня познакомились.

— Похоже, та еще история, — отозвался таксист. — Давняя семейная ссора?

— Отнюдь. Он просто не знал, что у него есть брат, — сказал Паук.

— А ты знал? — поинтересовался Толстый Чарли. — Про меня?

— Возможно. Но все так легко забывается.

Таксист притормозил.

— Куда мы приехали? — спросил Толстый Чарли.

Далеко они не уехали. Кажется, всего до Флит-стрит.

— Там, куда вы просили отвезти, — объяснил таксист. — За вином.

Выбравшись из машины, Паук уставился на грязные дубовые доски и запыленное окно древнего кафе.

— Великолепно, — сказал он наконец. — Заплати, брат.

Толстый Чарли заплатил за проезд и они вошли внутрь: спустились по темной деревянной лестнице в подвал, где румяные барристеры пили бок о бок с мертвенно-бледными биржевыми брокерами и управляющими трастовыми фондами. Пол был посыпан опилками, список вин неразборчиво нацарапан мелом на грифельной доске за стойкой.

— Что пьешь? — спросил Паук.

— Просто бокал красного, пожалуйста, — сказал Толстый Чарли.

Паук поглядел на него торжественно.

— Мы последние в роду Ананси. Такие, как мы, не оплакивают кончину отца за столовым красным.

— Э-э-э… верно. Тогда я выпью то же, что и ты.

Паук направился к стойке, прорезая толпу, словно ее тут и не было вовсе. Через несколько минут он вернулся с двумя бокалами, штопором и исключительно пыльной бутылкой. Легкость, с которой он ее открыл, произвела большое впе-

чатление на Толстого Чарли, который вечно вылавливал из Своего бокала куски пробки. Вино из бутылки полилось такое темное, что казалось почти черным. Налив до краев два бокала, Паук поставил один перед Толстым Чарли.

— Тост, — объявил он. — В память о нашем отце.

— О папе, — сказал Толстый Чарли, стукнул бокалом о бокал брата, чудом не пролив ни капли, и попробовал вино. На вкус оно было странно горьким, травянистым и солоноватым. — Что это?

— Похоронное вино. Такое пьют по умершим богам. Его уже давно не делают. Его настаивали на горьком алоэ и розмарине и на слезах девственниц, у которых сердце разбито.

— И продают в забегаловке на Флит-стрит? — Толстый Чарли взял со стола бутылку, но этикетка поблекла и запылилась настолько, что стала совсем неразборчивой. — Никогда о таком не слышал.

— В таких старинных местечках встречается приличное вино, если знаешь, о чем попросить, — объяснил Паук. — А может, я просто решил, что оно здесь есть.

Толстый Чарли отпил еще. Вино было крепким и терпким.

— Такое вино не пьют по глотку, — продолжал Паук. — Это траурное вино. Его проглатывают залпом. Вот так. — Он сделал огромный глоток, потом скорчил гримасу. — И на вкус так лучше.

Помедлив, Толстый Чарли отпил побольше. Ему показалось, он чувствует на языке вкус алоэ и розмарина. Интересно, может, соль здесь и правда от слез?

— Розмарин кладут на долгую память, — сказал, доливая вино, Паук.

Толстый Чарли начал было объяснять, что сегодня ему пить не следует, что завтра ему на работу, но Паук его оборвал:

— Твоя очередь произносить тост.

— Э-э-э… верно, — сказал Толстый Чарли. — За маму.

Они выпили за маму. Толстый Чарли обнаружил, что горькое вино начинает ему нравиться. Глаза у него защипало, все существо пронзило ощущение глубокой, болезненной утраты. Он скучал по матери. Он скучал по своему детству. Он даже скучал по отцу. Паук по другую сторону стола тряхнул головой, по щеке у него скатилась слеза и с плеском упала в бокал. Потянувшись за бутылкой, он налил им обоим еще.

Толстый Чарли выпил.

Печаль бежала по его венам, наполняя душу, само его существо болью утраты, которая поднималась, как приливная волна.

Теперь и по его лицу бежали слезы и плескались в стакан. Он порылся по карманам в поисках бумажного носового платка. Паук разлил остатки вина.

— Тут правда продают такое вино?

— У владельца была бутылка, о которой он даже не подозревал. Надо было только напомнить.

Толстый Чарли высморкался.

— Я даже не знал, что у меня есть брат.

— А я знал, — отозвался Паук. — Все собирался тебя найти, но то и дело что-нибудь отвлекало. Сам знаешь, как это бывает.

— Да нет. Вообще-то не знаю.

— Всякие дела.

— Какие дела?

— Всякие. Возникали. Ведь дела затем и существуют. Чтобы возникать. Не могу же я уследить за всем и вся?!

— Какие, например?

Паук выпил еще.

— Ну как хочешь, сам напросился. В прошлый раз, когда я решил, что надо бы тебя повидать, я — как бы это сказать? — стал планировать все за-

ранее. Хотел, чтобы все прошло лучше не бывает. Надо было выбрать одежду, потом придумать, что скажу при встрече. Сам понимаешь, встреча двух братьев — эпический сюжет, верно? И решил, что лучше всего к такому торжественному случаю подходят стихи. Но какие именно? Отбарабанить рэп? Продекламировать гекзаметр? Не мог же я приветствовать тебя лимериком, верно? Нет, тут требуется что-то глубокое, мощное, эпическое. А потом меня осенило. Возникла первая строчка. Просто потрясающая. Слушай: «Кровь родную кровь зовет, как сирена в ночи». Чувствуешь, сколько она передает? Я сразу понял, что смогу вложить в мои стихи все: про то, как люди умирают в переулках, Про пот и кошмары, про мощь несломленного духа. Туда целый мир бы поместился. А потом мне пришла в голову вторая строка, и все полетело в тартарары: ничего, кроме «Там-тампти-тампти-там, замолчи» не получалось.

Толстый Чарли моргнул.

— Кто такой Там-тампти-тампти-там?

— Никто. Просто звуки, чтобы показать, где положено быть словам. Дальше этого у меня не пошло, а ведь не мог же я явиться к тебе только с первой строчкой из эпической поэмы и какими-

то там тампти, правда? Это было бы неуважением к тебе.

— Ну…

— Вот именно. Поэтому я поехал на неделю на Гавайи. Как я и сказал, дело возникло.

Толстый Чарли отпил еще вина. Оно нравилось ему все больше и больше. Иногда крепость и пряный вкус подходят для сильных чувств, и сейчас был как раз такой случай.

— Но не обязательно же второй строчке поэмы быть такой… — сказал он.

Паук положил узкую руку на лапищу Толстого Чарли.

— Хватит обо мне, — сказал он. — Как ты жил?

— Да и рассказывать-то нечего.

И Толстый Чарли рассказал брату про, свою жизнь. Про Рози и ее маму, про Грэхема Хорикса и его агентство, а брат все кивал. «Если облечь жизнь в слова, то и не жизнь это вовсе», — подумал Толстый Чарли.

— С другой стороны, — философски заключил он, — мы ведь каждый день читаем про людей в светской хронике и в газетных сплетнях, твердящих о том, какая тусклая, пустая и бессмысленная у них жизнь.

Он опрокинул бутылку над стаканом, надеясь

выцедить хотя бы глоток вина, но выкатилась только одна капля. Бутылка была пуста. Она протянула дольше, чем имела на то право, но теперь ничего не осталось.

Паук встал.

— Видел я этих людей, о которых пишут в глянцевых журналах, — сказал он. — Пил с ними виски и чай. Собственными глазами видел их никчемные жизни. Я наблюдал за ними из теней, когда они считали, что, кроме них, в комнате никого нет. И скажу тебе одно: боюсь, ни один из них даже под дулом пистолета с тобой, брат мой, не поменяется. Пошли.

— Да? Куда мы идем?

— Идем. Мы завершили первую часть нашей тройной миссии. Вино выпито. Осталось еще две.

— Э-э-э…

Толстый Чарли поплелся за Пауком на улицу, надеясь, что ночная прохлада прочистит ему мозги. Не прочистила. Толстому Чарли казалось, что голова у него вот-вот уплыла бы, не будь она так крепко приделана к шее.

— Теперь женщины, — сказал Паук. — А напоследок песни.

Наверное, следует упомянуть, что в мире Тол-

стого Чарли женщины не появлялись просто так. Нужно было, чтобы тебя представили. Потом нужно набраться храбрости заговорить. А когда наберешься, найти тему, о чем говорить, а после (когда достигнешь таких высот) ждут новые вершины. Нужно рискнуть спросить, есть ли у нее планы на субботний вечер, а когда спросишь — всегда оказывалось, что ей нужно мыть голову, записать упущенное в дневнике, вычесать спаниеля или просто ждать у телефона звонка кого-то другого.

Но Паук жил в ином мире.

Они направились к Вест-энду и остановились у переполненного паба. Народу там было столько, что часть перебралась с выпивкой на тротуар. И Паук вдруг бросил «привет» девушке по имени Сильвия, чей день рождения (как выяснилось) праздновали. Именинница была польщена, услышав, что Паук пообещал в честь такого случая угостить выпивкой ее с друзьями. Потом стал рассказывать анекдоты («…«нескафе»? Да это же лучшая банка для окурков!») и сам над ними хохотал — радостным раскатистым смехом. Он с ходу запомнил, как кого зовут. Он заговаривал с людьми и слушал, что ему рассказывают в ответ. Когда Паук объявил, что пора поискать другой

паб, вся вечеринка решила (все до одной женщины), что пойдет с ним…

К третьему пабу Паук походил на рок-певца после концерта: девушки на нем просто висли. Ластились. Несколько наполовину в шутку, наполовину всерьез поцеловали. Толстый Чарли глядел на происходящее с неподдельным ужасом.

— Ты его телохранитель? — спросила одна.

— Что?

— Его телохранитель? Да?

— Нет, — ответил Толстый Чарли. — Я его брат.

— Ух ты! Даже не знала, что у него есть брат. Он потрясающий, правда?

— Правда, правда, — согласилась другая, которая некоторое время прижималась к Пауку, пока ее не оттеснили другие тела с теми же намерениями. Толстого Чарли она только сейчас заметила. — Ты его менеджер?

— Нет. Он его брат, — сказала первая и многозначительно добавила: — Он как раз мне это объяснял.

Вторая пропустила ее слова мимо ушей.

— Ты тоже из Штатов? У тебя такой странный акцент.

— Когда я был маленьким, мы жили во Флориде.

Мой папа — американец, а мама… ну, родилась она на Сан Андреасе, но выросла в…

Никто его не слушал.

Когда они двинулись дальше, запоздалые гуляки с дня рождения потянулись следом. Женщины обступили Паука, спрашивая, куда идут теперь, предлагали рестораны и ночные клубы, но Паук только улыбался и шел себе вперед.

Толстый Чарли тащился сзади, чувствуя себя как никогда чужим.

Спотыкаясь, вся компания брела через мир желтых фонарей и разноцветных неоновых вывесок. Паук обнимал нескольких женщин разом. На ходу он целовал их без разбора — как человек, надкусывающий сперва один, потом другой летний плод. Никто как будто не обижался.

«Это не нормально, — думал Толстый Чарли. — Ни в коем случае не нормально». Он даже не пытался нагнать, просто старался не отставать.

И все еще чувствовал на языке горькое вино.

Тут он сообразил, что одна из девушек идет с ним рядом. Она была невысокой, худенькой, с хорошим лукавым личиком — точь-в-точь проказливый эльф — и сейчас тянула его за рукав.

— Что мы собираемся делать? — спросила она. — Куда идем?

— Мы оплакиваем моего отца, — ответил Толстый Чарли. — Кажется.

— Это что, реалити-шоу?

— Надеюсь, что нет.

Паук тем временем остановился и повернулся. Глаза у него блеснули так, что Толстому Чарли стало не по себе.

— Пришли, — объявил Паук. — Мы у цели. Он бы этого хотел.

На листке ярко-оранжевой бумаги на дверях паба было написано от руки: «Сегодня. Наверху. КАРАОКЕ».

— Песни, — сказал Паук и добавил: — Шоу начинается.

— Нет! — вырвалось у Толстого Чарли, и он застыл как вкопанный.

— Ему бы понравилось, — улыбнулся Паук.

— Я не хочу петь. Только не на людях. К тому же я пьян. И вообще это не самая удачная мысль.

— Это отличная мысль, — с чарующей улыбкой возразил Паук. «Включенная» в нужный момент, такая улыбка способна развязать священную войну. Однако Толстого Чарли она не убедила.

— Послушай, — начал он, стараясь подавить панику, — у каждого из нас есть что-то, чего он просто не делает. Верно? Кое-кто не летает. Кое-

кто не занимается сексом на публике. Кое-кто не растворяется в дым. Я ничего такого не делаю. И, главное, не пою.

— Даже ради папы?

— Особенно ради папы. Он уже в могиле и больше меня опозорить не сможет. Во всяком случае, больше, чем уже опозорил.

— Прошу прощения, — сказала одна из молодых женщин. — Прошу прощения, но мы идем? Потому что мне холодно, а Сильвии нужно по маленькому.

— Идем, — решил Паук и улыбнулся ей.

Толстый Чарли хотел запротестовать, настоять на своем, но его уже затянули внутрь — он сам себя ненавидел. На лестнице он нагнал Паука.

— Я войду, — сказан он. — Но петь не буду.

— Ты уже вошел.

— Знаю. Но петь не буду.

— Нет смысла говорить, что не войдешь, когда уже вошел.

— Я не умею петь.

— Хочешь сказать, что я унаследовал и музыкальные таланты тоже?

— Я хочу сказать, что, если открою рот, чтобы петь на людях, меня стошнит.

Паук ободряюще сжал ему локоть.

— Бери пример с меня.

Именинница и две ее подруги неуверенно поднялись на небольшую сцену и прохихикали через «Танцующую королеву». Толстый Чарли пил джин с тоником (кто-то сунул ему в руку стакан) и морщился на каждой ноте, где они фальшивили, на каждой перемене тональности, которой не случалось. Остальные гости с дня рождения зааплодировали.

Их место заняла другая девушка — та самая, которая спрашивала Толстого Чарли, куда они идут. Зазвучали вступительные аккорды «Поддержи меня», и она запела — если только понимать это выражение в самом приблизительном и широком смысле: она не попадала ни в одну ноту, вступала слишком рано или слишком поздно, да и вообще неправильно читала слова. Толстому Чарли стало ее жаль.

Спустившись со сцены, она направилась к стойке. Толстый Чарли уже собрался сказать что-нибудь сочувственное, но она просто светилась от радости.

— Так здорово! — выдохнула она. — Просто изумительно.

Толстый Чарли принес ей выпивку, большой стакан «отвертки».

— Я так повеселилась! — продолжала она. — А ты попробуешь? Давай же! Ты просто должен это сделать! Готова поспорить, хуже меня тебе не спеть.

Толстый Чарли пожал плечами, надеясь так показать, что в нем скрываются еще не разведанные глубины «хужести».

А вот Паук на маленькую сцену поднялся с таким видом, словно за ним следовал луч прожектора.

— Спорим, что он замечательно споет? — сказала девушка с «отверткой». — Кто-то, кажется, говорил, что ты его брат?

— Нет, — нелюбезно буркнул Толстый Чарли. — Это я сказал, что он мой брат.

Паук запел «Под променадом на пляже».

Ничего бы не случилось, если бы Толстому Чарли меньше нравилась эта песня. Когда ему было тринадцать, он считал ее лучшей на свете. (К тому времени, когда он стал пресытившимся и уставшим от мира четырнадцатилеткой, его любимой стала «Нет женщины, нет слез» Боба Марли.) А теперь Паук пел его песню и делал это хорошо. Он попадал в тон и пел так, словно слова шли у него из сердца. Люди вокруг забыли про выпивку, замолчали — только смотрели на него

и слушали.

Когда Паук допел, раздались крики «браво». Будь на присутствующих шляпы, они, несомненно, подбросили бы их в воздух.

— М-да, понятно, почему тебе не хочется петь после него, — сказала Толстому Чарли девушка с «отверткой». — С таким не потягаешься, верно?

— Ну… — протянул Толстый Чарли.

— Я хочу сказать, сразу видно, кому в вашей семье достались все таланты, — улыбнулась она.

Говоря это, она склонила голову набок и вздернула подбородок. Именно вздернутый подбородок его доконал. Направляясь к сцене, Толстый Чарли ставил одну ногу впереди другой — впечатляющий подвиг физической ловкости. Пот с него катился градом.

Следующие несколько минут прошли как в тумане. Он поговорил с ди-джеем, выбрал себе из списка песню «Незабываемая», выждал, казалось, целую вечность и получил микрофон.

Во рту у него пересохло. Сердце в груди трепыхалось.

На экране возникло первое слово: «Незабываемая…»

Видите ли, в чем дело: в действительности Толстый Чарли умел петь. У его голоса был и

диапазон, и глубина, и экспрессия. Когда он пел, все его тело превращалось в инструмент.

Зазвучала музыка.

Мысленно Толстый Чарли уже открыл рот, чтобы пропеть «Незабываемая…». Потом он споет «Вот какая ты…» и будет петь в честь покойного отца, в честь брата и ночи.

Вот только он не мог. На него же смотрели. В помещении над пабом было меньше двух десятков человек. Большинство женщины. Перед аудиторией Толстый Чарли даже рта не мог открыть.

Он слышал музыку, но просто стоял. Ему было очень холодно. Ноги словно бы терялись в дальнем далеке.

Толстый Чарли заставил себя разжать челюсти.

— Думаю, — перекрывая музыку, очень внятно сказал он в микрофон и услышал, как слова эхом отдались от стен, — думаю, меня сейчас стошнит.

Уход со сцены вышел не слишком элегантным.

А после все несколько затуманилось.

Есть на свете мифические места. Каждое из них существует на свой собственный лад. Одни наложены поверх мира, другие прячутся под ним, словно нижний слой краски на картине.

А еще есть горы. Это каменистые пространства, которые нужно пройти, прежде чем выйти к горам на краю света, а в этих горах есть глубокие пещеры, которые были обитаемы задолго до того, как разжег костер первый человек.

Они и по сей день обитаемы.

Глава пятая, в которой речь идет об утренней расплате

Толстому Чарли хотелось пить…

Толстому Чарли хотелось пить, и голова у него болела, во рту было гадостно, глаза — слишком маленькие для головы. Все зубы зудели, желудок жгло огнем, а спина болела такой болью, которая начинается от коленей и доходит до лба, мозги у него как будто изъяли и заменили ватными тампонами, иголками и булавками, вот почему тяжело было даже попытаться думать, а глаза стали слишком круглыми и за ночь выкатились, а потом их прибили назад кровельными гвоздями…

К тому же любые звуки громче трения друг о друга молекул в броуновском движении — выше его болевого порога. А еще ему хотелось умереть.

Толстый Чарли открыл глаза. Большая ошибка: ведь так он впустил внутрь дневной свет, а от него стало больно. С другой стороны, теперь стало ясно, где он (в собственной кровати, в своей спальне) и (поскольку прямо перед ним стоял бу-

дильник) что времени половина двенадцатого.

А самое ужасное (думал он по одному слову зараз) — у него такое похмелье, каким ветхозаветный бог поражал мадианитян, и при следующей же встрече с Грэхемом Хориксом, без сомнения, он услышит, что уволен. Интересно, не удастся ли разыграть по телефону нечеловеческие муки? Тут Толстый Чарли сообразил, что большим подвигом была бы попытка изобразить хоть что-то другое.

Он не помнил, как вчера ночью попал домой.

Наверное, надо позвонить в офис. Как только сумеет вспомнить номер телефона. Тогда он извинится… какая-нибудь чудовищная двадцатичетырехчасовая простуда… дескать, лежит пластом и ничего поделать не может…

— Знаешь, — сказал кто-то рядом с ним в кровати, — кажется, бутылка воды с твоей стороны. Не можешь передать?

Толстому Чарли хотелось объяснить, что никакой бутылки с его стороны кровати нет и что вообще ближайшая вода в раковине ванной, и если он промыл стакан для полоскания зубов… а потом сообразил, что смотрит на одну из нескольких бутылок, стоящих у него на тумбочке. Протянув руку, он почувствовал, как показавшиеся чужи-

ми пальцы сомкнулись на горлышке, а после с усилием, которое обычно приберегают для того, чтобы втянуться на последние несколько футов по отвесной скале, перекатился в кровати.

Это была девушка с «отверткой». К тому же голая. Во всяком случае, те части, которые ему были видны.

Забрав у него бутылку, она натянула себе на грудь простыню.

— Спасибо. Он просил тебе передать, когда проснешься, чтобы ты из-за работы не беспокоился. Не нужно звонить и говорить, что заболел. Он просил передать, что уже обо всем позаботился.

Толстого Чарли это не успокоило. Его заботы и тревоги отнюдь не улеглись. Впрочем, учитывая его нынешнее состояние, в голове у пе го хватало места лишь для одной мысли, и сейчас он беспокоился, успеет ли вовремя добраться до туалета.

— Тебе нужно побольше пить, — сказала «Отвертка». — Восстановить водный баланс.

Толстый Чарли успел в ванную. Затем (раз он уже был на месте) постоял под душем, пока стены не перестали покачиваться, а после почистил зубы, не сблевав.

Когда он вернулся в спальню, «Отвертки» там уже не было, что принесло большое облегчение

Толстому Чарли, который начал надеяться, а вдруг она алкогольная галлюцинация, как розовые слоны или кошмарная мысль, что вчера вечером он поднимался на сцену, чтобы петь.

Халата он не нашел, поэтому надел тренировочный костюм — лишь бы почувствовать себя достаточно одетым для визита на кухню в дальнем конце коридора.

Зазвонил мобильный телефон, и он стал ощупывать куртку, которая лежала на полу у кровати, пока не нашел аппарат и щелчком не отбросил крышку. Потом он, насколько возможно маскируя голос, в него хмыкнул — на случай, если это кто-нибудь из «Агентства Грэхема Хорикса» пытается определить его местонахождение.

— Это я, — произнес голос Паука. — Все в норме.

— Ты сказал, что я умер?

— Еще лучше. Я сказал, что я это ты.

— Но… — Толстый Чарли постарался собраться с мыслями. — Но ты же не я!

— Ха, я-то это знаю! Я им так сказал.

— Ты даже не похож на меня.

— Не создавай лишних проблем. Все под контролем. Ох! Пора бежать. Большой босс хочет меня видеть.

— Грэхем Хорикс? Послушай, Паук…

Но Паук уже отключился, экранчик мобильного погас.

В дверь вошел халат Толстого Чарли. В халате была девушка, и на ней он смотрелся гораздо лучше, чем на самом Толстом Чарли. В руках она несла поднос со стаканом воды, в которой шипел «алка-зельтцер», и кружкой с еще чем-то.

— Выпей и то и другое, — велела она. — Сначала из кружки. Залпом.

— Что в ней?

— Яичный желток, острый вустерский соус, табаско, соль, чуточка водки и так далее. Исцелит или прикончит. Давай! — сказала она не допускавшим возражений тоном. — Пей!

Толстый Чарли влил в себя жидкость.

— О Господи! — выдохнул он.

— Ага, — согласилась девушка. — Но ты все еще жив.

В этом он был не уверен, но все равно выпил «алка-зельтцер». Тут ему кое-что пришло в голову.

— М-м-м… — сказал Толстый Чарли. — Э-э-э… Послушай. Вчера ночью. Мы. Э-э-э…

«Отвертка» недоуменно расширила глаза.

— Мы — что?

— Ну, мы… Сама знаешь. Делали?

— Ты хочешь сказать, что не помнишь? — Ее лицо упало. — Ты сказал, такого у тебя никогда не было, словно ты раньше никогда не занимался любовью с женщиной. Ты был на одну треть — бог, на одну треть — животное и еще на одну — неостановимая секс-машина.

Толстый Чарли не знал, куда девать глаза. «Отвертка» захихикала.

— Шучу. Я помогла твоему брату доставить тебя домой, мы тебя почистили, а после сам знаешь…

— Нет, — отозвался он. — Не знаю.

— Ты был в отключке, а кровать у тебя большая. Не знаю, где спал твой брат. У него, наверное, здоровье, как у быка. Встал с рассветом ясный, как солнышко.

— Он пошел на работу, — пробормотал Толстый Чарли, — Выдал себя за меня.

— А они не заметят разницы? Я хочу сказать, на близнецов вы не похожи.

— По всей видимости, пока не заметили.

Он покачал головой, потом посмотрел на девушку, которая показала ему маленький, исключительно розовый язычок.

— Как тебя зовут?

— Ты что, забыл? Я-то твое имя помню. Ты Тол-

стый Чарли.

— Чарльз, — сказал он. — Просто Чарльз сойдет.

— Я Дейзи. — Она протянула руку. — Приятно познакомиться.

Они серьезно пожали друг другу руки.

— Мне чуть лучше, — неожиданно заключил Толстый Чарли.

— Как я и сказала, прикончит или исцелит.

А в «Агентстве Грэхема Хорикса» Паук великолепно проводил время. Он никогда не работал в офисах. Он вообще никогда не работал. Все было новым, все было чудесным и странным — начиная с крохотного лифта, который рывками поднял его на пятый этаж в «муравейник» «Агентства Грэхема Хорикса». Он с изумлением постоял у стеклянной витрины с пыльными грамотами в прихожей. Он побродил по офисам, а когда его спрашивали, кто он такой, отвечал «Толстый Чарли Нанси» и произносил эти слова «божественным» голосом — тогда все, что он говорил, становилось правдой.

Он нашел комнату отдыха и приготовил себе несколько чашек чая. Потом отнес их на стол Толстого Чарли и расставил в художественном беспорядке. Потом решил поиграть с компью-

терной сетью. Сеть спросила у него пароль. «Я Толстый Чарли Нанси», — сказал он компьютеру, но все равно оставались места, куда его не пускали, поэтому он сказал: «Я Грэхем Хорикс», — и директории раскрылись перед ним как лепестки цветка.

Он покопался в компьютере, открывал то один, то другой файл, пока ему не наскучило. Разобрался с входящими документами и папками. Разобрался с незаконченными делами. Тут ему пришло в голову, что Толстый Чарли, наверное, уже проснулся, поэтому он позвонил ему домой успокоить. Он как раз счел, что неплохо потрудился за одно утро, когда в дверь просунул голову Грэхем Хорикс, который, проведя пальцем по губам, как у хорька, поманил его к себе.

— Пора бежать, — сказал Паук брату. — Большой босс хочет со мной поговорить.

Он разорвал связь.

— Опять личные разговоры в рабочее время, Нанси? — сказал Грэхем Хорикс.

— Абсо-хрен-лютно, — согласился Паук.

— Это меня вы назвали «большим боссом»? — поинтересовался Грэхем Хорикс, когда, пройдя по коридору, они переступили порог его офиса.

— Так вы и есть самый большой, — ответил

Паук. — И самый боссовый.

Грэхем Хорикс поглядел на него озадаченно: он подозревал, что над ним смеются, но не знал наверняка, и это сбивало его с толку.

— Присаживайтесь, хе-хе, присаживайтесь.

Паук присел.

В обычае Грэхема Хорикса было поддерживать постоянную текучку кадров в своем агентстве. Одни сотрудники приходили и уходили. Другие приходили и задерживались ровно до того момента, когда их работа вот-вот начнет давать хоть какие-нибудь права на защиту рабочего места. Толстый Чарли протянул дольше всех: год и одиннадцать месяцев. Еще месяц, и он получит право на выплаты по сокращению штатов или же арбитражные суды станут частью его жизни.

Была одна речь, которую Грэхем Хорикс всегда произносил перед тем, как кого-то уволить. Он очень ею гордился.

— В жизни каждого из нас, — начал он, — иногда случаются дожди. Но среди туч всегда светит лучик надежды.

— Нет худа без добра, — любезно вставил Паук.

— Э-э-э… Да. Воистину. Э-э-э… И когда мы идем сей юдолью слез, нам нужно думать, что…

— Первая рана всегда больнее.

— Что? А… — Грэхем Хорикс порылся в памяти, что же там дальше. — Счастье, — провозгласил он, — подобно бабочке.

— Или синей птице, — согласился Паук.

— Воистину. Позволите закончить?

— Конечно. Не стесняйтесь, — весело предложил Паук.

— Душевное счастье каждого сотрудника «Агентства Грэхема Хорикса» для меня не менее важно, чем мое собственное.

— Вы даже себе представить не можете, — вставил Паук, — как этим меня порадовали.

— Да, — сказал Грэхем Хорикс.

— Что ж, наверное, мне лучше вернуться к работе, — отозвался Паук. — Но речь мне понравилась. Когда в следующий раз захотите поделиться своими мыслями, только позовите. Вы знаете, где меня искать.

— Счастье… — повторил Грэхем Хорикс, чей голос прозвучал несколько сдавленно. — И вот о чем я подумал, Нанси… Чарльз… Вы у нас счастливы? Разве вы не согласитесь, что, возможно, были бы счастливее где-то еще?

— А я об этом не думал, — улыбнулся Паук. — Знаете, о чем я думал?

Грэхем Хорикс промолчал. Так увольнение еще

никогда не проходило. Обычно на этой стадии сотрудники бледнели, наступал шок. Иногда они плакали. Грэхем Хорикс ничего не имел против слез.

— А думал я, — продолжал Паук, — интересно, зачем вам счета на Каймановых островах? Знаете, такое впечатление, как будто деньги, которые должны попасть на счета наших клиентов, иногда уходят на Каймановы острова. Странная организация финансов, правда? Ведь деньги-то на этих счетах оседают. Я впервые такое вижу и надеюсь, что вы сможете мне все растолковать.

Грэхем Хорикс побелел как полотно, точнее, стал того цвета, какой в каталогах красок фигурирует под названием «Пергамент» или «Магнолия».

— Как вы получили доступ к этим счетам? — выдавил он.

— Компьютеры. Вы тоже от них на стенку лезете, да? Как вы тогда лечитесь?

Глава агентства на несколько долгих минут задумался. Ему нравилось считать, что состояние его финансов до крайности запутано, и если когда-нибудь отдел по борьбе с мошенничеством учует какие-нибудь махинации, полиции будет крайне трудно объяснить судье, в чем, собствен-

но, они заключались.

— В оффшорных счетах нет ничего противозаконного, — насколько мог небрежно, бросил он.

— Противозаконного? — переспросил Паук. — Надеюсь, что нет. Ведь если бы я увидел что-то противозаконное, мне пришлось бы сообщить в соответствующие инстанции.

Грэхем Хорикс взял со стола ручку, снова положил.

— Э-э-э… — протянул он, — так приятно было поболтать, побеседовать, провести время и вообще пообщаться с вами, Чарльз, но, полагаю, у нас обоих есть работа. Время не ждет. Оттягивать да откладывать — только время воровать.

— Жизнь — это рок-н-ролл, — предложил Паук, — но я балдею от радио.

— Как скажете.

Толстый Чарли начинал понемногу чувствовать себя человеком. Ничего уже не болело, тошнота не подкатывала медленными волнами к горлу. И хотя он еще не был уверен, что мир — приятное и радостное место, но все-таки вышел из девятого круга похмельного ада, а это само по себе было не-неплохо

Дейзи захватила ванную, теперь оттуда доносился звук бегущей воды, за которым последовал

довольный плеск. Он постучал в дверь.

— Я тут, — сказала Дейзи. — Лежу в ванне.

— Знаю. То есть не знал, но подумал, что ты скорее всего там.

— И?

— Просто интересно, — сказал он через дверь. — Интересно, почему ты с нами поехала? Вчера вечером?

— Ну, у тебя был потрепанный вид, а твоему брату как будто нужна была помощь. Сегодня утром у меня выходной, поэтому вуаля.

— Вуаля, — повторил Толстый Чарли.

Все просто: с одной стороны, она его пожалела, с другой, ей действительно понравился Паук. Да. Брат у него всего один день, и уже ясно: от отношений с новым родственником сюрпризов ждать нечего. Паук здесь крутой, а он лишний.

— У тебя красивый голос, — сказала Дейзи.

— Что?

— Пока мы ехали домой на такси, ты пел «Незабываемую». Красиво вышло.

Каким-то образом ему удалось вытеснить воспоминания о караоке, загнать их в дальний уголок, где он прятал все неприятное. А теперь они вернулись, и Толстый Чарли ужасно об этом пожалел.

— Просто замечательно вышло, — продолжала она. — Споешь мне еще потом?

Толстый Чарли стал отчаянно подыскивать отговорки, но его спас звонок во входную дверь.

— Кто-то пришел, — с облегчением сказал он.

Спустившись, он отпер дверь, и мир разом снова почернел: мама Рози наградила его таким взглядом, от которого свернулось бы молоко. Но промолчала. В руках у нее был огромный белый конверт.

— Здравствуйте… — пробормотал Толстый Чарли. — Миссис Ной. Рад вас видеть. Э-э-э…

Потянув воздух носом, она подняла конверт повыше — точно щитом прикрылась.

— Ах вот как, — сказала она. — Вы дома. Так-так. Пригласите меня войти?

«Вот именно, — подумал Толстый Чарли. — Таких всегда нужно приглашать. Только скажи «нет», и она уйдет».

— Разумеется, миссис Ной. Входите, пожалуйста, — а сам подумал: «Вот как вампиры добиваются своего». — Хотите чашечку чая?

— Не думайте, что сможете меня одурачить, — сказала она. — Потому что вам это не удастся.

— Э-э-э… Верно.

Потом было тяжкое восхождение вверх по

узенькой лестнице на кухню. Оглядевшись по сторонам, мать Рози сморщила нос, давая понять, что кухня не отвечает ее стандартам гигиены, ведь здесь присутствует съестное.

— Кофе? Воды? — «Только не произноси этих слов!» — Восковое яблоко? — «Вот черт!»

— Насколько я поняла со слов Рози, ваш отец недавно умер.

— Да.

— Когда скончался отец Рози, в журнале «Повара и искусство гастрономии» напечатали четырехстраничный некролог. Написали, что он один своими трудами принес в эту страну карибскую кухню-фьюжн.

— О, — выдавил Толстый Чарли.

— И он позаботился обо мне. Он застраховал свою жизнь, и у него был пай в двух процветающих ресторанах. Я очень состоятельная женщина. Когда я умру, все отойдет Рози.

— Когда мы поженимся, — сказал Толстый Чарли, — я буду о ней заботиться. Не беспокойтесь.

— Не стану утверждать, что вы женитесь на Рози из-за моих денег, — сказала мать Рози, но ее тон ясно давал понять, что именно это она имеет в виду.

Головная боль начала возвращаться.

— Я чем-то могу быть вам полезен, миссис Ной?

— Я поговорила с Рози, и мы решили, что мне пора помочь вам с приготовлениями к свадьбе, — чопорно сказала она. — Мне нужен список ваших друзей и родственников. Тех, кого вы рассчитывали пригласить. Имена, адреса проживания и электронной почты, а также номера телефонов. Я составила для вас формуляр, который следует заполнить. Я решила, что сэкономлю на почтовых марках, если сама опущу конверт в ваш почтовый ящик, поскольку все равно собиралась проезжать через Максвелл-гарденс. Я не ожидала застать вас дома. — Она протянула ему большой белый конверт. — В общей сложности на свадьбе будет девяносто человек, вам полагается восемь родственников и шесть близких друзей. Ваши личные друзья и четверо родственников составят стол «Ж». Остальные ваши родственники сядут за стол «В». Место вашего отца было бы с нами за главным столом, но, учитывая, что он скончался, мы отдали его тетушке Винифред. Вы уже решили относительно шафера?

Толстый Чарли покачал головой.

— Когда решите, позаботьтесь, чтобы в его речи не было непристойностей. Я не хочу услышать

от вашего шафера ничего, чего не услышала бы в церкви. Вам понятно?

Толстый Чарли задумался, а что, собственно, обычно слышит в церкви мама Рози. Вероятно, только крики в свой адрес «Изыди, адское отродье!», за которыми следуют охи «Оно живое?» и нервные вопросы, не забыли ли принести осиновые келья и молотки.

— Думаю, — сказал Толстый Чарли, — у меня больше десяти родственников. Я хочу сказать, кузены и кузины, двоюродные тети и так далее.

— Вы, по всей видимости, не сознаете, — сказала мама Рози, — что свадьба стоит денег. Я отвела по сто семьдесят пять фунтов на столы с «А» по «Г». «А», разумеется, главный. За эти столы сядут ближайшие родственники Рози и мой женский клуб. По сто двадцать пять фунтов отведено на столы с «Д» по «Е», за которые, сами понимаете, сядут не столь близкие знакомые, дети и так далее.

— Вы сказали, мои друзья будут за столом «Ж», — сказал Толстый Чарли.

— Это еще одним уровнем ниже. Туда не будут подавать закуску из авокадо с креветками или бисквиты с шерри.

— Когда мы с Рози обсуждали обед, то собира-

лись взять общей темой кухню Вест-Индии.

Мама Рози раздула ноздри.

— Временами девочка сама не знает, чего хочет. Но теперь мы с ней обо всем договорились.

— Послушайте, — сказал Толстый Чарли, — думаю, мне нужно поговорить с Рози, а потом я вам позвоню.

— Просто заполните формуляры, — велела мама Рози и подозрительно поинтересовалась: — Почему вы не на работе?

— Я… Я там не… То есть у меня сегодня выходной. Я не пойду. Туда не пойду.

— Надеюсь, вы сообщили об этом Рози. Она мне сказала, что собирается пойти на ленч с вами. И из-за вас я теперь останусь одна.

Толстый Чарли переварил полученную информацию.

— Ага. Спасибо, что заглянули, миссис Ной. Я поговорю с Рози, и…

В кухню вошла Дейзи. Одета она была в льнущий к сырому телу халат Толстого Чарли, на голову наверчено полотенце.

— У тебя ведь есть апельсиновый сок, правда? — спросила она. — Знаю, я его видела, когда заглядывала в холодильник. Как твоя голова? Лучше?

Открыв холодильник, она налила себе сок в высокий стакан.

Мама Рози кашлянула. По звуку не походило на откашливание, скорее уж на гремящую под волной гальку.

— Привет, — сказала Дейзи. — Меня зовут Дейзи.

Температура в кухне начала стремительно падать.

— Вот как? — спросила мать Рози. С последнего «к» свисали сосульки.

— Интересно, как бы называли апельсины, — сказал в повисшей тишине Толстый Чарли, — не будь они апельсинового цвета. Если бы они были никому не известным голубым фруктом, стали бы их называть голубинами? И мы пили бы тогда голубиновый сок?

— Что? — переспросила мама Рози.

— Ну и ахинея, ей-богу! — улыбнулась Дейзи. — Ладно. Пойду поищу свою одежду. Приятно было познакомиться.

Она вышла. Толстый Чарли не смел даже дышать.

— Кто. Это. Был? — с каменным спокойствием чеканя слова, спросила мать Рози.

— Моя сес… кузина. Кузина, — пробормотал

Толстый Чарли. — Я привык называть ее сестрой. Мы вместе выросли. Она просто решила переночевать у меня. Она у нас сорвиголова. Ну… Да… Увидите ее на свадьбе.

— Помещу ее за стол «Ж», — сказала мама Рози. — Там ей будет удобнее. — Сказано это было таким тоном, каким нормальные люди говорят: «Хотите умереть быстро или дать Монго сперва с вами поиграть?»

— Ага, ладно. Приятно было повидаться. М-да… у вас, наверное, уйма дел, а мне надо собираться на работу.

— Я думала, у вас выходной.

— Утро. У меня свободное утро. А оно почти кончилось. И мне нужно ехать на работу, поэтому до свидания.

Прижав к себе сумочку, мама Рози встала. Толстый Чарли поплелся за ней в коридор.

— Спасибо, что заглянули.

Она моргнула — точь-в-точь змея перед броском.

— До свидания, Дейзи, — окликнула она. — Увидимся на свадьбе.

Натягивая через голову футболку, в коридор высунулась Дейзи в трусиках и лифчике.

— Берегите себя, — сказала она и исчезла в

спальне Толстого Чарли.

За все то время, пока Толстый Чарли провожал ее до двери, мама Рози больше не произнесла ни слова. Когда, переступив порог, она обернулась, он увидел в ее лице нечто ужасное, и его желудок стянуло узлом еще большим, чем раньше. И было это то, что мама Рози делала губами. Углы ее рта вздернула вверх жуткая гримаса — эдакий череп с сухими губами.

Закрыв за ней дверь, он стоял, дрожа, в прихожей. А после, как человек, отправляющийся на электрический стул, поплелся наверх.

— Кто это был? — спросила почти одетая Дейзи.

— Мать моей невесты.

— Сущая мегера, верно?

На Дейзи была та же одежда, что и вчера.

— Неужели ты так пойдешь на работу?

— Господи упаси! Нет, сначала поеду домой переоденусь. И вообще на работе я выгляжу иначе. Вызови мне такси, ладно?

— Тебе куда?

— В Хендон.

Он позвонил в местную службу заказа такси. Потом рухнул на стул в коридоре, проигрывая различные сценарии будущего — все малопри-

влекательные.

И вдруг заметил, что кто-то стоит рядом.

— У меня есть витамин В, — сказала Дейзи. — Или попытайся пососать ложку меда. Мне никогда не помогало, но моя соседка клянется и божится, что это снимает ей похмелье.

— Не в том дело, — ответил Толстый Чарли. — Я сказал ей, что ты моя кузина. Чтобы она не подумала, что ты моя… что мы… ну, понимаешь… чужая девушка в моей квартире…

— Кузина, да? Ладно, не волнуйся. Она скорее всего про меня забудет, а если нет, то скажешь, что мне по какой-то причине пришлось срочно уехать за границу. Ты никогда больше меня не увидишь.

— Правда? Обещаешь?

— Поменьше радости в голосе, пожалуйста.

С улицы просигналил автомобиль.

— Мое такси. Встань и попрощайся.

Толстый Чарли встал.

— Не волнуйся, — сказала Дейзи и обняла его на прощание.

— Кажется, моя жизнь кончена.

— Нет, не кончена.

— Я обречен.

— Спасибо, — сказала она, а потом вдруг встала

на цыпочки и поцеловала его — поцелуем более долгим и крепким, чем полагается по условиям столь недавнего знакомства. Затем, бросив ему улыбку, она сбежала по ступенькам и была такова.

— Ничего такого не было, — сказал закрывшейся двери Толстый Чарли. — На самом деле такое просто невозможно.

Он еще чувствовал вкус ее апельсиновый сок и малина. Это был настоящий поцелуй. Серьезный поцелуй. В нем было «ух ты», какого он никогда в жизни не испытывал. Даже с…

— Рози, — выдохнул он и поспешно набрал ее номер.

— Вы позвонили Рози, — произнес голос его невесты. — Я занята или снова потеряла мобильник. А с вами говорит автоответчик. Перезвоните мне домой или оставьте свое сообщение…

Толстый Чарли прервал связь. Потом надел поверх тренировочного костюма пальто и, чуть поморщившись на безжалостный дневной свет, вышел на улицу.

Рози беспокоилась, что само по себе ее тревожило. А виной (хотела она себе в этом признаться или нет) этому и многому другому в мире Рози была ее мама.

Мир, в котором маме ненавистна сама мысль о том, что дочь выйдет замуж за Толстого Чарли Нанси, казался понятным и привычным. Сопротивление мамы свадьбе она приняла за знамение: мол, это правильный поступок, даже если сама она не до конца в себе уверена.

Конечно, она любила Толстого Чарли. Он был солидным, надежным, благоразумным…

Мамин поворот на сто восемьдесят градусов встревожил Рози, а внезапный энтузиазм в подготовке к свадьбе глубоко обеспокоил.

Вчера вечером она позвонила Толстому Чарли поговорить о маминых планах, но он не брал трубку ни по домашнему, ни по мобильному телефону. Рози предположила, что он, наверное, рано лег спать.

Вот почему ради разговора с ним она отказалась от ленча.

«Агентство Грэхема Хорикса» занимало верхний этаж серого викторианского здания в Олдвиче и подниматься туда надо было на десять пролетов лестницы. Конечно, здесь имелся лифт, встроенный сто лет назад театральным агентом Рупертом «Бинки» Баттервортом. Это был исключительно маленький, медленный и тряский лифт, а странности в его конструкции

и функционировании становились понятны лишь тому, кто был посвящен в тайны агентства. Бинки Баттерворт обладал размерами, телосложением упитанного бегемота и способностью втискиваться в самые тесные места, а лифт был сконструирован так, чтобы в него могли поместиться только сам Бинки Баттерворт и еще какой-нибудь, гораздо более стройный человек, — хористка, например, или хорист, Бинки не привередничал. Для счастья Бинки нужно было лишь, чтобы кто-нибудь, жаждущий ангажемента, втиснулся вместе с ним в лифт и поднялся — медленно, трясясь и подергиваясь — на пять этажей. Очень часто случалось, что по прибытии на место Бинки так одолевали тяготы путешествия, что ему требовалось прилечь, оставив хористку (или хориста) обивать каблуки в приемной, тревожась, не были ли покраснение лица и неконтролируемая одышка, напавшие на Бинки на последнем «перегоне», симптомами раннеэдвардианской эмболии.

Кто хотя бы раз поднимался на лифте с Бинки Баттервортом, после всегда пользовался лестницей.

Грэхем Хорикс, более двадцати лет назад купивший остатки агентства Баттерворта у внучки

Бинки, оставил лифт как историческую достопримечательность.

Сложив гремящую внутреннюю решетку, Рози открыла внешнюю дверь и сказала секретарю в приемной, что ей нужен Чарльз Нанси, потом села под фотографиями Грэхема Хорикса с людьми, которых он представлял. Из них знакомыми ей показались только комик Моррис Ливингстон, несколько когда-то знаменитых мальчишеских групп и кучка звезд спорта, которые под старость стали «личностями» — из тех, кто по мере сил получает удовольствие от жизни, пока не представится шанс получить новую печень.

В приемную вошел мужчина. Он не слишком походил на Толстого Чарли: был смуглее и улыбался так, словно все кругом его забавляло — бесконечно, опасно забавляло.

— Я Толстый Чарли Нанси, — сказал он.

Подойдя к Толстому Чарли Нанси, Рози чмокнула его в щеку.

— Мы знакомы? — спросил он, к удивлению Рози, но тут же поправился: — Конечно, конечно, ты моя невеста. И с каждым днем становишься все красивее.

Тут он наклонился ее поцеловать. Их губы едва соприкоснулись, но сердце у Рози забилось, как

у Бинки Баттерворта после особенно тряского подъема с прижатой к нему хористкой.

— Ленч, — пискнула Рози. — Я проходила мимо… Подумала… Мы можем поговорить.

— Ах да, — согласился мужчина, которого Рози считала теперь Толстым Чарли. — Ленч.

Он преспокойно обнял ее за талию.

— Куда хочешь пойти?

— Ох! — выдохнула она. — Ну… Куда скажешь.

«Все дело в его запахе, — подумала Рози. — И почему я раньше не замечала, как приятно от него пахнет?»

— Найдем что-нибудь, — снизошел он. — Спустимся по лестнице?

— Если ты не против, — сказала она, — я бы предпочла лифт.

Она с грохотом закрыла складную дверь, и они медленно и рывками стали спускаться вниз, прижатые друг к другу.

Рози даже вспомнить не могла, когда была так счастлива.

Когда они вышли на улицу, телефон Рози звякнул, давая понять, что она пропустила звонок. Ну и бог с ним…

Они вошли в первый же встретившийся ресторан. Еще месяц назад тут был модный суши-бар:

сплошь хром и абстрактные картинки, через весь зал шла лента конвейера с кусочками сырой рыбы, цена на которую зависела от цвета тарелки. Японское заведение прогорело, и тут же (как это бывает с лондонскими заведениями) его заменил венгерский ресторанчик, оставивший ленту конвейера как высокотехнологичное дополнение к миру национальной кухни, а потому через зал торжественно плыли миски с быстро остывающим гуляшом, клецками со сладким перцем и блюдечки со сметаной.

Рози решила, что и эти блюда не приживутся.

— Где ты был вчера вечером? — спросила она.

— Гулял, — уклончиво ответил он. — С братом.

— Ты же был единственным ребенком в семье.

— Оказывается, нет. Оказывается, я лишь половинка сервиза.

— Правда? Опять папино наследство?

— Милая, — сказал тот, кого она считала Толстым Чарли, — ты и десятой части не знаешь.

— Надеюсь, он придет на свадьбу?

— Ни за что на свете не пропустит! — Он сжал ее руку, и она едва не уронила ложку с гуляшом. — У тебя есть планы на сегодня?

— Как будто нет. В конторе сейчас затишье. Нужно сделать несколько звонков, ну, помнишь,

наша кампания по сбору средств? Но они могут подождать. А что… Ты… Э-э-э… А в чем дело?

— День такой красивый. Пойдем погуляем?

— Замечательно, — откликнулась Рози.

Они медленно двинулись по набережной Принца Альберта, оттуда вышли на северный берег Темзы. Они держались за руки и болтали ни о чем.

— А как же твоя работа? — спросила вдруг Рози, когда они остановились купить мороженое.

— Ах это, — отозвался он. — Там, наверное, никто даже не заметит, что меня нет.

Толстый Чарли взбежал по лестнице в «Агентство Грэхема Хорикса». Он всегда поднимался по лестнице. Во-первых, полезно для здоровья, а во-вторых, не надо волноваться, что тебя притиснет к кому-нибудь, и этот человек будет так близко, что уже не сможешь делать вид, будто его там нет.

В приемную он влетел, слегка запыхавшись.

— Рози заходила, Энни?

— Ты ее по дороге потерял? — спросила секретарь.

Он прошел к себе в кабинет. На столе было непривычно чисто. Гора неотвеченных писем исчезла. На экране компьютера висела самокле-

ющаяся бумажка: «Зайдите ко мне. Г.Х.».

Он постучался в кабинет Грэхема Хорикса. На сей раз голос произнес:

— Да?

— Это я, — сказал он.

— Входите, — отозвался Грэхем Хорикс. — Входите, мастер Нанси. Тащите себе кресло. Я много думал над нашим утренним разговором. И сдается мне, я сильно вас недооценивал. Вы работаете здесь… сколько уже?

— Почти два года.

— Вы работали долго и упорно. А теперь еще прискорбная кончина вашего отца…

— На самом деле я его едва знал.

— Ага. Так держать, Нанси. Учитывая нынешнее затишье, как насчет пары недель отпуска? Нужно ли говорить, что он будет полностью оплачен.

— Полностью оплачен? — переспросил Толстый Чарли.

— Полностью оплачен? Ага, понял, о чем вы. Деньги на расходы. Уверен, немного на карманные расходы вам не помешало бы, а?

Толстый Чарли силился сообразить, в какой вселенной очутился.

— Вы меня увольняете?

Тут Грэхем Хорикс рассмеялся — как хорек, у которого в горле застряла острая косточка.

— Абсо-ненно нет. Даже напротив. Теперь, я полагаю, мы прекрасно понимаем друг друга. Ваше будущее упрочено. Как каменный дом. Разумеется, пока вы остаетесь образцом осмотрительности и такта, каким были до сих пор.

— Как каменный дом? — недоуменно переспросил Толстый Чарли.

— Как за каменной стеной.

— Просто я где-то читал, что большинство несчастных случаев происходит дома.

— Тогда, считаю, вам крайне важно как можно скорее вернуться домой. — Он протянул Толстому Чарли прямоугольный листок. — Вот, скоромная благодарность за два года безупречных трудов на благо «Агентства Грэхема Хорикса». — И, не удержавшись, добавил: — Не тратьте все сразу. — Ведь он всегда так говорил, давая кому-то деньги.

Толстый Чарли опустил взгляд на бумажку. Это был чек.

— Две тысячи. Ух ты! То есть нет, конечно, не буду.

Грэхем Хорикс улыбнулся. Если его улыбка и светилась победой, то Толстый Чарли был слишком озадачен и потрясен, чтобы ее заметить.

— Идите с миром, — сказал Грэхем Хорикс.

Толстый Чарли отправился к себе в кабинет. Минуту спустя Грэхем Хорикс небрежно, как паук из паутины, выглянул за дверь.

— Да, кстати. Из чистого любопытства. Если, пока вы отдыхаете и наслаждаетесь радостями жизни — что я вам настоятельно рекомендую… о чем я? Ах да, если мне понадобится войти в ваши файлы, не скажете ли свой пароль?

— Я думал, с вашим паролем вы можете войти куда угодно в системе, — сказал Толстый Чарли.

— Конечно, конечно, — беспечно согласился Грэхем Хорикс. — Просто на всякий случай. Сами знаете, как бывает с компьютерами.

— «Русалка», — сказал Толстый Чарли. — «Р-У-С-А-Л-К-А».

— Замечательно. — Грэхем Хорикс не потер руки, но вполне мог это сделать. — Замечательно.

Толстый Чарли вышел на улицу с чеком на две тысячи фунтов в кармане, удивляясь, как за два года не сумел разобраться в Грэхеме Хориксе, не понял, какой он чудесный человек.

Зайдя в ближайший банк, он отправил сумму с чека на свой счет. А потом пошел по набережной Принца Альберта, чтобы подышать воздухом и подумать.

Он стал на две тысячи фунтов богаче. Утренняя головная боль развеялась. Он чувствовал себя солидным и процветающим. Интересно, может, удастся уговорить Рози поехать в короткий отпуск? Конечно, с бухты-барахты, но все-таки…

И тут он увидел Паука и Рози, которые шли рука об руку по другую сторону улицы. Рози доедала мороженое. Потом она остановилась, бросила остатки в мусорную урну, притянула к себе Паука и перепачканными в мороженом губами поцеловала с энтузиазмом и пылом.

Толстый Чарли почувствовал, как головная боль возвращается. И что теперь? Толстый Чарли не знал. Его словно бы разбил паралич.

Он смотрел, как они целуются: ведь придется же им рано или поздно оторваться, чтобы глотнуть воздуха! Но они все не отрывались, поэтому, чувствуя себя бесконечно несчастным, он развернулся и побрел куда глаза глядят, пока не вышел к метро.

И поехал домой.

К тому времени когда он доехал, мир уже катился в тартарары, поэтому, решив, что ничего уже не исправить, Толстый Чарли забрался в кровать, от которой смутно пахло Дейзи, и закрыл глаза.

— *Ну?* — спросил отец. — *Вы с Пауком пола-*

дили?

— *Во-первых, это сон,* — резонно объяснил ему Толстый Чарли. — *А во-вторых, я не хочу об этом разговаривать.*

— *Дети, дети,* — покачал головой отец. — *Послушай. Я скажу тебе кое-что важное.*

— *Что?*

Но отец не ответил. Что-то в волнах привлекло его взгляд, и, нагнувшись, он его поднял. Вяло заизвивались пять остроконечных лучей.

— *Морская звезда,* — задумчиво протянул отец. — *Если разрезать ее пополам, она вырастет в две новые.*

— *Я думал, ты хочешь сказать мне что-то важное.*

Отец схватился за грудь, упал на песок и застыл. Из песка вылезли червяки и в мгновение ока сожрали отца, не оставив ничего, кроме костей.

— *Папа?*

Толстый Чарли проснулся у себя в спальне, щеки у него были мокрыми от слез. Потом он перестал плакать. Не из-за чего расстраиваться. Его отец не умер, это был просто дурной сон.

Завтра он пригласит Рози к себе. Они съедят стейк. Он сам его пожарит. И все будет хорошо.

Толстый Чарли встал и оделся.

Двадцать минут спустя, когда, сидя за кухонным столом, он ел из пластикового стакана китайскую лапшу, ему пришло в голову, что случившееся на пляже, конечно, было сном, но отец все-таки мертв.

Под вечер Рози заехала к маме на Уимпоул-стрит.

— Я сегодня видела твоего жениха, — сказала миссис Ной.

На самом деле ее звали Ютерия. Но за тридцать лет никто не называл ее так в лицо, кроме покойного мужа. Вот только после его смерти имя атрофировалось и маловероятно, что до конца ее дней оно когда-нибудь прозвучит.

— И я, — ответила Рози. — Господи, как же я его люблю!

— Да, конечно. Ты же выходишь за него замуж, верно?

— Ну да! То есть я всегда знала, что его люблю, но сегодня поняла, насколько сильно. Все в нем люблю.

— Ты его спрашивала, где он был вчера?

— Он все объяснил. Он ходил в кафе с братом.

— Не знала, что у него есть брат.

— Он раньше о нем не говорил. Они не слишком близки.

Мать Рози щелкнула языком.

— Воссоединение большой семьи. Он и про кузину рассказывал?

— Про кузину?

— Или, может, сестру. Он не был точно уверен. Хорошенькая, на помоечный манер. Смахивает на китаянку. У нее на лице написано: от такой хорошего не жди. Если, конечно, хочешь знать мое мнение. Но у них вся семья такая.

— Мама! Ты же не встречалась с его семьей.

— Я видела ее. Она была у него на кухне сегодня утром, ходила по квартире почти голая. Никакого стыда нет. Бесстыжая. Если, конечно, она его кузина.

— Толстый Чарли не стал бы лгать.

— Он ведь мужчина, правда?

— Мама!

— И вообще, почему он сегодня не был на работе?

— Был. Я к нему заходила. Мы вместе съели ленч.

Открыв пудреницу, мама Рози порассматривала помаду у себя на губах, потом стерла кончиком пальца красное пятнышко с зуба.

— Чего еще ты ему наговорила, мама?

— Мы просто поболтали о приготовлениях к

празднику, о том, как мне бы не хотелось, чтобы его шафер отпускал сомнительные шуточки на свадьбе. Вид у него был такой, точно он с похмелья. Помнишь, как я тебя предупреждала? Не выходи за пьяницу.

— Когда я его видела, он выглядел отлично, — чопорно возразила Рози, но уже минуту спустя не выдержала: — Ах мама, у меня был такой прекрасный день! Мы гуляли и разговаривали… И у него такие мягкие руки! Ах, я говорила, как чудесно от него пахнет?!

— Уж скорее он у тебя с душком. Знаешь что, в следующий раз, когда его увидишь, спроси про эту его кузину. Я не говорю, что она его кузина, и обратного тоже не утверждаю. Просто хочу сказать, что если она его кузина, то в семье у него сплошь гулящие и стриптизерки, а с таким человеком встречаться не следует.

Теперь, когда мама снова стала нападать на Толстого Чарли, у Рози отлегло от сердца.

— Ничего больше не хочу слышать, мама.

— Ладно. Молчу. В конце концов, не я же выхожу за него замуж. Не я выбрасываю псу под хвост свою жизнь. И не я стану плакать в подушку, когда он будет вечерами выпивать со всякими девицами. И не я буду ждать день за днем, ночь

за пустой ночью, когда он выйдет из тюрьмы.

— Мама! — Рози постаралась, чтобы восклицание вышло возмущенное, но сама мысль о том, что Толстый Чарли может попасть в тюрьму, была такой смешной, такой нелепой, что она с трудом подавила смешок.

В кармане у Рози защебетал сотовый. Нажав кнопку, она сказала «Да» и «С радостью. Это будет чудесно». Потом убрала телефон.

— Это был он! — воскликнула она. — Приглашает меня сегодня к себе. Будет для меня готовить. Правда, мило? — И добавила: — Да уж, тюрьма!

— Я мать, — сказала ее мама в лишенной пищи квартире, где даже не смела садиться пыль, — и знаю то, что знаю.

У себя в кабинете Грэхем Хорикс смотрел в экран компьютера, а за окном день сменялся сумерками. Он открывал документ за документом, сводку за сводкой. Кое-какие исправлял. Но большинство удалял.

Сегодня вечером ему полагалось поехать в Бирмингем, где один его клиент, бывший футболист, должен был открывать ночной клуб. Грэхем Хорикс позвонил с извинениями: жаль, очень жаль, но неотложные дела, в поте лица и все такое…

Вскоре за окном совсем стемнело. В холодном

голубоватом свечении от компьютерного экрана Грэхем Хорикс изменял, переписывал и удалял.

Вот вам еще одна история, какую рассказывают про Ананси.

Когда-то давным-давно жена Ананси посадила поле гороха. Горох вырос такой хороший, такой круглый, такой зеленый — лучше не бывает. При одном виде стручков слюнки текли.

Как только Ананси увидел созревшее поле, то сразу захотел гороха. И не часть, нет, все поле, ведь у Ананси был неуемный аппетит. Он ни с кем не хотел делиться горохом. Он хотел заполучить все себе.

Поэтому Ананси лег в кровать и стал стонать — громко-громко и долго-долго, — и жена с сыновьями прибежали со всех ног.

— Умираю, — заскулил Ананси слабо-слабо и жалобно-прежалобно, — моя жизнь кончена.

И его жена с сыновьями заплакали горючими слезами. А Ананси слабо-слабо и жалобно-прежалобно говорит:

— Я при смерти, поэтому обещайте мне две вещи.

— Все что угодно, — говорят жена с сыновьями.

— Во-первых, обещайте похоронить меня под

большим хлебным деревом.

— Под тем хлебным деревом, которое растет возле горохового поля? — спрашивает жена.

— Конечно, под этим, — говорит Ананси и слезно добавляет: — И обещайте мне еще кое-что. Обещайте, что в память обо мне разожжете небольшой костер в ногах моей могилы. И, дабы показать, что вы обо мне не забываете, никогда не давайте ему погаснуть.

— Обещаем! Обещаем! — восклицают, рыдая, жена Ананси с сыновьями.

— И на этом костре — в знак вашей любви и уважения — пусть будет котелок с соленой водой, чтобы напоминал вам о жарких соленых слезах, которые вы пролили, когда я лежал при смерти.

— Обещаем! Обещаем! — плачут они, и Ананси закрывает глаза и больше не дышит.

Отнесли Ананси к большому хлебному дереву, что росло возле горохового поля, и закопали на шесть футов, в ногах могилы развели маленький костер, а рядом поставили котелок с соленой водой.

Ананси ждет целый день, а когда наступает ночь, вылезает из могилы, идет на гороховое поле и срывает там самые толстые, самые сладкие, самые спелые стручки. Он их собирает и варит в

котелке, и наедается так, что живот у него становится круглым и натянутым, как барабан.

Потом, перед рассветом он забирается назад под землю и засыпает. Он спит, когда приходит жена с сыновьями и видит, что горох исчез, он спит, когда они видят, что котелок пуст, и наполняют его снова, он спит, пока они горюют.

Каждую ночь Ананси выходит из могилы, танцует и радуется своей хитрости, и каждую ночь наполняет котелок и живот горохом и ест до отвала.

Проходят дни, семья Ананси все худеет и худеет, ведь все, что поспело, собирает по ночам Ананси, и есть им нечего.

Жена Ананси смотрит в пустые тарелки и говорит сыновьям:

— Что бы сделал ваш отец?

А сыновья все думают и думают и вспоминают каждую историю, какую рассказывал им Ананси. Потом они идут к большим ямам, где варят смолу, покупают на шесть пенни смолы, много смолы, целых четыре больших ведра. И несут их на гороховое поле. А там делают человека из смолы: смоляное лицо, смоляные глаза, смоляные руки, смоляные пальцы и смоляное туловище. Отличный вышел человек, черный и гордый, как

сам Ананси.

В ту ночь старый Ананси, толстый, каким за всю жизнь не бывал, выбирается из-под земли, упитанный и счастливый, с животом, натянутым, как барабан, и идет на гороховое поле.

— Кто ты? — спрашивает он смоляного человека.

Но смоляной человек молчок.

— Это мое место, — говорит ему Ананси. — Это мое гороховое поле. Тебе лучше уйти подобру-поздорову.

Смоляной человек не отвечает ни слова и не шевелится.

— Я самый сильный, самый могучий, самый великий, лучше меня нет, не было и не будет, — говорит ему Ананси. — Я отважнее Льва, быстрее Гепарда, сильнее Слона, ужаснее Тигра.

Он раздувается от гордости и мощи и забывает, что он всего лишь маленький паучок.

— Трепещи, — говорит он. — Трепещи и беги.

Смоляной человек не трепещет и не бежит. Правду сказать, он просто стоит на месте.

Поэтому Ананси ударяет его кулаком. И кулак Ананси прилипает намертво.

— Отпусти мою руку, — говорит Ананси смоляному человеку. — Отпусти мою руку, не то я дам

тебе затрещину.

Но тот не говорит ни слова, не шевелит и пальцем, и Ананси дает ему пощечину.

— Ладно, — говорит Ананси, — шутки в сторону. Если хочешь, можешь держать обе мои руки, но у меня есть еще четыре и две ноги, и всех тебе не удержать. Поэтому лучше отпусти меня, и я тебя пощажу.

А смоляной человек не отпускает руки Ананси и не говорит ни слова, поэтому Ананси ударяет его всеми своими руками, а после пинает ногами.

— Ладно, — говорит Ананси, — отпусти меня, не то я тебя укушу.

Смоляной человек залепляет его рот, затыкает нос, замазывает все лицо.

Так жена Ананси с сыновьями и нашли его на следующее утро, когда пришли на гороховое поле к старому хлебному дереву: он намертво прилип к смоляному человеку, мертвее не бывает.

Увидев его таким, они нисколечки не удивились.

В те дни обычным делом было застать Ананси таким.

Глава шестая, в которой Толстому Чарли не удается попасть домой даже на такси

Дейзи проснулась от звонка будильника и, как котенок, потянулась в кровати. Из-за стены доносился шум душа — значит, соседка уже встала. Надев розовый махровый халатик, она вышла в коридор.

— Хочешь овсянку? — крикнула она через дверь ванны.

— Не особенно. Но если приготовишь, съем.

— Умеешь ты дать ближним почувствовать себя нужными, — сказала Дейзи и поставила в крохотной кухоньке кастрюльку на плиту.

Потом вернулась в свою комнату, надела рабочую одежду и посмотрела на себя в зеркало. Скорчила рожицу. Затянула волосы в тугой узел на затылке.

Ее соседка, худышка из Престона по имени Кэрол, высунула голову из ванной.

— Ванная твоя. Какие новости от овсянки?

— Вероятно, надо помешать.

— Ну, где была прошлой ночью? Сказала, пойдешь отмечать день рождения Сильвии и, насколько я знаю, не вернулась.

— Любопытство сгубило кошку.

Дейзи пошла на кухню и помешала овсянку, потом, добавив щепотку соли, помешала еще. Положив по паре половников в миски, она поставила их на столик.

— Кэрол? Овсянка стынет!

Явилась полуодетая Кэрол: села и уставилась на овсянку.

— Разве это настоящий завтрак, а? Если хочешь знать, настоящий завтрак — это яичница, сардельки, кровяная колбаса и помидоры с гриля.

— Вот и приготовь, — отозвалась Дейзи. — А я поем.

Кэрол высыпала в кашу чайную ложку сахара. Посмотрела задумчиво и бухнула еще одну.

— Не выйдет. Ты только говоришь, что съешь. А сама заведешь старую песню про холестерин и про то, как жареное вредно для почек.

Она попробовала овсянку с таким видом, будто каша вот-вот ее укусит. Дейзи поставила перед ней чашку чая.

— Вечно ты со своими почками. А это идея! Ты почки ешь, Дейзи?

— Как-то пробовала. С тем же успехом можно пожарить полфунта печенки, а потом на нее помочиться.

Кэрол шмыгнула носом:

— Ну, не к столу же!

— Ешь свою овсянку.

Очистив тарелки, они запили кашу чаем, сложили все в посудомоечную машину, но, поскольку в ней еще было место, включать не стали. Потом поехали на работу. Кэрол — теперь уже в форме — села за руль.

На работе Дейзи отправилась к своему столу — в большой комнате, заставленной пустыми столами.

Стоило ей сесть, зазвонил телефон.

— Дейзи? Вы опоздали.

Она поглядела на часы.

— Нет, не опоздала, сэр. Итак, могу я быть вам полезна сегодня утром?

— Более чем, более чем. Можете позвонить человеку по фамилии Хорикс. Он приятель суперинтенданта. Тоже болеет за «Хрустальный дворец». Уже дважды присылал мне сегодня письма по электронной почте. Хотелось бы знать, кто научил суперинтенданта пользоваться электронной почтой?

Записав номер, Дейзи набрала его, а после самым деловым тоном сказала:

— Детектив Дей. Чем могу помочь?

— Ага, — отозвался мужской голос, — как я говорил вчера вечером суперинтенданту, кстати сказать, славный малый, старый друг… Хороший человек. Он посоветовал обратиться в ваш отдел. Мне хотелось бы заявить… Ну, я не уверен, что действительно было совершено преступление. Наверное, найдется вполне разумное объяснение. Есть кое-какие неувязки и, ну, если быть совершенно откровенным, я отправил бухгалтера на пару недель в отпуск, пока пытаюсь свыкнуться с мыслью, что он, возможно, замешан в кое-каких… м-м-м… в общем, у нас тут финансовые неувязки.

— Может быть, перейдем к конкретным фактам? — предложила Дейзи. — Ваше полное имя? И имя бухгалтера?

— Меня зовут Грэхем Хорикс, — сказали на другом конце трубки. — Из «Агентства Грэхема Хорикса». Мой бухгалтер некто по фамилии Нанси. Чарльз Нанси.

Дейзи записала оба имени. Никакой звоночек не зазвенел.

Толстый Чарли планировал выяснить отношения с Пауком, как только брат явится домой.

Мысленно он раз за разом прокручивал разговор по душам, перерастающий в перепалку или даже ссору, и всякий раз побеждал — честно и безоговорочно.

Однако тем вечером Паук домой не вернулся, и Толстый Чарли наконец заснул перед телевизором, вполглаза глядя игровое шоу со смехом за кадром для сексуально озабоченных и страдающих бессонницей — кажется, оно называлось «Покажи-ка попку!».

Проснулся он на диване от того, что Паук раздвинул занавески.

— Отличный денек, — сказал брат.

— Ты! — выдохнул Толстый Чарли. — Ты целовался с Рози! Не пытайся этого отрицать!

— Пришлось, — пожал плечами Паук.

— Что значит пришлось? Какая в том была необходимость?

— Она приняла меня за тебя.

— Ты-то знал, что ты это не я. Тебе не следовало ее целовать.

— Но если бы я отказался, она бы решила, что это ты не хочешь ее целовать.

— Но это был не я.

— А ей-то откуда знать? Я просто пытался оказать услугу.

— Хороша услуга! — сказал с дивана Толстый Чарли. — Услугу ты окажешь, если не будешь целовать мою невесту. Мог бы сказать, у тебя зуб болит.

— Пришлось бы солгать, — благородно возразил Паук.

— Но ты и так уже лгал! Выдавал себя за меня!

— Выходит, я приумножил бы ложь, — объяснил Паук. — Да и вообще я поступил так только потому, что ты был не в состоянии пойти на работу. Нет, — продолжал он, — дальше я лгать не мог. Я бы ужасно себя чувствовал.

— Нет, это я ужасно себя чувствовал. Я же смотрел, как ты с ней целуешься!

— Но она-то думала, что целует тебя.

— Перестань это повторять!

— На твоем месте, я был бы польщен. Хочешь ленч?

— Конечно, я не хочу ленч! Который час?

— Время ленча, — сказал Паук. — И ты опять опоздал на работу. Хорошо, что не пришлось снова тебя подменять, если я такое слышу вместо «спасибо».

— Все в порядке, — сказал Толстый Чарли. — Мне дали две недели отпуска. И премию.

Паук поднял брови.

— Послушай, — сказал Толстый Чарли, решив, что пора перейти ко второму раунду ссоры, — я вовсе не пытаюсь от тебя избавиться и все такое, но все-таки спрошу. Когда ты собираешься уезжать?

— Ну, — протянул Паук, — когда я только приехал, то планировал задержаться на день. Может, на два. Достаточно, чтобы познакомиться с младшим братишкой, а после двинуть дальше. Я занятой человек.

— Значит, ты сегодня уезжаешь.

— Это вчерашний план, — возразил Паук. — Но ведь теперь я с тобой познакомился. Просто поверить не могу, что мы почти всю жизнь провели друг без друга, братишка.

— А я могу.

— Кровь — не водица, — назидательно продолжал Паук. — Она покрепче будет.

— Вода не крепкая, — возразил Толстый Чарли.

— Значит, крепче водки. Или кислоты. Или… или… аммиака. Послушай, я о том, что знакомство с тобой… ну, большая честь. Мы никогда не были частью жизни друг друга, но то — вчера. Давай начнем сегодня с чистого листа. Повернемся к прошлому спиной и выкуем новые узы… узы братства!

— Ты просто за Рози ухлестнуть хочешь, — буркнул Толстый Чарли.

— В точку, — согласился Паук. — И что ты намереваешься делать?

— С чем? Она же моя невеста!

— Не бери в голову. Она принимает меня за тебя.

— Сколько можно твердить одно и то же?!

Жестом святого Паук развел руками, а потом испортил все впечатление, облизнувшись.

— И что ты собираешься делать теперь? — поинтересовался Толстый Чарли. — Жениться на ней, выдав себя за меня?

— Жениться? — Паук на секунду задумался. — Какая. Кошмарная. Мысль.

— А вот я жду этого дня.

— Пауки не женятся. Я не из тех, кто женится.

— То есть моя Рози недостаточно для тебя хороша, ты это хочешь сказать?

Паук не ответил — просто вышел из комнаты.

Толстый Чарли решил, что набрал хотя бы несколько очков во втором раунде. Встав с дивана, он собрал пластиковые контейнеры, в которых вчера вечером ароматно пахли китайская лапша с курицей и свиные тефтели с хрустящей корочкой, и бросил в мусорное ведро.

В спальне он собирался снять одежду, в которой спал, и надеть чистую, но обнаружил, что забыл про стирку и чистых вещей у него нет, поэтому, основательно отряхнувшись (и сбросив несколько заблудших лапшин), остался во вчерашнем.

Потом отправился на кухню.

Сидя за кухонным столом, Паук уплетал прожаренный стейк таких размеров, что его с легкостью хватило бы на двоих.

— Где ты его взял? — спросил Толстый Чарли, хотя в общем и целом знал ответ.

— Я же спрашивал, хочешь ли ты ленч, — мягко отозвался Паук.

— Где ты взял стейк?

— В холодильнике.

— Этот стейк! — объявил Толстый Чарли, грозя пальцем, как прокурор во время заключительного слова обвинения. — Этот стейк я купил для сегодняшнего обеда. Для нашего с Рози обеда! Для обеда, который я собирался ей приготовить! А ты сидишь тут, как… как человек со стейком… и его ешь… и…

— Нет проблем, — ответил Паук.

— Что значит нет проблем?

— Я уже позвонил утром Рози и сегодня поведу ее обедать в ресторан. Поэтому стейк тебе не

понадобится.

Толстый Чарли открыл рот. Потом снова его закрыл.

— Я хочу, чтобы ты убрался, — сказал он.

— Как там сказал Браунинг? Человек должен тянуться за чем-то… ах да, за тем, чего не может достать, иначе зачем небеса? — весело сказал Паук, пережевывая хорошо прожаренный стейк Толстого Чарли.

— Что это значит, черт побери?

— Это значит, что я никуда не денусь. Мне тут нравится. — Отпилив еще кусок, он сунул его в рот.

— Вон! — приказал Толстый Чарли.

Но тут зазвонил телефон. Со вздохом Толстый Чарли вышел в коридор взять трубку.

— Что?!

— А, Чарльз. Рад вас слышать. Знаю, вы наслаждаетесь заслуженным отдыхом, но, как по-вашему, смогли бы вы заглянуть завтра утром на полчасика? Скажем, около десяти?

— Да. Конечно, — сказал Толстый Чарли. — Без проблем.

— Рад, нет, просто счастлив это слышать. Мне нужна ваша подпись на кое-каких документах. До встречи.

— Кто это был? — спросил Паук. Он опустошил тарелку и теперь промокал губы бумажным полотенцем.

— Грэхем Хорикс. Хочет, чтобы я завтра заскочил.

— Сволочь твой Грэхем Хорикс, — сказал Паук.

— Ну и? Ты тоже сволочь.

— Но по-другому. Он паскудная сволочь. Поискал бы ты другую работу.

— Я люблю мою работу!

И произнося эти слова, Толстый Чарли верил им всем сердцем. Ему удалось напрочь забыть, насколько ему не нравится и работа, и «Агентство», и постоянное подслушивание под дверьми, благодаря которому Грэхем Хорикс вечно выскакивал как чертик из табакерки.

Паук встал.

— Вкусный был стейк, — сказал он. — Вещи я отнес в твою свободную комнату.

— Ты что сделал?

Толстый Чарли поспешил в конец коридора, где располагалось помещение, благодаря которому его квартира формально считалась трехкомнатной. В ней обитали несколько ящиков книг, коробка с древней железной дорогой «Скейлектрис», ведро с игрушечными машинка-

ми (у большинства потерялись шины) и прочие обноски Чарлинового детства. Она вполне сошла бы как спальня для глиняного садового гнома или для очень маленького карлика, но для всех прочих представлялась скорее шкафом с окном.

Или раньше представлялась, но не сейчас. То время прошло.

Потянув на себя дверь, Толстый Чарли, моргая, застыл на пороге.

Комната действительно тут была, спору нет, но — громадная. Величественная. И в дальней ее стене было окно — гигантское, во всю стену окно, выходящее на водопад. За водопадом низко над горизонтом висело, заливая все золотым светом, тропическое солнце. Еще тут был камин, такой большой, что в нем поместилась бы пара бычьих туш, но сейчас здесь потрескивали и плевались искрами три горящих полена. В одном углу висел гамак, а рядом стояли белоснежный диван и двуспальная кровать. Возле камина красовался предмет, который Чарли видел только в журналах, а потому предположил, что это, наверное, и есть джакузи. На полу лежал ковер из шкур зебры, а на стене висела медвежья шкура, а еще тут было какое-то крутое аудиооборудование, состоявшее из черного куба полированного пла-

стика, которому полагается махнуть, чтобы он включился. На стене за ним красовался плоский телеэкран размером с комнату, которой полагалось тут быть. А еще…

— Что ты сделал? — спросил Толстый Чарли. Внутрь он не вошел.

— Так, изменил кое-что по мелочам, — ответил у него из-за спины Паук. — Учитывая, что я останусь тут на пару дней, я решал перетащить пожитки.

— Перетащить пожитки? «Перетащить пожитки» — это пара сумок с постельным бельем, пара игр для приставки и горшок с фикусом. А это… а это… — Он не смог подобрать слов.

Протиснувшись мимо, Паук похлопал Чарли по плечу.

— Если я тебе понадоблюсь, — сказал он, — я у себя в комнате. — И закрыл за собой дверь.

Толстый Чарли подергал ручку. Дверь оказалась заперта. По пути в гостиную он прихватил с собой телефон из коридора и набрал номер миссис Хигглер.

— Кто, черт побери, звонит в такую рань? — спросила старуха.

— Это я. Толстый Чарли. Извините.

— Ну? Чего звонишь?

— Попросить совета. Понимаете, приехал мой брат.

— Твой брат?

— Паук. Вы мне про него рассказывали. Вы объяснили, что если я захочу его увидеть, поговорить с паучком. И я поговорил, теперь он здесь.

— Что ж, — уклончиво сказала старуха, — это хорошо.

— Наоборот.

— Почему наоборот? Он ведь член семьи, так?

— Послушайте, я не могу сейчас в это вдаваться. Я просто хочу, чтобы он уехал.

— Ты пытался попросить по-хорошему?

— Это мы только что прошли. Он сказал, что никуда не уедет. Устроил что-то вроде центра развлечений и отдыха из «Кубла Хана»[1] в моем чулане, а ведь у нас, в Англии, нужно разрешение муниципального совета, если захочешь хотя бы вставить двойные рамы. Но у него там какой-то водопад. То есть не в комнате, а за окном. И он нацелился на мою невесту.

— Откуда ты знаешь?

— Он так сказал.

— Без кофе у меня голова не работает, — про-

---

[1] notes: 1

«Кубла Хан, или Видение во сне» — поэма Самюэля Кольриджа

бормотала миссис Хигглер.

— Мне только нужно знать, как заставить его уехать.

— Не знаю, — ответила миссис Хигглер. — Надо поговорить с миссис Дунвидди. — И повесила трубку.

Толстый Чарли вернулся в дальний конец коридора и постучал в дверь.

— Что еще?

— Хочу поговорить.

Послышался щелчок, и дверь распахнулась. Толстый Чарли вошел. Голый Паук нежился в горячей ванне и прихлебывал что-то цвета электричества из высокого запотевшего бокала. Окно во все стену было открыто, и рев водопада оттенял медленный, тягучий джаз, который лился из спрятанных где-то в комнате динамиков.

— Послушай, — сказал Толстый Чарли, — ты должен понять, это мой дом.

Паук моргнул.

— Это?! Это твой дом?

— Ну, не совсем. Но суть та же. Я хочу сказать, это моя свободная комната, и ты тут гость. Э-э-э…

Отпив глоток «электричества», Паук соскользнул поглубже в горячую ванну с пузырьками.

— Говорят, что гости — как рыба. И то и другое

через три дня воняет.

— Верно сказано.

— Но так тяжело, — продолжал Паук, — так тяжело, когда целую жизнь не видел собственного брата. Так тяжело, если он даже не знал о твоем существовании. Но куда тяжелее, когда наконец встречаешься с ним и узнаешь, что для него ты не лучше дохлой рыбы.

— Но…

Паук довольно потянулся в ванне.

— Знаешь что? Я не могу тут долго оставаться. Остынь. Ты оглянуться не успеешь, как я уеду. И уж я-то никогда не стану думать о тебе, как о дохлой рыбе. Я как никто понимаю: ситуация для нас обоих нелегкая. Поэтому давай не будем больше об этом. Почему бы тебе не пойти, не съесть ленч? Потом в кино? Ключ от входной двери оставишь на столике…

Надев пальто, Толстый Чарли вышел из дома. Ключ он оставил возле раковины. Свежий воздух бодрил, хотя день был серенький и с неба сыпалась морось. Толстый Чарли купил себе газету, потом в киоске большой пакет чипсов и немолодую уже колбасу-сервелат — на ленч. Дождик унялся, поэтому он сел на скамейку возле кладбища и, читая газету, стал есть колбасу с чипсами.

Ему очень хотелось в кино.

Он забрел в «Одеон» и купил билет на ближайший сеанс. Показывали какой-то боевик, который уже начался, когда он вошел. На экране громыхнул взрыв. Замечательно.

На середине фильма Толстому Чарли пришло в голову, что он что-то забыл. Что-то скреблось у него в голове — словно чесотка за глазами — и мешало сосредоточиться на сюжете.

Фильм закончился, и Толстый Чарли сообразил, что хотя получил удовольствие, совершенно забыл, в чем там было дело. Поэтому он купил большой пакет попкорна и сел смотреть его снова. Во второй раз фильм понравился ему еще больше.

И в третий.

После он подумал, что, наверное, пора возвращаться домой, но на ночном сеансе предлагали два фильма разом: «Синий бархат» Дэвида Линча и «Правдивые истории» Дэвида Бирна, а ведь он ни того ни другого не видел, поэтому остался на оба, хотя теперь ему уже по-настоящему хотелось есть. В результате он так и не понял, про что, собственно, был «Синий бархат» и зачем кому-то отрезали ухо, и задался вопросом, а не позволят ли ему остаться и посмотреть еще. Но

ему очень терпеливо и многократно объяснили, что кинотеатр закрывается на ночь, и поинтересовались, неужели у него нет дома и не пора ли ему в постель?

Разумеется, у него был дом и, конечно, ему пора в постель, хотя на какое-то время этот факт вылетел у него из головы. Поэтому он пошел назад на Максвелл-гарденс, а придя, немного удивился, увидев, что у него в спальне горит свет.

Когда он подошел к дому, занавески был задернуты, но за ними двигались два силуэта. Ему показалось, он узнал оба.

Они придвинулись, слились в единую тень.

Из горла Толстого Чарли вырвался низкий ужасный вой.

В доме миссис Дунвидди повсюду стояли пластмассовые зверушки. Частички пыли тут двигались медленно, точно привыкли к солнечным лучам более неспешной эпохи и не могли толочься в современном мельтешащем свете. Диван скрывался под прозрачным чехлом, а стулья, когда на них садились, скрипели.

В доме миссис Дунвидди была плотная туалетная бумага с запахом сосновых иголок. Миссис Дунвидди свято верила в экономию, но плотная туалетная бумага с запахом сосновых иголок

была последним, на чем она экономить не соглашалась. Такую туалетную бумагу все еще можно было найти, если искать достаточно долго и заплатить побольше.

В доме миссис Дунвидди пахло фиалковой туалетной водой, ведь это был старый дом. Люди обычно забывают, что дети тех, кто заселил Флориду, уже были стариками, когда угрюмые пуритане в 1620 году высадились в Плимуте. Нет, этот дом, конечно, не помнил первых поселенцев: его построили в двадцатых годах как экспонат или образец, призванный показать воображаемые коттеджи, какие прочие покупатели не смогут построить на наводненных аллигаторами болотах, которые им как раз продают. Дом миссис Дунвидди устоял в ураганах, не потеряв ни одной черепицы.

Когда в дверь позвонили, миссис Дунвидди начиняла небольшую индейку. С досадой пробормотав «Фу ты!», она помыла руки и пошла по коридору к входной двери — подслеповато щурясь на мир через очки с толстыми стеклами и ведя левой рукой по обоям.

На дюйм приоткрыв дверь, она выглянула наружу.

— Это я, Луэлла. — Голос принадлежал Калли-

анне Хигглер.

— Входи.

Миссис Хигглер последовала за миссис Дунвидди на кухню. Сполоснув руки, миссис Дунвидди снова стала брать горстями начинку из размоченных кукурузных лепешек и запихивать клейкие комья в индейку.

— Ждешь гостей?

Миссис Дунвидди уклончиво шмыгнула носом.

— Всегда полезно быть во всеоружии, — сказала она. — А теперь, пожалуй, расскажи, в чем дело.

— Звонил мальчишка Нанси. Толстый Чарли.

— Что с ним?

— Ну, когда он был тут на прошлой неделе, я рассказала ему про брата.

Миссис Дунвидди вытащила руку из индейки.

— Это еще не конец света.

— Я рассказала, как он может связаться с братом.

— А. — Миссис Дунвидди умела выразить неодобрение всего одним звуком. — И?

— Паук объявился в Англии. Мальчик совершенно растерян.

Взяв большую горсть размоченных лепешек, миссис Дунвидди с такой силой загнала ее в индейку, что у той выступили бы слезы на глазах

— если бы, конечно, у нее были глаза.

— Не может его выгнать?

— Никак.

За толстыми линзами блеснули проницательные глазки. Потом миссис Дунвидди сказала:

— Однажды я это сделала. Но больше не смогу. Придется искать другой способ.

— Знаю. Но должны же мы что-то сделать.

Миссис Дунвидди вздохнула.

— Верно говорят, проживи достаточно долго, увидишь, как все возвращается на круги своя.

— А другого способа нет?

Миссис Дунвидди закончила начинять индейку и шпажкой заколола кусочек кожи в гузке. Потом обернула птицу фольгой.

— Поставлю-ка я ее в духовку завтра утром. После полудня будет готова, затем — в разогретую духовку на пару часов. К обеду будет в самый раз.

— Ты кого-то ждешь к обеду? — поинтересовалась миссис Хигглер.

— Тебя, — ответила миссис Дунвидди, — Зору Бустамонте, Беллу Ноулс. И Толстого Чарли Нанси. К тому времени, когда мальчик будет здесь, он большой аппетит нагуляет.

— Он приезжает? — удивилась миссис Хигглер.

— Ты что, меня не слушала, девочка? — Только миссис Дунвидди могла называть миссис Хигглер девочкой и не выглядеть при этом глупо. — А теперь помоги поставить индейку в холодильник.

Не покривив душой, можно сказать, что тот вечер был самым лучшим в жизни Рози: восхитительным, волшебным, просто великолепным. Она не смогла бы перестать улыбаться, даже если бы захотела. Обед в ресторане был чудесным, а после Толстый Чарли повел ее танцевать. Это был настоящий танцзал с небольшим оркестром, и по паркету здесь скользили пары в одежде пастельных цветов. Ей казалось, они с женихом перенеслись во времени, очутились в иной, неспешной и прекрасной эпохе. С пяти лет Рози наслаждалась каждым уроком танцев, вот только танцевать ей было не с кем.

— Я и не знала, что ты умеешь танцевать, — сказала она Толстому Чарли.

— Ты многого обо мне не знаешь, — ответил он.

И от этого она почувствовала себя счастливой. Скоро они поженятся. Она чего-то про него не знает? Прекрасно. У нее целая жизнь впереди, чтобы выяснить все. И будет это только хорошее.

Она замечала, как встречные женщины (и дру-

гие мужчины) смотрят на Толстого Чарли, и была счастлива, что это она идет с ним под руку.

Они шли через Лейчестер-сквер, и над головой у них загорались звезды, весело перемигивались, невзирая на жесткое свечение фонарей.

На краткое мгновение она задумалась, а почему раньше с Толстым Чарли было иначе. Иногда в глубине душе Рози подозревала, что встречается с Толстым Чарли только потому, что он не нравится маме: что, когда он предложил ей руку и сердце, она сказала «да» только потому, что мама хотела, чтобы она сказала «нет»…

Однажды Толстый Чарли водил ее в Вест-энд. Они ходили в театр. Толстый Чарли хотел устроить ей сюрприз надень рождения, но с билетами вышла путаница, и они оказались на вчерашнем спектакле. Администрация театра проявила понимание и крайнюю любезность и сумела найти для Толстого Чарли место за колонной в партере, а для Рози — на балконе, позади отчаянно хихикавших кумушек из Норвича. Особого сюрприза не получилось, во всяком случае, не в том смысле, в каком хотелось бы.

Но этот вечер… этот был просто волшебным. Рози не так много выпадало чудесных мгновений в жизни, а теперь в копилку прибавилось еще

одно.

Ей нравилось, как она себя чувствует, когда он рядом.

А когда, закончив танцевать, они, опьяненные ритмичными движениями и шампанским, выбежали в ночь, Толстый Чарли (и почему она называет его Толстым Чарли? — он же нисколечки не толстый) обнял ее за плечи и сказал:

— А теперь ты поедешь ко мне.

И голос у него был такой настоятельный и низкий, что у нее завибрировало в животе. И она промолчала — и про то, что завтра нужно на работу, и про то, что на это хватит времени, когда они будут женаты. Вообще ничего не говорила, а только думала, как ей хочется, чтобы этот вечер никогда не кончался, и как ей очень, очень, очень хочется — да нет, просто необходимо — поцеловать этого мужчину и обнять его.

И вспомнив, что надо что-то сказать, она сказала «да».

В такси по дороге к его квартире она держала его за руку, а другую положила ему на плечо, всматриваясь в лицо, то освещаемое фарами встречных машин и фонарями, то погружающееся во тьму.

— У тебя ухо проколото, — сказала она вдруг. —

Почему я никогда раньше не замечала, что у тебя ухо проколото?

— Эй, — отозвался голос, низкий, как рокот барабана, — как по-твоему, что я должен чувствовать, если ты даже такого никогда не замечала? А ведь мы вместе уже… сколько?

— Полтора года, — сказала Рози.

— Полтора года, — согласился ее жених.

Она придвинулась ближе, вдохнула его запах.

— От тебя приятно пахнет, — сказала она. — У тебя новый одеколон?

— Нет, это просто я.

— Стоило бы разливать по бутылкам.

Пока он открывал входную дверь, она расплатилась с таксистом. По лестнице они поднимались обнявшись, а наверху он почему-то вдруг направился в дальний конец коридора к пустой задней комнате.

— Спальня вон там, дурачок. Куда ты собрался?

— Никуда. Я знаю, где спальня.

Они пошли в спальню Толстого Чарли. Рози задернула занавески, а потом повернулась к нему и почувствовала себя счастливой.

— Ну, — сказала она, помолчав, — ты не попытаешься меня поцеловать?

— Наверное, попытаюсь, — ответил он и по-

пытался.

Время расплавилось, растянулось и выгнулось. Их поцелуй длился минуту, а может, и час, а может, и целую жизнь. А потом…

— Что это было?

— Я ничего не слышал.

— Так кричит кто-то, кому больно.

— Может, потерявшаяся собака?

— А может, кошки дерутся? Говорят, иногда они кричат совсем как люди.

Склонив голову набок, Рози настороженно вслушивалась.

— Прекратилось, — сказала она наконец. — И знаешь, что самое странное?

— Угу, — протянул он. Его губы скользили по ее шее. — Конечно, скажи мне, что самое странное. Но я его прогнал. Оно нам больше не помешает.

— Самое странное, — сказала Рози, — что голос был похож на твой.

Толстый Чарли бродил по улицам, пытаясь проветрить мозги. Самым разумным казалось барабанить в собственную дверь, пока Паук не спустится и его не впустит, а потом сказать, что он думает о нем с Рози. Это было очевидным. Совершенно, бесконечно очевидным.

Нужно только вернуться домой, объяснить все

Рози и пристыдить Паука и заставить его убраться. Только и всего. Неужели это так сложно?

Но, по всей видимости, это было сложнее, чем казалось на первый взгляд. Он не совсем понимал, почему ноги несут его прочь от собственного дома. А теперь окончательно запутался и никак не мог взять в толк, как найти дорогу назад. Улицы, которые он знал или думал, что знает, теперь сами собой менялись: то перед ним оказывался тупик, то глухие закоулки. Он-то думал, что вдоль и поперек изучил собственные окрестности, а сейчас как будто потерялся в лабиринте ночных лондонских улочек.

В просветы между домами он иногда видел магистральные улицы. Там светились фары, вспыхивали вывески закусочных и магазинов. Толстый Чарли знал, что, как только выберется туда, сумеет добраться домой, но всякий раз, приближаясь к огням, почему-то оказывался в незнакомом месте.

У Толстого Чарли начали ныть ноги. В животе отчаянно бурчало. Он злился и, пока шел, сердился все больше и больше.

От гнева в голове у него прояснилось. Паутина, затянувшая мысли, начала распутываться, а паутина улиц, по которым он брел, — упрощаться.

Повернув за угол, он оказался на магистральной улице, рядом с круглосуточными «Жареными крылышками Нью-Джерси». Заказав семейную порцию курицы-гриль, он сел и расправился с ней сам, без помощи какой-либо семьи. Покончив с едой, он подошел к краю тротуара и дождался, когда вдалеке покажется приветливый оранжевый огонек «СВОБОДНО» над крышей большого черного такси. Толстый Чарли отчаянно замахал, и, поравнявшись с ним, машина остановилась. Опустилось стекло.

— Куда ехать?

— Максвелл-гарденс.

— Издеваетесь? — спросил таксист. — Это же за углом.

— Отвезете меня туда? Дам пятерку на чай. Честное слово.

Таксист громко выпустил воздух через стиснутые зубы: такой шум издает автомеханик, перед тем как спросить, не питаете ли вы каких-то нежных чувств к сдохшему мотору.

— Дело ваше, — сказал он. — Запрыгивайте.

Толстый Чарли запрыгнул. Таксист тронулся с места, переждал, пока сменится свет на светофоре, и свернул за угол.

— Так куда, вы сказали? — спросил он.

— Максвелл-гарденс, — повторил Толстый Чарли. — Номер тридцать четыре. Сразу за баром.

На нем была вчерашняя одежда, о чем он очень жалел. Мама всегда говорила ему надевать чистое белье на случай, если его собьет машина, и чистить зубы на случай, если его труп придется опознавать по зубам.

— Да знаю я, где это, — буркнул таксист. — Сразу перед Парк-кресчент.

— Верно, — кивнул Толстый Чарли, который как раз начал клевать носом на заднем сиденье.

— Наверное, я не туда свернул, — сказал таксист. Прозвучало это раздраженно. — Я выключу счетчик, ладно? Пусть будет пятерка.

— Конечно, — согласился Толстый Чарли, устроился поудобнее на заднем сиденье и заснул.

А такси все бороздило ночь, пытаясь попасть «всего лишь за угол».

Детектив-констебль Дей, уже год как отправленная на работу в отдел финансовых мошенничеств, прибыла в офис «Агентства Грэхема Хорикса» ровно в половине десятого. В приемной ее ждал Грэхем Хорикс собственной персоной и лично проводил в свой кабинет.

— Кофе? Чай?

— Нет, спасибо.

Достав блокнот, она села и выжидательно посмотрела на Грэхема Хорикса.

— Не могу не подчеркнуть, да-да, подчеркнуть, такт в нашем расследовании превыше всего. Непременно превыше всего, непременно. В конце концов, у «Агентства Грэхема Хорикса» — репутация, да… репутация безукоризненной честности. В «Агентстве Грэхема Хорикса» деньги клиента — как за семью печатями, да что там — святы. И должен сказать, когда у меня зародилось подозрение насчет Чарльза Нанси, я отмел его как недостойное порядочного человека и отличного работника. Если бы вы спросили меня неделю назад, что я думаю о Чарльзе Нанси, я бы сказал, он истинная соль земли.

— Нисколько не сомневаюсь. Так когда вы заподозрили, что с ваших счетов уходят деньги клиентов?

— Трудно сказать. Не хотелось бы клеветать… бросать первый камень, так сказать… Не судите, да не судимы будете, сами понимаете.

«По телевизору, — думала Дейзи, — в таких случаях обычно говорят: просто изложите факты». Ей так хотелось повторить то же, но она воздержалась.

И Грэхем Хорикс ей совсем не нравился.

— Я распечатал все данные относительно необычных финансовых проводок, — сказал он. — И как видите, все они — с компьютера Нанси. Я снова должен подчеркнуть, что такт здесь превыше всего. Среди клиентов «Агентства Грэхема Хорикса» много видных лиц, общественных деятелей, если понимаете, о чем я… И, как я сказал вашему начальству, я счел бы за личную услугу, если бы это дело уладили как можно тише. Наш девиз здесь — «такт». Если, быть может, удастся уговорить нашего мастера Нанси вернуть добытые нечестным путем прибыли, я буду вполне удовлетворен и оставлю все как есть. У меня нет никакого желания судиться.

— Я сделаю, что смогу, но собранную информацию мы передаем заместителю прокурора.

Интересно, а какие на самом деле у этого Хорикса связи? Протекция у суперинтенданта?

— Так что вызвало ваши подозрения?

— Ах да. Честно и откровенно? Кое-какие странности в поведении. Собака, которая среди ночи не залаяла. Да, да, в тихом омуте черти водятся, но мы, сыщики, всегда придаем значение мелочам, правда, детектив Дей?

— Итак, предоставьте мне распечатки вкупе с прочей документацией, выписками с банков-

ских счетов и так далее. Вероятно, нам придется забрать его компьютер, чтобы просмотреть жесткий диск.

— Абсо-ненно. — На столе у него зазвонил телефон, и… — Прошу меня извинить! — Грэхем Хорикс взял трубку. — Здесь? Господи боже! Тогда скажите, пусть подождет меня в приемной. Сейчас я к нему выйду. — Он положил трубку. — Вот это, — сказал он Дейзи, — у вас, в полиции, кажется, называется непредвиденный оборот.

Она подняла бровь.

— Вышеупомянутый Чарльз Нанси собственной персоной. Интересно, зачем он явился? Пригласить его сюда? Если понадобится, можете использовать мой кабинет как помещение для допроса. Уверен, у меня даже есть диктофон, который я мог бы вам одолжить.

— Нет необходимости. Первым делом мне нужно проработать документы.

— Есть, мэм. Как глупо с моей стороны! Хотите… м-м-м… хотите на него взглянуть?

— Сомневаюсь, что от этого будет толк, — сказала Дейзи.

— О, я не стану говорить, что вы расследуете его операции, — заверил ее Грэхем Хорикс. — Иначе не успеем мы собрать первые улики, как он уже

сбежит на Коста-дель-Соль, или «Коста-дель-Преступик», как его называют на Би-би-си — ха-ха! Откровенно говоря, я горжусь, что весьма, да, весьма сочувствую сотрудникам правопорядка, они сталкиваются с такими проблемами!

Дейзи поймала себя на мысли, что тот, кто украл деньги у такого хорька, не может быть совсем уж пропащим человеком, — а ведь офицеру полиции так думать не полагается.

— Я вас провожу, — предложил Глава агентства.

В приемной сидел мужчина. Вид у него был такой, будто он спал в одежде. А еще он был небрит и глядел немного растерянно. Тронув Дейзи за локоть, Грэхем Хорикс кивнул на него, а вслух сказал:

— Господи милосердный, Чарльз, только посмотрите на себя. У вас ужасный вид.

Толстый Чарли уставился на него мутным взглядом.

— Не смог попасть вчера домой. Какая-то путаница с такси.

— Познакомьтесь, Чарльз, — продолжал Грэхем Хорикс, — это детектив Дей из лондонской полиции. Она здесь по мелкому, рутинному делу.

Тут Толстый Чарли сообразил, что они в прием-

ной не одни. Постаравшись сосредоточиться, он увидел униформу. Потом лицо.

— Э-э-э… — вырывалось у него.

— Доброе утро. — Слова произнесли губы, а в голове у Дейзи вертелось: «Вот черт, вот черт, вот черт, вот черт».

— Приятно познакомиться, — сказал Толстый Чарли и недоуменно сделал то, чего никогда не делал раньше: вообразил себе офицера полиции при исполнении без формы, полуголой и обнаружил, что воображение подбросило ему довольно точный образ молодой дамы, с которой он проснулся в одной постели на утро после «панихиды» по отцу. В консервативной одежде она казалась старше, суровее и много более грозной — впрочем, ей же положено по званию.

Как у всех разумных существ, у Толстого Чарли был порог способности удивляться. Уже несколько дней стрелка отклонялась в «красное», иногда зашкаливала, а теперь прибор окончательно вышел из строя. Начиная с этого мгновения, ничто — решил он — не может его удивить. Больше идиотских несуразностей уже случиться не может. Приехали.

Но, разумеется, он ошибался.

Поглядев в спину уходящей Дейзи, Толстый

Чарли поплелся вслед за Грэхемом Хориксом в кабинет босса.

А Грэхем Хорикс плотно прикрыл за ними дверь. Потом примостился на краешке своего стола и улыбнулся как хорек, только что сообразивший, что его заперли на ночь в курятнике.

— Будем откровенны, — сказал он, — карты на стол. Хватит ходить вокруг да около, — и пояснил: — Давайте называть вещи своими именами.

— Ладно, — согласился Толстый Чарли. — Давайте. Вы сказали, мне нужно что-то подписать?

— Нет, это уже отменяется. Лучше обсудим кое-что, на что вы мне указали несколько дней назад. Вы обратили мое внимание на ряд крайне странных операций, которые имели место в последнее время.

— Вот как?

— В эту игру, Чарльз, в эту игру могут играть двое. Разумеется, первым моим побуждением было расследовать ваши заявления. Отсюда визит детектива Дей сегодня утром. И подозреваю, то, что мы обнаружили, вас совсем не удивит.

— Не удивит?

— Нисколько. Как вы указали, у нас налицо явные финансовые отклонения, Чарльз. Но, увы, прихотливый перст подозрения безошибочно

указывает только в одну сторону.

— В одну сторону?

— В одну.

Толстый Чарли окончательно стал в тупик.

— Куда?

Грэхем Хорикс постарался сделать озабоченное лицо или хотя бы вид, что пытается выглядеть озабоченным, но получилось у него выражение, которое у младенцев всегда указывает, что им надо хорошенько срыгнуть.

— На вас, Чарльз. Полиция подозревает вас.

— Да, — согласился Толстый Чарли. — Конечно, подозревает. Такой уж тогда выдался день.

И пошел домой.

Паук открыл входную дверь. Некоторое время назад начался дождь, на пороге, помятый и мокрый, стоял Толстый Чарли.

— Ага, — сказал он. — Теперь мне можно домой, да?

— Не мне тебя останавливать, — отозвался Паук. — В конце концов, это ведь твой дом. Где ты был всю ночь?

— Ты прекрасно знаешь, где я был. Я никак не мог попасть сюда. Уж не знаю, какой магией ты на меня воздействовал.

— Это была не магия, а чудо, — оскорбленно

возразил Паук.

Пройдя мимо него, Толстый Чарли затопал вверх по лестнице. В ванной комнате он заткнул ванну и пустил воду. Потом высунулся в коридор.

— Мне плевать, как это называется. Ты проделал это в моем доме и вчера вечером помешал мне вернуться.

Он снял вчерашнюю одежду, потом снова высунулся за дверь.

— А на работе мои дела расследует полиция. Ты говорил Грэхему Хориксу про какие-то финансовые несоответствия?

— Конечно, говорил, — ответил Паук.

— Ха! Ну так теперь он подозревает меня. Считает, что это я.

— Ах это? Сомневаюсь.

— Много ты знаешь, — сказал Толстый Чарли. — Я с ним разговаривал. В агентство уже приходила полиция. А потом еще есть Рози. Нам с тобой нужно очень серьезно поговорить по поводу Рози, когда выйду из ванной. Всю вчерашнюю ночь я бродил по улицам. Поспать удалось только на заднем сиденье такси, а к тому времени, когда я проснулся, было пять утра, и мой таксист поворачивал на Трейвис-Бикл. И разговаривал

сам с собой. Я сказал ему, мол, может, перестать искать Максвелл-гарденс, по всей видимости, в такие ночи Максвелл-гарденс вообще не существует. Со временем он согласился, и мы поехали завтракать в забегаловку таксистов. Яичница, бобы, сардельки, тосты и чай, в котором ложка стоит. Когда он рассказал своим ребятам, что провел ночь в поисках Максвелл-гарденс, такое началось, что я подумал, вот-вот прольется кровь. Но нет. А в какой-то момент показалось…

Толстый Чарли остановился набрать в грудь воздуха. Вид у Паука был виноватый.

— После, — с нажимом сказал Толстый Чарли, — после того, как я приму ванну. — И захлопнул дверь.

Он залез в ванну.

Всхлипнул.

Вылез из нее.

Выключил воду.

Обвязавшись полотенцем, открыл дверь ванной.

— Нет горячей воды, — чересчур спокойно сказал он. — Есть какие-нибудь соображения, почему у нас нет горячей воды?

Паук все еще стоял посреди коридора — он так и не двинулся с места.

— Моя джакузи. Извини.

— Ну, по крайней мере Рози не… Я хочу сказать, ей не пришлось…

Тут он заметил выражение на лице Паука.

— Убирайся, — сказал Толстый Чарли. — Убирайся из моей жизни. Убирайся из жизни Рози. Вон.

— Мне тут нравится, — возразил Паук.

— Ты разрушил мне жизнь, черт побери.

— Извини, бывает.

Пройдя в конец коридора, Паук толкнул дверь в заднюю комнату. На мгновение коридор залил тропический солнечный свет, потом дверь закрылась.

Толстый Чарли помыл голову холодной водой. Почистил зубы. Порылся в корзине для грязного белья, пока не выудил джинсы и футболку, которые (благодаря тому, что оказались на дне) снова стали практически чистыми. Надел поверх футболки пурпурный свитер с медвежонком, который когда-то ему подарила мама, но который он никогда не носил, хотя так и не смог пересилить себя и отдать его в Красный Крест.

Затем пошел в конец коридора.

Через дверь доносились «бум-чагга-бум» бас-гитары и барабанов.

Толстый Чарли подергал ручку. Дверь не поддалась.

— Если ты не откроешь дверь, — сказал он, — я ее выломаю.

Дверь открылась без предупреждения, и Толстый Чарли едва не упал через порог в пустой чулан, окно которого выходило на зады другого дома, и виден из него был только бьющий по стеклу дождь.

Тем не менее где-то за стеной слишком громко играл магнитофон: сам чулан вибрировал от далекого «бум-чагга-бума».

— Ладно, — светским тоном сказал Толстый Чарли, — ты же понимаешь, что это означает. Война!

Это был традиционный боевой клич кролика, которого загнали в угол. Есть страны, где считают, что Ананси был кроликом-трикстером. Конечно, тамошние жители ошибаются — он был пауком. Можно подумать, этих двух тварей трудно перепутать, однако такое случается чаще, чем вы думаете.

Толстый Чарли вернулся в свою спальню, где достал из прикроватной тумбочки паспорт. Бумажник он нашел там же, где его оставил, — в ванной.

Выйдя под дождь на улицу, он подозвал такси.

— Куда?

— В Хитроу, — сказал Толстый Чарли.

— Без проблем, — отозвался таксист. — Какой терминал?

— Понятия не имею, — сказал Толстый Чарли, понимая, что на самом деле должен знать. Ведь прошло-то всего несколько дней. — Откуда улетают во Флориду.

Грэхем Хорикс начал планировать свой уход со сцены заранее, еще когда премьер-министром был Джон Мейджор. В конце концов, ничто хорошее не длится вечно. Даже если ваша курица обыкновенно несет золотые яйца, она рано или поздно (как вас с радостью заверил бы сам Грэхем Хорикс) все равно попадет на сковородку. И хотя планы у него были продуманы загодя (никогда не знаешь, когда пора сию минуту бросить все и уехать), и он вполне сознавал, что неприятности копятся, как темные тучи на горизонте, ему хотелось оттянуть отъезд до того момента, когда уже нельзя будет дольше откладывать.

И самое важное — не просто покинуть «Агентство Грэхема Хорикса», а исчезнуть, испариться, пропасть бесследно. В потайном сейфе его офиса (в глухом чулане, которым он исключительно

гордился), на полке, которую повесил он сам и которую пришлось прилаживать заново, когда она упала, лежало кожаное портмоне, а в нем два паспорта: один на имя Бейзила Финнегана, другой — на имя Роджера Бронстейна. Оба родились лет пятьдесят назад, приблизительно в одно время с Грэхемом Хориксом. Еще в портмоне были два бумажника, каждый с собственным набором кредитных карточек и удостоверениями личности с фотографиями на каждого из владельцев паспортов. Каждый из них имел право совершать финансовые операции с переводными счетами на Каймановых островах, деньги с которых переводились на другие счета — в Швейцарии и в Лихтенштейне, а еще на островах Британской Виргинии.

Грэхем Хорикс намеревался исчезнуть раз и навсегда в свой пятидесятый день рождения, чуть больше чем через год, и теперь мрачно размышлял над проблемой Толстого Чарли.

Он вовсе не ожидал, что Толстого Чарли арестуют или посадят в тюрьму, хотя ничего не имел против любого из сценариев, какой бы ни воплотился. Он хотел только, чтобы его запугали, перестали верить его словам, заставили сбежать.

Грэхем Хорикс получал неподдельное удоволь-

ствие, выдаивая клиентов своего агентства, и хорошо умел это делать.

Клиентуру он всегда подбирал с дальним расчетом, но приятным сюрпризом оказалось, что знаменитости и артисты, которых он представлял, очень плохо разбирались в денежных вопросах и испытывали лишь облегчение, найдя кого-то, кто представлял бы их и управлял их финансами, беря на себя все заботы. А если иногда банковские балансы, выписки или чеки запаздывали, или не соответствовали ожиданиям клиентов, или если с их счетов напрямую изымались суммы на неизвестные нужды… Что поделаешь: в «Агентстве Грэхема Хорикса» большая текучка кадров, особенно в отделе бухгалтерии, и нет ничего, что нельзя было бы списать на некомпетентность уволенного сотрудника или — в редких случаях — исправить ящиком шампанского и чеком на крупную сумму в извинение.

Не в том дело, что люди любили Грэхема Хорикса или доверяли ему. Даже самые лояльные клиенты считали его пронырой. Но они считали его своим пронырой и в этом горько ошибались.

Грэхем Хорикс был свой собственный проныра.

На столе у него зазвонил телефон, и Грэхем

Хорикс снял трубку.

— Да?

— Мистер Хорикс, у меня на проводе Мэв Ливингстон. Знаю, вы велели соединять ее с Толстым Чарли, но он в отпуске, и я не знаю, что говорить. Сказать, что вас нет на месте?

Грэхем Хорикс задумался. До того, как его унес из жизни сердечный приступ, Моррис Ливингстон был когда-то самым популярным йоркширским комиком в стране, звездой таких телесериалов, как «Покороче сзади и по бокам» и собственной воскресной программы-варьете «Моррис Ливингстон, полагаю?». В восьмидесятых он даже попал «в десятку лучших» с скабрезно-комическими куплетами «Глядится неплохо, но скорей убирай!». Дружелюбный и легкий в общении, он не только оставил свои финансовые дела в руках «Агентства Грэхема Хорикса», но, по предложению Грэхема Хорикса, назначил главу агентства опекуном всего своего имущества.

Преступно было бы не поддаться такому искушению.

И была еще Мэв Ливингстон. Честно будет сказать, что, сама о том не подозревая, Мэв Ливингстон много лет фигурировала на главных и звездных ролях в самых сокровенных и личных

фантазиях Грэхема Хорикса.

— Соедините, пожалуйста, — сказал он секретарше и минуту спустя заботливо заворковал: — Какая радость тебя слышать, Мэв. Как поживаешь?

— Не знаю.

До знакомства с будущим мужем Мэв Ливингстон была танцовщицей, а после всегда возвышалась над комиком-коротышкой. Они обожали друг друга.

— Почему бы тебе не поплакаться в жилетку дядюшки Грэхему?

— Несколько дней назад я говорила с Чарльзом. Мне интересно… Ну, управляющий в моем банке хотел бы знать… Средства от имущества Морриса… Нам сказали, мы уже должны были что-то получить.

— Мэв, — сказал Грэхем Хорикс, как ему казалось, томно-бархатным голосом, от которого (по его мнению) женщины должны были просто таять, — проблема не в том, Мэв, что денег нет. Все дело лишь в ликвидности. Как я тебе говорил, Мэв, Моррис под конец жизни сделал несколько опрометчивых инвестиций. И хотя по моему совету были сделаны и кое-какие перспективные вложения, этим последним нужно дать время

созреть. Если мы извлечем деньги сейчас, то почти все потеряем. Но бояться не надо, не надо. Для хорошего клиента все что угодно. Я выпишу тебе чек с собственного банковского счета, лишь бы ты была платежеспособна и ни в чем себе не отказывала. Сколько просит твой управляющий?

— Он грозится, что начнет возвращать чеки ввиду отсутствия средств на счету. А на Би-би-си мне сказали, что уже переслали плату за переиздание старых программ на DVD. Эти-то деньги не вложены, верно?

— Так сказали на Би-би-си? На самом деле это мы с них деньги требуем. Но не стану возлагать всю вину на такую большую корпорацию. Наша бухгалтер беременна, поэтому у нас тут все кувырком. И Чарльз Нанси, с которым ты разговаривала, сам не свой, понимаешь, у него отец умер, и он много времени провел за границей…

— Когда мы разговаривали в последний раз, — напомнила она, — у тебя монтировали новый сервер.

— Ах, конечно, конечно. Но только, умоляю, не давай мне говорить о бухгалтерских программах, а то я до завтра не закончу. Как там говорится? Ошибаться в природе человеческой, но чтобы поистине навести тень на плетень, э-э-э… нужен

компьютер. Что-то в таком духе. Я со всем разберусь вручную, если потребуется, по старинке, и твои деньги к тебе в конечном итоге придут. Ведь этого бы Моррис хотел.

— Управляющий в банке говорит, мне понадобится десять тысяч немедленно, только чтобы остановить возвращение чеков.

— И десять тысяч будут твои. Прямо сейчас, пока мы разговариваем, я выписываю чек. — Он нарисовал кружок в блокноте перед собой, вверху линия загнулась, так что получилось что-то вроде яблока.

— Большое спасибо, — сказала Мэв Ливингстон, и Грэхем Хорикс самодовольно улыбнулся. — Надеюсь, я не слишком тебе надоедаю?

— Нисколько, — заверил ее Грэхем Хорикс. — Ни в коей мере.

И положил трубку. Забавно, подумал он, что на сцене Моррис Ливингстон всегда изображал практичного йоркширца, гордящегося тем, что знает, где его денежки — все до последнего пенни.

Недурная пожива, решил затем Грэхем Хорикс и добавил к яблоку два глаза и пару ушей. Теперь оно почти походило на кошку. Очень скоро настанет время сменить жизнь, занятую

выдаиванием привередливых знаменитостей, на жизнь, полную солнца, бассейнов, плотных обедов, хорошего вина и, если возможно, орального секса в огромных количествах. Грэхем Хорикс был убежден, что самое лучшее в жизни то, что все можно купить.

Пририсовав кошке пасть, он заполнил ее острыми зубами, так что зверь стал немного похож на пуму, и рисуя, напевал дребезжащим тенорком:

Когда я был молод, мой отец говорил:

«На улице солнце, так пойди поиграй».

Теперь я стал старше, и дамы твердят:

«Глядится неплохо, но скорей убирай...»

Моррис Ливингстон оплатил пентхаус Грэхема Хорикса на Капокабана и пристройку плавательного бассейна к вилле на острове Сан Андреас, и не надо думать, что Грэхем Хорикс не питал благодарности.

«Глядится неплохо, но скорей убирай...»

Пауку было не по себе.

Что-то происходило. Какое-то странное ощущение, как туман, расползалось на все и вся и отравляло ему жизнь. Он не мог определить, в

чем дело, и это ему не нравилось.

Но вот чего-чего, а вины он за собой определенно не чувствовал. Такие вещи были ему просто неведомы. Он чувствовал себя великолепно. Он чувствовал себя круто. А вины не испытывал. Он не чувствовал бы себя виноватым, даже если бы его поймали на ограблении банка.

Однако повсюду вокруг витали миазмы дискомфорта, какого-то стеснения.

До сего момента Паук считал, что боги другие: у них нет совести, да и зачем она им? Отношение бога к миру, даже тому, по которому он ходит, было — в эмоциональном плане — сродни тому, что чувствует человек, играющий в компьютерную игру, но при этом представляющий себе общий ее замысел и вооруженный полным набором кодов, чтобы обходить препятствия.

Паук не давал себе скучать. Вот главное занятие его жизни. Главное — развлекаться, а все остальное не важно. Он не распознал бы чувство вины, даже если бы ему выдали иллюстрированное пособие, где все составные части снабжены ясными подписями. Не в том дело, что он был безответственным, — просто, когда этим чувством наделяли, он прохлаждался где-то в другом месте. Но что-то изменилось, то ли в нем самом, то ли

в окружающем мире, и это не давало ему покоя. Он налил себе выпить. Он повел рукой и музыка стала громче. Он сменил запись Майлса Дейвиса на запись Джеймса Брауна. Не помогло.

Он лежал в гамаке под тропическим солнышком, слушал музыку, упивался тем, как невероятно круто быть Пауком… И впервые в жизни этого показалось мало.

Выбравшись из гамака, он подошел к двери.

— Толстый Чарли?

Никакого ответа. Квартира казалась пустой. За окном был серый день, шел дождь. Пауку дождь нравился. Представлялся таким уместным.

Пронзительно и сладко зазвонил телефон.

Паук снял трубку.

— Это ты? — спросила Рози.

— Привет, Рози.

— Прошлой ночью, — начала она и замолчала, а потом: — Тебе было так же чудесно, как и мне?

— Не знаю, — ответил Паук. — Для меня было очень чудесно. Поэтому я хотел сказать… Наверное, да.

— М-м-м… — протянула она.

Они помолчали.

— Чарли?

— Угу?

— Мне даже нравится ничего не говорить, просто знать, что ты на том конце линии.

— И мне, — сказал Паук.

Они еще немного понаслаждались молчанием, порастягивали ощущение.

— Хочешь ко мне сегодня приехать? — спросила Рози. — Мои соседки в Кейрнгормсе.

— Эти слова, — сказал Паук, — тянут на самую прекрасную фразу в английском языке. «Мои соседки в Кейрнгормсе». Истинная поэзия.

Она захихикала.

— Олух. И… Захвати зубную щетку.

— А… О! Идет.

После нескольких минут «положи трубку» и «нет, ты первый положи», которыми гордилась бы парочка одурманенных гормонами пятнадцатилеток, трубки наконец были положены.

Паук улыбнулся, как святой. Мир, в котором есть Рози, самый лучший, какой может только существовать. Туман поднялся, все вокруг залило солнце.

Пауку даже не пришло в голову задуматься, куда подевался Толстый Чарли. Да и зачем ему беспокоиться из-за таких мелочей? Соседки Рози в Кейрнгормсе, и сегодня вечером… Ба, сегодня вечером он захватит зубную щетку.

Тело Толстого Чарли сидело в самолете рейсом во Флориду, было сдавлено посередине ряда из пяти кресел и крепко спало. Это было хорошо: туалеты в хвосте сломались, как только самолет поднялся в воздух, и хотя стюардессы повесили на двери таблички «Не работает», это нисколько не умерило запаха, который начал понемногу распространяться по заднему салону, точно химический туман. Плакали младенцы, ворчали взрослые и хныкали дети. Часть пассажиров, направлявшихся в Диснейленд, сочли, что их отпуск начался, как только они сели в кресла, поэтому завели песни. Они спели все известные песни из диснеевских мультиков — и из «Белоснежки», и из «Русалочки», и из «Маугли», и даже, решив, что такая тоже сойдет, из «Принцессы Минамоки».

Стоило самолету взлететь, как выяснилось, что из-за путаницы с питанием на борт не взяли упаковок с ленчем. Имелись только упаковки завтраков, то есть индивидуальные контейнеры с овсянкой и бананы для всех пассажиров, которым придется есть пластмассовыми ножами и вилками, потому что ложек, к сожалению, нет. Последнее было, пожалуй, даже неплохо, потому что и молоко к овсянке тоже отсутствовало.

Это был адский перелет, а Толстый Чарли проспал все «веселье».

Во сне Толстый Чарли оказался в огромном зале, и одет он был в парадный костюм. Он стоял на высоком помосте, по одну его сторону была Рози в белом подвенечном платье, по другую — ее мама, тоже (что пугало) в подвенечном платье, хотя ее было покрыто пылью и паутиной. Вдалеке на горизонте (а точнее, в дальнем конце зала) люди стреляли и махали белыми флагами.

— Это просто гости со стола «Ж», — сказала мама Рози. — Не обращай на них внимания.

Толстый Чарли повернулся к Рози, она же с нежной улыбкой облизнулась.

— Торт, — сказала Рози в его сне.

Это послужило сигналом оркестру. Новоорлеанский джаз-банд заиграл похоронный марш.

Помощником шеф-повара оказалась вчерашняя полицейская. С пояса у нее свисали наручники.

— А теперь, — сказала Толстому Чарли Рози, — разрежь торт.

Гости за столом «Б», которые были вовсе не люди, а мультяшные мыши, крысы и животные со скотного двора (но в человеческий рост и навеселе), запели песни из диснеевских мультиков. Толстый Чарли знал, что они хотят, чтобы он

пел вместе с ними. Даже во сне он почувствовал, как его охватывает паника от одной только мысли, что ему придется петь на публике, почувствовал, как руки и ноги у него немеют, как покалывает губы.

— Не могу я с вами петь, — сказал он, отчаянно подыскивая отговорку. — Мне нужно разрезать торт.

При этих словах весь зал умолк. Ив тишине шеф-повар вкатил небольшую тележку. Лицо у повара было как у Грэхема Хорикса, а на тележке красовался экстравагантный свадебный торт: вычурный, многоэтажный шедевр кондитерского искусства. На самом верхнем уровне опасно балансировали крохотные жених с невестой — точь-в-точь два человечка, пытающихся устоять на верхушке покрытого глазурью «Крайслер билдинг».

Сунув руку под стол, мама Рози достала длинный нож с деревянной ручкой — почти мачете, клинок у него был ржавым. Она подала его Рози, которая взяла правую руку Толстого Чарли и положила ее поверх своей левой, и вместе они вдавили ржавый нож в толстую белую глазурь на самом верхнем этаже торта — между женихом и невестой. Поначалу торт сопротивлялся клин-

ку, и Толстый Чарли нажал сильнее, надавил изо всех сил. Он почувствовал, как торт начинает поддаваться. Еще чуть-чуть.

Нож прошел через верхний уровень свадебного торта. Соскользнул вниз и разрезал торт, прошел через все слои и уровни — и торт раскрылся…

Во сне Толстый Чарли подумал было, что торт начинен бусинами из черного стекла или полированного гагата, а потом, когда они посыпались из-под бисквита, сообразил, что у бусин есть ножки… что у каждой бусины есть восемь проворных ножек… и из торта эти бусины хлынули черной волной. Пауки заполонили собой белую скатерть, пауки закрыли маму Рози и саму Рози, превратив их белые платья в траурные, а потом, будто повинуясь могучему и злобному разуму, сотнями потекли к Толстому Чарли. Он повернулся, чтобы бежать, но его ноги застряли в какой-то резиновой липучке, и он рухнул на пол.

Тогда пауки набросились на него, их ножки заелозили по его голой коже, он попытался встать, но кишащая волна накрыла его с головой.

Толстый Чарли открыл рот, чтобы закричать, и он тут же заполнился пауками. Они забежали ему в глазницы, и все погрузилось во тьму…

Открыв глаза, Толстый Чарли не увидел ни-

чего, кроме черноты, и закричал… и кричал, и кричал. Потом сообразил, что просто погасили свет и шторки на окнах опущены, потому что остальные пассажиры смотрят кино.

Это был поистине адский перелет. Толстый Чарли только внес свою лепту, чуть больше его испортив.

Встав, он попытался выйти в проход, спотыкаясь при этом о чужие ноги, а потом, когда почти туда добрался, выпрямился и ударился головой о полку для вещей, отчего ее дверцы открылись и на голову ему рухнула чья-то ручная кладь.

Те, кто сидел поближе и видел, засмеялись. Это была отличная клоунада и она всех бесконечно порадовала.

Глава седьмая, в которой Толстый Чарли заходит очень далеко

Сотрудница паспортного контроля прищурилась на американский паспорт Толстого Чарли так, словно была разочарована, что он не какой-то там иностранный подданный, которого она могла бы просто не пустить в страну, но потом со вздохом махнула проходить.

Он спрашивал себя, что будет делать, когда минует таможню. Наверное, возьмет напрокат машину. И поест… Сойдя с эскалатора, он прошел через заграждение безопасности» главный торговый вестибюль аэропорта Орландо и нисколько не удивился (как сделал бы это еще неделю назад), заметив миссис Хигглер, которая, сжимая в руке огромную кружку кофе, ощупывала взглядом лица новоприбывших. Они увидели друг друга практически одновременно, и она направилась в его сторону.

— Голоден? — спросила она.

Толстый Чарли кивнул.

— Надеюсь, ты любишь индейку.

Толстый Чарли спрашивал себя, не на этом ли брюквенного цвета седане ездила миссис Хигглер, когда он был ребенком. Наверное, да. Логично предположить, что когда-то автомобиль был новым. В конце концов, все когда-то было новым. Но сейчас он превратился в дряхлую развалину: обивка из кожзаменителя потрескалась и осыпалась, пластик под дерево на приборной доске и бардачке казался пыльным.

Между передними сиденьями лежал коричневый бумажный пакет для покупок.

В древней машине миссис Хигглер не было подставки под чашку, и свою гигантскую кружку миссис Хигглер держала, зажав между коленями. Судя по всему, машину изготовили до наступления эры кондиционеров, поэтому ехали они опустив окна. Толстый Чарли ничего не имел против. После холодной сырости в Англии флоридская жара казалась отдохновением. Миссис Хигглер направлялась на юг, к платному шоссе. По дороге она болтала: о последнем урагане и о том, как она возила своего племянника Бенджамина в аквапарк в Орландо и в Диснейленд, и о том, что туристические курорты уже не те, о строительных кодексах, цене на бензин, и что именно она сказала врачу, когда тот посоветовал ей сде-

лать операцию на бедре, и почему туристы вечно кормят аллигаторов, и почему новоприбывшие строят дома на пляжах, а потом удивляются, что у них нет или пляжа, или дома, или как смеют аллигаторы жрать их собак. Толстый Чарли слушал вполуха, с него все скатывалось как с гуся вода. В конце концов это только слова.

Притормозив, миссис Хигглер взяла билет для платной трассы. И замолчала. Казалось, задумалась.

— Так, значит, ты познакомился с братом, — не спросила, а скорее констатировала она.

— Могли бы меня предупредить, — проворчал Толстый Чарли.

— Я предупреждала, что он бог.

— Но ничего не говорили о том, какая он заноза в заднице.

Миссис Хигглер только сморщила нос и отпила большой глоток кофе из кружки.

— Нельзя где-нибудь остановиться и перекусить? — спросил Толстый Чарли. — В самолете давали только овсянку и бананы. Никаких ложек. И молоко кончилось еще до того, как дошли до моего ряда. Перед нами извинились и в возмещение раздали всем талоны на еду.

Старуха покачала головой.

— За талон я мог бы получить в аэропорту гамбургер.

— Я же сказала. Луэлла Дунвидди приготовила тебе индейку. Как по-твоему, каково ей будет, если мы приедем, а ты уже наелся в «Макдоналдсе» и у тебя нет аппетита? А?

— Но я умираю с голоду! А нам еще два часа ехать.

— Нет, — твердо ответила она. — Когда я за рулем, то нет.

И вдавила педаль газа. Время от времени, пока брюквенный седан громыхал по платному шоссе, Толстый Чарли крепко зажмуривался и одновременно с силой нажимал левой ногой на воображаемые тормоза. К концу пути он взмок от усилий.

Гораздо скорее, чем через два часа, они съехали с платного шоссе на местное, которое привело их в город. Они проехали книжный магазинчик «Варне энд Ноубл» и канцелярский магазин «Офис Депот». Они проехали мимо коттеджей, обошедшихся своим новым владельцам в семизначные суммы, домов за собственными охраняемыми воротами. Они проехали по старым жилым улочкам, за которыми, насколько хватало детских воспоминаний Толстого Чарли,

раньше ухаживали много лучше, чем сейчас. Они проехали мимо индонезийской закусочной с ямайским флагом в витрине и доской, где от руки прославлялись бычьи хвосты, фирменное блюдо из риса, домашний лимонад и курица в карри. У Толстого Чарли текли слюни, в животе урчало.

Рывки и тряска. Дома становились все старше, а окрестности — очень и очень знакомыми.

Пластмассовые розовые фламинго еще стояли в театральных позах посреди садика миссис Дунвидди, хотя за годы почти добела выгорели на солнце. Был здесь и зеркальный шар, и когда Толстый Чарли его заметил, то на мгновение испугался так, как никогда ничего не боялся.

— Очень худо тебе с Пауком? — спросила миссис Хигглер, когда они подходили к двери дома миссис Дунвидди.

— Скажем так, — отозвался Толстый Чарли, — я думаю, он спит с моей невестой. А это больше, чем доставалось мне.

— А-а, — протянула миссис Хигглер и, щелкнув языком, позвонила в дверь.

На «Макбета» немного похоже, подумал час спустя Толстый Чарли. И в самом деле, если бы ведьмы в «Макбете» были четырьмя милыми старушками и если бы вместо того, чтобы поме-

шивать содержимое котла и распевать жуткие заклинания, они обрадовались бы Макбету, усадили бы его за стол, накормили индейкой, горохом и рисом (не говоря уже про пудинг из бататов и пряную капусту) в фарфоровых мисочках на клеенчатой скатерти в красно-белую клетку и не подстегивали его брать добавки и еще добавки, а потом, когда Макбет заявил бы, что нет, он сейчас лопнет, и поклялся, что больше ни крошки не съест, не поставили бы перед ним свой фирменный рисовый пудинг и большой кусок знаменитого ананасового пирога миссис Бустамонте, — все было бы в точности как в «Макбете».

— Итак, — сказала миссис Дунвидди, смахивая с уголка губ крошку ананасового пирога, — насколько я понимаю, тебя навестил твой брат.

— Да. Я поговорил с паучком. Наверное, я сам виноват. Я ведь не ожидал ничего дурного!

Ответом ему был хор «ахов», «охов» и «фу ты», с которыми миссис Хигглер, миссис Дунвидди, миссис Бустамонте и миссис Ноулс цокали языками и качали головами.

— Он вечно повторял, что ты у него глупый, — сказала миссис Ноулс. — Я про твоего отца говорю. Но я никогда ему не верила.

— Откуда же мне было знать? — запротестовал Толстый Чарли. — Родители ведь мне никогда не говорили: «Кстати, сынок, у тебя есть брат, про которого ты ничего не знаешь. Пусти его в свою жизнь, и он натравит на тебя полицию, будет спать с твоей невестой и не только поселится у тебя, но и целый дом притащит в твою запасную комнату. Он промоет тебе мозги и заставит ходить в кино и целую ночь провести, пытаясь попасть домой, и...»

Он остановился — как-то странно они на него смотрели.

Собравшиеся вокруг стола старушки по очереди вздохнули. Вздох начался с миссис Хигглер, от нее перешел к миссис Ноулс и миссис Бустамонте и, наконец, к миссис Дунвидди. Это внушало беспокойство, Толстому Чарли даже стало жутковато, но тут миссис Бустамонте рыгнула и тем испортила все впечатление.

— И чего ты хочешь? — спросила миссис Дунвидди. — Скажи, чего ты хочешь?

Сидя в маленькой гостиной миссис Дунвидди, Толстый Чарли задумался, чего же, собственно, хочет. День за окном бледнел, переходя в ласковые сумерки.

— Он испоганил мне жизнь, — сказал Толстый

Чарли. — Я хочу, чтобы вы его забрали. Чтобы он просто исчез. Вы это умеете.

Три женщины помладше промолчали. Просто посмотрели на миссис Дунвидди.

— Мы не можем заставить его исчезнуть, — сказала миссис Дунвидди. — Мы уже… — Тут она осеклась и сказана: — Ну, понимаешь, сами мы уже сделали все что могли.

К чести Толстого Чарли надо сказать, что, как бы в глубине души ему этого ни хотелось, он не разразился слезами, и не возопил, и не опал, как неудавшееся суфле. Он только кивнул.

— Что ж, — сказал он. — Извините, что потревожил. И спасибо за обед.

— Мы не в силах заставить его уйти, — сказала миссис Дунвидди, и ее карие глаза за толстыми, почти как галька, стеклами очков стали вдруг почти черными. — Но можем послать тебя к тому, кто сумеет.

Во Флориде был ранний вечер, а значит, в Лондоне — глубокая ночь. В просторной кровати Рози, где Чарли никогда не бывал, Паук поежился.

Рози прижалась к нему всем телом, крепко-крепко.

— Ты в порядке, Чарльз? — спросила она.

Она кожей чувствовала, как по рукам и плечам

у него бегут мурашки.

— Все нормально, — сказал Паук. — Просто жутковато вдруг стало.

— Кто-то прошелся по твоей могиле, — пошутила Рози.

Тогда он притянул ее к себе еще ближе и поцеловал.

А Дейзи в ярко-зеленой ночной рубашке и в пушистых розовых-прерозовых тапочках сидела в маленькой гостиной свой квартирки в Хендоне. Всматриваясь в экран компьютера, она то и дело качала головой и равномерно щелкала мышью.

— Тебе еще долго? — спросила Кэрол. — У нас ведь есть целый компьютерный отдел, которому полагается этим заниматься, знаешь ли. А не тебе.

Дейзи издала неопределенный звук, не означающий ни «да», ни «нет». Такой звук издают, говоря, мол, я знаю, что кто-то что-то сказал, и если я его издам, может, они уйдут.

Кэрол уже слышала его раньше.

— Ой, — сказала она. — Большая попка. Тебе еще долго? Я хочу сделать еще запись в «ЖЖ»[2].

Дейзи фразы отметила. Но дошли только два

---

[2] notes: 2
«Живой журнал» — общедоступный интернет-дневник

слова:

— Ты хочешь сказать, что у меня большой зад?

— Нет, я говорю, что уже поздно и что я хочу сделать новую запись в «ЖЖ». Опишу, как он лапает супермодель в туалете одного лондонского бара.

— Ладно, — вздохнула Дейзи. — Просто что-то тут дурно пахнет, вот и все.

— Что дурно пахнет?

— Присвоение денег. Ладно, выхожу. Иди в свою помойку. Знаешь, а ведь у тебя могут быть неприятности, ты же выдаешь себя за члена королевской семьи.

— Отвяжись.

Кэрол писала «Живой журнал» от имени одного молодого члена британской королевской семьи, выдавая себя за отбившегося от рук сорвиголову. В прессе уже спорили, реальный это дневник или подделка, причем многие указывали, что такие подробности, которые приводит Кэрол, могут знать только настоящие члены британской королевской семьи или те, кто читает сплетни в желтых журналах.

Отойдя от компьютера, Дейзи все еще размышляла о положении дел в «Агентстве Грэхема Хорикса».

А его владелец крепко спал в спальне своего

большого, но без показной роскоши дома в Перли. Будь на свете справедливость, он стонал бы и обливался потом во сне, терзаемый кошмарами, и фурии совести жалили бы его скорпионьими хвостами. И потому мне больно признавать, что Грэхем Хорикс спал как хорошо покормленный и пахнущий молоком младенец, и ничегошеньки ему не снилось.

Где-то в доме Грэхема Хорикса напольные часы вежливо пробили двенадцать раз. В Лондоне была полночь. Во Флориде — семь вечера.

И тот и другой — час ведьм.

Миссис Дунвидди сложила и убрала красно-белую клеенчатую скатерть.

— Черные свечи у кого?

— У меня, — ответила миссис Ноулс.

У ее ног стояла пластиковая сумка из магазина и, покопавшись в ней, она извлекла четыре свечи — по большей части черные. Одна была высокой и ничем не украшенной, остальные три — в форме мультяшных черно-желтых пингвинов, вместо хохолка в голове у каждого торчало по фитилю.

— Других не было, — извиняясь, сказала она. — И вообще пришлось обойти три магазина, чтобы найти хотя бы эти.

Миссис Дунвидди промолчала, только качнула головой. Свечи она поставила по углам стола, причем единственную непингвиновую — против своего места. Каждая свечка оказалась на пластмассовой тарелке для пикника. Достав большую коробку кошерной соли, миссис Дунвидди горкой высыпала кристаллы на стол. Потом, придирчиво оглядев, поводила и в ней иссохшим пальцем, пока не получились кучки и завитки.

Миссис Ноулс принесла с кухни большую стеклянную миску, которую поставила в центре стола. Отвернув крышку с бутылки шерри, она плеснула в миску солидную порцию.

— А теперь, — сказала миссис Дунвидди, — давай дурман вонючий, пырей ползучий, амарант хвостатый. Да, и еще цареградский стручок.

Миссис Бустамонте снова порылась в сумке и достала стеклянный пузырек.

— Это смесь кулинарных трав, — сказала она. — Я решила, что подойдет.

— Смесь трав! — фыркнула миссис Дунвидди. — Смесь трав!

— А какая разница? — спросила миссис Бустамонте. — Я всегда ею пользуюсь, когда в рецепте говорится базилик то, орегано сё. Столько хлопот и мороки! И вообще, на мой взгляд, в магазинах

продают сплошные смеси.

— Высыпай, — вздохнула миссис Дунвидди.

Половину смеси трав из склянки высыпали в шерри. На поверхности закружились сухие листья и палочки.

— Теперь четыре земли, — велела миссис Дунвидди. — Надеюсь, — продолжала она, тщательно отмеряя слова, — никто не собирается сказать, что не смог найти четыре земли, и теперь придется обойтись камешком, сушеной медузой, магнитом на холодильник и куском мыла.

— Земля у меня, — сказала миссис Хигглер и, предъявив коричневый бумажный пакет, достала из него четыре застегивающихся полиэтиленовых мешочка, в которых лежал какой-то песок или высушенная глина, но все разных цветов. Их содержимое она высыпана по углам стола.

— Хорошо, что хоть кто-то слушает, что ему говорят, — проворчала миссис Дунвидди.

Миссис Ноулс зажгла свечи, заметив походя, как легко зажигаются пингвины, какие они миленькие и смешные.

Миссис Бустамонте разлила остатки шерри в четыре рюмки.

— А мне не достанется? — спросил Толстый Чарли, хотя на самом деле шерри ему не хотелось.

Он вообще его не любил.

— Нет, — твердо ответила миссис Дунвидди, — не достанется. Тебе надо быть начеку.

Она достала из сумочки позолоченную коробочку для таблеток.

Миссис Хигглер погасила свет, и все пятеро сели за стол, над которым плясало пламя свечей.

— И что теперь? — спросил Толстый Чарли. — Возьмемся за руки и будем взывать к живым и вызывать духи умерших?

— Нет, — прошептала миссис Дунвидди. — И придержи язык.

— Извините, — сказал Толстый Чарли и тут же об этом пожалел.

— Слушай, — сказала миссис Дунвидди, — ты отправишься туда, где тебе, вероятно, помогут. И все равно не отдавай ничего своего и ничего не обещай. Ты меня понял? Если ты кому-то что-то дашь, то позаботься получить взамен нечто равноценное. Понятно?

Толстый Чарли едва не сказал «да», но вовремя осекся и только кивнул.

— Хорошо.

И миссис Дунвидди начала напевать что-то без мелодии и слов, ее старческий голос дрожал и спотыкался.

К ней присоединилась — несколько мелодичнее — миссис Ноулс, голос у нее был выше и сильнее.

Подключилась миссис Хигглер, но она не гудела и не шипела. Она жужжала, как муха на стекле, издавая языком вибрирующий звук, такой невероятный и странный, точно во рту у нее был рой рассерженных пчел, которые бьются о зубы, стараясь вырваться на свободу.

Толстый Чарли подумал, не присоединиться ли ему тоже, но понятия не имел, что ему делать, поэтому сосредоточился на том, чтобы сидеть тихо и не потерять голову от странного шума.

Миссис Хигглер бросила в миску с шерри и смесью трав щепотку красной земли. Миссис Бустамонте — щепотку желтой. Миссис Ноулс — щепотку бурой, а миссис Дунвидди мучительно медленно подалась вперед и уронила комок черной грязи.

Миссис Дунвидди отпила шерри, потом нашарила что-то артритными пальцами в коробочке для таблеток и бросила на пламя свечи. На мгновение в комнате запахло лимонами, а потом — просто чем-то жженым.

Миссис Ноулс начала выстукивать ритм на столе, но гудеть не перестала. Свечи замигали, и

по стенам затанцевали гигантские тени. Миссис Хигглер тоже забарабанила пальцами по столу, но выстукивала другой ритм — быстрее, решительнее, и два стука слились в третий.

В мозгу Толстого Чарли все шумы — гудение и шипение, перестук и жужжание — стали сливаться в единый звук. Голова у него закружилась. Все как будто утратило реальность, расплылось. В издаваемом женщинами шуме он слышал звуки дикого леса, потрескивание гигантских костров. Пальцы у него словно бы вытянулись как резиновые, а ноги оказались где-то далеко-далеко.

Ему казалось, он парит над комнатой, над всем миром, а под ним вокруг стола сидели пятеро. Одна из женщин бросила что-то в миску посреди стола, и в ней полыхнуло так ярко, что Толстый Чарли на мгновение ослеп. Он зажмурился и тут же понял, что от этого толку ни на грош: даже с закрытыми глазами все казалось слишком ярким.

Защищаясь от яркого дневного света, он потер глаза.

Огляделся по сторонам.

Прямо перед ним — точь-в-точь небоскреб — вздымалась скала. Нет, отвесный склон горы. И в двух шагах сбоку уходил вниз такой же отвесный обрыв. Подойдя к краю, он осторожно глянул

вниз. И, увидев что-то белое, решил, что это овцы, но, присмотревшись внимательнее, сообразил, что перед ним облака — большие пушистые облака очень далеко внизу. А дальше, под облаками — пустота: он видел голубое небо, и казалось, если смотреть еще дальше, то увидишь черноту космоса, а за ней — лишь холодное мерцание звезд.

Толстый Чарли попятился от обрыва.

Потом повернулся и пошел назад к горам, которые поднимались все вверх и вверх, так высоко, что он не видел вершин, так высоко, что он решил, что если они когда-нибудь упадут, то непременно ему на голову и погребут навеки. Он заставил себя опустить взгляд, смотреть на склон, а потому заметил в нем отверстия: они тянулись вдоль уступа между обрывом и склоном и выглядели как зевы естественных пещер.

Уступ, на котором стоял сейчас Толстый Чарли, был шириной не больше десятка метров. Да и не уступ вовсе, а петляющая между валунами песчаная дорога, где временами виднелись кусты и лишь изредка деревья. Дорога как будто огибала горы, а после терялась в туманной дымке на горизонте.

«Кто-то за мной наблюдает», — сообразил вдруг Толстый Чарли и окликнул:

— Эй? Здравствуйте. — Он запрокинул голову. — Эй, есть тут кто-нибудь?

Кожа у мужчины, который вышел из ближайшей пещеры, была много темнее, чем у Толстого Чарли, даже темнее, чем у Паука, но длинные волосы были рыжеватыми и ложились на плечи как грива. Вокруг бедер у него была повязана потрепанная желтая львиная шкура, сзади свисал львиный хвост, и вот этот хвост вдруг смахнул с плеча муху.

Желтые глаза мужчины моргнули.

— Кто ты? — прорычал он. — И по чьему разрешению ходишь по этой земле?

— Я Толстый Чарли Нанси, — сказал Толстый Чарли. — Моим отцом был Паук Ананси.

Массивная голова медленно склонилась.

— И зачем ты пришел сюда, сын компэ Ананси?

Оглядевшись по сторонам, Толстый Чарли решил, что они под скалой одни, но у него возникло такое ощущение, будто на них смотрят десятки глаз, будто навострились десятки ушей, но десятки голосов молчат. Толстый Чарли ответил громко, чтобы услышали все, кто желает услышать:

— Из-за моего брата. Он отравляет мне жизнь.

Я не властен заставить его уйти.

— Так ты ищешь нашей помощи? — спросил Лев.

— Да.

— А твой брат? Он, как и ты, крови Ананси?

— Он не как я. Совсем не такой, — сказал Толстый Чарли. — Он скорее твоего народа.

Мазок жидкого золота: одним прыжком человек-лев лениво и легко, как перышко, прыгнул от входа в пещеру, в мгновение ока перемахнув серые валуны и пару ярдов песка. Теперь он вдруг очутился рядом с Толстым Чарли. Львиный хвост раздраженно хлестал по земле.

Сложив на груди руки, мужчина глянул на Толстого Чарли сверху вниз и сказал:

— Почему ты сам не уладишь свое дело?

У Толстого Чарли пересохло во рту. Горло как будто закупорило пылью. Стоявший рядом с ним был ростом выше любого человека, и пахло от него совсем не по-человечьи. Кончики кошачьих клыков придавили нижнюю губу.

— Не могу, — пискнул Толстый Чарли.

Из следующей пещеры высунулся гигант. Кожа у него была коричневато-серой и морщинистой, а ноги — как складчатые колонны.

— Если вы с братом поссорились, — сказал

он, — попросите отца вас рассудить. Покоритесь воле главы семьи. Таков закон.

Он снова скрылся в пещере и издал горловой звук, такой громкий и трубный, что даже Толстый Чарли сообразил, что слышал Слона.

Толстый Чарли сглотнул.

— Мой отец мертв.

И голос у него был теперь снова чистым, много чище и громче, чем он ожидал. Его слова эхом отдались от отвесной скалы, раскатились по сотням пещер, по сотням каменных уступов. «Мертв, мертв, мертв, мертв», — повторяло эхо.

— Поэтому я пришел сюда.

— Я не питал любви к Пауку Ананси, — сказал Лев. — Однажды, давным-давно, он привязал меня к бревну и велел ослу тащить меня в пыли к трону Мау, создателю всех вещей. — От этого воспоминания Лев зарычал, и Толстому Чарли очень захотелось оказаться на другом краю света.

— Иди дальше, — сказал Лев. — Если повезет, то найдешь кого-то, кто тебе поможет. Но я этого делать не стану.

Слон сказал из темноты пещеры:

— И я тоже. Твой отец обманул меня и наелся моего живота. Он сказал, что сделает для меня сандалии, и смеялся, набивая себе желудок. У

меня долгая память.

Толстый Чарли пошел дальше.

У входа в следующую пещеру стоял человек в щегольском зеленом с переливом костюме и элегантной шляпе с лентой из змеиной кожи. И ботинки, и ремень у него тоже были из кожи змеи.

— Иди дальше, сын Ананси, — сказал Змей, и во рту у него что-то сухо затрещало, точно гремучка забила хвостом. — От вашей проклятой семейки одни неприятности. Я в ваши проблемы вмешиваться не стану.

Женщина у входа в следующую пещеру была очень красивой, но глаза у нее были как две капли нефти, и вибриссы на фоне кожи казались снежно-белыми. А еще у нее было два ряда грудей.

— Я знала твоего отца, — сказала она. — Давно это было. Мр-р-р.

Она встряхнулась от одного только воспоминания, и Толстому Чарли вдруг показалось, что он прочел очень личное письмо. Она послала Толстому Чарли воздушный поцелуй, но, когда он попытался подойти ближе, качнула головой. Он пошел дальше.

Впереди из земли торчало искривленное мертвое дерево — точь-в-точь абстрактная скульптура

из старых костей. Тени стали уже удлинятся, ведь солнце медленно опускалось в бесконечное небо, туда, где скалы вдавались в конец света. Солнечный диск казался чудовищным оранжево-золотым шаром, и мелкие облачка под ним были окрашены золотом и пурпуром.

«Ассирийцы напали, как волк на отару, — подумалось Толстому Чарли. — Их когорты сверкали подобно пожару». Строчки Байрона всплыли из какого-то позабытого урока литературы. Он попытался вспомнить, что такое «когорты», и не сумел. Вероятно, какие-то повозки.

Совсем рядом с ним что-то шевельнулось, и тут он сообразил: то, что он принял за валун под деревом, на самом деле человек — с песочными волосами и темными полосами на спине. Волосы у него были очень длинными и очень черными, а когда он улыбался, то показывал клыки, как у очень большой кошки. В скользнувшей по губам улыбке не было ни тепла, ни веселья, ни дружбы.

— Я Тигр, — сказал он. — Твой отец сотни раз меня обижал и оскорблял тысячью разных способов. У Тигра долгая память.

— Мне очень жаль, — отозвался Толстый Чарли.

— Я прогуляюсь с тобой, — продолжал Тигр. — Немного. Ты сказал, Ананси мертв?

— Да.

— Так, так, так. Он столько раз меня дурачил. Когда-то все принадлежало мне: сказки, песни, звезды — все. А он меня обокрал. Может, теперь, когда он мертв, люди наконец перестанут рассказывать его проклятые истории. Перестанут смеяться надо мной.

— Конечно, перестанут, — заверил Толстый Чарли. — Я вообще никогда над тобой не смеялся.

Сверкнули глаза цвета отполированного изумруда.

— Кровь есть кровь, — сказал он. — Потомки Ананси — это и есть сам Ананси.

— Я не мой отец, — возразил Толстый Чарли.

Тигр оскалился. Зубы у него были очень острые.

— Нельзя расхаживать, заставляя людей смеяться над тем и сем, — объяснил Тигр. — Мы ведь в серьезном мире живем, тут зубоскалить не над чем. Никогда не надо смеяться. Детей нужно учить бояться, учить их дрожать. Учить их быть жестокими. Учить их быть опасностью в темноте. Прятаться в тени, а после напрыгивать, бросаться

или вылетать — и обязательно убивать. Знаешь, в чем истинный смысл жизни?

— М-м-м… — протянул Толстый Чарли. — Любить друг друга?

— Смысл жизни — в жаркой крови твоей жертвы у тебя на языке, в его плоти, распадающейся под твоими зубами, в трупе врага, брошенном на солнце стервятникам. Вот что такое жизнь. Я Тигр. Я сильнее, чем когда-либо был Ананси, больше, опаснее, могущественнее, страшнее, мудрее…

Толстому Чарли совсем не хотелось разговаривать с Тигром. И не потому, что Тигр был не в своем уме, нет, дело было в том, что он так серьезно отстаивал свои взгляды, а эти последние оказались далеко не самыми приятными. А еще Тигр напоминал Толстому Чарли кого-то, и хотя Толстый Чарли не мог определить, кого именно, но точно знал; что этот кто-то ему не нравится.

— Ты поможешь мне избавиться от брата?

Тигр закашлялся, будто в горле у него застряло даже не перо, а целая птица.

— Хочешь, принесу тебе воды? — спросил Толстый Чарли.

Тигр поглядел на него с подозрением.

— В прошлый раз, когда Ананси предложил

мне воду, я в конечном итоге попытался съесть луну из озера и чуть не утонул.

— Я просто хотел помочь.

— Вот и он так сказал. — Придвинувшись к Толстому Чарли, Тигр посмотрел ему в глаза. С такого близкого расстояния он и вовсе не походил на человека: нос слишком плоский, глаза расположены иначе, и пахнет от него, как из клетки в зоопарке. И слова его обернулись раскатистым рыком: — Вот чем ты мне поможешь, сын Ананси. И ты, и твой брат. Держитесь от меня подальше. Понятно? Если хочешь сохранить мясо на своих костях.

Тут он облизнулся, и язык у него был красным, как свежая кровь, и длиннее, чем полагается иметь человеку.

Толстый Чарли попятился, уверенный, что если повернется, если побежит, то почувствует, как кожу у него на загривке разрывают тигриные клыки. Шедшее рядом с ним существо лишилось теперь последней толики человеческого, и размерами оно было с настоящего тигра. В нем воплотилась каждая хищная кошка, которая вдруг вознамерилась полакомиться человечиной, каждый тигр, который ломал позвонки человеку, как домашняя кошка — мыши. И потому, пятясь,

Толстый Чарли не сводил глаз с Тигра, и вскоре хищник мягко вернулся под свое мертвое дерево, растянулся на камнях и растворился в пятнистых тенях, где его присутствие выдавали лишь фонтанчики пыли, взбиваемой раздраженными ударами хвоста.

— Не бойся его, — сказала от входа в ближайшую пещеру женщина. — Иди сюда.

Толстый Чарли не смог решить, красавица она или ужасная уродина, но осторожно приблизился.

— Тигр разыгрывает могучего храбреца, но боится собственной тени. А еще больше — тени твоего папы. В его челюстях нет силы.

В ее лице было что-то собачье. Нет, не собачье, а…

— А вот я, — продолжала она, когда он подошел совсем близко, — могу зубами раздавить кость. Там самое вкусное прячется. Там — самое сладкое, что есть в теле, но никто, кроме меня, этого не знает.

— Я ищу кого-нибудь, кто помог бы мне избавиться от брата.

Запрокинув голову, женщина расхохоталась — диким лающим смехом, громким, долгим и безумным, и Толстый Чарли ее узнал.

— Никто здесь тебе не поможет, — сказала она. — Каждый тут пострадал, когда пытался тягаться с твоим отцом. Тигр ненавидит тебя и твою семью больше всего на свете, но и он даже пальцем не шевельнет, пока твой отец где-то ходит по миру. Послушай: иди по этой тропе. Я тебе добрый совет даю, ведь за глазом у меня пророческий камень. Поэтому поверь мне на слово, помощь ты найдешь, лишь когда отыщешь пустую пещеру. Войди в нее. Поговори с тем, кто ждет там. Понял меня?

— Кажется, да.

Она рассмеялась — нехороший вышел у нее смех.

— Не хочешь сперва задержаться у меня? Я многому тебя научу. Знаешь ведь, что говорят? На свете нет никого злее и гаже Гиены.

Толстый Чарли покачал головой и даже не остановился, а пошел дальше мимо пещер, тянувшихся вдоль скалы на краю света. Проходя мимо каждого черного отверстия, он в него заглядывал. Там были люди всех форм и размеров — крошечные и высоченные, мужчины и женщины. И когда он проходил, когда они выступали на свет из тени, он видел мохнатые бока или чешую, рога или когти.

Одних он пугал, и они отступали в темноту своего убежища. Другие, напротив, подбирались ближе, рассматривали его хищно или с любопытством.

Что-то обрушилось с каменного уступа над одной пещерой и приземлилось рядом с Толстым Чарли.

— Привет, — с одышкой проговорило оно.

— Привет, — отозвался Толстый Чарли.

Новенький оказался волосатым и легковозбудимым. И с руками и ногами у него было что-то не так. Толстый Чарли постарался понять, в чем дело. Конечно, остальные люди-звери были зверьми и людьми одновременно, но здесь две половинки «без швов» или отличительных черт сливались в единое целое. Если у предыдущих существ животная и человеческая составляющие чередовались, как полосы на зебре, создавая нечто иное, то этот казался одновременно и человеком, и почти человеком, и от такой несуразности у Толстого Чарли зудели зубы. А потом он вдруг понял.

— Обезьяна, — сказал он. — Ты Обезьяна.

— Персик есть? — спросил Обезьяна. — Манго есть? А инжир?

— Извини, ничего нет.

— Дай мне что-нибудь поесть, и я стану твоим другом, — предложил Обезьяна.

Миссис Дунвидди о таком предупреждала. «Ничего не отдавай, — подумал Чарли. — Ничего не обещай».

— Боюсь, я тебе ничего не дам.

— Ты кто? — спросил Обезьяна. — Ты что? Ты какой-то половинчатый. Ты оттуда или отсюда?

— Моим отцом был Ананси, — сказал Толстый Чарли. — Я ищу кого-нибудь, кто помог бы мне разобраться с братом, заставить его уйти.

— Ананси может разозлиться, — сказал Обезьяна. — А это очень скверно. Если разозлишь Ананси, ни в одну сказку больше не попадешь.

— Ананси мертв.

— Мертв там, — сказал Обезьяна. — Возможно. Но здесь? Это совсем другая история.

— Ты хочешь сказать, он где-то здесь?

Толстый Чарли беспокойно оглядел склон горы: от самой мысли, что в одной из этих пещер сидит где-нибудь, покачиваясь в скрипящем кресле-качалке, отец — сидит, сдвинув на затылок фетровую шляпу, потягивает бурый эль из банки и прикрывает зевок рукой в лимонно-желтой перчатке, — становилось не по себе.

— Кто? Что?

— По-твоему, он здесь?

— Кто?

— Мой отец.

— Твой отец?

— Да, Ананси.

Обезьяна в ужасе запрыгнул на валун и распластался по камню, его взгляд заметался из стороны в сторону, точно он высматривал готовый вот-вот налететь смерч.

— Ананси? Он здесь?

— Я об этом и спрашивал, — возразил Толстый Чарли.

Схватившись ногой за какой-то выступ, Обезьяна внезапно перевернулся и свесился вниз головой, так что его физиономия уставилась вверх ногами в лицо Толстого Чарли.

— Я иногда возвращаюсь в большой мир, — сказал он. — Там говорят: «Обезьяна, Обезьяна, приди, мудрый Обезьяна. Приходи, мы припасли для тебя персики. И орехи. И личинки. И инжир».

— Мой отец здесь? — терпеливо спросил Толстый Чарли.

— У него нет пещеры, — отозвался Обезьяна. — Будь у него пещера, я бы знал. Наверное, знал бы. Может, у него была пещера, а я забыл. Если дашь

персик, мне будет легче вспомнить.

— У меня с собой ничего нет, — сказал Толстый Чарли.

— Никаких персиков?

— Совсем ничего.

Качнувшись, Обезьяна вновь оказался на валуне и одним прыжком исчез, а Толстый Чарли пошел дальше по каменистой тропе. Солнце спустилось, висело теперь почти вровень с тропой и горело темно-оранжевым. Утомленные лучи забирались в пещеры, показывая, что каждая из них обитаема. В этой — с серой шкурой и смотрит близоруко, наверное, Носорог. А в этой — цвета гнилого бревна на мелководье, с черными, как стекло, глазами Крокодил.

За спиной у него что-то загремело, задребезжали посыпавшиеся камешки, и Толстый Чарли обернулся. Касаясь костяшками пальцев тропы, за ним стоял Обезьяна.

— У меня, честное слово, нет фруктов, — сказал Толстый Чарли. — Иначе я тебе дал бы.

— Мне тебя жалко, — откликнулся Обезьяна. — Шел бы ты домой. Это очень, очень, очень, очень дурная мысль. Да?

— Нет, — сказал Толстый Чарли.

— Ага, — забормотал Обезьяна. — Ну и ладно,

ладно, ладно, ладно, ладно.

Он на мгновение застыл, а потом вдруг внезапным рывком пронесся мимо Толстого Чарли и остановился возле пещеры в некотором отдалении.

— Сюда не ходи, — крикнул он, указывая на вход. — Плохое место.

— Чем? — спросил Толстый Чарли. — Кто там?

— Никого! — победно ответил Обезьяна. — А значит, не он тебе нужен, верно?

— Да, — согласился Толстый Чарли. — Верно.

Обезьяна подпрыгивал и верещал, но Толстый Чарли решительно прошел мимо него и стал карабкаться по камням, пока не добрался до входа в пустую пещеру. Отсюда казалось, что солнце окрасило скалы на краю света алым, почти как свежая кровь.

Толстый Чарли устал, очень устал. Бредя по тропе вдоль гор в начале света (это всего лишь горы на краю света, если подходишь с другой стороны), он чувствовал нереальность происходящего, да и самому себе казался бестелесным. Эти горы и их пещеры — из того же материала, из какого были сотворены самые старые сказки. А ведь они возникли задолго до появления людей — с чего вы взяли, что люди первыми начали

рассказывать сказки? И когда он ступил с тропы в пещеру, Толстому Чарли почудилось, будто он попал в чью-то чужую реальность. Пещера была глубокой, а ее пол — в белых пятнах от птичьих погадок. Еще на полу были перья, и тут и там, как растрепанная метелка для пыли, темнел высохший трупик птицы.

А в глубине пещеры ничего, кроме черноты.

— Эй? — окликнул Толстый Чарли.

— Эй, эй, эй, эй, эй… — откликнулось изнутри эхо.

Он пошел вперед. Темнота была такой плотной, что ее, казалось, можно потрогать руками, будто глаза ему завязали тонкой черной тканью. Вытянув руки по сторонам, он двигался медленно, останавливаясь после каждого шага.

Что-то шевельнулось впереди.

— Привет!

Его глаза понемногу привыкли к темноте, и теперь он смог кое-что различить. «Нет, ничего особенного, просто перья и тряпье». Еще шаг, и ветер всколыхнул перья, захлопал тряпьем на полу пещеры.

Что-то затрепыхалось вокруг него, пронеслось сквозь него, разгоняя воздух хлопаньем голубиных крыльев.

Заклубившаяся пыль запорошила Толстому Чарли глаза и ноздри. Он прищурился на холодный ветер и попятился, когда впереди поднялся смерч пыли, тряпок и перьев. Потом ветер стих, а на месте кружившихся перьев оказалась человеческая фигура, которая подняла руку и поманила Толстого Чарли к себе.

Он отступил бы, но она вдруг сделала шаг и взяла его за рукав. Ее прикосновение было сухим и легким, и она потянула его к себе…

Толстый Чарли невольно двинулся вперед, еще глубже в чрево пещеры…

…и оказался на голой равнине цвета меди, под небом оттенка скисшего молока.

У разных существ разное зрение. Глаза человека (в отличие, скажем, от глаз кошки или осьминога) пригодны для того, чтобы видеть лишь одну реальность зараз. Глазами Толстый Чарли видел одно, а разумом — другое, а в пропасти между первым и вторым притаилось безумие. Он почувствовал, как в нем волной поднимается дикая паника, и, сделав глубокий вдох, задержал дыхание, слушая, как отчаянно бьется о грудную клетку сердце. И заставил себя верить глазам, а не разуму.

И потому он знал, что перед ним птица. Птица

с безумными глазами и встрепанным оперением. Птица больше любого орла, выше любого страуса. С кривым острым клювом-крюком, как у хищника. С перьями цвета сланца и нефтяным отливом, в котором темной радугой переливаются зелень и пурпур. В глубине души он это знал. А глазами видел женщину с волосами цвета воронова крыла, женщину, которая стоит там, где полагается быть метафоре — Птице всех птиц. Не молодая и не старая, и лицо у нее было словно высечено из обсидиана в те времена, когда сам мир был сон.

Она наблюдала за ним и не шевелилась. В небе цвета скисшего молока клубились тучи.

— Меня зовут Чарли, — начал Толстый Чарли. — Чарльз Нанси. Большинство знакомых… ну, почти все зовут меня Толстым Чарли. И ты можешь. Если хочешь.

Никакого ответа.

— Моим отцом был Ананси.

Ничего. Ни взмаха ресниц, ни вздоха.

— Я хочу, чтобы ты помогла мне заставить моего брата уйти.

При этих словах она склонила голову набок — сделала достаточно, чтобы показать, что слушает, достаточно, чтобы показать, что жива.

— Сам я не могу. Ему досталась вся магия и так

далее. Я просто поговорил с паучком, и ни с того ни с сего объявился мой брат. А теперь я не могу от него избавиться.

Когда женщина наконец заговорила, голос у нее оказался хриплый и низкий, как крик вороны:

— И чего ты хочешь от меня?

— Как насчет помощи? — предложил он.

Она как будто задумалась.

Позже Толстый Чарли старался и не мог вспомнить, что же на ней было надето. Иногда ему казалось, что это была накидка из перьев, а иногда — какие-то лохмотья или, может, поношенный плащ — такой, в котором она была, когда он позднее встретил ее в парке и когда все стало оборачиваться скверно. Но в одном он не сомневался, во что-то она была одета. Будь она голой, он бы запомнил, правда?

— Помощи? — эхом откликнулась она.

— Избавиться от него.

Женщина кивнула.

— Ты хочешь, чтобы я помогла тебе избавиться от крови линии Ананси.

— Я просто хочу, чтобы он убрался и оставил меня в покое. Я не хочу причинять ему боль или еще что.

— Отдай мне кровь и род Ананси, пусть он будет

в моей власти.

Толстый Чарли стоял на бескрайней медной равнине, которая (и откуда он это знал?) находилась в пещере в горах на краю света, а те, в свою очередь, в пропахшей фиалковой водой гостиной миссис Дунвидди, и пытался понять, чего же она хочет.

— Я не могу ничего отдать. И обещать тоже не могу.

— Ты хочешь, чтобы он исчез. Мое время дорого стоит. — Сложив руки на груди, она уставилась на него безумным взглядом. — Я не боюсь Ананси.

Ему вспомнился голос миссис Дунвидди.

— М-м-м… — неуверенно протянул Толстый Чарли. — Мне нельзя давать обещаний. И взамен я должен попросить что-то равноценное. То есть мы должны поменяться.

Вид у Женщины-Птицы стал недовольный, но она кивнула.

— Тогда взамен я дам тебе кое-что равноценное. Мое слово. — Своей рукой она накрыла его ладонь, словно вкладывала в нее что-то, потом сжала, замыкая его пальцы в кулак. — А теперь произнеси вслух.

— Я даю тебе кровь Ананси, — сказал Толстый Чарли.

— Хорошо, — произнес бестелесный голос, ведь женщина исчезла, в буквальном смысле распалась на части.

Там, где она стояла, вдруг взмыла ввысь, точно потревоженная выстрелом, птичья стая и разлетелась во все стороны. Небо заполнилось птицами — их тут было больше, чем Толстый Чарли мог себе вообразить. Бурые и черные птицы кружили, клубились облаком черного дыма, большим, чем способно вместить человеческое сознание.

— Теперь ты заставишь его уйти? — выкрикнул Толстый Чарли в небо цвета скисшего молока.

Птицы скользили на фоне туч, и каждая вдруг изменила свой полет, так что с неба на Чарли внезапно уставилось гигантское лицо.

Губы размером с небоскреб складывали в небе в слова: гомоном и писком, когтями и клювами неведомое существо произнесло его имя.

Потом лицо распалось в безумный хаос, а составлявшие его птицы устремились прямо к нему. Стараясь защититься от них, Толстый Чарли закрыл голову руками.

Внезапно щеку ему обожгло острой болью. На мгновение он решил, что какая-то птица оцарапала его клювом или вырвала кусок кожи когтями.

А потом открыл глаза и понял, где очутился.

— Хватит меня бить! — сказал он. — Все в порядке. Не надо меня бить!

Пингвины на столе почти догорели: головы и плечи у них исчезли, и огоньки теперь плясали в бесформенных черно-белых шариках животов, а лапы, точно в лед, вмерзли в черноватый воск. Три старухи смотрели на него во все глаза.

Внезапно миссис Ноулс плеснула ему в лицо стакан воды.

— И в этом тоже нет необходимости, — сказал Толстый Чарли. — Я ведь здесь, так?

В комнату вошла миссис Дунвидди. В руке она победно сжимала стеклянный пузырек.

— Нашатырь! — возвестила она. — Я же знала, что он у меня где-то есть. Купила еще в шестьдесят седьмом или шестьдесят восьмом. Посмотрим, есть ли от него еще толк. — Вглядевшись в Толстого Чарли, она нахмурилась. — Ах, он очнулся? Кто его разбудил?

— Он перестал дышать, — сказала миссис Бустамонте. — Поэтому я хлопнула его по щеке.

— А я плеснула ему в лицо воды, — сказала миссис Ноулс, — это помогло ему окончательно прийти в себя.

— Не нужен мне нашатырь, — вмешался

Толстый Чарли. — Я и так мокрый, мне и так больно.

Но старческие пальцы миссис Дунвидди уже открутили крышку с пузырька, который она быстро сунула ему под нос. Отдергивая голову, Толстый Чарли все равно вдохнул нашатырный спирт. На глаза ему навернулись слезы, ощущение было такое, будто кто-то съездил ему по носу. С подбородка у него капала вода.

— Ну вот, — сказала миссис Дунвидди, — теперь тебе лучше?

— Который час? — спросил Толстый Чарли.

— Почти пять утра, — ответила, отпив из своей гигантской кружки кофе, миссис Хигглер. — Мы уже забеспокоились. Расскажи лучше, что с тобой было.

Толстый Чарли порылся в памяти. Нет, происшедшее не растворилось, как случается со снами, но ему казалось, что события последних нескольких часов переживал какой-то другой человек, и теперь надо связаться с этим другим с помощью доселе неопробованных методов телепатии. В голове у него все смешалось, многоцветное волшебство иного мира растворялось в буровато-серой реальности.

— Там были пещеры. Я просил о помощи. В

пещерах жило много зверей. Никто не хотел помочь. Все боялись моего папы. Потом одна согласилась.

— Одна? — переспросила миссис Бустамонте.

— Одни там были мужчинами, а другие женщинами, — объяснил Толстый Чарли. — Эта была женщиной.

— Ты знаешь, что она такое? Крокодил? Гиена? Мышь?

Он пожал плечами.

— Я, наверное, вспомнил бы, если бы меня не начали бить и поливать водой. И совать мне под нос всякую гадость. От такого все мысли из головы улетучиваются.

— Ты не забыл, что я тебе говорила? — спросила миссис Дунвидди. — Ничего не отдавать? Только меняться?

— Да, — со смутной гордостью ответил он. — Да. Там был Обезьяна, он хотел фруктов, но я сказал «нет». Послушайте дайте мне выпить чего-нибудь покрепче.

Миссис Бустамонте взяла со стола стакан с чем-то.

— Мы так и подумали, что тебе понадобится выпить. Поэтому процедили шерри. Там может оказаться немного кулинарной смеси, но для

здоровья не опасно.

Только тут Толстый Чарли заметил, что руки у него сжаты в кулаки. Он раскрыл правый, чтобы взять у старушки стакан. Потом вдруг остановился и уставился на свою ладонь.

— В чем дело? — спросила миссис Дунвидди. — Что там?

На ладони Толстого Чарли лежало черное, смятое и влажное от пота перо. И тогда он вспомнил. Все вспомнил.

— Это была Женщина-Птица, — сказал он.

Рассвет окрашивал небо серым, когда Толстый Чарли садился на переднее сиденье седана миссис Хигглер.

— Хочешь спать? — спросила она.

— Не очень. Как-то странно себя чувствую.

— Куда тебя отвезти? Ко мне? В дом отца? В мотель?

— Не знаю.

Она завела мотор и рывком тронулась от обочины.

— Куда мы едем?

Миссис Хигглер не ответила, только с шумом отхлебнула из своей мегакружки. Но, помолчав несколько минут, все-таки снизошла:

— Может, то, что мы сегодня сделали, к луч-

шему, а может, и нет. Иногда семейные дела лучше улаживать внутри семьи. Взять хотя бы вас с братом… Вы слишком уж похожи. Поэтому, наверное, ссоритесь.

— Надо думать, в ваших краях употребляют слово «похожи» в каком-то особом смысле, подразумевая на самом деле «как небо и земля».

— Не строй тут из себя англичанина. Я знаю, что говорю. Вы с ним одного поля ягоды. Помню, твой отец говорил: «Каллианна, мои мальчишки глупее…» — впрочем, неважно, что именно он сказал. Смысл в том, что сказано было про вас обоих. — Туг ей в голову пришла какая-то мысль. — Ха! Когда ты отправился туда, где живут старые боги, ты отца там видел?

— Кажется, нет. Я бы запомнил.

Она кивнула, и остаток пути они ехали молча. Наконец она припарковала машину, и они вышли.

Флоридский рассвет разливался прохладой. Сады Успокоения словно бы сошли с киноэкрана: по земле стелился туман, смягчавший все очертания. Миссис Хигглер толкнула маленькую калитку, и они вошли на кладбище.

Закрывая свежую землю на могиле отца Толстого Чарли, кто-то уложил газон, и в изголовье

красовалась металлическая табличка, к которой была приварена кованая ваза. Сейчас в ней покачивалась одинокая желтая роза.

— Господи, сжалься над грешником в этой могиле, — с чувством сказала миссис Хигглер. — Аминь, аминь, аминь. Аминь!

Оглянувшись по сторонам, Толстый Чарли заметил, что у них есть зрители: два красноголовых журавля, которых он видел, когда приезжал сюда в прошлый раз, покачивая головами, важно зашагали в их сторону, точно два аристократа, явившихся посетить заключенных.

— Кыш! — шикнула на них миссис Хигглер.

Птицы воззрились на нее без удивления, но не улетели. Одна резко опустила голову, а когда подняла, в клюве у нее билась ящерица. Глоток, встряска, и ящерица превратилась в горбик на шее у журавля.

Занялся рассветный хор: иволги и пересмешники радовались началу дня в дебрях за Садами Успокоения.

— Хорошо будет вернуться домой, — сказал Толстый Чарли. — Если повезет, Птица заставит его убраться до моего возвращения. Тогда все наладится. Я помирюсь с Рози.

В нем нарастал теплый оптимизм. День обещал

стать хорошим.

В старых сказках Ананси живет в точности, как мы с вами, — в доме. Разумеется, он — жадный, сластолюбивый, хитрый и ужасный лжец. А еще он — добросердечный, удачливый и временами даже честный. Иногда он хороший, иногда дурной. Но одного в нем нет — злобы. Обычно слушатели на стороне Ананси. Это потому, что ему принадлежат все сказки. Их дал ему Мау на заре времен, отобрав у Тигра, и теперь Паук сплетает из них прекрасную паутину.

В сказках Ананси, конечно же, паук, но еще и человек. Не так трудно удержать в голове и то и другое разом. На это способен даже ребенок.

Сказки про Ананси рассказывают бабушки и тетушки на Западном побережье Африки и по всем островам Карибского бассейна, да что там, по всему свету. Его сказки нашли себе дорогу в детские книжки, и там большой улыбчивый Ананси играет веселые шутки со всеми-, кто попадается ему на пути. Беда в том, что бабушки, тетушки и авторы детских книжек кое-что опускают. Ведь есть сказки, которые совсем не подходят детям. Вот сказка, какую не найдешь в книжке для маленьких. Я называю ее.

Ананси и птица

Ананси не любил Птицу, потому что, когда Птице хотелось есть, она ела всякую всячину, в том числе пауков, к тому же Птица всегда была голодна.

Когда-то они были друзьями, но дружбе пришел конец.

Однажды, гуляя, Ананси увидел дыру в земле, и это натолкнуло его на каверзную мысль. Раскопав яму пошире, он положил на дно ветки, поджег их, потом опустил туда большой котел с водой и набросал в него кореньев и трав. А после стал бегать вокруг котла. Бегать и пританцовывать, бегать и Петь, и кричать:

— Как мне хорошо! Мне так хорошо!!! О-ля-ля, все мои боли прошли, никогда в распроклятой жизни мне не было так хорошо!!!

Птица услышала шум и спустилась с небес посмотреть, из-за чего такой гам.

— Чего ты распелся? Почему ты ведешь себя как помешанный, Ананси?

А Ананси поет:

— У меня болела шея, а теперь прошла. У меня были рези в желудке, а теперь их нет. У меня скрипели суставы, а теперь я гибок, как молодая

пальма. Я гладкий, как Змей наутро после того, как сбросил старую кожу. Я счастливее всех и теперь стану совершенным, потому что знаю секрет, а никто больше его не знает.

— Какой секрет? — спрашивает Птица.

— Мой секрет, — говорит Ананси. — Любой отдаст мне то, что любит больше всего, отдаст мне самое, что у него есть, дорогое, лишь бы узнать мой секрет. Ура! Ура! Мне так хорошо!

Птица подлетает поближе, склоняет голову набок. Потом спрашивает:

— Можно мне узнать твой секрет?

Ананси смотрит на нее подозрительно и встает так, чтобы закрыть собой котел, который весело булькает в яме.

— Нет, пожалуй, — говорит он. — В конце концов, возможно, ничего не получится. Не забивай себе голову.

— Ну же, Ананси, — говорит Птица. — Знаю, мы не всегда были друзьями. Но послушай, поделись со мной своим секретом, и обещаю, больше ни одна птица не съест ни одного паука. Мы будем друзьями до конца времен.

Ананси скребет подбородок и качает головой.

— Это очень большой секрет, — говорит он, — ведь он делает людей снова молодыми, подвиж-

ными, а еще сластолюбивыми и избавляет от всяческой боли.

Тогда Птица охорашивается и говорит:

— Ах Ананси, ты же знаешь, что я всегда считала тебя очень представительным мужчиной. Почему бы нам не прилечь у дороги, и уверена, я заставлю тебя забыть про то, как ты не хотел рассказывать мне свой секрет.

Тогда они ложатся у обочины дороги и начинают ласкаться, смеяться и дурачиться, и когда Ананси получает свое, Птица говорит:

— И в чем же твой секрет, Ананси?

— Ну, я никому не собирался его рассказывать, но тебе — ладно, так и быть. Вон в той яме — травяная ванна. Смотри, я бросаю в нее вот эти коренья и вот эти травы. Любой, кто там полежит, будет жить вечно и никогда больше не испытает боли. Я немного в ней помок и теперь резв, как козлик. Но сомневаюсь, что позволю кому-то еще залезть в мою ванну.

А Птица бросает один только взгляд на бурлящую воду и одним прыжком соскальзывает в котел.

— Тут ужасно жарко, Ананси, — говорит она.

— И должно быть жарко, чтобы травы сделали свое доброе дело, — отвечает Ананси.

Потом берет крышку и накрывает ею котел. Крышка тяжелая, к тому же поверх нее Ананси кладет большой камень, чтобы еще больше ее придавить.

«Вам! Бим! Бом!» — бьется из котла Птица.

— Если я выпущу тебя сейчас, — кричит Ананси, — пропадет целебное действие ванны. Просто расслабься и почувствуй, как становишься все здоровее.

Но Птица то ли его не расслышала, то ли ему не поверила, потому что еще некоторое время стучала и толкала крышку. А потом все стихло.

Тем вечером Ананси и его семья вдоволь наелись вкуснейшего супа, в котором плавала вареная Птица. И еще много дней они не голодали.

С тех пор птицы едят пауков, когда видят, и птицы и пауки никогда не станут друзьями.

В другой версии сказки Ананси тоже уговорили залезть в котел. Все сказки — про Ананси, но он не всегда выходит победителем.

Глава восьмая, в которой полный кофейник оказывается как нельзя кстати

Если неведомые силы замышляли что-то против Паука, сам Паук про это ничего не знал. Напротив, он радовался жизни в шкуре Толстого Чарли. Он так развлекался в обличье Толстого Чарли, что даже спрашивал себя, и как раньше до такого не додумался. А ведь это гораздо веселее, чем бочка мартышек[3].

Больше всего в «бытности Толстым Чарли» Пауку нравилась Рози.

До сих пор Паук считал женщин более-менее взаимозаменяемыми. Им не называют настоящего имени и не дают адреса, во всяком случае, того места, где собираются задержаться больше недели, ну разве что телефон одноразового мобильного. Женщины были забавой, украшением

---

[3] notes: 3

Несколько лет назад Паука очень разочаровала бочка мартышек. Ничего интересного с бочкой не происходило, оттуда только доносились всякие любопытные звуки, а когда они прекратились и мартышки уже совсем ничего не делали — разве что на каком-то молекулярном органическом уровне, — пришлось избавляться от них глухой ночью. — *Прим. авт.*

и потрясающим аксессуаром, но там, откуда они берутся, всегда есть еще. Они — как миски с гуляшом на лейте конвейера: покончив с одной, просто выбираешь следующую и ложкой накладываешь сметану.

Но Рози…

Рози отличалась от всех.

Он не мог бы сказать, чем и как. Раз за разом пытался определить, почему она такая особенная, но тщетно. Когда она была рядом, он чувствовал себя иначе, словно видя себя ее глазами, становился гораздо лучшим человеком.

Пауку нравилось знать, что Рози известно, где его найти: от этого становилось спокойно на душе. Он упивался ее податливыми округлостями, тем, что миру она желала только добра, и тем, как она улыбалась. Все в Рози было замечательным, но, как начал он понемногу узнавать, оставалась одна загвоздка: ее мама. В тот самый вечер, когда за четыре тысячи миль от Лондона Толстый Чарли мучился из-за путаницы с билетами, Паук сидел в квартире мамы Рози и узнавал ее хозяйку с плохой стороны.

Он привык, что может чуточку подтолкнуть реальность: нужно просто показать ей, кто тут главный. Обычно хватало самой малости. Но он

никогда не сталкивался с человеком, который так прочно укоренился бы в собственной реальности, как мама Рози.

— Кто это? — подозрительно спросила она, как только Рози с женихом переступили порог.

— Я Толстый Чарли Нанси, — сказал Паук.

— Почему он так говорит? — удивилась мама Рози. — Кто это?

— Я Толстый Чарли Нанси, ваш будущий зять, и я вам очень нравлюсь, — с полнейшей убежденностью повторил Паук.

Чуть заколебавшись, мама Рози моргнула и уставилась на него во все глаза.

— Вы, возможно, Толстый Чарли, — неуверенно сказала она. — Но вы мне не нравитесь.

— А должен бы, — улыбнулся Паук. — Я просто создан, чтобы нравиться. Мало на свете найдется людей, которые нравились бы так, как я. Правду сказать, я бесконечно всем нравлюсь. Люди сходятся на собрания, лишь бы пообсуждать, как я им нравлюсь. У меня есть несколько наград и медаль одной маленькой страны в Южной Америке, что воздает должное тому, насколько я всем нравлюсь, и моей головокружительной чудесности. Конечно, у меня их с собой нет. Все медали я держу в ящике для носков.

Мама Рози потянула носом воздух. Она не понимала, что происходит, но что бы оно ни было, ей это не нравилось. До сих пор она считала, что раскусила Толстого Чарли. Наедине с собой она признавалась, что вначале она не совсем верно себя повела: вполне возможно, Рози не привязалась бы так к нему, если бы после первой же встречи она не выразила бы свое мнение столь громогласно. «Он неудачник, — сказала тогда мама Рози. — Уж я-то страх чую, как акула кровь через весь залив». Но ей не удалось уговорить Рози его бросить, и теперь она изменила стратегию, перехватив контроль за подготовкой к свадьбе, чтобы как можно больше испортить Толстому Чарли жизнь, и с мрачным удовлетворением размышляла о статистике разводов по всей стране.

Теперь же творилось что-то странное, и маме Рози это не нравилось. Толстый Чарли перестал быть ранимым увальнем. Увидев вместо него новое, во всех смыслах зубастое существо, мама Рози растерялась.

А вот Пауку пришлось потрудиться.

Большинство других людей ничего вокруг себя не замечают. Но мама Рози — не большинство. Она все замечала. Сейчас она мелкими глотками пила горячую воду из фарфоровой чашечки и

знала, что минуту назад проиграла стычку — хотя и не могла бы сказать, как так получилось или из-за чего произошло столкновение. Поэтому следующую свою атаку она перенесла на уровень выше.

— Чарльз, дорогой, расскажите про свою кузину Дейзи. Меня беспокоит, что ваша родня так мало представлена в списке гостей. Хотите отвести ей большую роль на свадебном обеде?

— О ком это вы?

— О Дейзи, — ласково сказала мама Рози. — О молодой женщине, которую я видела у вас позавчера и которая полуголой расхаживала по квартире. Если, конечно, это ваша кузина…

— Мама! Если Чарли говорит, что это его кузина…

— Пусть сам расскажет, Рози. — Мама отпила еще глоток горячей воды.

— Да. Ладно. Дейзи.

Паук порылся в памяти, выискивая ту ночь с вином, женщинами и песнями: самую хорошенькую и забавную девушку он привез с собой домой (убедив сперва, что это ее идея), а потом она помогла втащить полубессознательную тушу Толстого Чарли вверх по лестнице. Уже побалованный в ходе вечера вниманием нескольких

других красоток, он привез домой забавную крошку на десерт, но, уложив Толстого Чарли в кровать, решил, что уже наелся. Ах эта…

— Милая, маленькая кузина Дейзи, — без малейшей заминки сказал он. — Уверен, она была бы счастлива принять участие в торжествах, если, конечно, у нее будет такая возможность. Увы, она работает курьером. Вечно путешествует. Сегодня здесь, а завтра доставляет конфиденциальные документы в Мурманск.

— У вас нет ее адреса? Или номера телефона?

— Мы вместе можем ее поискать, — согласился Паук. — Прочешем весь земной шар. Она же носится по свету.

— Тогда, — сказала мама Рози (с таким видом Александр Македонский, наверное, приказывал разграбить деревушку в Персии), — в следующий раз, когда она будет дома, обязательно пригласите ее к нам. Мне она показалась просто очаровательной, и уверена, Рози будет счастлива с ней познакомиться.

— Конечно, — улыбнулся Паук. — Обязательно. Всенепременно.

У любого человека, какой ходил по земле в прошлом или будет ходить в грядущем, есть песня. Нет, поймите правильно, никто ее не написал. У

нее собственная мелодия и собственные слова. Очень мало кому удается ее спеть. Большинство из нас боятся, что не воздадут ей должного голосом или что слова у нее слишком глупые, слишком честные или слишком странные. Поэтому люди свои песни живут.

Возьмем, к примеру, Дейзи. Свою песню она подспудно слышала большую часть своей жизни, и у этой песни был бодрящий маршевый ритм, и слова о защите слабых, и припев, который начинался «Бойтесь, злодеи!». Дурацкая песня, правда? Глупо петь ее вслух. Но иногда она напевала ее себе под нос — в ванной или сквозь мыльные пузыри.

Вот и все, что вам нужно знать о Дейзи. Остальное — детали.

Отец Дейзи родился в Гонконге. Мама приехала из Эфиопии, где ее семья (богатые экспортеры ковров) владела домом в Аддис-Абебе, а еще виллой и земельной собственностью под Незретом. Родители Дейзи познакомились в Кембридже, куда папа приехал изучать компьютерные технологии еще до того, как это стали считать разумной карьерой, и где мама буквально впитывала молекулярную химию и международное право. Они были очень похожи: равно любили науку, были робкими от

природы и легко конфузились. Оба тосковали по дому, но по очень разным вещам. А еще оба играли в шахматы и встретились однажды в среду вечером в шахматном клубе. Как новичков, их посадили играть друг с другом, и в первой же партии мама Дейзи без труда обыграла папу.

Папа Дейзи был так этим уязвлен, что робко попросил о матче-реванше в следующую среду и делал это в каждую следующую среду (за исключением каникул и государственных праздников) на протяжении еще двух лет.

По мере того как улучшалось их умение общаться с людьми и ее разговорный английский, улучшались и их отношения. Они бок о бок стояли, держась за руки, в живой человеческой цепи и протестовали против появления больших транспортеров, груженных боеголовками. Вместе (хотя и с много большей компанией единомышленников) они поехали в Барселону, чтобы протестовать против «потопа международного капитализма» и решительно «поднять свои голоса против гегемонии корпораций». Именно там они испытали на себе действие распыляемого властями слезоточивого газа, и мистер Дей растянул запястье, когда его излишне бесцеремонно оттолкнула с дороги барселонская полиция.

А потом в начале их третьего курса наступила среда, когда папа Дейзи побил маму Дейзи в шахматы. Он был так счастлив, так преисполнен воодушевления и сознания победы, что, расхрабрившись от своего подвига, предложил ей руку и сердце. А мама Дейзи, которая в глубине души боялась, что как только он выиграет, то потеряет к ней интерес, сказала: «Да, конечно».

Они обосновались в Англии и остались более-менее верны науке. У них родилась дочка, которую они назвали Дейзи, потому что купили себе тандем, двухколесный велосипед для двоих; став взрослой, Дейзи хохотала до упаду, узнав, что они действительно на нем катались. Они переезжали из университета в университет по Великобритании: папа преподавал кибернетику, а мама писала книги про гегемонию международных корпораций (которые никто не хотел читать) и книги про шахматы, их стратегию и историю (которые хотели читать все) и потому в удачный год зарабатывала больше мужа, который никогда не получал много. С возрастом их политическая активность пошла на убыль, и к середине жизни они превратились в счастливую пару, которую не интересует ничего помимо их самих, шахмат и Дейзи, а еще реконструкции и отладки забытых

операционных систем.

Ни один из них не понимал Дейзи. Нисколечки.

Они винили себя в том, что не подавили в корне ее увлечение полицией, когда оно только-только начало проявляться — приблизительно тогда же, когда она научилась говорить. Дейзи тыкала пальцем в патрульные машины с тем же воодушевлением, с каким другие девочки показывали на пони. Ее седьмой день рождения пришлось отпраздновать маскарадом, чтобы она могла надеть костюм младшего офицера полиции, и в коробке с фотографиями на чердаке у родителей еще хранились фотографии, на которых ее лицо светилось бесконечной радостью семилетнего ребенка при виде торта — семь свечек вокруг синей мигалки.

Дейзи выросла в прилежную, веселую и смышленую девушку, которая осчастливила родителей, поступив в Лондонский университет, чтобы изучать там право и вычислительную технику. Отец мечтал, чтобы она читала лекции по праву, мать питала надежду, что ее дочь станет королевским адвокатом, а после, может, даже судьей и употребит закон на то, чтобы давить гегемонию корпораций, где бы и как бы она ни проявилась. А

потом Дейзи все испортила, сдав вступительные экзамены и пойдя на работу в полицию. Полиция встретила ее с распростертыми объятиями: с одной стороны, имелось распоряжение принимать как можно больше узких специалистов (лучше женщин), с другой стороны, число компьютерных преступлений и мошенничеств росло день ото дня. Дейзи там очень была нужна. Откровенно говоря, там нужен был целый отряд Дейзи.

Теперь, четыре года спустя, можно честно признаться, что карьера в полиции не оправдала надежд Дейзи. Да, разумеется, родители не уставали предостерегать, что полиция — это расистское и сексистское учреждение, которое раздавит ее индивидуальность, превратив в нечто бездушное и ординарное, так же верно превратит ее в часть «столовской культуры», как растворимый кофе, но дело было не в этом. Нет, больше всего ее раздражала необходимость заставлять остальных полицейских понять, что она тоже полицейский. Она пришла к выводу, что для большинства копов работа полицейского — это то, что делаешь, дабы защитить среднего англичанина от страшных хулиганов из неблагополучных семей, которые хотят взломать бензоколонку или стырить сотовый телефон. С точки зрения Дейзи, речь шла

совсем о другом. Дейзи знала, что пятнадцатилетний парнишка, сидя у себя в комнате где-нибудь в Германии, способен запустить вирус, который отключит электричество в больнице и вреда принесет больше любой бомбы. Дейзи держалась мнения, что по-настоящему плохие парни знают, как работают FTP-серверы, разбираются в шифровании данных и пользуются одноразовыми сотовыми. И сомневалась, что хорошие парни все это умеют.

Отпив глоток кофе из пластмассовой чашки, Дейзи поморщилась: пока она листала страницы электронных документов, кофе остыл.

Она просеяла всю информацию, которую дал ей Грэхем Хорикс. Спору нет, это — тот самый случай, когда с первого взгляда видно, что дело нечисто: взять хотя бы чек на две тысячи фунтов, который Чарльз Нанси, по всей видимости, выписал самому себе на прошлой неделе.

Вот только… Вот только что-то не складывалось.

Пройдя в конец коридора, она постучала в дверь кабинета суперинтенданта.

— Войдите!

На протяжении тридцати лет суперинтендант Камбервелл курил за рабочим столом трубку, а

потом в здании ввели запрет на курение. Теперь он обходился куском пластилина, который скатывал в шарик и раздавливал, мял и ковырял пальцем. С трубкой в зубах он был мирным и добродушным и, по мнению подчиненных, истинная соль земли. С куском пластилина в руках он был неизменно раздражительным и вспыльчивым. В удачный день дотягивал даже до обидчивости.

— Да?

— Я по делу «Агентства Грэхема Хорикса».

— М-м-м?

— У меня неспокойно на душе.

— Неспокойно на душе? При чем, скажите на милость, тут душа?

— Думаю, мне следует самоустраниться от расследования.

На суперинтенданта это впечатления не произвело, он только посмотрел на нее свирепо. Предоставленные сами себе пальцы лепили из голубого пластилина пеньковую трубку.

— Причина?

— Я встречалась раньше с подозреваемым.

— И? Провели с ним отпуск? Крестили его детей? Что?

— Нет. Я встречалась с ним лишь однажды. Ночевала у него.

— Хотите сказать, вы с ним побаловались? — Глубокий вздох, в котором в равных долях смешались усталость от мира, раздражение и тоска по унции «Старого Холборна».

— Нет, сэр. Ничего подобного. Я просто у него переночевала.

— И это все, что вас связывает?

— Да, сэр.

Он смял пластилиновую трубку в бесформенный ком.

— Вы сознаете, что попусту тратите мое время?

— Да, сэр. Извините, сэр.

— Делайте свою работу. А меня оставьте в покое.

На пятый этаж Мэв Ливингстон поднималась одна, и медленная тряска в лифте дала ей достаточно времени отрепетировать, что она скажет Грэхему Хориксу, когда наконец до него доберется.

Локтем она прижимала к боку тонкий кожаный портфель, некогда принадлежавший Моррису: на удивление мужской предмет. Одета она была в белую блузку, джинсовую юбку и в серое пальто поверх них. Встречавшие Мэв Ливингстон видели длинноногую красавицу с исключительно белой кожей, и волосы у нее остались (лишь

с минимальной помощью химии) такими же золотистыми, какими были, когда Моррис Ливингстон женился на ней двадцать лет назад.

Мэв очень любила Морриса. Когда он умер, она не стерла его номер из памяти сотового телефона, даже когда аппарат сняли с обслуживания. Еще у нее в сотовом была фотография Морриса, которую как-то сделал ее племянник, и она не могла заставить себя с ней расстаться. Сейчас ей очень хотелось позвонить Моррису и попросить у него совета.

Внизу она назвала свое имя в домофон, и, пожужжав, устройство впустило ее в холл, а, когда она поднялась наверх, в приемной ее ждал сам Грэхем Хорикс.

— Как наши дела, дорогая? Как поживаем?

— Нам нужно поговорить с глазу на глаз, Грэхем, — сказала Мэв. — Сейчас же.

Грэхем Хорикс кривенько улыбнулся. Странно, но большинство его потаенных фантазий начинались с того, что Мэв произносила как раз такую фразу, а после переходила к «Ты мне нужен, Грэхем, сейчас же», или «Ах, Грэхем, я была такой нехорошей девочкой, меня нужно немедленно наказать», или в редких случаях: «Ах, Грэхем, одной женщине тебя не вынести,

поэтому позволь познакомить тебя с моей голой близняшкой Мэв II».

Они прошли в его кабинет.

К некоторому разочарованию Грэхема Хорикса, Мэв ничего не сказала о том, что он нужен ей здесь и сейчас. Даже не сняла пальто. Только открыла портфель и достала оттуда стопку документов, которые положила на стол.

— По предложению управляющего в моем банке я передала банковские балансы и выписки со счетов за последние десять лет независимому аудитору. Еще за то время, когда был жив Моррис. Можешь просмотреть его отчет, если хочешь. Цифры не совпадают. Ни одна. Я подумала, наверное, стоит сначала поговорить с тобой и лишь затем обратиться в полицию. Я сочла, что в память о Моррисе должна это для тебя сделать.

— Верно, — согласился Грэхем Хорикс, вкрадчивый, как змей, подбирающийся к гнезду. — Ах как верно.

— И?

Мэв Ливингстон подняла великолепной формы брови. В лице ее не читалось ничего хорошего. Мэв Ливингстон из его фантазий нравилась Грэхему Хориксу гораздо больше.

— Боюсь, к нам в «Агентство Грэхема Хорикса»

ненадолго затесался негодяй, Мэв. На прошлой неделе я сам вызвал полицию, когда сообразил, что что-то неладно. Длинная рука закона уже ведет следствие. Учитывая, что среди наших клиентов много знаменитостей и видных лиц — ты, разумеется, в их числе, Мэв, — полиция держит рот на замке, и кто станет их в этом винить?

Лицо Мэв Ливингстон ничуть не смягчилось, и, несколько обескураженный, Грэхем Хорикс попробовал зайти с другой стороны:

— Полиция очень надеется вернуть если не все деньги, то большую их часть.

Мэв кивнула, и Грэхем Хорикс расслабился, но только чуть-чуть.

— Можно спросить, как звали негодяя?

— Чарльз Нанси. Должен сказать, я доверял ему безоговорочно. Для меня это был истинный шок.

— А-а… Он казался таким милым.

— Внешность бывает обманчива, — напомнил Грэхем Хорикс.

Тут она улыбнулась — и очень ласковой, нежной улыбкой.

— Не выйдет, Грэхем. Подлог тянется уже целую вечность и начался задолго до появления здесь Чарльза Нанси. Возможно, задолго до появления меня самой. Моррис абсолютно тебе доверял, а

ты его обкрадывал. И с твоих слов получается, что ты пытаешься подставить одного из своих сотрудников… или переложить вину на кого-то из сообщников… Так вот, не выйдет.

— Да, не выйдет, — покаянно согласился Грэхем Хорикс. — Извини.

Она взяла со стола документы.

— Так, из чистого интереса, сколько, по-твоему, ты выдоил из нас с Моррисом за эти годы? Я бы сказала, около трех миллионов.

— Э-э-э… — Теперь он совсем не улыбался. Сумма была гораздо большей, но все-таки. — Вроде того.

Они смотрели друг на друга, и Грэхем Хорикс отчаянно прокручивал в уме ситуацию. Ему нужно выиграть время. Вот что ему нужно.

— Что, если… — начал он. — Что, если я все верну? Полностью, наличными, прямо сейчас. С процентами. Скажем, пятьдесят процентов от названной суммы.

— Ты предлагаешь мне четыре с половиной миллиона фунтов? Наличными?

Грэхем Хорикс улыбнулся — в точности так, как улыбнулась бы кобра перед броском.

— Абсо-ненно. Если пойдешь в полицию, я буду все отрицать и найму лучших адвокатов. В худ-

шем случае после крайне длительного процесса, на котором мне придется всеми доступными способами чернить доброе имя Морриса, меня приговорят к десяти — двенадцати годам тюрьмы. Максимум. Если буду хорошо себя вести, возможно, даже выйду через пять лет, а ты уж поверь, я стану образцовым заключенным. Учитывая, как у нас переполнены тюрьмы, большую часть срока я отсижу в тюрьме нестрогого режима или меня будут даже отпускать на день. Тут особых проблем не возникнет. А вот для тебя оборотная изнанка в том, что денег ты не получишь ни фартинга. Альтернатива: помалкивать, получить все деньги, какие тебе нужны, и даже больше и дать мне немного времени, чтобы… поступить порядочно. Если понимаешь, о чем я.

Мэв задумалась.

— Очень бы хотелось, чтобы ты сгнил в тюрьме, — сказала она, но потом со вздохом кивнула. — Ладно. Я возьму деньги. И никогда больше не буду иметь с тобой дела. Все последующие чеки с ройялти пойдут прямо ко мне.

— Абсо-ненно. Сейф вон там, — указал он.

У дальней стены стоял книжный-шкаф, на полках которого выстроились одинаковые, как близнецы, переплетенные в кожу собрания со-

чинения Диккенса, Теккерея, Тролопа и Остен — непрочитанные, еще даже не разрезанные. Грэхем Хорикс тронул один томик, и книжный шкаф отъехал в сторону, открывая дверь, выкрашенную под цвет стены.

Мэв задумалась, есть ли на двери цифровой код, но нет, имелась лишь замочная скважина, в которую Грэхем Хорикс вставил большой латунный ключ. Дверь распахнулась. Сунув руку внутрь, Грэхем Хорикс щелкнул выключателем. За дверью оказалась узкая комната, по стенам которой тянулись неумело прибитые полки. В дальнем конце стоял небольшой несгораемый шкаф.

— Можешь взять наличными, или драгоценностями, или и тем и другим, — напрямик сказал он. — Я бы посоветовал последнее. У меня тут есть кое-какое недурное антикварное золото. Очень удобно в перевозке.

Открыв несколько стальных шкатулок, он поднес содержимое к свету. Заблестели, замерцали, запереливались кольца, цепочки и медальоны.

Мэв невольно открыла рот от удивления.

— Сама посмотри, — предложил Грэхем Хорикс, и она протиснулась мимо него: это была истинная сокровищница.

Потянув за золотую цепочку, Мэв подняла

повыше медальон, чтобы восхищенно его рассмотреть.

— Какая красота, — сказала она. — Он, наверное, стоит…

И осеклась. В выпуклом медальоне отразилось какое-то движение у нее за спиной, и она повернулась, а потому удар молотком пришелся ей не по затылку, как рассчитывал Грэхем Хорикс, а лишь вскользь по скуле.

— Ах ты сволочь! — крикнула Мэв и пнула нападавшего.

У Мэв Ливингстон были отличные ноги и удар, достойный полузащитника, вот только места в чулане для замаха не хватило.

Носок туфли Мэв ударил врага в голень, а сама она потянулась за молотком. Грэхем Хорикс врезал снова, на сей раз удар попал в цель, и Мэв пошатнулась. Взгляд у нее затуманился. Грэхем Хорикс ударил еще, прямо по макушке, и бил снова и снова, пока она не рухнула на пол.

Грэхем Хорикс очень жалел, что у него нет пистолета. Черного такого, практичного пистолета. С глушителем, как в кино. Честно говоря, ему никогда не приходило в голову, что придется убивать кого-то в собственном кабинете, иначе он получше бы подготовился. Возможно даже,

запасся бы ядом. Какое недомыслие! Обошлось бы без такой ерунды.

На головку молотка налипли кровь и золотистые волосы. С отвращением положив инструмент на полку, он переступил через лежащую на полу женщину и собрал стальные шкатулки с драгоценностями. Содержимое он вывернул на письменный стол, а пустые шкатулки унес назад в сейф, откуда забрал «дипломат» со стопками стодолларовых купюр и банкнот по пятьсот евро и черный бархатный мешочек, до половины наполненный неграненными алмазами. Из несгораемого шкафа он достал несколько папок. И последним по очереди — но не последним (как он не преминул был указать) по значимости — принес из потайной комнаты кожаное портмоне с двумя бумажниками и паспортами.

Закрыв ногой тяжелую дверь, он запер ее и вернул на место книжный шкаф.

Постоял, отдуваясь и переводя дух.

В общем и целом, решил он, есть чем гордиться. Отличная работа, Грэхем. Молодец. Проблема улажена, и как! Он импровизировал с тем, что имелось под рукой, и выиграл: блефовал, рисковал и проявлял творческую смекалку, был готов, как сказал один поэт, все поставить на

кон. Он игрок. Однажды, сидя в каком-нибудь тропическом раю, он напишет мемуары, и люди узнают, как он одолел опасную психопатку. Хотя, подумал он, гораздо лучше было бы, если бы она действительно угрожала ему револьвером.

А ведь у нее, пожалуй, был револьвер. Нет, точно! Он же видел, как она за ним потянулась! Ему еще крайне повезло, что под руку подвернулся молоток, что в страшный момент на полке в потайной комнате оказался набор инструментов, иначе он не смог бы защищаться так быстро и так умело.

Только тут ему пришло в голову запереть дверь в кабинет.

И только сейчас он заметил, что на рубашке, и на руках, и на подметке левого ботинка у него кровь. Сняв рубашку, он вытер обувь, а рубашку бросил в мусорную корзину позади стола. А потом сам себя удивил, когда поднес руку к губам и слизал — как кошка — каплю крови красным языком.

И зевнул.

Собрав со стола документы Мэв, он скормил их бумагорезательной машине. В портфеле у нее оказались копии, поэтому он отправил их туда же. И повторно затолкал в машину обрезки.

В углу кабинета у него стоял платяной шкаф, где висели запасной костюм и чистые рубашки, а на полках лежали носки, белье и так далее. В конце концов, никогда не знаешь, куда придется отправиться по окончании рабочего дня. Будь готов ко всему.

Он тщательно оделся.

Еще в шкафу стоял чемодан на колесиках, из тех, какие можно положить на верхнюю полку в поезде, и, перемещаясь по комнате, он сложил туда нужные вещи.

Затем позвонил в приемную.

— Энни, — сказал он, — сбегайте мне за сандвичем, ладно? Нет, не из «Прэ». Может, лучше сходить в новую закусочную на Брюэр-стрит? Я как раз заканчиваю с миссис Ливингстон. Скорее всего я поведу ее на ленч в ресторан, но может, и нет, поэтому лучше подготовиться заранее.

Еще несколько минутой провел за компьютером, прогоняя программу очистки диска, которая записывает поверх всех твоих данных нули и единички, а после растирает в крошку, прежде чем отправить на дно Темзы в бетонных ботинках. Затем, катя за собой чемодан, он вышел из кабинета.

Пройдя по коридору, заглянул в один из офи-

сов.

— Я ненадолго отлучусь, — сказал он. — Если меня станут спрашивать, буду в три.

Энни (так кстати!) в приемной отсутствовала. Прекрасно, теперь все решат, что он сам проводил Мэв Ливингстон, а что до него самого, то пусть сотрудники считают, что он с минуты на минуту вернется. К тому времени, когда его хватятся, он будет уже далеко.

Грэхем Хорикс спустился на лифте, думая по дороге: «Рано все случилось, слишком рано». Пятьдесят ему исполнится лишь через год. Но механизм ухода со сцены уже запущен. Значит, случившееся сегодня придется рассматривать как выходное пособие служащему, от которого хотят избавиться, или лучше как спасательный парашют.

А после, катя за собой чемодан, он вышел за дверь на утреннее олдвичское солнышко и навсегда покинул «Агентство Грэхема Хорикса».

Паук мирно выспался в собственной гигантской кровати, на своем месте в крохотной задней комнате Толстого Чарли. Впрочем, он уже начал смутно задумываться, не навсегда ли пропал Толстый Чарли, и решил разобраться с этим в следующий же раз, когда будет нечем заняться,

если, конечно, не подвернется ничего поинтереснее или память не подведет.

Он поздно встал и теперь направлялся на встречу с Рози, чтобы повести ее на ленч. Он зайдет за ней домой, и они найдут какое-нибудь симпатичное местечко. Стоял прекрасный день ранней осени, и своим счастьем Паук заражал все вокруг. Ведь Паук был практически богом. А когда ты бог, твои эмоции распространяются на всех — остальные их просто перенимают. Мир людей, кто оказывался рядом с Пауком в тот день, когда он был так счастлив, становился чуть ярче. Если он что-нибудь напевал, окружающие тоже начинали напевать в унисон — как в мюзикле. И, конечно, если он зевал, то зевала и сотня людей вокруг, а когда он чувствовал себя несчастным, его обида расползалась как речной туман и действительность становилась унылой для всех, кто попадал в эту пелену. Нет, Паук ничего не делал, он просто *был.*

В настоящий момент только одно умеряло его счастье: он решил рассказать Рози правду.

Паук не слишком хорошо это умел. Правду он считал по сути податливой и ранимой, скорее делом мнения, чем фактом. А когда приходилось, Паук свое мнение выражал весьма убедительно.

То, что он выдает себя за другого, его не смущало. Ему нравилось выдавать себя за другого, поскольку укладывалось в его планы, которые были довольно просты и которые до сего момента сводились к следующему: а) развлекаться и б) сбежать прежде, чем наскучит. В глубине души он знал, что сейчас самое время уйти со сцены. Мир — все равно что торт: слюнявчик надет, и под рукой полно лимонада, а еще всевозможные столовые приборы, чтобы полакомиться сладким.

Вот только…

Вот только ему не хотелось уходить.

Что-то внутри подталкивало его передумать — и от этого Пауку становилось не по себе. Обычно он вообще ни о чем не думал. Если живешь бездумно, все кажется чудесным, и до сих пор инстинкт вкупе с прихотями и чудовищным везением отлично ему служили. Но даже на чуде далеко не уедешь. Паук шел по улице, и встречные ему улыбались.

Он договорился с Рози, что зайдет за ней, и потому приятно удивился, увидев, что она ждет его на углу. Испытав укол чего-то (ему и в голову бы не пришло называть это совестью), он помахал.

— Рози? Эй!

Повернувшись, она пошла к нему навстречу, и

Паук невольно расплылся в улыбке. Все как-нибудь образуется. Все уладится. Все будет хорошо.

— Ты выглядишь на миллион долларов, — сказал он. — А может, на два. Чего бы тебе хотелось?

Рози улыбнулась и пожала плечами.

Они как раз проходили мимо греческого ресторанчика.

— Как тебе греческая кухня?

Невеста Толстого Чарли кивнула.

Спустившись на несколько ступенек, они вошли в зал ресторанчика. Внутри было темно и пусто, заведение только что открылось, и владелец отвел их в укромный уголок подальше от входа.

Они сели друг против друга за столик, которого едва-едва хватало для двоих.

— Я кое-что хотел тебе сказать, — начал Паук.

Рози молчала.

— Ничего дурного, — продолжал он. — Но и хорошего тоже ничего. Ну… Тебе нужно кое-что знать.

Владелец спросил, готовы ли они сделать заказ.

— Кофе, — сказал Паук, и Рози в знак согласия кивнула. — Два кофе. И не могли бы вы оставить нас на пять минут? Нам нужно серьезно пого-

ворить.

Владелец удалился.

Рози поглядела на Паука вопросительно.

— Ладно. — Он сделал глубокий вдох. — О'кей. Просто дай мне сказать, потому что это трудно, и не знаю, смогу ли я… ладно. О'кей. Послушай, я не Толстый Чарли. Знаю, ты думаешь, что я это он, но нет. Я — его брат, Паук. Тебе кажется, что я это он, так как мы… вроде как… похожи.

Она молчала.

— Ну, не слишком похожи. Но… Знаешь, мне тоже непросто. Л-ладно. Я не могу перестать думать о тебе. То есть я знаю, что ты помолвлена с моим братом, но… вроде как… хочу спросить, не хочешь ли ты бросить его и… встречаться со мной?

Прибыл полный кофейник на серебряном подносе. И две чашечки.

— Греческий кофе, — возвестил принесший его владелец ресторанчика.

— Да. Спасибо. Но я же просил на пару минут…

— Очень горячий, — сказал владелец. — Очень горячий кофе. Крепкий. Греческий. Не турецкий.

— Отлично. Послушайте, если вы не против… пять минут. Пожалуйста.

Пожав плечами, владелец ушел.

— Ты, наверное, меня ненавидишь. На твоем

месте я, наверное, испытывал бы то же самое. Но я не о том. Больше всего на свете мне хотелось бы…

Но она только смотрела на него без всякого выражения, и он сказал:

— Пожалуйста. Скажи что-нибудь. Что угодно.

Ее губы шевельнулись, точно она подбирала нужные слова.

Паук ждал.

Рот Рози открылся.

Сперва Паук решил, что она съела инжир или шоколадку, ведь между зубов у нее темнело что-то коричневое и никак не похожее на язык. Это «нечто» дернуло головой, блеснуло газами: маленькие, темные глазки-бусины уставились прямо на Паука. Рози невероятно широко разинула рот, и из него вырвались птицы.

— Рози? — неуверенно сказал Паук.

Внезапно зальчик ресторана заполнился клювами и перьями, хвостами и когтями. Одна за другой птицы вылетали из горла Рози, и каждую сопровождало покашливание, словно бы девушка задыхалась, извергая на Паука пернатый поток.

Защищая глаза, он вскинул руку, и вдруг стало больно запястью. Он отмахнулся, но еще что-то

метнулось к его лицу, метя в глаза. Паук отдернул голову, и клюв только оцарапал ему щеку.

Мгновение кошмарной ясности: через стол от него по-прежнему сидела женщина, но как же он мог принять ее за Рози? Для начала она была старше, и иссиня-черные волосы тут и там подернулись серебром. Кожа у нее была не белой, как у Рози, а угольно-черной. Одета она была в потрепанное пальто охрового цвета. И вдруг она улыбнулась и еще раз широко открыла рот, а в нем показались острые клювы и безумные глаза морских чаек…

Паук не стал думать. Он действовал. Схватив одной рукой кофейник, другой он сорвал с него крышку, а потом дернул им в сторону сидящей через стол женщины. Выплеснулось его содержимое — обжигающе горячий черный кофе.

Женщина зашипела от боли.

Птицы били крыльями в зальчике подвального ресторана, но теперь стул по ту сторону стола опустел, и пернатые беспорядочно заметались, натыкаясь на стены.

— Сэр? — спросил владелец. — Вы не ранены? Прошу прощения. Наверное, они залетели с улицы.

— Все в порядке, — отозвался Паук.

— У вас на лице кровь, — сказал владелец.

И протянул Пауку льняную салфетку, которую тот прижал к щеке. Царапина саднила.

Паук предложил помочь выгнать птиц. Он открыл дверь на улицу, но в ресторанчике птиц не было, как не было их тут, когда он сюда вошел.

— Вот, — сказал он, доставая пятифунтовую банкноту. — За кофе. Мне нужно идти.

Владелец благодарно кивнул.

— Оставьте салфетку себе.

Уже собираясь переступить порог, Паук вдруг остановился.

— Когда я пришел, — спросил он, — со мной была женщина?

Владелец посмотрел на него озадаченно, вероятно, даже испуганно — Паук не мог бы сказать наверняка.

— Не помню, — словно бы в забытьи ответил владелец. — Женщину я бы запомнил. Но если бы вы были один, я не посадил бы вас в нише. Не знаю, просто не знаю.

Паук вышел на улицу. День был по-прежнему ясен, но ласковое солнышко уже не утешало. Он огляделся по сторонам. Увидел голубя, который, лениво переминаясь с лапы на лапу, клевал брошенное кем-то мороженое, воробья, вопроси-

тельно поглядевшего на него с карниза. И высоко над головой — мазок белого в солнечном свете: расправив крылья, в вышине кружила чайка.

Глава девятая, в которой Толстый Чарли идет открывать дверь, а Паук знакомится со стаей фламинго

Привычное невезение стало вдруг изменять Толстому Чарли. Он прямо нутром это чувствовал. Взять, например, обратный перелет в Лондон. Билеты на рейс, которым он возвращался домой, продали дважды, и поэтому его посадили в первый класс. На полпути через Атлантику стюардесса пришла сообщить, что он выиграл призовую коробку шоколадных конфет, и подарила ему ее. Положив коробку на полку для ручной клади, он заказал «драмбуйе» на льду.

Он приедет домой. Он уладит все с Грэхемом Хориксом, ведь было только одно, в чем Толстый Чарли не сомневался: в честности собственных бухгалтерских расчетов. Он помирится с Рози. Все будет замечательно.

Интересно, когда он вернется домой, Паука там уже не будет? Или ему все-таки выпадет удовольствие лично спустить его с лестницы? На последнее он даже надеялся. Толстому Чарли

хотелось увидеть, как его брат извиняется, возможно, даже пресмыкается.

Прикрыв глаза, он стал придумывать, что скажет…

— Убирайся! — гремел Толстый Чарли. — И забери с собой свои солнце, джакузи и спальню!

— Прошу прощения?

Над ним склонилась обеспокоенная стюардесса.

— Так… э-э-э… — пробормотал Толстый Чарли. — Разговариваю сам с собой.

Но ни смущение, ни краска на щеках не смогли теперь испортить ему настроение: он даже не захотел, чтобы самолет упал в океан и тем положил конец его позору. Жизнь определенно налаживалась.

Вскрыв набор предметов первой необходимости, он надел повязку на глаза и как можно дальше откинулся на сиденье. Он стал думать о Рози, которая почему-то постоянно превращалась в кого-то постройнее и пониже ростом и гораздо менее одетую. Толстый Чарли виновато призвал воображение к порядку и велел нарисовать девушку в одежде, а тогда, к ужасу и стыду своим, обнаружил, что на ней полицейская форма. Чувствовал он себя ужасно виноватым, но

почему-то без особой искренности. Постыдился бы. Следовало бы…

Поерзав на сиденье, Толстый Чарли издал одинокий удовлетворенный всхрап…

Он все еще пребывал в отличном настроении, когда самолет приземлился в Хитроу. Сев на экспресс-поезд до Паддингтона, он с удовольствием отметил, что за его короткую отлучку из Англии решило выйти солнце. «Все до последней мелочи, — сказал он самому себе, — будет хорошо».

Единственная странная нотка, бросившая тень неприятностей на утро, вкралась на полпути до вокзала. Толстый Чарли как раз смотрел в окно, жалея, что не купил в аэропорту газету. За окном тянулся зеленый лужок («Может, это футбольное поле при какой-нибудь школе?» — спросил себя Толстый Чарли), когда небо вдруг на мгновение потемнело и с шипением тормозов поезд остановился по сигналу семафора.

Это Толстого Чарли не встревожило. Осенью в Англии солнце, по определению, появляется лишь изредка, зато сейчас не было ни обложных туч, ни дождя. Только вот у рощицы берез на краю поля стояла одинокая фигура.

Сначала Толстый Чарли принял ее за пугало.

Глупо, конечно. Откуда тут взяться пугалу? Да,

разумеется, посреди поля пугалу самое место, но не футбольного же! И, уж конечно, не под березами. И вообще, если это было пугало, то свою работу оно делало из рук вон плохо.

Ведь кругом же летала стая ворон. Больших черных ворон.

А потом пугало шевельнулось.

Оно было слишком далеко, чтобы разглядеть хорошенько, — просто фигура в потрепанном буром дождевике. Тем не менее Толстый Чарли узнал ее и сразу понял, что будь она ближе, то увидел бы высеченное из обсидиана лицо, иссиня-черные волосы и глаза, в которых притаилось безумие.

Тут поезд дернулся и покатился вперед, и через несколько секунд женщина в буром дождевике скрылась из виду.

Толстому Чарли стало не по себе. Он ведь почти убедил себя, что случившееся (нет, на самом деле ничего там не случилось, кажемость сплошная!) в гостиной миссис Дунвидди было какой-то галлюцинацией, сюрреалистическим сном, возможно, отчасти верным, но не более того. И никого он на самом деле не встречал, а видел лишь набор образов, символов высшей реальности. Ну сами посудите, не мог же он отправиться в реальное

место и заключить там реальную сделку, правда?

Просто подсознание через сон подбросило ему горстку метафор, только и всего.

Он не стал спрашивать себя, откуда у него взялась уверенность, что скоро жизнь начнет налаживаться. Есть реальность и *РЕАЛЬНОСТЬ,* и одни вещи реальнее других.

Все быстрее и быстрее поезд, стуча колесами, нес его в Лондон.

Возвращаясь из греческого ресторанчика, Паук почти подошел к дому, когда кто-то тронул его за плечо.

— Чарльз? — спросила Рози.

Паук подпрыгнул или, во всяком случае, дернулся и испуганно охнул.

— Чарльз? С тобой все в порядке? Что у тебя со щекой?

Он уставился во все глаза на невесту Толстого Чарли и, помолчав, спросил:

— Ты это ты?

— Что?

— Ты Рози?

— Что за вопрос? Конечно, я Рози. Ты поранил щеку?

Паук плотнее прижал к щеке салфетку.

— Порезался.

— Дай посмотрю.

Она отвела его руку от щеки. Салфетка была испачкана алым, словно в нее впиталась кровь, а вот на щеке — ни царапины и кожа чистая.

— Тут ничего нет.

— А-а…

— Чарльз? С тобой все в порядке?

— Да, — сказал он. — Все. Нет, пожалуй, не в порядке. Кажется, нам лучше вернуться ко мне домой. Думаю, там мне будет безопаснее.

— Мы собирались куда-нибудь на ленч, — сказала Рози тоном человека, который беспокоится, что поймет, что на самом деле тут происходит, только если откуда-нибудь выпрыгнет телеведущий и покажет, где спрятаны скрытые камеры.

— Да. Знаю. Но, кажется, меня только что пытались убить, И она выдавала себя за тебя.

— Никто не пытается тебя убить, — сказала Рози, попытавшись (безуспешно) произнести эту фразу так, будто не старается подладиться под душевнобольного.

— Даже если никто не пытается меня убить, можно нам обойтись без ленча и пойти ко мне? У меня дома есть еда.

— Конечно.

Паук развернулся и зашагал к дому, а Рози пошла за ним следом, недоумевая: и когда Толстый Чарли успел так похудеть? Ему идет, решила она. Очень идет. На Максвелл-гарденс они свернули молча.

— Посмотри-ка, — сказал вдруг Паук.

— Что?

Он показал ей льняную салфетку. Свежее кровавое пятно исчезло, ткань теперь была совершенно белой.

— Это фокус?

— Если да, то не мой, — пробормотал Толстый Чарли. — Ради разнообразия.

Салфетку он бросил в урну. В этот момент перед домом Толстого Чарли остановилось такси и оттуда помятый и щурящийся на солнце вылез Толстый Чарли с белым пластиковым пакетом в руке.

Рози посмотрела на Толстого Чарли. Рози посмотрела на Паука. Потом снова на Толстого Чарли, который, открыв пакет, достал огроменную коробку шоколадных конфет.

— Это тебе, — сказал он.

— Спасибо.

Рози автоматически взяла конфеты. Перед ней было двое мужчин, которые и выглядели, и гово-

рили совершенно по-разному, а она тем не менее не могла определить, который из них ее жених.

— Я схожу с ума, верно? — сдавленно спросила она.

Так было много проще. Теперь она поняла, в чем дело.

Более худой из двух Толстых Чарли, тот, у которого была серьга в ухе, обнял ее за плечи.

— Тебе нужно домой, — сказал он. — Тебе нужно поспать. А когда проснешься, забудешь про все случившееся.

«Да, — подумала она. — Насколько все становится проще, когда у тебя есть план». Домой она возвращалась бодрым шагом, прижимая к груди коробку шоколадных конфет.

— Что ты сделал? — спросил Толстый Чарли. — Она словно бы отключилась.

Паук пожал плечами.

— Не хотел ее расстраивать.

— Почему ты не сказал ей правду?

— Подумал, что сейчас это было бы не совсем уместно.

— Как будто ты знаешь, что уместно, а что нет!

Паук положил ладонь на дверь, и она распахнулась.

— У меня ключи, знаешь ли, есть. Это же мой

дом. Они вошли в коридор, поднялись по лестнице.

— Где ты был? — спросил Паук.

— Нигде. Гулял, — сказал Толстый Чарли, запираясь, словно подросток.

— Сегодня в ресторане на меня напали птицы. Знаешь что-нибудь про это? Ведь знаешь, да?

— Пожалуй, нет. Может быть. Тебе все равно пора уезжать.

— Не начинай, — огрызнулся Паук.

— Я? Я не начинай? Думаю, я был образцом сдержанности. Ты заявился в мою жизнь. Ты разозлил моего начальника и натравил на меня полицию. Ты целовал мою девушку. Ты испоганил мне жизнь.

— Погоди, — прервал его Паук. — На мой взгляд, с последним ты и сам прекрасно справлялся.

Сжав кулак, Толстый Чарли замахнулся и ударил Паука в челюсть — как это делают в кино. Скорее от удивления, чем от боли или силы удара, Паук отпрянул, поднес руку к губам, потом посмотрел на испачкавшую пальцы кровь.

— Ты меня ударил.

— И еще раз ударю, — сказал Толстый Чарли, совсем не уверенный, что сумеет. Очень болели костяшки пальцев.

— Да? — переспросил Паук и бросился на Толстого Чарли.

Прижав к стене, он принялся молотить его кулаками, а Толстый Чарли, обхватив Паука поперек талии, рухнул на пол, потянув и его за собой.

Они катались по коридору, дубася и пиная друг друга. Толстый Чарли почти ожидал какой-нибудь магической атаки или что Паук окажется сверхъестественно сильным, но они как будто были на равных. Оба дрались бессистемно, как мальчишки — как братья, и пока они дрались, Толстому Чарли показалось, что он вспомнил, как они делали это когда-то — давным-давно. Паук был умнее и хитрее, но если Толстый Чарли сумеет оказаться наверху и обезвредит руки Паука…

Схватив Паука за правую руку, Толстый Чарли вывернул ее ему за спину, потом сел брату на грудь и навалился всем весом.

— Сдаешься? — спросил он.

— Нет.

Паук елозил и извивался, но Толстый Чарли сидел крепко.

— Обещай мне кое-что, — сказал Толстый Чарли. — Обещай, что уберешься из моей жизни и навсегда оставишь нас с Рози в покое.

На это Паук сердито выгнулся и сбросил Толсто-

го Чарли, который приземлился на пятую точку, а затем распластался на кухонном линолеуме.

— Ну вот, — сказал Паук. — Я же тебе говорил.

Кто-то барабанил в дверь. Это был повелительный стук, какой обычно говорит, что кому-то настоятельно нужно войти и что отказа он не потерпит. Толстый Чарли свирепо глянул на Паука, тот недоуменно нахмурился, и оба медленно поднялись на ноги.

— Мне открыть? — спросил Паук.

— Нет, — отрезал Толстый Чарли. — Это мой дом, черт побери. И большое спасибо, я сам пойду открою свою треклятую дверь.

— Как хочешь.

Толстый Чарли осторожно спустился, но на последней ступеньке обернулся.

— Когда я с этим покончу, — сказал он, — придет твой черед. Собирай вещи. Тебе одна дорога — за порог.

Заправив в штаны рубашку, смахнув с них соринки и вообще пытаясь выглядеть так, будто не дрался на полу, он подошел к двери. Открыл.

На пороге стояли два дюжих полицейских в форме и одна маленькая полицейская — экзотической внешности и в строгом штатском костюме.

— Чарльз Нанси? — спросила Дейзи и посмотрела на него без всякого выражения, словно они незнакомы.

— Хр-м… — выдавил Толстый Чарли.

— Вы арестованы. У вас есть право…

Толстый Чарли повернулся к лестнице.

— Сволочь! — крикнул он. — Сволочь, сволочь, сволочь, сволочная сволочь, СВОЛОЧЬ!!!

Дейзи похлопала его по руке.

— По-хорошему пойдете? — негромко спросила она. — Потому что в противном случае мы можем повести вас насильно. Но я бы не рекомендовала. Мои спутники делают это с излишним энтузиазмом.

— По-хорошему пойду, — сказал Толстый Чарли.

— Хорошо, — ответила Дейзи, вывела Толстого Чарли на улицу, усадила в черный полицейский фургон и заперла дверцу снаружи.

Полицейские обыскали квартиру. В комнатах наверху их встретило единственное живое существо — маленький черный паучок. В конце коридора имелся чуланчик с окном, а в нем несколько коробок с книгами и ведро с игрушечными машинками. Заглянув в чулан, копы не нашли ровным счетом ничего интересного.

Паук лежал на диване у себя в спальне и дулся. К себе он ушел, когда Толстый Чарли спустился открывать дверь. Ему нужно было посидеть одному. Он терпеть не мог разговоров начистоту. Обычно он сматывал удочки еще до них или в самый момент, и теперь Паук знал, что пора исчезнуть, но ему все равно не хотелось.

Он сомневался, а правильно ли поступил, отправив Рози домой.

Нет, ему хотелось (а Паук всегда руководствовался тем, что ему «хочется», а не «должен» или «следует») поговорить с Рози, объяснить, что она нужна ему, *ему*, Пауку. Что он не Толстый Чарли. Что он совсем другой. Тут бы проблем не возникло и труда тоже бы не составило. Хватило бы слов с достаточной убежденностью в голосе: «На самом деле я Паук, брат Толстого Чарли, и тебя это совершенно устраивает. Нисколько не волнует», и вселенная чуть-чуть подтолкнула бы Рози, и она бы со всем согласилась — в точности как час назад безропотно пошла домой. Она была бы не против, совсем не против.

Вот только он знал, что в глубине души она была бы очень против.

Люди не любят, когда боги ими играют. На первый взгляд им все нравится, но в глубине души

они чувствуют, что их дергают за ниточки, и обижаются. *ОНИ ЗНАЮТ.* Паук мог бы велеть ей стать счастливой, и она стала бы счастливой, но с тем же успехом он мог бы нарисовать улыбку у нее на лице — вот только в глубине души она бы не поверила, что улыбка ее собственная. На короткий срок (а до сих пор Паук мыслил лишь с точки зрения кратких сроков) — подумаешь, какая важность, но в перспективе ведет к проблемам. А ему не нужна была терзаемая бессильной яростью фурия, которая в душе его ненавидит, а с виду — совершенно нормальная, всем довольная, улыбчивая кукла. Ему нужна Рози.

А если ее «подтолкнуть», это уже будет не Рози, верно?

Уставившись невидящим взглядом на роскошный водопад и тропическое небо за окном, Паук спрашивал себя, когда к нему постучится Толстый Чарли. Что-то случилось сегодня утром в греческом ресторанчике, и чутье подсказывало, что брат знает об этом больше, чем говорит.

Некоторое время спустя ему наскучило ждать, и он лениво вернулся в квартиру Толстого Чарли. Там царил полный хаос, словно бы ее перевернула вверх дном группа профессионалов. Паук решил, что Толстый Чарли, по всей вероятности,

сам разгромил свою квартиру, лишь бы показать, как он расстроен, что Паук одолел его в драке.

Он выглянул в окно. Возле дома стояла патрульная машина, а рядом черный полицейский фургон. Не успел он отойти от окна, как они уехали.

Паук приготовил себе тост, намазал его маслом и съел. Потом прошелся по комнатам, проверяя, задернуты ли повсюду занавески.

Внизу позвонили. Задернув последнюю гардину, Паук спустился вниз.

На пороге стояла Рози. Она все еще казалась ошеломленной. Паук лишь молча уставился на нее.

— Ну? Ты пригласишь меня войти?

— Конечно. Входи, пожалуйста.

Рози направилась вверх по лестнице.

— Что тут стряслось? Землетрясение?

— Да. Кажется.

— Почему ты сидишь в потемках? — Она направилась к окну.

— Не надо!!! Пусть будут задернуты!

— Чего ты боишься? — спросила Рози.

Паук глянул на окно.

— Птиц, — ответил он, помолчав.

— Но птицы наши друзья, — возразила Рози то-

ном, каким обращаются к маленькому ребенку.

— Птицы, — возразил Паук, — это последние из динозавров. Крошечные скоростные хищники на крыльях. Пожирают беззащитных букашек, а еще орехи и рыбу… и… и… других птиц. Ранние пташки ловят червячков, которые только-только вылезли. Ты когда-нибудь видела, как питаются куры? Да, конечно, выглядят они безобидными, но знаешь, какие они злобные?

— Вчера в новостях рассказывали, как птица спасла человеку жизнь.

— Это ничего не меняет…

— Рассказывали про ворона. Или про ворону. В общем, про какую-то большую черную птицу. Один человек лежал на газоне за своим домом в Калифорнии и читал журнал и вдруг услышал, как кто-то каркает и каркает, а это его внимание пытался привлечь ворон. Человек встал и пошел к дереву, где сидел ворон, а за деревом прятался кугуар и хотел на него броситься. Поэтому человек убежал в дом. Если бы ворон его не предупредил, он стал бы кормежкой для кугуара.

— Почему-то я сомневаюсь, что вороны всегда так себя ведут. Но спас ли какой-то там ворон кому-то жизнь или нет, это ничего не меняет. Птицы за мной охотятся.

— Ага, ага, — сказала Рози, пытаясь делать вид, что не подлаживается под помешанного. — Птицы за тобой охотятся.

— Да.

— И охотятся они за тобой, потому что…

— Э-э-э…

— Должна же быть какая-то причина. Не можешь же ты утверждать, что великое множество птиц ни с того ни с сего, без всякой причины решило считать тебя огромным червяком?

— По моему, ты мне не веришь, — с чувством сказал Паук.

— Ты всегда был очень честным, Чарли. То есть я всегда тебе доверяла. Когда ты мне что-то говоришь, я изо всех сил стараюсь тебе поверить. Очень стараюсь. К тому же я тебя люблю. Поэтому предоставь мне решать, верю я тебе или нет.

Паук задумался, потом взял ее за руку и нежно сжал пальцы.

— Наверное, мне нужно кое-что тебе показать.

Он повел ее в коридор и уже через десяток шагов они остановились перед дверью в чулан Толстого Чарли.

— Там есть кое-что. Боюсь, оно объяснит лучше, чем смог бы я сам.

— Ты супермен и хранишь там свой костюм? —

улыбнулась Рози.

— Нет.

— Что-то извращенное? Ты надеваешь комбинацию, красишься и зовешь себя именем Дора?

— Нет.

— Это, случаем, не… Не модель железной дороги?

Паук толкнул дверь в чулан Толстого Чарли и одновременно открыл магическую дверь в собственную спальню. В огромном окне возник водопад: с неимоверной высоты сверкающая вода с грохотом обрушивалась в озерцо среди джунглей. Небо за стеклом было синее сапфира.

У Рози вырвалось сдавленное «ох!».

Повернувшись на каблуках, она вышла в коридор, оттуда на кухню, где, отдернув занавеску, выглянула в окно на серое лондонское небо, непривлекательное и так похожее на вчерашнее тесто. Потом вернулась.

— Не понимаю, — неуверенно сказала она. — Что происходит, Чарли?

— Я не Чарли, — сказал Паук. — Посмотри на меня. По-настоящему посмотри на меня. Я даже не похож на него.

Она больше не делала вид, будто подстраивается. Глаза у нее расширились, вид стал

испуганный.

— Я его брат, — продолжал Паук. — Я все испортил. Все. Наверное, мне лучше оставить вас в покое и убраться.

— Но где Толстый… Где Чарли?

— Не знаю. Мы подрались. Он пошел открывать дверь — в нее кто-то постучал. Я пошел к себе, а он так и не вернулся.

— Не вернулся? И ты даже не попытался выяснить, что с ним случилось?

— Э-э-э… Кажется, его увезла полиция, — сказал Паук. — Э-э-э… просто предположение. Доказательств у меня никаких нет.

— Как тебя зовут? — решительно спросила Рози.

— Паук.

— Паук, — повторила Рози.

За окном, над водяной пылью от водопада кружила стая розовых фламинго, в слепящих солнечных лучах их крылья расплывались в бело-розовые пятна. Они парили величественно им не было числа, и Рози они показались самыми прекрасными созданиями на свете. Она перевела взгляд на Паука и, смотря на него, спросила себя, как вообще могла поверить, что это Толстый Чарли. Если Толстый Чарли был покладисто-доб-

родушным, неловким и открытым, этот человек больше напоминал согнутый железный прут, который вот-вот сломается.

— На самом деле ты не он, да?

— Я же тебе сказал.

— Да… Сказал. И с кем я… И с кем я спала?

— Со мной.

— Так я и думала.

И дала ему пощечину — изо всех сил. Паук почувствовал, что губа у него снова закровоточила.

— Наверное, я это заслужил, — сказал он.

— Еще как. — Рози помолчала. — Толстый Чарли про это знал? Про тебя? Что ты со мной встречаешься?

— Ну… да… Но он…

— Вы оба ненормальные! — вырвалось у Рози. — Ненормальные, больные, злые люди. Надеюсь, вы будете гореть в аду.

Бросив последний недоуменный взгляд на огромную спальню, на прекрасные джунгли, огромный водопад и стаю фламинго за окном, она вышла в коридор.

Паук соскользнул по стене на пол, с губы у него стекала тоненькая струйка крови. Чувствовал он себя последним идиотом. Внизу с грохотом захлопнулась входная дверь. Подойдя к джакузи,

он обмакнул в горячую воду край махрового полотенца, потом выжал и приложил к губе.

— Только этого мне не хватало. Зачем мне такая морока? — вопросил в пустоту Паук. Он произнес эти слова вслух: гораздо легче лгать себе, когда произносишь ложь вслух. — Неделю назад никто из вас, люди, был мне не нужен, и сейчас вы не нужны. Мне плевать. С меня хватит.

Фламинго ударились в оконное стекло как розовые оперенные пушечные ядра, оно разбилось, и по всей комнате полетели осколки, которые засели в стенах, в полу, в матрасе на кровати. Спальня заполнилась мельтешением розовых тел, хаосом огромных розовых крыльев и изогнутых черных клювов. От грохота водопада закладывало уши.

Паук прижался к стене. Путь к двери ему закрывали фламинго, которых, наверное, было сотни, если не тысячи: птицы высотой пять футов, сплошь ноги и крылья. Поднявшись, он сделал несколько шагов через стаю рассерженных розовых птиц, каждая из которых злобно глядела на него безумными глазками. А ведь издали они казались такими красивыми. Одна щелкнула клювом, пытаясь цапнуть Паука за руку. До крови не оцарапала, но все равно больно.

Спальня у Паука была просторная, но быстро

превращалась в аэродром, на который совершают аварийную посадку сотни рушащихся с неба птиц. А над водопадом образовалось темное облако: судя по всему, приближалась еще одна стая.

Они клевали и драли Паука клювами, били огромными крыльями, но он знал, что истинная беда не в этом. Истинная беда в том, что, когда птицы набросятся разом, он просто задохнется под пушистой периной из перьев. Не слишком достойная смерть — быть раздавленным птицами, к тому Же не очень умными.

«Думай, — велел он себе. — Фламинго все равно что куры. И мозги у них куриные. Ты же Паук».

«И что с того? — раздраженно ответил ему внутренний голос. — Скажи что-нибудь новенькое».

Фламинго, приземлившиеся на пол, надвигались. Фламинго под потолком готовились спикировать. Не успел он натянуть на голову куртку, как они обрушились на него — словно кто-то стрелял по нему из пушки курами. Пошатнувшись, он рухнул на половицы. «Ну обмани же их, тупица».

С трудом поднявшись на ноги, он продрался сквозь море крыльев и клювов, пока не оказался возле окна, теперь оскалившегося кинжалами разбитого стекла.

— Глупые птицы, — весело сказал он и вылез на подоконник.

Фламинго не отличаются ни острым умом, ни умением решать проблемы. Если перед вороной положить кусок проволоки и бутылку с чем-нибудь съедобным, она скорее всего попытается сделать из проволоки инструмент, чтобы извлечь лакомство. А вот фламинго попытается сожрать проволоку, если она похожа на рыбешку или, возможно, даже если не похожа — на случай, если это какая-то новая разновидность рыбешки. И потому, даже если глупых птиц возмутило, с чего это застывший на карнизе человек стал вдруг дымным и бестелесным, фламинго не сумели понять, в чем тут дело. А лишь уставились на него безумными розовыми глазами кроликов-убийц и бросились в атаку.

Человек ласточкой упал с окна, прямо в туманную завесу водопада, и стая взлетела следом, а учитывая, что фламинго, чтобы подняться в воздух, нужен разбег, многие камнем рухнули вниз.

Вскоре в спальне остались лишь раненые или мертвые птицы: те, что разбили своими телами окно, те, что налетели на стены, те, что были раздавлены весом собратьев. Один еще живой фламинго смотрел, как дверь словно сама собой

открылась и снова захлопнулась, но поскольку был птицей, не придал этому особого значения.

Стоя в коридоре квартиры Толстого Чарли, Паук старался перевести дух. Он сосредоточился на том, чтобы его спальня перестала существовать — а ведь обидно, так обидно: особенно ему было жалко проигрывателя и колонок, которыми он ужасно гордился. Да и вообще, где теперь держать вещи?

Впрочем, вещи можно раздобыть новые.

Если ты Паук, достаточно только попросить.

Мама Рози была не из тех, кто склонен злорадствовать, поэтому, когда Рози разразилась слезами на чиппендейловском диване, она воздержалась от улюлюканья, пения или небольшого победного танца. Впрочем, внимательный наблюдатель заметил бы в ее глазах радостный блеск.

Дав Рози большой стакан витаминизированной воды с кубиком льда, она выслушала слезливый рассказ дочери об обманах и разбитом сердце. К концу победный блеск в глазах сменился растерянностью, голова у нее шла кругом.

— Значит, Толстый Чарли на самом деле был не Толстым Чарли? — спросила мама Рози.

— Нет. Ну да. Толстый Чарли это Толстый Чар-

ли, но всю прошлую неделю я встречалась с его братом.

— Они близнецы?

— Нет. Кажется, они даже не похожи. Не знаю. Я совсем запуталась.

— Так с которым ты порвала?

Рози высморкалась.

— Я порвала с Пауком. Это брат Толстого Чарли.

— Но ты же не была с ним помолвлена.

— Нет, но думала, что была. Я думала, это Толстый Чарли.

— Значит, ты порвала и с Толстым Чарли тоже?

— Вроде того. Только я ему об этом еще не сказала.

— А он знал… про историю с братом? Может, это какой-то извращенный заговор? Может, над моей бедной девочкой просто посмеялись?

— Нет. Сомневаюсь. Но это не важно. Я не могу за него выйти.

— Не можешь, — согласилась мама. — Совершенно точно не можешь. Никак не можешь. — А про себя сплясала победную джигу и запустила большой, но со вкусом задуманный фейерверк. — Мы найдем тебе хорошего молодого человека.

Не волнуйся. А Толстый Чарли тот еще фрукт. Никогда не знаешь, что вот-вот выкинет. Я это сразу поняла, как его увидела. Съел мое восковое яблоко. Так и знала, что от него ничего хорошего не жди. Где он сейчас?

— Точно не знаю. Паук сказал, его, возможно, забрали в полицию.

— Ха! — Фейерверк в голове ее мамы достиг размаха новогоднего в Диснейленде, и для верности она мысленно принесла в жертву дюжину безупречно белых быков, а вслух сказала лишь: — Скорее всего сидит в тюрьме, если хочешь знать мое мнение. Самое для него место. Я всегда говорила, этот молодой человек плохо кончит.

Тут Рози снова заплакала, даже еще сильнее. Достав новую горсть бумажных носовых платков, она протяжно и трубно высморкалась.

Храбро сглотнула. И еще поплакала.

Мама похлопала ее по руке — настолько утешительно, насколько умела.

— Конечно, ты не можешь выйти за него замуж. Нельзя выйти замуж за преступника. Но если он в тюрьме, то помолвку легко разорвать. — При этом в уголках ее губ появилась призрачная улыбка. — Я могла бы уладить это за тебя. Или сходить в день посещений и сказать, что он паршивый

мошенник и ты никогда больше не хочешь его видеть. — И с готовностью добавила: — Можно получить также ордер, чтобы он не смел к тебе приближаться больше чем на двадцать ярдов.

— Я не… не… п-потому не могу выйти замуж за Толстого Чарли, — пробормотала Рози.

— Не потому? — спросила мама, поднимая одну отлично нарисованную бровь.

— Нет. Я не могу выйти за Толстого Чарли, потому что не люблю его.

— Конечно, не любишь. Я всегда знала. Это было пустое увлечение, но теперь ты увидела истинную…

— Я влюблена в Паука, — продолжала Рози, словно мама вообще ничего не говорила. — В его брата.

Возникшее на мамином лице выражение напоминало рой ос, слетевшихся к пикнику.

— Нет, нет, — успокоила ее Рози. — За него я тоже не могу выйти. Я сказала ему, что не хочу его видеть.

Мама Рози поджала губы.

— Не стану делать вид, будто понимаю, что у тебя на уме, но не буду говорить, что это дурные вести.

Шестерни у нее в голове повернулись, колеси-

ки и зубчики сцепились на новый и интересный лад, механизм замкнулся заново, пружины опять сжались.

— Знаешь, что было бы сейчас для тебя лучше всего? Ты не думала о небольшом отпуске? Я с радостью его оплачу. В конце концов, я столько сэкономлю на твоей свадьбе…

Возможно, последняя фраза была не совсем к месту, потому что Рози снова зарыдала в бумажный носовой платок, но мама продолжила:

— Как бы то ни было, все за мой счет. Знаю, у тебя еще остались неиспользованные дни отпуска. И ты говорила, что на работе сейчас затишье. В такое время девушке нужно уехать подальше и просто расслабиться.

Рози спросила себя, может, все эти годы она недооценивала маму? Шмыгнув носом и сглотнув, она сказала:

— Было бы неплохо.

— Тогда решено, — сказала мама. — Я поеду с тобой, буду заботиться о моей девочке.

А мысленно — под грандиозный финал фейерверка — добавила: «И присмотрю, чтобы моя девочка знакомилась только с подходящими мужчинами».

— Куда мы поедем? — спросила Рози.

— Мы поедем, — ответила ее мама, — в круиз.

Наручников на Толстого Чарли не надели. Это было хорошо. Все остальное — хуже некуда, но хотя бы без наручников обошлось. Жизнь сбивала с толку, расплывалась в какое-то странное пятно, но детали проступали чересчур уж четко: сержант на посту, почесав нос, сказал: «Шестая камера свободна». Грохот захлопнувшейся зеленой двери, запах камер, слабая вонь, которой он никогда не ощущал раньше, но которая сразу показалась омерзительно знакомой, — всепроникающая спертая смесь вчерашней блевоты, дезинфектанта и дыма, затхлых одеял и неспущенных унитазов, а еще отчаяния. Это был запах самого дна, и именно тут, кажется, очутился Толстый Чарли.

— Когда понадобится спустить воду, — сказал провожавший его по коридору охранник, — нажмете на кнопку в своей камере. Кто-нибудь из нас рано или поздно зайдет, чтобы дернуть за цепочку. Так мы не позволяем спускать в канализацию улики.

— Улики чего?

— Сам знаешь, солнышко.

Толстый Чарли вздохнул. Он сам спускал отходы своего тела с тех пор, как начал гордиться

таким поступком, и утрата этого, более чем утрата свободы, показала ему, как все переменилось.

— Ты ведь в первый раз здесь? — спросил охранник.

— Прошу прощения?

— Наркотики?

— Нет, спасибо, — вежливо ответил Толстый Чарли.

— Ты у нас за наркотики?

— Сам не знаю, за что. Я невиновен.

— Белый воротничок, а? — Охранник покачал головой. — Скажу тебе кое-что, что синие воротники и так знают. Чем больше ты облегчишь жизнь нам, тем больше мы облегчим ее тебе. Все вы, белые воротнички, одинаковы. Вечно талдычите про свои права. Сами себе все усложняете.

Он открыл дверь камеры номер шесть.

— Дом, милый дом, — сказал он.

Вонь оказалась намного сильнее внутри комнатушки, выкрашенной какой-то неровной, сопротивляющейся граффити краской, и стояли тут только кровать, похожая на полку почти у самого пола, и унитаз без крышки в уголке.

На кровать Толстый Чарли положил одеяло, которое ему выдали.

— Вот и ладушки, — сказал охранник. — Обжи-

вайся. Если станет скучно, не затыкай одеялом унитаз.

— Зачем мне это делать?

— Сам часто удивляюсь, — отозвался охранник. — И впрямь, зачем? Разгоняет монотонность, наверное. Откуда мне знать? Как законопослушный гражданин, который ждет заслуженной пенсии от полиции, я сам никогда не проводил времени в камере.

— Знаете, и я тоже, — сказал Толстый Чарли.

— Это хорошо.

— Извините, — сказал Толстый Чарли. — Не дадите мне что-нибудь почитать?

— Это что, по-вашему? Похоже на библиотеку?

— Нет.

— Когда я еще был зеленым копом, один тип попросил у меня книгу. Я пошел и принес ту, которую читал сам. Дж. Т.Эдсона, кажется, или, может, Луиса Л'Амура. А он взял и заткнул ею унитаз, вот как! Больше меня на мякине не проведешь.

На этом он ушел, заперев за собой дверь, и Толстый Чарли остался один.

Самое странное, думал обычно не склонный к самокопанию Грэхем Хорикс, — то, насколько нормально, бодро и в общем и целом хорошо он себя чувствует.

Капитан попросил пристегнуть ремни безопасности, а еще сказал, что скоро они приземлятся на Сан Андреасе. Сан Андреас — это такой крохотный островок в Карибском заливе, который, объявив в 1962 году о своей независимости, решил отпраздновать освобождение от колониального режима, учредив среди прочего собственные судебные органы и провозгласив поразивший пять континентов разрыв всех договоров об экстрадиции с остальным миром.

Самолет приземлился. Катя за собой чемодан на колесах, Грэхем Хорикс двинулся по залитому солнцем асфальту посадочной полосы, потом, за стеклянной дверью достал соответствующий паспорт (на имя Бейзила Финнегана), получил на него штамп, забрал с вертушки остальной багаж и, миновав совершенно пустой зал таможенного досмотра, оказался в крошечном аэропорту, откуда ступил под знойное солнце Кариб. Одет он был в футболку, сандалии и шорты — истинный англичанин в отпуске за границей.

У дверей аэропорта его ждал садовник, и, сев на заднее сиденье черного «мерседеса», Грэхем Хорикс приказал:

— Домой, пожалуйста.

По дороге из Уильямстауна в свои владения на

скалах он с удовлетворенной, собственнической улыбкой осматривал из окна остров.

Ему пришло в голову, что перед отъездом из Англии он оставил умирать женщину в стенном шкафу. Интересно, жива ли она еще? Пожалуй, нет. Его нисколько не беспокоило, что он совершил убийство. Напротив, он испытывал безграничное удовлетворение, словно наконец воплотил свое самое заветное желание. Интересно, удастся ли это повторить?

Интересно, скоро ли это случится?

Глава десятая, в которой Толстый Чарли отправляется повидать мир, а Мэв Ливингстон крайне недовольна

Толстый Чарли сидел на одеяле поверх железной кровати и ждал, когда что-нибудь произойдет. Ничего не происходило. Крайне медленно протянулись, казалось, несколько месяцев. Он старался заснуть, но не мог вспомнить, как это делается.

Он забарабанил в дверь.

Кто-то рявкнул: «Тихо!» — но Толстый Чарли не сумел определить, был ли этот кто-то одним из надзирателей или заключенных.

Он вышагивал по периметру камеры в общем и целом два или три года — по самым скромным подсчетам. Потом сел и поддался бесконечности. Дневной свет за куском толстого стекла вверху стены, которое играло роль окна, был по всей очевидности тем самым, какой был виден, когда сегодня утром за Толстым Чарли заперли дверь.

Толстый Чарли попытался вспомнить, как полагается коротать время в тюрьме, но на ум шли

только записи в тайных дневниках и как прятать разные мелочи между ягодицами. Писать ему было не на чем, к тому же он считал, что неплохо прожил свою жизнь, раз ему нечего прятать между ягодицами.

Ничего не происходило. И продолжало не происходить. Эдакий сериал… «Снова Ничего». «Возвращение Ничего». «Сын Ничего». «Ничего выходит на охоту». «Ничего, Эбботи Костелло[4] встречают волка-оборотня»…

Когда в двери заскрежетал ключ, Толстый Чарли едва не закричал «ура».

— Так. Прогулка по двору. Можешь выкурить сигарету, если очень хочется.

— Я не курю.

— Молодец. Дурная привычка.

Двором для прогулок оказался четырехугольник, вокруг которого и был построен сам полицейский участок, иными словами, со всех сторон он был окружен глухими стенами, а сверху затянут проволочной сеткой, и, наматывая по нему круги, Толстый Чарли определенно решил, что сидеть под арестом ему решительно не нравится. Толстый Чарли вообще не любил полицию, но до

---

[4] notes: 4

Эббот и Костелло — дуэт знаменитых американских комиков 1940–1950-х гг.

сих пор умудрялся цепляться за исконную веру в естественный порядок вещей, убежденность в том, что какая-то высшая сила (викторианцы назвали бы ее Провидением) заботится о том, чтобы виновные были наказаны, а невиновные получили свободу. После недавних событий эта вера рухнула, сменившись подозрением, что остаток жизни он проведет, клянясь и божась в своей невиновности различным неумолимым судьям и мучителям, многие из которых будут похожи на Дейзи, и что, по всей вероятности, проснется в шестой камере завтра утром и обнаружит, что превратился в огромного таракана. Его явно перенесли в какой-то зловредный мир, где людей превращают в тараканов…

Что-то упало с вышины на проволочную сетку. Толстый Чарли поднял голову. Сверху вниз на него с надменным безразличием смотрел черный дрозд. Зашумели крылья, и к дрозду присоединилось несколько воробьев и еще птица, которую Толстый Чарли счел скворцом.

Птицы пялились на Толстого Чарли, Толстый Чарли пялился на птиц.

Прилетели новые.

Толстый Чарли не мог бы определить, когда увеличение числа птиц на сетке перешло из

категории любопытных диковин в разряд прямой угрозы. Наверное, когда оно перевалило за первую сотню. И все потому, что они не чирикали, не каркали, не издавали трелей и не пели. Просто приземлялись на сетку и смотрели на него.

— Улетайте, — сказал Толстый Чарли и чуть громче добавил: — Кыш! Кыш!

Птицы как одна остались сидеть на месте. Только заговорили. И все произносили его имя.

Подбежав к двери в углу, Толстый Чарли в нее забарабанил.

— Прошу прощения, — несколько раз вежливо повторил он, а потом стал кричать: — Караул!

Щелчок. Дверь открылась, и представитель сил правопорядка ее величества с набрякшими веками сказал:

— Есть причина шуметь? Лучше бы ей быть веской.

Толстый Чарли ткнул пальцем вверх. Он ничего не сказал. Нужды не было. Губы у надзирателя странно обмякли, челюсть обвисла, словно рот уже никогда не закроется. Мама Толстого Чарли непременно посоветовала бы его закрыть, иначе залетит что-нибудь.

Сетка провисла под весом тысяч птиц. Глаза пернатых смотрели вниз не мигая.

— Иисус на велике, — пробормотал полицейский и без единого слова повел Толстого Чарли назад в блок камер.

Мэв Ливингстон мучилась. Она лежала, растянувшись на полу. Когда она очнулась, лицо и волосы у нее были теплыми и влажными, потом она заснула, а когда пришла в себя снова, они были липкими и холодными. Она засыпала и просыпалась и снова засыпала, просыпалась настолько, чтобы почувствовать боль в затылке, а потом — так как спать было легче и потому что во сне ничего не болело — снова позволяла забытью накрыть себя уютным одеялом.

Во сне она бродила по телестудии и искала Морриса. Временами ей удавалось мельком увидеть его на каком-нибудь мониторе. И вид у него всегда был озабоченный. Она пыталась найти выход, но всякий раз оказывалась на съемочной площадке.

— Мне холодно, — подумала она и поняла, что в очередной раз очнулась.

Однако боль стихла. В общем и целом, решила Мэв, она чувствует себя сравнительно неплохо.

Ее что-то расстраивало. Только вот что? Наверное, во сне привиделось что-то дурное.

Где бы она ни находилась, тут было темно.

Кажется, какой-то чулан. Мэв вытянула по сторонам руки, чтобы не наткнуться на что-нибудь в темноте. Сделав, зажмурясь, несколько нервных шагов, она открыла глаза. Ага, вот это помещение ей уже знакомо. Офисное здание. Кабинет. Кабинет Грэхема Хорикса.

Тут она вспомнила. Да, конечно, она еще не пришла в себя: как человек, которого разбудили слишком быстро… Мысли путаются, в голове вата, вот выпьет сейчас утреннюю чашку кофе, и все наладится… Но тут ей вспомнилось все: вероломство Грэхема Хорикса, его предательство, его преступления, его…

«Почему, — подумала она, — он на меня напал? Он меня ударил? — А потом: — Полиция! Надо позвонить в полицию!» Она протянула руку к столу и попыталась взять трубку, но та была или очень тяжелой, или скользкой, или и то и другое разом, и ей никак не удавалось ее схватить. И пальцы плохо слушались.

«Я слабее, чем думала, — решила Мэв. — Пожалуй, попрошу, чтобы сразу прислали и „скорую“».

В кармане юбки у нее был серебряный телефончик, при звонке игравший мелодию «Зеленые рукава». С огромным облегчением Мэв обнаружи-

ла, что телефончик на месте и взять его она может без всяких проблем. Она набрала номер службы спасения. И, ожидая ответа, задумалась, а почему до сих пор говорят набирать, когда циферблаты на телефонах канули в Лету, ведь давно уже появились телефоны с кнопками и раздражающе гадкими звонками. В юности у нее был приятель, который умел изображать (и постоянно это делал) звонок первых радиотелефонов. Оглядываясь назад, Мэв решила, что это было единственным его стоящим достижением. Интересно, что с ним сталось? Интересно, как живет человек, только и умеющий, что имитировать звонок радиотелефона, в мире, где телефонные звонки сами умеют имитировать все что угодно…

— Просим прощения за задержку при соединении, — произнес механический голос. — Пожалуйста, не кладите трубку.

Мэв чувствовала странное спокойствие, словно больше с ней уже ничего не может случиться.

— Алло? — раздался в трубке мужской голос — очень, очень деловитый.

— Мне нужна полиция, — сказала Мэв.

— Полиция вам не нужна, — отозвался голос. — Все преступления разберет соответствующая и неизбежная инстанция.

— Знаете, я, наверное, ошиблась номером.

— Сходным образом, — продолжал мужской голос, — все номера в конечном итоге верные. Они — просто наборы цифр и потому не могут быть верными или неверными.

— Хорошо вам говорить, — не выдержала Мэв. — Но мне очень нужно дозвониться в полицию. А еще мне, наверное, нужна «скорая помощь». И, по всей видимости, я не туда попала.

Она оборвала звонок. Может, «999» с сотового не набирается? Вызвав на экран телефонную книгу, она набрала номер сестры. Телефон разок звякнул, и знакомый голос произнес:

— Позвольте прояснить. Я не говорю, что вы намеренно ошиблись номером. Полагаю, числа, из которых состоят все номера, по природе своей верны. За исключением числа «пи», разумеется. За число «пи» я не поручусь. От одних мыслей о нем голова раскалывается, оно все крутится и крутится в мозгу, и крутится, и крутится…

Нажав красную кнопку, Мэв отключилась и набрала номер управляющего в своем банке. Ответивший голос произнес:

— И вот, пожалуйста, я болтаю об истинности чисел, а вы, без сомнения, думаете, всему свое

время и место…

Щелк. Номер лучшей подруги.

— …тогда как в настоящий момент нам бы следовало обсудить, как с вами в конечном итоге поступить. Боюсь, сегодня у нас движение особенно напряженное, поэтому если вы не против немного подождать там, где находитесь, вас заберут…

Голос был успокаивающий и ободряющий, как у пастора на радио, который рассказывает, о чем думал сегодня утром перед службой.

Если бы не снизошедшая на Мэв безмятежность, бывшая танцовщица впала в панику. А так просто задумалась. Очевидно, надо предположить, что ее телефон — как это называется — «взломали»? Поэтому придется просто выйти на улицу, найти постового констебля и официально подать заявление. Когда Мэв нажала кнопку вызова лифта, ничего не произошло, поэтому она спустилась по лестнице, думая, что полицейского, наверное, на месте не окажется, их никогда нет под рукой, когда они нужны, вечно раскатывают в своих машинах, которые так и проносятся мимо. На взгляд Мэв, полиции следовало бы ходить парами, сообщать гражданам, который час, или ждать у водосточных люков,

когда в них попытаются спуститься бандиты с мешками награбленного через плечо…

В вестибюле полицейских оказалось даже двое — мужчина и женщина. Несмотря на штатское платье, с первого взгляда видно, кто они, таких ни с кем не перепутаешь. Мужчина был крепким и краснолицым, женщина — худенькой, смуглой и, в иных обстоятельствах, показалась бы исключительно хорошенькой.

— Нам известно, что она входила сюда, — говорила женщина. — Секретарша в приемной помнит, как она пришла незадолго до перерыва на ленч. Но когда она вернулась, обоих уже не было.

— По-твоему, они сбежали, чтобы остаток жизни провести вместе? — спросил здоровяк.

— Прошу прощения, — вежливо сказала Мэв Ливингстон.

— Вероятно. Должно же быть какое-то простое объяснение. Исчезновение Грэхема Хорикса. Исчезновение Мэв Ливингстон. Хотя бы Нанси у нас под арестом.

— Никуда мы не убегали, — решительно сказала Мэв, но ее слова оставили без внимания.

Полицейские вошли в лифт и захлопнули за собой дверь. Мэв осталось только смотреть, как

они рывками поднимаются к потолку.

Сотовый все еще был у нее в руке и сейчас вдруг завибрировал, а потом начал играть «Зеленые рукава». На экране возникла фотография Моррис. Мэв нервно нажала кнопку «прием».

— Да?

— Привет, солнышко. Как делишки?

— Спасибо, прекрасно. — А потом: — Моррис? — А потом: — Нет, не прекрасно. На самом деле ужасно.

— Эх, — вздохнул Моррис. — Так я и думал. Впрочем, теперь уже ничего не поделаешь. Время двигаться дальше.

— Моррис? Откуда ты звонишь?

— Трудно объяснить, — ответил он. — Если уж на то пошло, я вообще не звоню. Просто очень хотел тебе помочь.

— Наш Грэхем Хорикс оказался негодяем.

— Да, солнышко, — сказал Моррис. — Но пришло время забыть и отпустить. Повернуться спиной.

— Он ударил меня по затылку, — пожаловалась мужу Мэв. — И он крал наши деньги.

— Это лишь материальное, золотко, — утешил ее Моррис. — Теперь ты по ту сторону…

— Моррис, — твердо сказала Мэв, — этот гадкий

червяк пытался убить твою жену. Тебе бы следовало проявить побольше беспокойства.

— Не надо так, золотко. Я просто пытаюсь объяснить…

— Должна тебе сказать, Моррис, что если ты займешь такую позицию, мне придется самой со всем разобраться. Уж я-то не собираюсь такое забывать. Тебе хорошо говорить, ты мертв. Тебе о таком волноваться не приходится.

— Ты тоже мертва, золотко.

— А это тут при чем? — взвилась было она, но осеклась: — Я что? — А после, прежде чем он успел вставить хотя бы слово: — Я же сказала, что он пытался меня убить. Я не говорила, что он преуспел.

— Э-э-э… — Покойный Моррис Ливингстон терялся в словах. — Мэв, дорогая, я знаю, это может оказаться для тебя потрясением, но правда в том…

Телефон издал «пи-ип», и на экране появился значок пустой батарейки.

— Боюсь, я тебя не понимаю, Моррис, — сказала Мэв. — Кажется, у меня телефон разрядился.

— У тебя нет батарейки, — сказал он. — У тебя нет телефона. Это иллюзия. Я все пытаюсь тебе сказать, что ты теперь за гранью — опять из го-

ловы вылетело… Ах нет, нам не полагается это называть… в общем, становишься… о черт… как бабочки и червячки… Ну, сама понимаешь…

— Гусеницы, — сказала Мэв. — Думаю, ты имел в виду гусениц и бабочек.

— Э-э-э… вроде того, — сказал в телефоне голос Морриса. — Гусеницы. Их я и имел в виду. Так во что превращаются червячки?

— Ни во что они не превращаются, Моррис, — несколько раздраженно ответила Мэв. — Они просто червяки.

Серебряный телефончик слабо икнул, высветил значок пустой батарейки и выключился.

Закрыв его, Мэв убрала аппарат в карман, потом подошла к ближайшей стене и ради эксперимента надавила на нее пальцем. На ощупь стена была липкой и похожей на желе. Она надавила чуть сильнее, и вся рука целиком ушла в стену. А потом прошла насквозь.

— Ну вот, — сказана она вслух.

И — не впервые в жизни — пожалела, что не послушалась Морриса, которому (надо признать) сейчас известно о смерти и ее правилах гораздо больше нее. «Ладно, — подумала она. — Быть мертвой немногим отличается от всего остального на свете: учишься и импровизируешь на

ходу».

Выйдя через главную дверь, она очутилась по ту сторону стены — в вестибюле. Попробовала еще раз — с тем же результатом. Тогда она вошла в бюро путешествий на первом этаже и попыталась выбраться наружу через западную стену. Через стену-то она прошла, но все равно оказалась в главном вестибюле, только попала в него с восточной стороны. «Словно ты в телевизоре и пытаешься выбраться через экран», — решила Мэв. С точки зрения топографии, теперь ее вселенная, похоже, ограничена дурацким офисным зданием.

Она поднялась наверх посмотреть, что делают полицейские. Они как раз рассматривали стол и беспорядок, который оставил, собирая вещи, Грэхем Хорикс.

— Знаете, — любезно сказала Мэв. — А ведь я в чулане за книжным шкафом. Честное слово, я там.

Полицейские ее проигнорировали… Присев на корточки, женщина порылась в мусорной корзине.

— Есть! — победно сказала она и вытащила белую мужскую рубашку, забрызганную высохшей кровью. Рубашку она положила в полиэтилено-

вый пакет. Здоровяк достал сотовый.

— Присылайте судмедэкспертов.

Теперь камеру номер шесть Толстый Чарли считал не узилищем, а убежищем. Во-первых, камеры находились глубоко в недрах здания, далеко от мест обитания даже самых предприимчивых из мира пернатых. Во-вторых, брата нигде поблизости нет. Его уже радовало, что в камере номер шесть вообще ничего не происходит. «Ничего» было бесконечно предпочтительнее ужасов и неприятностей, какие то и дело на него сыпались. Даже мир, населенный исключительно замками, тараканами и людьми по имени К., казался гораздо привлекательнее того, где злобные птицы хором каркали его имя.

Дверь открылась.

— Разве вас не учили, что надо стучать? — спросил Толстый Чарли.

— Нет, — сказал надзиратель. — На самом деле у нас не стучат. Ваш адвокат наконец пришел.

— Мистер Мерримен? — спросил Толстый Чарли, но осекся.

Леонард Мерримен был округлым джентльменом в узеньких золотых очках, и мужчина позади надзирателя никак на него не походил.

— Все в порядке, — сказал мужчина, который

не был его адвокатом. — Можете нас оставить.

— Нажмите кнопку звонка, когда закончите, — сказал надзиратель и запер за собой дверь.

Паук взял Толстого Чарли за руку.

— Я тебя отсюда вытаскиваю.

— Но я не хочу, чтобы меня вытаскивали! Я ничего не сделал.

— Отличная причина выбираться.

— Но если я выберусь, то выйдет, что я сбежал, а значит, виноват. Я же стану беглым заключенным!

— Ты не заключенный, — весело возразил Паук. — Тебе еще не предъявили никаких обвинений. Ты просто помогаешь им в расследовании. Да, кстати, есть хочешь?

— Немного.

— Чего бы тебе хотелось? Чай? Кофе? Горячий шоколад? При упоминании о горячем шоколаде у Толстого Чарли потекли слюнки.

— Ужасно хочется, — признался он.

— Значит, горячий шоколад.

Схватив Толстого Чарли за руку, Паук велел:

— Закрой глаза.

Толстый Чарли послушался, хотя и сомневался, что от этого станет лучше. Мир растянулся и сжался, и Толстый Чарли подумал, что его сейчас

стошнит. Потом в голове у него все улеглось, по щеке его погладил теплый ветер.

Он открыл глаза.

Они стояли под открытым небом, на большой ярмарочной площади, в стране, которая никак не походила на Англию.

— Где мы?

— Кажется, это называется Скопье. Городок у границы Италии или еще где-то. Я уже давно сюда приезжаю. Тут готовят потрясающий горячий шоколад. Лучшего я не пробовал.

Они сели за маленький деревянный столик, выкрашенный в огненно-красный цвет. Подошел официант и сказал что-то на языке, который Толстому Чарли показался совсем не итальянским.

— Дос шоколадос, приятель, — сказал Паук.

Официант кивнул и удалился.

— Ну вот, — сказал Толстый Чарли, — сейчас ты втянул меня в еще большие неприятности. Теперь меня объявят в международный розыск или еще что. Про меня станут писать в газетах.

— И что они тебе сделают? — улыбнулся Паук. — Посадят в тюрьму?

— Хватит.

Появился горячий шоколад, и официант разлил его в крошечные чашечки. Температурой он

напоминал раскаленную лаву, а консистенцией — что-то среднее между шоколадным супом и шоколадным кремом, но пах восхитительно.

— Послушай, — начал Паук, — ну и напортачили мы с воссоединением семьи, правда?

— Мы напортачили? — переспросил с нажимом на первом слове Толстый Чарли. — Это не я украл мою невесту. Это не я устроил так, чтобы меня уволили. Это не я устроил так, чтобы меня арестовали…

— Нет, — согласился Паук. — Но это ты вовлек в наше дело птиц, да?

Толстый Чарли рискнул сделать крошечный глоток из своей чашки.

— Ух! Кажется, я только что обжегся. — Он посмотрел на брата и увидел у него на лице собственное выражение: тревогу, усталость, испуг. — Да, это я вовлек в наше дело птиц. И что теперь?

— Кстати, здесь готовят довольно вкусную лапшу с мясной подливой.

— Ты уверен, что мы в Италии?

— Не совсем.

— Можно задать тебе вопрос?

Паук кивнул.

Толстый Чарли постарался подобрать слова:

— Та история с птицами. Когда они объявляются стаями и делают вид, будто сбежали из фильма Альфреда Хичкока. Как по-твоему, такое возможно только в Англии?

— А что?

— Потому что, кажется, голуби нас заметили.

Голуби были заняты совсем не тем, что полагается делать голубям. Они не клевали корки от сандвичей и не дергали вверх-вниз головами, выискивая оброненную туристами еду. Они стояли совершенно неподвижно и смотрели. Вдруг захлопали крылья, и к ним присоединилась еще сотня птиц, большая их часть приземлилась на статую толстяка в огромной шляпе, которая стояла в центре площади. Толстый Чарли поглядел на голубей, голуби глядели на него.

— И что нас ждет в худшем случае? — вполголоса спросил он. — Они нас обкакают?

— Не знаю. Но боюсь, они способны на много большее. Допивай свой шоколад.

— Но он же горячий!

— Тогда нам понадобится пара бутылок воды, верно? Гарсон?

Негромкий шорох крыльев, перебранка подлетевших пернатых, и за всем этим — негромкое гульканье, точно кто-то шушукается.

Официант принес им воду, и Паук, на котором, как заметил Толстый Чарли, вдруг снова появилась черная с красным кожаная куртка, распихал бутылки по карманам.

— Это же всего лишь голуби, — сказал Толстый Чарли, но, уже произнося эти слова, понял, что они не соответствуют действительности. Это были не просто голуби. Это была армия. Статуя толстяка почти скрылась из виду под серыми и бурыми перьями.

— Кажется, до того, как птицы решили стакнуться против нас, они мне больше нравились.

— И они здесь повсюду, — добавил Паук, потом схватил Толстого Чарли за руку. — Закрой глаза.

Птицы как одна поднялись в воздух. Толстый Чарли зажмурился.

Голуби набросились, как волк на отару…

Тишина, давление… И Толстый Чарли подумал: «Я в печке». Открыв глаза, он сообразил, что нисколечко не ошибся: истинная печь с красными барханами, которые, уменьшаясь, уходили вдаль, чтобы слиться с жемчужным небом на горизонте.

— Пустыня, — объяснил Паук. — Я подумал, это недурная мысль. Зона, свободная от птиц. Место, где можно спокойно поговорить. — Он протянул

Толстому Чарли бутылку с водой.

— Спасибо.

— Итак. Не хочешь рассказать, откуда берутся птицы?

— Есть одно место. Я туда ходил. Там была уйма человеко-зверей. Они все… м-м-м… Они знали папу. Там была птица, ну одновременно и женщина, и птица.

Паук наградил его нехорошим взглядом.

— «Есть такое место»? А подоходчивее нельзя?

— Склон горы, а в нем пещеры. А еще там был обрыв, где скалы уходят в пустоту. Словно бы конец света.

— Начало света, — поправил Паук. — Я слышал про пещеры. Одна знакомая девчонка про них рассказывала. Но сам там никогда не бывал. Так, значит, ты познакомился с Женщиной-Птицей и…

— Она пообещала, что заставит тебя уйти. И… э-э-э… Ну… я принял ее предложение.

— А вот это, — сказал Паук с улыбкой кинозвезды, — было чертовски глупо.

— Я не просил ее причинять тебе вред.

— А как по-твоему, что она собиралась сделать, чтобы от меня избавиться? Написать мне увещевательное письмо?

— Не знаю. Я не подумал. Был слишком расстроен.

— Замечательно. Ну, если выйдет по ее, ты будешь расстроен, а я мертв. Мог бы просто попросить меня уйти, знаешь ли.

— Я и просил!

— Э-э-э… И что я сказал?

— Что тебе нравится у меня дома и что ты никуда не уйдешь.

Паук отпил воды.

— А ей? Что в точности ты ей сказал?

Толстый Чарли постарался вспомнить. А ведь если подумать, сказал он довольно странную вещь.

— Только, что дам ей кровь Ананси, — неохотно признался он.

— Что?

— Она об этом меня попросила.

Не веря своим ушам, Паук уставился на него во все глаза.

— Но это же не только я. Это же мы оба!

Внезапно у Толстого Чарли пересохло во рту. Он понадеялся, что причиной тому был воздух пустыни, и отпил воды из бутылки.

— Подожди-ка. Почему мы в пустыне?

— Никаких птиц. Помнишь?

— Тогда что это? — спросил Толстый Чарли и указал на небо.

Сперва они казались крошечными, потом стало ясно, что они просто очень высоко: они кружили и ложились на крыло.

— Стервятники, — объяснил Паук. — Они на живое не нападают.

— Ага, — согласился Толстый Чарли. — А голуби боятся людей.

Точки закружили ниже; спускаясь, птицы словно бы увеличивались в размерах.

— Намек понял, — сказал Паук, а потом: — Вот черт! Они были не одни. Кто-то наблюдал за ними с дальнего бархана.

— Кыш! — крикнул Толстый Чарли. Его голос поглотил песок. — Я беру свои слова назад! Сделка отменяется! Оставь нас в покое!

На жарком ветру затрепыхались полы плаща, и бархан опустел.

— Она ушла, — с облегчением сказал Толстый Чарли. — Кто бы мог подумать, что все будет так просто.

Паук тронул его за плечо и указал вправо. Теперь женщина в буром плаще стояла на соседней песчаной гряде, так близко, что видны были черные стеклянистые глаза.

Стервятники превратились в растрепанные черные тени над головой и вскоре приземлились на песок: их голые розовато-лиловые шеи (лишенные перьев потому, что так много проще совать голову в гниющий труп) вытянулись, подслеповатые глазки уставились на братьев, словно птицы раздумывали, подождать ли, пока они умрут, или сделать что-нибудь, дабы ускорить этот процесс.

— О чем еще шла речь при сделке? — спросил Паук.

— А?..

— Еще что-нибудь было? Она дала тебе что-нибудь, чтобы ее скрепить? Иногда в подобных случаях бывает обмен.

Стервятники понемногу подбирались ближе, смыкали ряды, сужали круг. В небе появились новые черные мазки, которые росли, зигзагом приближаясь к братьям. Пальцы Паука сжались на запястье Толстого Чарли.

— Закрой глаза.

Холод ударил Толстого Чарли как прямой хук в живот. Он сделал глубокий вдох и почувствовал, что ему заморозило легкие. Он кашлял и кашлял, а кругом диким зверем завывал ветер.

Он открыл глаза.

— Можно спросить, где мы теперь?

— В Антарктиде, — ответил Паук и доверху застегнул кожаную куртку, хотя холод ему как будто не слишком мешал. — Боюсь, тут прохладно.

— А середины у тебя не бывает? Из пустыни прямо к торосам?

— Зато здесь нет птиц, — объяснил Паук.

— Не проще было бы перенестись в какое-нибудь здание и посидеть в четырех стенах, где уютно и птиц нет? Могли бы пообедать.

— Ну да. Теперь ты жалуешься, что щеки покусывает?

— Тут не только щеки покусывает. Тут холодина страшная. Да и вообще, смотри!!!

Толстый Чарли указал на небо. В холодной вышине неподвижно висела бледная закорючка, похожая на миниатюрную букву «ш».

— Альбатрос, — сказал он.

— Фрегат, — возразил Паук.

— Что?

— Это не альбатрос, а фрегат. Он, наверное, вообще нас не заметил.

— Он-то, возможно, нет, — признал Толстый Чарли. — А вон те?

Повернувшись, Паук увидел еще кое-что, что кричало явно не как «фрегат». Возможно, пинг-

винов, которые, переваливаясь, падая на брюхо и скользя по льду, надвигались на братьев, было меньше миллиона, но впечатление создавалось именно такое. Как правило, смертельный страх при виде пингвинов испытывают лишь мелкие рыбешки, но если этих симпатяг достаточно много…

Толстый Чарли без спроса взял Паука за руку и закрыл глаза.

А когда открыл их, кругом было теплее, хотя он так и не понял, где очутился. Все было цвета ночи.

— Я ослеп?

— Мы в заброшенной угольной шахте, — сказал Паук. — Пару лет назад я видел ее фотографию в каком-то журнале. Если только не существует безглазых зябликов, которые эволюционировали, чтобы пользоваться темнотой и питаться углем, нам, пожалуй, ничего не грозит.

— Шутишь, да? Насчет безглазых зябликов?

— Более-менее.

Толстый Чарли вздохнул, и этот вздох эхом прокатился по подземной пещере.

— Знаешь, — сказал он, — если бы ты просто исчез из моей жизни, если бы ты уехал из моего дома, когда я тебя попросил, мы не попали бы в

такой переплет.

— Помощи от тебя ни на грош.

— А я и не собирался тебе помогать. Один бог знает, как я буду объясняться с Рози.

Паук кашлянул.

— Думаю, об этом тебе волноваться нечего.

— Потому что?..

— Она с нами порвала.

Повисло долгое молчание. Потом Толстый Чарли сказал:

— Конечно, порвала.

— Я тут немного напортил. — Пауку явно было не по себе.

— А что, если я ей все объясню? То есть скажу, что я это не ты, что ты выдавал себя за меня…

— Уже сказал. Вот тут она и решила, что никого из нас больше не хочет видеть.

— И меня тоже?

— Боюсь, и тебя тоже. Тишина.

— Послушай, — произнес из темноты голос Паука. — На самом деле я вовсе не собирался… Ну, когда я появился у тебя на пороге, я хотел лишь поздороваться. А не… э-э-э… Я действительно все испоганил, да?

— Ты пытаешься извиниться?

Тишина, потом:

— Да. Наверное.

Снова тишина.

— Хорошо, извини, что я попросил Женщину-Птицу от тебя избавиться.

Не видя Паука, произнести это почему-то было легче.

— Ага. Спасибо. Хотелось бы только знать, как от нее самой теперь избавиться.

— Перо! — воскликнул вдруг Толстый Чарли.

— О чем это ты?

— Ты спрашивал, дала ли она мне что-нибудь, чтобы скрепить сделку. Дала. Она дала мне перо.

— Где оно?

Толстый Чарли постарался вспомнить.

— Точно не знаю. Оно было у меня, когда я очнулся в гостиной миссис Дунвидди. А в самолете уже нет. Наверное, оно все еще у миссис Дунвидди.

Молчание, ставшее ответом на эти слова, было долгим и мрачным. Толстый Чарли даже забеспокоился, что Паук сбежал и бросил его в темноте под миром. Наконец он не выдержал:

— Ты еще здесь?

— Здесь.

— Рад слышать. Если бы ты меня тут бросил, не знаю, как бы я выбрался.

— Не искушай меня.

Снова молчание.

— В какой мы стране? — спросил Толстый Чарли.

— В Польше, кажется. Я же говорил, что видел лишь фотографию. Только на ней были лампы.

— Тебе нужно увидеть фотографию места, чтобы в него попасть?

— Мне нужно знать, где оно.

Просто поразительно, думал Толстый Чарли, как тихо в этой шахте. У нее совершенно особенная тишина. Он задумался о тех отрезках вечности, когда отсутствуют звуки. Интересно, отличается ли тишина могилы от, скажем, молчания космоса?

— Я помню миссис Дунвидди, — сказал вдруг Паук. — Щуплая старушонка. Толстые линзы. Полагаю, нам придется поехать во Флориду и забрать у нее перо. А потом отдадим его Птице. Она отзовет своих кошмарных тварей.

Толстый Чарли допил воду из бутылки, которую они прихватили с собой из кафе на маленькой площади, расположенной где-то в не-Италии. Закрутив на место крышку, он поставил пустую бутылку куда-то в темноту, спросив себя, можно ли считать, что он мусорит, если этого никто не

видит?

— Тогда возьми меня за руку и пойдем к миссис Дунвидди.

Паук издал какой-то странный звук. В нем не было ни бравады, ни храбрости, напротив, он казался обеспокоенным и тревожным. Толстый Чарли вообразил себе, как Паук в темноте сдувается, словно лягушка-бык или старый воздушный шарик. За все время их недолгого знакомства Толстому Чарли очень хотелось посмотреть, как с Паука собьют спесь, как он хнычет, точно перепуганный шестилетний мальчишка.

— Подожди-ка. Ты боишься миссис Дунвидди?

— Я… я и близко не могу к ней подойти.

— Если тебя это хоть сколько-нибудь утешит, ребенком я тоже ее боялся, а потом столкнулся с ней после похорон и увидел, что она совсем не страшная. Нисколечки не страшная. Она просто старушка. — Тут в памяти у него снова всплыли черные свечи и брошенные в миску травы. — Ну, может, чуток жутковатая. Но ты же взрослый. Сам увидишь, все будет в порядке.

— Она заставила меня уйти, — сказал Паук. — А я не хотел. Но я разбил шар у нее в саду. Большой стеклянный шар, как гигантская елочная игрушка.

— И я тоже. Как же она сердилась!

— Знаю. — Голос из темноты звучал растерянно и встревоженно. — Это случилось одновременно. Так все началось.

— Ладно. Послушай, это еще не конец света. Ты перенесешь меня во Флориду, а я поеду и заберу у миссис Дунвидди перо. Я ее не боюсь. А ты можешь держаться подальше.

— Не могу. Я не могу появиться там же, где она.

— И что ты хочешь этим сказать? Что на тебя наложен ордер, который запрещает тебе к ней приближаться?

— Более-менее. Да… Я скучаю по Рози. И мне очень жаль. Ну… сам знаешь.

Толстый Чарли подумал о Рози. Удивительно, и почему ему так трудно вспомнить ее лицо? Он подумал, каково это, не иметь тещей маму Рози, о двух силуэтах за шторой его спальни.

— Не убивайся так. Нет, конечно, если хочешь, можешь убиваться, потому что вел ты себя как последний негодяй. Но, может, все к лучшему.

Приблизительно в том месте, где у Толстого Чарли находилось сердце, что-то екнуло, но он знал, что говорит правду. В темноте правду говорить легче.

— Ты хоть понимаешь, что все это бессмысли-

ца? — спросил Паук.

— Все?

— Нет. Только одно. Я не понимаю, почему Птица решила вмешаться? Где тут логика?

— Папа ее рассердил…

— Папа всех рассердил. Но с ней что-то не так. Если бы она хотела нас убить, то давно бы попыталась.

— Я отдал ей нашу кровь.

— Ты уже говорил. Нет, происходит что-то еще, и я не знаю что.

Молчание. Подумав, Паук сказал:

— Возьми меня за руку.

— Глаза нужно закрывать?

— Почему бы и нет?

— Куда мы направляемся? На Луну?

— Я перенесу тебя в безопасное место, — пообещал Паук.

— Отлично, — согласился Толстый Чарли. — Безопасное место — это по мне. Где оно?

А потом, даже не открывая глаз, Толстый Чарли понял. Ему подсказала вонь: запах немытых тел, неспущенных унитазов, дезинфектанта, старых одеял и апатии.

— Готов поспорить, в пятизвездочном отеле мне было бы так же безопасно, — сказал он вслух,

но в камере не было никого, кто бы его услышал. Он сел на кровать-полку в камере номер шесть и завернулся в тонкое одеяло. Он как будто просидел здесь целую вечность.

Полчаса спустя за ним пришли и отвели в комнату для допросов.

— Привет, — с улыбкой сказала Дейзи, — хочешь чашку чая?

— Зачем трудиться? — отозвался Толстый Чарли. — Я такое видел по телику. Я знаю, что будет дальше. Игра в «хорошего полицейского — плохого полицейского». Ты предложишь мне чашку чая и печенье с апельсиновым джемом, потом явится злобный гад, которому неймется нажать на курок, начнет на меня орать, выльет чай и станет есть мои печенья. Затем ты его остановишь, помешаешь наброситься на меня с кулаками и заставишь вернуть чай и печенья, а я из благодарности расскажу все, что ты хочешь знать.

— Эту стадию можем пропустить, — предложила Дейзи, — и сразу перейти к рассказу обо всем, что мы хотим знать. И вообще у нас нет печений с апельсиновым джемом.

— Я рассказал тебе все, что знаю, — сказал Толстый Чарли. — Все. Мистер Хорикс дал мне чек на две тысячи фунтов и предложил взять пару

недель отпуска. Похвалил меня, что я обратил его внимание на нестыковки в бухгалтерских операциях. Потом спросил, какой у меня пароль, и помахал на прощание. Конец истории.

— И ты по-прежнему утверждаешь, что тебе ничего не известно об исчезновении Мэв Ливингстон?

— Думаю, я с ней вообще не встречался. Может, однажды она заходила в офис. Несколько раз мы разговаривали по телефону. Она хотела поговорить с Грэхемом Хориксом. А мне всякий раз приходилось объяснять, что чек отправлен по почте.

— Он был отправлен?

— Не знаю. Я думал, что был. Послушай, не можешь же ты считать, что я как-то связан с ее исчезновением?

— А я так и не считаю, — весело сказала она.

— Ведь, честное слово, я не знаю, что могло… Что ты сказала?

— Я не считаю, что ты имеешь какое-то отношение к исчезновению Мэв Ливингстон. А еще я сомневаюсь, что ты имеешь какое-то отношение к финансовым махинациям, имевшим место в «Агентстве Грэхема Хорикса», хотя кто-то приложил немало трудов, чтобы бросить на тебя

подозрение. Но вполне очевидно, что странные операции и постоянный увод денег начались еще до твоего поступления в агентство. Ты работал там только два года.

— Около того.

Тут Толстый Чарли сообразил, что сидит открыв рог, и поспешно его закрыл.

— Послушай, — сказала Дейзи, — я знаю, что в книгах и в кино копы, как правило, идиоты, особенно если это детективные романы, в которых с преступностью борется пенсионер или разудалый частный сыщик. И мне правда очень жаль, что у нас нет печений с джемом. Но не все мы круглые дураки.

— А я такого не говорил.

— Нет, — согласилась она, — но думал. Ты свободен. С извинениями, если хочешь.

— Где она… э-э-э… исчезла? — спросил Толстый Чарли.

— Миссис Ливингстон? Ну, в последний раз ее видели входящей вместе с Грэхемом Хориксом в его кабинет. Я про чашку чая серьезно говорила. Хочешь?

— Да. Очень. Э-э-э… Думаю, ваши ребята уже проверили потайную комнатку в его кабинете? Ту, которая за книжным шкафом.

К чести Дейзи надо сказать, она отреагировала совершенно спокойно.

— Кажется, нет.

— Сомневаюсь, что сотрудникам полагается о ней знать, — сказал Толстый Чарли. — Но однажды я вошел к мистеру Хориксу, и книжный шкаф был отодвинут, а мой начальник возился с чем-то внутри. Я снова поскорее ушел, — добавил он. — Ты не подумай, я за ним не шпионил.

— Печенья с джемом купим по дороге, — решила Дейзи.

Толстый Чарли сомневался, что ему нравится свобода. Слишком уж много открытого пространства.

— С тобой все в порядке? — спросила Дейзи.

— Нормально.

— Ты как будто нервничаешь.

— Наверное. Думаю, тебе это покажется глупым, но я… кажется, у меня проблема с птицами.

— Что? Фобия?

— Вроде того.

— Для иррационального страха перед птицами есть устоявшийся термин.

— Да? И как же называют иррациональный страх перед птицами? — спросил Чарли, надкусывая печенье.

Молчание.

— Ну, во всяком случае, в моей машине птиц нет, — сказала наконец Дейзи.

Она оставила машину на запрещенном для парковки месте перед зданием «Агентства Грэхема Хорикса», и они вместе вошли внутрь.

Рози лежала в солнечных лучах возле бассейна на кормовой палубе корейского лайнера[5], закрыв лицо и голову журналом «Космополитэн», и пыталась вспомнить, почему решила, что провести отпуск с мамой — удачная идея.

На лайнере не было ни одной английской газеты, и Рози по ним не скучала. Зато ей не хватало всего остального. Для нее круиз превращался в плавучее чистилище, выносимое лишь оттого, что раз в пару дней корабль приставал к какому-нибудь острову. Пассажиры сходили на берег и шли за покупками, или кататься на водных лыжах, или отправлялись с пьяной экскурсией на якобы пиратских флотах. А вот Рози гуляла и разговаривала с людьми.

---

[5] notes: 5

До того, как эпидемия гастритного гриппа прогремела во всех газетах, лайнер назывался «Пальма Палермо». Дешевую попытку переименовать лайнер, сохранив те же инициалы, предпринял Глава совета директоров компании, который знал английский не так хорошо, как ему казалось, и в результате корабль плавал под гордым именем «Приступ Писка» — *Прим. авт.*

Она видела людей, которых мучает боль, людей, которые голодны или несчастны, и хотела им помочь. На взгляд Рози, все можно исправить. Нужно лишь, чтобы кто-то за это взялся.

Мэв Ливингстон всякого ожидала от смерти, но уж никак не раздражения. Тем не менее она была раздражена. Ей надоело, что сквозь нее проходят, надоело, что на нее не обращают внимания, и больше всего надоело то, что она не в силах покинуть офисное здание в Олдвиче.

— Послушайте, если я призрак и мне обязательно где-то обретаться, то почему не Сомерсет-хаус через дорогу? Красивый дом, отличный вид на Темзу, кое-какие внушительные архитектурные детали. К тому же очень и очень недурной ресторан. Даже если мне больше не надо есть, приятно было бы посмотреть, как обедают другие.

Секретарша Энни, в чьи обязанности с момента исчезновения Грэхема Хорикса входило скучливым голосом отвечать на телефонные звонки и говорить «Не знаю» на любой вопрос, какой ей задавали, и которая, когда не выполняла эту тяжелую работу, звонила подругам и возбужденным шепотом обсуждала с ними переполох в агентстве, промолчала, как, впрочем, не отвечала на все остальные реплики Мэв.

Рутину нарушило появление Толстого Чарли в обществе полицейской.

Мэв всегда нравился Толстый Чарли, даже если его задачей было заверять ее, что чек скоро доставят по почте, но теперь она видела то, чего не могла видеть раньше, а именно что вокруг него кружили (хотя сейчас и держались поодаль) тени: грядет беда. Он выглядел как человек, который отчего-то убегает, и это Мэв обеспокоило.

Последовав за ними в кабинет Грэхема Хорикса, она, к огромному своему облегчению и радости, увидела, что Толстый Чарли направился прямиком к книжному шкафу у дальней стены.

— Ну и где потайная панель? — спросила Дейзи.

— Там была не панель. Там была дверь. За вот этим шкафом. Ну, не знаю… может, он отодвигается каким-то устройством.

Дейзи задумчиво оглядела полки.

— Грэхем Хорикс написал автобиографию? — спросила она.

— Впервые слышу.

Дейзи нажала на переплетенную в кожу книгу «Моя жизнь», автор — Грэхем Хорикс. Раздался щелчок, и книжный шкаф отодвинулся, открывая спрятанную запертую дверь.

— Без слесаря не обойтись, — решила Дейзи и официальным тоном добавила: — И думаю, в вашем присутствии больше нет необходимости, мистер Нанси.

— Ладно, — согласился Толстый Чарли. — М-м-м, — протянул он. — Было… м-м-м… интересно. — А потом вдруг сказан: — Полагаю, тебе не захочется… пообедать… со мной… когда-нибудь?

— «Дим-Сум», — отозвалась Дейзи. — Ленч в воскресенье. Каждый платит за себя. Нужно быть в половине двенадцатого, к открытию, иначе до конца света будем стоять в очереди. — Нацарапав адрес ресторана, она протянула листок Толстому Чарли. — Берегись птиц по дороге домой.

— Обязательно, — пообещал он. — До воскресенья.

Развернув черный набор инструментов, полицейский слесарь извлек несколько длинных и тонких кусочков металла.

— Ну что же это такое, честное слово? — обиженно вопросил он. — Неужели они никогда не научатся? А ведь хорошие замки не так дороги. Только посмотрите на эту дверь. Отличная работа. Надежная. Потребовалось бы полдня, чтобы вскрыть газовой горелкой. Такую поставить дорого стоит. А потом они берут и все портят, вставляя

замок, который открыл бы и пятилетка чайной ложкой… Пожалуйста… Проще пареной репы.

Он потянул дверь на себя. Она отворилась, и перед ними предстало…

— Господи боже, — ахнула Мэв Ливингстон. — Это не я!

Она думала, что будет испытывать больше теплых чувств к собственному телу, но нет: труп скорее напомнил ей сбитое животное на обочине.

Вскоре комнатка заполнилась людьми. Мэв, которая никогда не любила полицейские сериалы по телевизору, быстро заскучала и заинтересовалась происходящим, лишь когда почувствовала, что ее саму непреодолимо потянуло вниз и во входную дверь — ее бренные останки как раз выносили в неприметном и непрозрачном синем пластиковом мешке.

— Вот так-то лучше, — сказала она. Воля!

Во всяком случае, свобода от офисов в Олдвиче.

По всей видимости, подумала Мэв, есть какие-то правила. Не может не быть. Просто она не знает, в чем они заключаются.

Мэв поймала себя на мысли, что жалеет, что не была религиозной при жизни — как-то не удавалось. Девочкой она не могла вообразить

себе Господа, который настолько ненавидит всех и каждого, что приговорил людей к вечным мукам в аду, в основном за то, что они недостаточно в него верили. А когда она выросла, ее детские сомнения превратились в непоколебимую уверенность, что существует только Жизнь от рождения до могилы, а все остальное — фантазии и домыслы. Это была хорошая философия, которая помогала ей справляться с повседневными делами и напастями, но сейчас подверглась суровому испытанию.

Честно говоря, она сомневалась, что, даже посещай она всю жизнь нужную церковь, это хоть сколько-то подготовило ее к происходящему. Мэв быстро пришла к выводу, что в хорошо организованном мире смерть должна быть чем-то сродни люкс-отпуску, где «все включено», когда в начале тебе дают папку с билетами, дисконтными ваучерами, расписаниями и несколькими номерами телефонов, по которым можно позвонить, если попадешь в неприятности.

Она не шла. Она не летела. Она двигалась как ветер, как холодный осенний ветер, от которого люди ежились и который шевелил опавшую листву на тротуарах, когда она проносилась мимо.

Первой ее целью было то самое место, куда она всегда возвращалась сразу по прибытии в Лондон: универмаг «Селфриджес» на Оксфорд-стрит. Когда-то в перерывах между танцевальным ангажементами Мэв работала в отделе косметики «Селфриджес» и взяла себе за правило ходить туда всякий раз, когда выпадет случай. И все лишь бы купить дорогую косметику — это она твердо пообещала себе в стародавние времена.

В отделе косметики она обреталась, пока ей не надоело осматривать витрины и вызывать озноб у дамочек, а потом отправилась осматривать мебель. Да, конечно, новый обеденный стол ей уже не купить… Но ведь она только посмотрит, какой в том вред?

После она поплыла через отдел электроники для дома, мимо колонок и телеэкранов всех размеров. По некоторым показывали новости. Звук во всех телевизорах был отключен, но каждый экран заполняла фотография Грэхема Хорикса. Неприязнь поднялась в ней жгучей волной, как раскаленная лава. Картинка изменилась, и теперь она увидела саму себя: снимок, на котором она стоит рядом с Моррисом. Она узнала скетч «Дайте мне пятерку, и я расцелую вас до смерти» из программы «Моррис Ливингстон, полагаю?».

Жаль, что нельзя перезарядить батарейку в телефоне. Ладно, пусть у единственного, кого она способна найти, докучный пасторский голос, она даже с ним бы поговорила. Но больше всего ей хотелось просто посмотреть на Морриса. Он бы знал, что делать. «На сей раз, — решила она, — я бы дала ему закончить. На сей раз я бы послушалась».

— Мэв?

Лицо Морриса смотрело на нее с экранов сотен телевизоров. На мгновение она было решила, что ей почудилось или что его показывают в новостях, но муж поглядел на нее озабоченно и снова повторил ее имя. Тогда она поняла, что это действительно он.

— Моррис?..

Он улыбнулся своей знаменитой улыбкой, и все лица на экране сосредоточились на Мэв.

— Здравствуй, золотко. Я уже начал беспокоиться, куда ты запропастилась. Тебе пора перейти черту.

— Перейти черту?

— На ту сторону. Покинуть юдоль слез. Или, может, приподнять завесу. Вот… — Он протянул сотню рук с сотни экранов.

Мэв поняла, что ей нужно только взять его руку,

но сама удивилась, услышав собственный голос:

— Нет, Моррис. Не думаю.

Сотня одинаковых лиц недоуменно нахмурилась.

— Мэв, дорогая. Тебе нужно забыть про материальный мир.

— Но это же очевидно, милый. Я забуду. Обещаю. Как только буду готова.

— Ты мертва, Мэв. Разве можно быть еще больше готовой?

Она вздохнула.

— Мне еще нужно кое-что здесь уладить.

— Что, например?

Мэв выпрямилась во весь рост.

— Я собиралась найти эту гадину, Грэхема Хорикса, и… Ну что там делают призраки? Буду, скажем, его преследовать или еще что.

— Ты хочешь преследовать Грэхема Хорикса? — с некоторым недоверием переспросил Моррис. — За что же?

— И вообще я здесь еще не закончила! — Поджав губы, Мэв решительно вздернула подбородок.

Муж Мэв Ливингстон глядел на нее с сотни экранов разом и молчал. И со смесью восхищения и раздражения качал головой. Он женился на ней за независимость и твердый характер, любил ее

за это, но жалел, что не в силах — хотя бы один этот раз — в чем-то ее убедить.

— Что ж, я никуда не денусь, малышка, — сказал он наконец. — Дай нам знать, когда будешь готова.

И на том он начал тускнеть.

— У тебя есть какие-нибудь соображения, как мне его найти? Моррис?

Но картинка сменилась, лицо мужа исчезло, и теперь по телевизорам показывали погоду.

Толстый Чарли встретился с Дейзи в «Дим-Сум», тускло освещенном ресторанчике крошечного лондонского чайна-тауна.

— Хорошо выглядишь, — сказал он.

— Спасибо. Но чувствую себя скверно. Меня сняли с дела Грэхема Хорикса. Теперь это развернутое расследование убийства. Надо думать, мне еще повезло, что я так долго им занималась.

— Но если бы ты им не занималась, — попытался он ее ободрить, — упустила бы возможность меня арестовать.

— И это тоже. — У нее хватило такта сделать удрученное лицо.

— Есть зацепки?

— Даже если были бы, я все равно не могла бы тебе рассказать. — К их столу подвезли малень-

кую тележку, и Дейзи выбрала с нее несколько блюд. — Есть теория, что он бросился с Ла-Манш с парома. Последнее, что он купил по своей кредитной карточке, был билет в Дьепп.

— По-твоему, это вероятно?

Подхватив палочками с тарелки клецку, она забросила ее в рот.

— Нет. Я бы сказала, он сбежал куда-то, с кем у нас нет договора об экстрадиции. Скорее всего в Бразилию. Убийство Мэв Ливингстон, возможно, было экспромтом, но все остальное слишком уж тщательно продумано. У него была разработанная система. Деньги отправлялись на счета клиентов. Грэхем снимал свои пятнадцать процентов плюс посылал от имени клиентов распоряжения, чтобы еще больше забирали с оставшейся суммы. Уйма чеков из-за границы вообще не попала на счета клиентов. Просто удивительно, как ему так долго все сходило с рук.

Толстый Чарли жевал рисовую тефтелю с какой-то начинкой.

— Кажется, ты знаешь, где он.

Дейзи застыла с клецкой во рту.

— Ты как-то странно сказала про Бразилию. Будто уверена, что его там нет.

— Это полицейское расследование. И, боюсь,

мне придется воздержаться от комментариев. Как поживает твой брат?

— Не знаю. Кажется, уехал. Когда я вернулся домой, его комнаты не было на месте.

— Его комнаты?

— Его вещей. Он забрал свои вещи. И с тех пор от него ни слуху ни духу. — Толстый Чарли отпил жасминового чая. — Надеюсь, с ним все в порядке.

— А что такого с ним может случиться?

— Ну, у него та же фобия, что и у меня.

— Ах да, из-за птиц. Ну да, ну да. — Дейзи сочувственно кивнула. — А как невеста и будущая теща?

— М-м-м… Не сказал бы, что эти определения в настоящий момент подходят.

— А-а…

— Они уехали.

— Из-за твоего ареста?

— Насколько мне известно, нет.

Она поглядела на него как сочувствующий, но проказливый эльф.

— Мне очень жаль.

— В настоящее время у меня нет работы, нет девушки и — благодаря твоим в основном усилиям — соседи уверены, что я наемный убийца мафии.

Кое-кто стал переходить через улицу, лишь бы со мной не встречаться. С другой стороны, малый, в чьем киоске я покупаю газеты, хочет, чтобы я проучил парня, который обрюхатил его дочку.

— И что ты ему сказал?

— Правду. Но, кажется, он мне не поверил. Подарил мне пакет чипсов с луком и сыром и пачку мятных лепешек и сказал, что, когда я сделаю работу, получу еще.

— Пройдет.

Толстый Чарли вздохнул.

— Чертовски неловко.

— Но все-таки не конец света.

Счет они поделили пополам, и со сдачей официант дал им два счастливых печеньица.

— Что в твоем? — поинтересовался Толстый Чарли.

— «Упорство себя оправдает», — прочла Дейзи. — А у тебя?

— То же самое, — сказал он. — Старое доброе упорство. — Смяв свое «счастье» в горошину, он уронил ее в карман и проводил Дейзи до метро на Лейчестер-сквер.

— Похоже, у тебя сегодня счастливый день, — заметила Дейзи.

— То есть?

— Кругом ни одной птицы.

Стоило ей это произнести, и Толстый Чарли сообразил, что она права. Не было ни голубей, ни скворцов. Даже воробьев не было.

— Но ведь на Лейчестер-сквер всегда полно птиц!

— Не сегодня, — улыбнулась Дейзи. — Может, они заняты в другом месте?

Они остановились у входа в метро, и на краткое, глупое мгновение Толстый Чарли решил, что она вот-вот поцелует его на прощание. Но нет. Дейзи просто улыбнулась и сказала «Удачи», а он несмело помахал, сделал эдакое робкое движение рукой, которое можно принять за махание, а можно — за непроизвольный жест. Но она уже сбежала по ступенькам и скрылась из виду.

Толстый Чарли двинулся через Лейчестер-сквер, направляясь к Пиккадилли-серкус.

Достав из кармана полоску бумаги из счастливого печенья, он ее развернул. «Встречаемся под Эросом», — говорилось там, а ниже рисунок наспех: закорючка в виде звездочки, которую при некотором усилии можно было принять за паучка.

На ходу Толстый Чарли обшаривал взглядом небо и окрестные здания, но не видел никаких

пернатых, что само по себе было странно, ведь в Лондоне птицы повсюду.

Сидя под статуей, Паук читал «Ньюс-уорлд». Услышав шаги Чарли, он поднял глаза.

— На самом деле это не Эрос, знаешь ли, — сказал Толстый Чарли. — Это статуя Христианского Милосердия.

— Тогда почему она голая и держит в руках лук и стрелы? Такое христианским милосердием не назовешь.

— Я только пересказываю, что читал, — пожал плечами Толстый Чарли. — Где ты был? Я за тебя волновался.

— Со мной все в порядке. Просто держался подальше от птиц, пытаясь разобраться что к чему.

— Ты заметил, что сегодня никаких птиц не видно? — спросил Толстый Чарли.

— Заметил. Не знаю, что и думать. А я крепко думал. Знаешь, что-то в этой истории дурно пахнет.

— Для начала все, — сказал Толстый Чарли.

— Нет. Я не то хотел сказать. Есть что-то неправильное в том, что Птица пытается нам навредить.

— Ага. Неправильно. И очень, очень нехорошо. Сам ей скажешь или лучше я?

— Неправильно, да не так. Неправильно, как… Ну сам посуди. Ведь если забыть о Хичкоке, птицы не самое удачное оружие. Они, конечно, крылатая смерть для насекомых, но плохо экипированы, чтобы атаковать людей. Птицы же за миллионы лет привыкли, что люди скорее всего первыми их съедят. Они ведь инстинктивно держатся от нас подальше.

— Не все, — сказал Толстый Чарли. — Со стервятниками не так. И с воронами. Но эти появляются только на поле битвы, когда сражение уже закончено. И ждут, когда раненые умрут.

— Что ты сказал?

— Я сказал, за исключением стервятников и воронов. Я не говорил про…

— Нет. — Паук сосредоточенно размышлял. — Упустил. Ты навел меня на какую-то мысль, и я почти догадался. Слушай, ты уже разыскал миссис Дунвидди?

— Я позвонил миссис Хигглер, но никто не взял трубку.

— Так поезжай и поговори с ними.

— Легко тебе говорить, а вот я без гроша. На мели. Я не могу летать взад-вперед через Атлантику. У меня больше нет работы. Я…

Запустив руку в карман черной с красным

куртки, Паук вытащил бумажник, а оттуда растрепанную пачку многоцветных банкнот разных стран. Пачку он сунул в руки Толстому Чарли.

— Вот. Этого должно хватить на билет туда и обратно. Только добудь перо.

— Послушай, — сказал вдруг Толстый Чарли. — А тебе не приходило в голову, что папа, возможно, все-таки жив?

— Что?

— Ну, я просто подумал… Может, он опять сыграл с нами злую шутку. Ведь это вполне в его духе, а?

— Не знаю, — протянул Паук. — Возможно.

— А вот я почти уверен. Знаю, что я сделаю прежде всего. Съезжу к нему на могилу и…

Но больше он ничего не успел сказать, потому что тут появились пернатые. Это были городские птицы: воробьи и скворцы, голуби и вороны. Их было тысячи и тысячи, и летели они, меняясь местами, точно сплетали огромный ковер. Было такое впечатление, словно с Риджент-стрит на Толстого Чарли и Паука надвигается огромная стена. Оперенная стена, похожая на фасад небоскреба, совершенно плоская, совершенно невозможная и беспрестанно мельтешащая. Толстый Чарли ее видел, но она не укладывалась у

него в голове, ускользала, извивалась, истончалась… Он смотрел во все глаза и пытался найти хоть какой-то смысл в происходящем.

Паук дернул его за рукав.

— Беги! — крикнул он.

— И ты тоже!

— Ей не ты нужен! — крикнул Паук и, усмехнувшись, добавил: — Пока.

Такая улыбка способна уговорить танки оставить поле боя или бронетранспортеры прыгнуть с обрыва, не говоря уже о сотнях людей, которые делали то, что им совсем не хочется. А Толстому Чарли очень хотелось убежать.

— Добудь перо! Разыщи отца, если думаешь, что он еще жив. А сейчас беги!

Толстый Чарли побежал.

Стена забурлила и превратилась в водоворот из птиц, направлявшихся к статуе Эроса и человеку под ней. Толстый Чарли забежал в дверной проем и оттуда смотрел, как основание темного смерча врезалось в Паука. Ему показалось, что за оглушительным биением крыльев он слышит крик брата. А может, и правда слышал.

Птицы вдруг рассеялись, улица опустела. Ветер легонько гнал по серому тротуару несколько перьев.

Толстому Чарли стало нехорошо. Если кто-то из прохожих и заметил, что сейчас случилось, то никто не среагировал. Но почему-то он был уверен, что никто, кроме него, ничего не видел.

Под статуей, совсем рядом с тем местом, где читал на скамейке газету его брат, стояла женщина. Ее растрепанный бурый плащ хлопал на ветру. Превозмогая себя, Толстый Чарли направился к ней.

— Послушай. Когда я просил заставить его исчезнуть, я хотел лишь, чтобы он ушел из моей жизни. Я не просил делать того, что ты с ним сделала — уж не знаю, что это было.

Она смотрела на него в упор и молчала. В ее глазах горело безумие хищной птицы, свирепость, которая была поистине ужасающей. Толстый Чарли постарался не выдать страха.

Женщина-Птица молчала и смотрела перед собой очень долго, но наконец сказала:

— Не волнуйся, придет и твой черед, сын компэ Ананси. Время настанет.

— Зачем он тебе?

— Мне он не нужен, — сказала Птица. — С чего бы он мне понадобился? У меня был долг перед кое-кем. А теперь я доставлю его, и мой долг будет уплачен.

Затрепыхались на ветру газеты. Оглянувшись, Толстый Чарли понял, что, кроме него, под статуей никого нет.

Глава одиннадцатая, в которой Рози учится говорить «нет» незнакомым, а Толстый Чарли обзаводится зеленым лимоном

Толстый Чарли смотрел на могилу отца.

— Ты тут? — спросил он вслух. — Если да, выходи. Мне нужно с тобой поговорить.

Подойдя к кованой вазе (на сей раз без цветка) в изголовье, он пригляделся внимательнее. Толстый Чарли сам точно не знал, чего ждал (наверное, что рука высунется из земли и схватит его за штанину), — но напрасно.

А ведь он был так уверен!

Толстый Чарли пошел к выходу из Садов Успокоения, чувствуя себя так же глупо, как игрок на телевикторине, который только что поставил миллион долларов на то, что река Миссисипи длиннее Амазонки. Следовало бы знать. Отец мертв, мертвее не бывает. Выходит, он потратил деньги Паука на погоню за химерой. Дойдя до вертушек Младенцекрая, он сел и заплакал, а плесневеющие игрушки казались еще более пе-

чальными и заброшенными, чем он помнил.

Она ждала его на парковке, прислонясь к своей машине, и курила. Ей было явно не по себе.

— Здравствуйте, миссис Бустамонте, — сказал Толстый Чарли.

В последний раз затянувшись докуренной почти до фильтра сигаретой, миссис Бустамонте бросила окурок на асфальт, где растерла его туфлей без каблука. Одета она была во все черное.

— Здравствуй, Чарльз.

— Если я кого-то и ожидал тут встретить, то миссис Хигглер. Или миссис Дунвидди.

— Каллианны нет. Миссис Дунвидди послала меня. Она хочет с тобой повидаться.

«Это как мафия, — подумал Толстый Чарли. — Старушечья мафия».

— Она собирается сделать предложение, от которого я не смогу отказаться?

— Сомневаюсь. Ей не слишком хорошо.

— О!

Сев во взятую напрокат машину, он последовал за «кэмри» миссис Бустамонте по Флоридскому шоссе. Он был так уверен насчет отца! Уверен, что найдет его живым. Уверен, что отец поможет…

Они припарковались у дома миссис Дунвидди. Толстый Чарли поглядел на газон, на поблекших

пластмассовых фламинго и красный зеркальный шар, покоящийся на небольшой подставке-колонне — точь-в-точь огромная елочная игрушка. Подойдя к шару, тому самому, который разбил ребенком, он заглянул в него. В ответ на него уставилось собственное перекошенное изображение.

— Для чего ей шар?

— Ни для чего. Просто нравится.

Запах фиалок в доме был тяжелым и давящим. Тетя Альма хранила у себя в сумочке упаковку карамелек с отдушкой из пармских фиалок, и даже будучи упитанным сладкоежкой, Толстый Чарли соглашался есть их лишь тогда, когда все остальное кончалось. В доме пахло так, как были на вкус те карамельки. Толстый Чарли уже двадцать лет не вспоминал про пармские фиалки. Неужели такие карамельки еще производят? Да и вообще кому взбрело в голову их готовить?

— Ее комната в конце коридора, — сказала миссис Бустамонте, остановилась и ткнула пальцем в полумрак.

Толстый Чарли покорно поплелся куда сказано и переступил порог спальни миссис Дунвидди.

Кровать была небольшая, но миссис Дунвидди все равно казалась в ней кукольной. На носу у нее были очки, а на голове (тут Толстый Чарли

сообразил, что впервые в жизни видит подобный головной убор) — ночной чепец: желтоватое сооружение, похожее на грелку для заварочного чайничка и отделанное кружевом. Она полусидела, опираясь на огромную гору подушек, рот у нее был приоткрыт, и, войдя. Толстый Чарли услышал мирный храп.

Он кашлянул.

Миссис Дунвидди вздернула голову, открыла глаза и уставилась на гостя. Потом ткнула пальцем в тумбочку у кровати, и, увидев на ней стакан с водой, Толстый Чарли поспешно его подал. Старуха взяла его обеими руками, точь-в-точь белка орех, и отпила большой глоток прежде, чем отдать обратно.

— Все время сохнет во рту, — сказала она. — Знаешь, сколько мне лет?

— Э-э-э… Нет. — Толстый Чарли решил, что правильного ответа тут быть не может.

— Сто четыре.

— Поразительно! Вы так хорошо сохранились. Я хочу сказать, это просто чудесно…

— Заткнись, Толстый Чарли.

— Извините.

— И не говори «извините» таким тоном, точно пес, которого отчитывают за то, что он наследил

на полу в кухне. Держи голову выше. Смотри миру в глаза. Понимаешь?

— Да. Извините. Я хотел сказать просто «да». Она вздохнула.

— Меня хотят забрать в больницу. Я сказала санитарам: когда доживешь до ста четырех, то заработал право умереть в собственной постели. Я тут детей зачинала, я тут детей рожала, и будь я проклята, если умру в другом месте. И вот еще что…

Она замолкла, закрыла глаза и сделала медленный глубокий вдох. Только Толстый Чарли решил, что она заснула, как ее глаза вдруг снова открылись.

— Если тебя, Толстый Чарли, спросят, хочешь ли ты дожить до ста четырех лет, скажи «нет». Все болит. Все. У меня болит в тех местах, которые наука даже еще не открыла.

— Буду иметь в виду.

— Не умничай.

Толстый Чарли поглядел на крошечную старушку в просторной белой кровати.

— Мне извиниться?

Миссис Дунвидди виновато отвела глаза.

— Я дурно с тобой обошлась, — сказала она. — Давным-давно я дурно с тобой обошлась.

— Знаю, — сказал Толстый Чарли.

Возможно, миссис Дунвидди была при смерти, но это не помешало ей бросить на Чарли такой взгляд, от которого дети младше пяти лет плача бегут к мамочке.

— Что ты хочешь сказать этим «знаю»?

— Я догадался, — ответил Толстый Чарли. — Вероятно, не обо всем, но кое о чем. Я не глупый.

Холодно оглядев его с головы до ног через толстые стекла, старуха сказала:

— Нет. Не глупый. Это точно. — И протянула костлявую руку. — Верни-ка мне стакан. — Она отпила еще, как кошка макая в воду пурпурный язычок. — Так-то лучше. Хорошо, что ты сегодня здесь. Завтра дом будет полон горюющих внуков и правнуков, и все будут пытаться отправить меня умирать в больницу, подлащиваться ко мне, чтобы я им всякое завещала. Они еще узнают! Я собственных детей переживу. Всех до единого.

— Вы собираетесь поговорить о том, как дурно со мной поступили?

— Не следовало тебе разбивать мой зеркальный шар.

— Конечно, не следовало.

Тут он вспомнил. Так вспоминаешь что-то из детства, и возвращается отчасти воспоми-

нание, отчасти воспоминание воспоминания. Как побежал за теннисным мячиком на двор миссис Дунвидди, а там — для пробы — взял ее зеркальный шар, чтобы полюбоваться своим отражением (огромным и перекошенным), а потом почувствовал, как украшение падает на каменную дорожку, и смотрел, как оно разбивается тысячью брызг. Вспомнил, как его схватили за ухо узловатые сильные пальцы и потащили со двора в дом…

— Вы отослали Паука, — сказал он. — Ведь так?

Ее челюсти щелкнули, как у механического бульдога. Она кивнула.

— Я наложила изгоняющее заклятие, — сказала она. — Но что-то пошло наперекосяк. В те времена все немного владели магией. У нас не было всяких там DVD, сотовых и микроволновок, но, однако, мы много чего знали. Я просто хотела тебя проучить. И чтобы преподать урок, вытащила из тебя Паука.

Слова-то Толстый Чарли расслышал, но они не имели решительно никакого смысла.

— Вытащили его?

— Оторвала от тебя. Все выходки и трюки. Всю шаловливость. Всю проказливость. Все дурное. — Она вздохнула. — Это было ошибкой. Никто мне

не сказал, что если творишь волшебство рядом с такими, как отпрыски твоего папы, любое заклятие усиливается. Все становится больше. — Еще глоток воды. — Твоя мать никогда в это не верила. В глубине души не верила. Но вот Паук… Он много хуже тебя. Твой отец держал рот на замке, пока я не заставила Паука уйти. Но и тогда сказал лишь, что если ты не сможешь все исправить, значит, ты не его сын.

Толстому Чарли хотелось запротестовать, возразить, что это все чушь, что Паук не часть его, так же как он, Толстый Чарли, — не часть моря или темноты. Но он только спросил:

— Где перо?

— О каком пере ты говоришь?

— Когда я вернулся оттуда, куда вы меня послали… Из места со скалами и пещерами… У меня в руке было перо. Что вы с ним сделали?

— Не помню, — сказала она. — Я старая женщина. Мне сто четыре года.

— Где оно? — повторил Толстый Чарли.

— Я забыла.

— Пожалуйста, скажите.

— У меня его нет.

— А у кого оно?

— У Каллианны.

— У миссис Хигглер?

Старуха доверительно наклонилась ближе.

— Остальные две — просто девчонки. Слишком взбалмошны.

— Перед вылетом я позвонил миссис Хигглер. Я заезжал к ней перед тем, как поехать на кладбище. Миссис Бустамонте сказала, ее нет.

Миссис Дунвидди мягко покачивалась из стороны в сторону, словно убаюкивала сама себя.

— Мне уже недолго осталось. После того как ты уехал в прошлый раз, я перестала есть твердую пищу. Да, да, перестала. Только пью. Кое-какие женщины твердят, что любили твоего отца, но я знала его задолго до них. Тогда я еще была красивой, и он водил меня на танцы. Он подхватывал меня и кружил, кружил… Он уже тогда был старым, но умел сделать так, чтобы девушка почувствовала себя особенной. Ты не чувствуешь… — Остановившись, она сделала еще глоток. Рука старухи затряслась, и Толстый Чарли едва успел подхватить стакан. — Сто четыре, — продолжила миссис Дунвидди. — И ни дня не лежала праздно в постели, разве что после родов. А теперь мне конец.

— Уверен, вы доживете до ста пяти, — неловко сказал Толстый Чарли.

— Не говори так! — вскинулась старуха. Вид у нее стал встревоженный. — Не говори!!! Ваша семья и так уже наделала бед. Хватит подталкивать события!

— Я не такой, как папа, — напомнил Толстый Чарли. — Я не волшебный. Вы же сами отдали магию Пауку.

Но она как будто не слушала.

— Когда мы ходили на танцы, это было перед Второй мировой, твой папа шептался с главой джаз-банда, а потом его много раз звали петь на сцену с солистом. И все в зале смеялись и хлопали. Так он подталкивал события. Он пел.

— Где миссис Хигглер?

— Ушла на покой.

— Ее дом пуст. Ее машины нет на месте.

— Ушла на покой.

— Она что… на кладбище?!

Старуха на белых простынях, задыхаясь, хватала ртом воздух. Казалось, она потеряла дар речи и способна только пошевелить рукой.

— Позвать кого-нибудь на помощь? — спросил Толстый Чарли.

Миссис Дунвидди кивнула, но продолжала хватать воздух и задыхаться, поэтому он пошел искать миссис Бустамонте. Та сидела на кухне и

смотрела «Опру» по крохотному телевизору на кухонной стойке.

— Она просит вас, — неуверенно сказал Толстый Чарли.

Миссис Бустамонте вышла, потом, вернулась с пустым кувшином.

— Чем ты ее до такого довел?

— У нее что, приступ или еще что-то? Миссис Бустамонте поглядела странно.

— Нет, Чарльз. Она над тобой смеялась. Сказала, от тебя ей сразу полегчало.

— О! Она сказала, что миссис Хигглер ушла на покой. Я подумал, может, у нее в голове мутится, может, миссис Хигглер на кладбище. Об этом и спросил.

Тут миссис Бустамонте улыбнулась.

— На Сан Андреасе. Каллианна уехала на Сан Андреас.

Она налила в кувшин воды из-под крана.

— Когда все началось, — сказал Толстый Чарли, — я думал, это я против Паука, а вы четыре — на моей стороне. А теперь Паука похитили, а вы четыре сговорились против меня.

Закрутив кран, старуха угрюмо уставилась на Толстого Чарли.

— Я уже никому теперь не верю, — продолжал

он. — Миссис Дунвидди скорее всего разыгрывает умирающую. Наверное, стоит мне уехать, она выпрыгнет из кровати и будет танцевать чарльстон по всей спальне.

— Она не ест. Говорит, от еды у нее нутро болит. Только пьет.

— Где именно она на Сан Андреасе? — спросил Толстый Чарли.

— Просто уезжай, — ответила миссис Бустамонте. — Здесь твоя семья уже достаточно причинила вреда.

Толстый Чарли хотел было что-то сказать, но передумал и ушел без единого слова.

А миссис Бустамонте отнесла кувшин с водой миссис Дунвидди, которая мирно лежала в кровати.

— Сын Ананси нас ненавидит, — сказала миссис Бустамонте. — Что такого ты ему наговорила?

Но миссис Дунвидди не ответила. Миссис Бустамонте прислушалась и, удостоверившись, что старшая подруга дышит ровно, сняла с нее очки с толстыми стеклами, положила их возле кровати и натянула простыню, чтобы укрыть ей плечи.

А после села и стала ждать конца.

Отъезжая от дома миссис Дунвидди, Толстый

Чарли сам не знал, куда именно направляется. Он в третий раз за две недели перелетел Атлантический океан, и данные Пауком деньги были уже на исходе. Он как раз миновал несколько тесно жавшихся друг к другу ямайских ресторанчиков, когда заметил в витрине плакатик: «СКИДКИ НА ОСТРОВА». Припарковав машину, он вошел внутрь.

— «Турагентство А» выполнит все ваши пожелания, — сказал ему туроператор извиняющимся тоном, которым врачи обычно объясняют пациенту, что означенную конечность придется ампутировать.

— Э-э-э… да… Спасибо. Э-э-э… Как дешевле всего добраться до Сан Андреаса?

— Вы собираетесь в отпуск?

— Не совсем. Просто хочу съездить на день. Может, на два.

— Когда хотите уехать?

— Сегодня после полудня.

— Шутите?

— Нисколько.

Траурное рассматривание компьютерного экрана. Щелчки клавиатуры.

— Кажется, я не могу предложить вам ничего дешевле тысячи двухсот долларов.

— Ох! — Толстый Чарли обмяк на стуле.

Снова щелчки, на сей раз мышью. Мужчина шмыгнул носом.

— Нет. Тут что-то не так. Тут явно что-то не так. — А потом: — Подождите минутку. — Телефонный звонок. — Этот тариф еще действителен? — Нацарапав в блокноте какие-то цифры, туроператор поднял взгляд на Толстого Чарли. — Если поедете на неделю и остановитесь в отеле «Дельфин», я мог бы устроить вам неделю отпуска за пятьсот долларов, питание в отеле включено. Перелет вам будет стоить только пошлину в аэропорту.

Толстый Чарли моргнул.

— Есть какой-то подвох?

— Это акция по развитию туризма на острове. Как-то связано с фестивалем музыки. Сомневаюсь, что он еще идет. Но сами знаете, как говорят… Что оплатил, то и получай. Захотите питаться в другом месте, придется раскошелиться.

Толстый Чарли положил на стол пять мятых стодолларовых купюр.

Дейзи начинала понимать копов, которых обычно видишь только по телевизору: крутые, закаленные и стопроцентно готовые пойти против системы. Такие копы интересуются, считаешь ли

ты себя везунчиком или хочешь ли ты устроить им праздник, и в особенности такие, которые говорят: «Я слишком стар для этого дерьма». Дейзи было двадцать шесть, и ей хотелось сказать окружающим, что она слишком стара для этого дерьма. Она вполне сознавала, как нелепо это звучит, — спасибо, что подсказали.

В данный момент она стояла в кабинете суперинтенданта Камбервелла и говорила:

— Да, сэр. На Сан Андреасе.

— Ездил туда в отпуск пару лет назад. С бывшей миссис Камбервелл. Очень приятное место. Ромовый торт.

— Очень похоже, сэр. На пленке из Гатвика заснят определенно он. Путешествовал под фамилией Бронстейн. Роджер Бронстейн вылетел в Майами, где пересел на самолет до Сан Андреаса.

— Вы уверены, что это он?

— Совершенно.

— М-да, выходит, что мы в полной заднице, верно? — отозвался Камбервелл. — Ведь у нас с ними нет договора об экстрадиции.

— Но должно же быть *что-то,* что мы могли бы сделать.

— Ну… Можем заморозить его оставшиеся счета и наложить арест на его имущество. Разумеется,

так мы и поступим, хотя пользы от этого как от козла молока, потому что у него уйма наличности в таких местах, до которых мы не можем дотянуться, даже отследить не сумеем.

— Но он же совершил у-бий-ство, — последнее слово Дейзи размеренно произнесла по слогам.

Суперинтендант поднял на нее взгляд, словно не был уверен, что именно перед собой видит.

— У нас тут не игра в салочки на детской площадке. Если они будут держаться правил, он окажется у нас. Ели он вернется, мы его арестуем. — Он сплющил пластилинового человечка в пластилиновый ком и начал разминать в плоскую лепешку большим и указательным пальцами. — В старые времена, — продолжал он, — преступники могли потребовать убежища в церкви. Пока ты оставался там, закон не смел тебя тронуть. Даже если ты убил человека. Разумеется, это ограничивало свободу передвижений. М-да.

Камбервелл поглядел на Дейзи так, будто ожидал, что после такой тирады она уйдет. А она сказала:

— Он убил Мэв Ливингстон. Он годами обворовывал своих клиентов.

— И?..

— Нам следует отдать его под суд.

— Пусть это не мешает вам спать.

«Я слишком стара для этого дерьма», — подумала Дейзи. Рот она держала на замке, но в голове все крутились и крутились эти слова.

— Пусть это не мешает вам спать, — повторил он, потом сложил пластилиновую лепешку в кубик и безжалостно раздавил пальцами. — Сам я сплю как младенец. Представьте себе, что вы просто патрульная, а Грэхем Хорикс — просто машина, припарковавшаяся на двойной желтой полосе, но отъехавшая до того, как вы сумели выписать штраф. Да?

— Конечно, — сказала Дейзи. — Разумеется. Прошу прощения.

— Будет вам, — улыбнулся суперинтендант.

Она вернулась за свой стол, вошла во внутренний сайт управления полиции и несколько часов изучала варианты дальнейших действий. А потом поехала домой. Кэрол сидела перед телевизором и, поедая разогретое в микроволновке куриное жаркое, смотрела сериал «Улица Коронации».

— Мне нужно отдохнуть, — сказала Дейзи. — Я еду в отпуск.

— Свой отпуск ты уже отгуляла, — логично возразила Кэрол.

— Какая жалость, — отозвалась Дейзи. — Я слишком стара для этого дерьма.

— Ух ты! И куда ты поедешь?

— Ловить одного негодяя, — ответила Дейзи.

Самолет «Кариб-эйр» Толстому Чарли понравился. Да, конечно, международная авиакомпания, но по ощущению — как местный автобус. Стюардесса назвала его «милый» и предложила садиться, куда понравится.

Он растянулся поперек трех кресел и заснул.

Во сне Толстый Чарли шел под небом цвета меди, и мир был молчалив и тих. Он направлялся к птице размерами больше города, чьи глаза пылали огнем, а клюв был разинут, и Толстый Чарли вошел в этот клюв и двинулся в самую глотку.

Потом — как это случается во снах — он очутился вдруг в комнате, стены которой были покрыты мягкими перьями, из-за которых смотрели круглые, как у совы, но немигающие глаза.

Посреди комнаты, раскинув руки и ноги, лежал Паук. Приглядевшись, Толстый Чарли понял, что брат не праздно развалился, а распят, связан цепями из мелких косточек (такие можно увидеть в куриной шее). Цепи тянулись из углов комнаты и опутывали его, точно нити паутины муху.

— *А, это ты,* — сказал Паук.

— *Я,* — ответил во сне Толстый Чарли.

Костяные цепи врезались глубоко в кожу Паука, и Толстый Чарли увидел, как брат поморщился от боли.

— *М-да,* — сказал Толстый Чарли. — *Но могло быть и хуже.*

— *Кажется, это еще не все,* — отозвался брат. — *Думаю, у нее на меня другие планы. На нас обоих. Просто я не знаю, какие.*

— *Они всего лишь птицы,* — сказал Толстый Чарли. — *Так ли уж много от них вреда?*

— *Про Прометея когда-нибудь слышал?*

— *Э-э-э…*

— *Был такой малый, отдал людям огонь. В наказание боги приковали его к скале. Каждый день прилетал орел и клевал ему печень.*

— *И печень никогда не кончалась?*

— *Каждый день отрастала новая: с богами такое бывает.*

Они помолчали.

— *Я как-нибудь все улажу,* — пообещал Толстый Чарли. — *Исправлю.*

— *Так же, как ты наладил собственную жизнь, что ли?* — невесело усмехнулся Паук.

— *Извини.*

— Нет, это ты меня извини, — вздохнул Паук. *— У тебя есть какой-нибудь план?*

— План?

— Надо понимать, нет. Просто сделай, что нужно. Вытащи меня отсюда.

— Ты в аду?

— Не знаю, где я. Если это ад, то птичий. Ты должен меня отсюда вытащить.

— Как?

— Ты же папин сын, верно? Ты мой брат. Придумай что-нибудь. Просто вытащи меня отсюда.

Толстый Чарли проснулся в ознобе. Стюардесса принесла ему кофе, и он с благодарностью его выпил. Теперь он окончательно пришел в себя, и ему совсем не хотелось даже закрывать глаза, поэтому он стал читать брошюру «Кариб-эйр», из которой узнал про Сан Андреас много полезного.

Он узнал, что Сан Андреас не самый маленький из островов Карибского моря, но, составляя списки, о нем, как правило, забывают. На рубеже XVI века испанцы открыли этот необитаемый островок вулканического происхождения, где вволю плодились животные, не говоря уже о всевозможных растениях. Согласно поговорке, что ни ткни в землю Сан Андреаса, все вырастет.

Островок переходил из рук в руки: то им вла-

дели испанцы, то англичане, потом голландцы и снова англичане. После обретения в 1962 году независимости он недолгое время принадлежал майору Ф.Э.Гаррету, который сместил правительство, разорвал дипломатические отношения со всеми странами, кроме Албании и Конго, и правил железной рукой до своей смерти в результате неудачного падения с кровати несколько лет спустя. Он упал так серьезно, что сломал десяток костей, — и это несмотря на присутствие в комнате целого взвода солдат, которые засвидетельствовали, что пытались, но не смогли остановить падение майора Гаррета. Невзирая на все их старания, он умер еще до того, как его доставили в единственную на острове больницу. С тех пор островом правило дружелюбное и выборное местное правительство, которое все любили.

На островке есть целые мили песчаных пляжей и совсем крошечный тропический лесок в центре. Тут растут банановые пальмы и сахарный тростник, есть банковская система, поощряющая капиталовложения извне, и нет договоров об экстрадиции ни с одной страной, кроме, быть может, Албании и Конго.

Известен Сан Андреас главным образом своей кухней: местные жители утверждают, что нача-

ли мариновать курицу еще до ямайцев, готовить козлятину в карри до тринидадцев и жарить летучих рыб задолго до уроженцев Байи.

Здесь есть два города: Уильямстаун на восточном побережье и Ньюкастл — на северном. На уличных рынках можно купить все, что растет на острове, и то же самое, но за двойную цену, — в нескольких универмагах. Когда-нибудь на Сан Андреасе построят настоящий международный аэропорт.

На пользу ли порт с глубоководной акваторией Уильямстауну или нет, дело мнения. Бесспорно то, что благодаря ему на остров заходят международные лайнеры, однако переполненные туристами плавучие мирки существенно влияют на экономику и природу Сан Андреаса, как, впрочем, и многих других островов Карибского моря. В разгар сезона в бухте Уильямстауна стоит до полудюжины лайнеров, и тысячи отдыхающих ждут не дождутся возможности сойти на берег, размять ноги и купить что-нибудь. Жители Сан Андреаса ворчат, но встречают гостей с распростертыми объятиями, продают то и се, кормят до отвала и провожают назад на корабли…

Самолетик «Кариб-эйр» приземлился с толчком, от которого Толстый Чарли уронил брошюру.

Наклонившись, он ее поднял и убрал в карман на кресле впереди, а после сошел по трапу на посадочную полосу. День клонился к вечеру.

Толстый Чарли взял такси до своего отеля и по дороге узнал целый ряд фактов, не упомянутых в брошюре «Кариб-эйр». Например, что музыка (настоящая, правильная музыка) бывает только в стиле кантри и вестернов. На Сан Андреасе даже растаманы это знают. Джонни Кэш? Да он просто бог. Вилли Нельсон? Полубог.

Он узнал, что нет ни одной причины уезжать с Сан Андреаса. Водитель сам не видел на то решительно никаких оснований, а ведь серьезно над этим размышлял. На острове есть гора, пещера и тропический лес. Отели? Здесь их двадцать. Рестораны? Несколько десятков. Здесь есть большой город, три городка и горстка поселков. Еда? Тут растет что угодно. Апельсины. Бананы. Мускатный орех. Даже, по словам таксиста, лимоны.

— Неужели? — воскликнул на это Толстый Чарли — в основном для поддержания разговора.

Но водитель воспринял это как попытку усомниться в его честности, а потому резко ударил по тормозам, от чего машину занесло в сторону, выскочил на обочину, перегнулся через забор и вернулся, сорвав что-то с дерева.

— Вот смотрите! — сказал он. — Никто не скажет вам, что я лжец. Что это, по-вашему?

— Лимон? — спросил Толстый Чарли.

— Вот именно.

Такси снова выехало на дорогу. Водитель стал рассказывать Толстому Чарли про то, какой замечательный отель «Дельфин». У Толстого Чарли есть семья на острове? Он тут кого-нибудь знает?

— На самом деле я ищу одного человека, — ответил Толстый Чарли. — Женщину.

Таксист решил, что это великолепная мысль, потому что для поиска женщины нет лучшего места, чем Сан Андреас. Это потому, пояснил он, что здешние женщины пофигуристее ямайских и не разобьют тебе сердце, как тринидадки. К тому же они красивее доминиканок, а стряпухи — такие, что на целом свете не сыщешь. Если Толстый Чарли ищет женщину, он приехал как раз куда надо.

— Я ищу не просто женщину, а конкретную женщину, — сказал Толстый Чарли.

На что водитель ответил, что ему повезло, так как он, водитель, гордится тем, что знает на острове всех и вся. Так бывает, если с рождения жил на одном месте. Он готов поспорить, что Толстый Чарли не знает в лицо всех жителей Англии, и

Толстый Чарли признал, что это действительно так.

— Она друг семьи, — сказал Толстый Чарли. — Ее фамилия Хигглер. Каллианна Хигглер. Вы о ней слышали?

Таксист ненадолго затих и словно бы задумался. Потом сказал, что нет, никогда про такую не слышал. Такси подъехало к отелю «Дельфин», и Толстый Чарли расплатился.

Молодая женщина за стойкой портье попросила у него паспорт и номер заказа. Доставая бумажник, Толстый Чарли положил лимон на стойку.

— У вас есть багаж?

— Нет, — ответил, извиняясь, Толстый Чарли.

— Никакого?

— Никакого. Только вот этот лимон.

Он заполнил несколько бланков, и, отдавая ключ, девушка объяснила, как пройти в номер.

Толстый Чарли как раз нежился в ванне, когда в дверь постучали. Обвязавшись полотенцем, он подошел к двери. На пороге стоял коридорный.

— Вы забыли свой лимон, — сказал он и протянул фрукт Толстому Чарли.

— Спасибо, — поблагодарил Толстый Чарли и вернулся в ванну с пузырьками. После он лег

в кровать, и ему стали сниться беспокойные, неприятные сны.

В своем большом доме на скалах Грэхем Хорикс тоже видел престранные сны, мрачные и нежеланные, хотя и не слишком неприятные. Просыпаясь, он плохо их помнил, но наутро открывал глаза со смутным впечатлением, что ночь провел, охотясь на мелких зверушек в высокой траве, ломал им шеи ударом лапы, разрывал зубами тушки.

Во сне его зубы превращались в орудие убийства.

Просыпался он встревоженный, и день становился уже не тот.

Каждое утро начинался новый день, и всего через неделю после окончания своей прежней жизни Грэхем Хорикс уже испытывал раздражение и тоску изгнанника. Верно, у него есть бассейн, кокосовые пальмы и грейпфрутовые деревья, забитый бутылками винный подвал и пустой ледник для мяса. У него есть спутниковое телевидение, большая коллекция DVD-дисков, не говоря уже о коллекции развешанных повсюду картин. У него есть кухарка, которая приходит каждый день и готовит ему еду, экономка и садовник — семейная пара, — которые приходят на

пару часов в день. Еда была выше всяких похвал, климат (если любишь теплые солнечные дни) великолепный, и ничто не радовало Грэхема Хорикса так, как, на его взгляд, полагалось бы.

Он не брился с отъезда из Англии, что пока подарило ему не бороду, а лишь редкую щетину — кумушки про такую говорят, что она придает мужчине сомнительный вид. Вокруг глаз у него залегли такие круги, что он походил на панду, а мешки под ними были такими темными, что казались синяками.

Грэхем Хорикс по часу в день плавал в бассейне, но в остальном избегал солнца: он не для того скопил себе неправедным трудом нажитое состояние, чтобы лишиться его из-за рака кожи. Или вообще из-за чего-либо.

Он слишком много думал о Лондоне. Там в каждом его любимом ресторане имелся метрдотель, называвший его по имени и заботившийся о том, чтобы его все устраивало. В Лондоне были люди, ему обязанные, и потому у него никогда не возникало трудностей с билетами на премьеру, да и вообще в Лондоне были театры, куда можно пойти на премьеру. Он всегда считал, что из него получится превосходный изгнанник, а теперь заподозрил, что ошибался.

Ища, на кого бы переложить вину, он пришел к неизбежному выводу, что во всех его бедах повинна Мэв Ливингстон. Она пыталась его ограбить. Это же кокетка, ведьма, развратница! Она получила по заслугам. И еще слишком легко отделалась. Если бы пришлось давать интервью по телевидению… Грэхем Хорикс прямо-таки слышал оскорбленное достоинство в собственном голосе, объяснявшем, что лишь защищал свои собственность и честь от опасной сумасшедшей. Честно говоря, он только чудом выбрался из кабинета живым…

И ему нравилось, ох как нравилось быть Грэхемом Хориксом. Сейчас, как и всегда на Сан Андреасе, он был Бейзилом Финнеганом, и это его раздражало. Бейзилство далось ему нелегко: настоящий Бейзил умер во младенчестве, причем дата его рождения была близка к хориксовой. Одно поддельное свидетельство о рождении и письмо от вымышленного священника — и у Грэхема Хорикса оказались паспорт и новая личность. Существование последней он всячески поддерживал: у Бейзила была солидная кредитная история, Бейзил много путешествовал, Бейзил владел роскошной виллой на Сан Андреасе, ни разу в глаза этого дома не видев. Но, на

взгляд Грэхема Хорикса, раньше Бейзил работал на него, а теперь слуга стал хозяином: Бейзил Финнеган съел его заживо.

— Если я тут останусь, — сказал самому себе Грэхем Хорикс, — то сойду с ума.

— Кажется, ты имел в виду, что если останешься в четырех стенах, ты сойдешь с ума, — разумно возразил внутренний голос. — Тебе бы следовало пойти пройтись. Гулять полезно.

Грэхем Хорикс не ходил гулять, за него это делали другие. Но, подумал он, возможно, гулять любит Бейзил Финнеган. Надев широкополую шляпу, он сменил сандалии на летние туфли. Потом положил в карман сотовый и, велев садовнику приехать за ним, когда он позвонит, вышел из дома на скатах, направляясь в ближайший городок.

Наш мир очень маленький. Не надо долго жить на свете, чтобы это понять. Есть одна теория, согласно которой на Земле лишь пятьсот настоящих людей (так сказать, актерский состав; остальные, по той же теории, просто статисты), и более того, все они знакомы между собой. Последнее верно — во всяком случае, настолько, насколько это имеет значение. В реальности мир состоит из тысяч и тысяч групп по пятьсот

человек, в каждой из которых актеры натыкаются друг на друга, стараются друг друга избегать и обнаруживают друг друга в какой-нибудь богом забытой ванкуверской чайной. Есть в этом процессе какая-то неизбежность. Это даже не случайность, просто так функционирует Вселенная, которой совершенно безразличны предпочтения отдельных лиц или понятия о приличиях.

Вот как случилось, что по дороге в Уильямстаун Грэхем Хорикс зашел в маленькое кафе, чтобы заказать безалкогольный коктейль и посидеть где-нибудь, пока будет звонить садовнику с распоряжением приехать за ним.

Заказав фанту с лимонным соком, он сел за столик. В кафе было практически пусто, только две женщины — одна молодая, другая постарше — сидели в дальнем углу, пили кофе и подписывали открытки.

Грэхем Хорикс лениво глядел в окно на пляж. «Рай, чистый рай», — думал он. Наверное, по статусу как изгнанника, так и человека состоятельного ему следовало бы заняться местной политикой, например, стать меценатом. Он уже сделал несколько солидных пожертвований местной полиции, и, вероятно, будет даже необходимо позаботиться, чтобы…

Радостно возбужденный, но нерешительный голос у него за спиной произнес:

— Мистер Хорикс?

Сердце у него екнуло.

За его столик села одна из женщин, та, что помоложе, и наградила самой теплой улыбкой.

— Забавно тут с вами встретиться, — сказала она. — Вы тоже в отпуске?

— Вроде того. — Он понятия не имел, кто к нему привязался.

— Вы ведь помните меня, верно? Рози Ной. Я встречалась с Толстым… с Чарли Нанси. Помните?

— Здравствуйте, Рози. Конечно, я вас помню.

— Я здесь в круизе, с мамой. Она все еще пишет открытки домой.

Грэхем Хорикс оглянулся через плечо на дальний угол маленького кафе, откуда на него уставилась сестра южноамериканской мумии в цветастом платье.

— Честно говоря, — продолжала Рози, — я не из тех, кто ездит в круизы. Десять дней переезжать от острова к острову! Так приятно встретить знакомое лицо, правда?

— Абсо-ненно, — согласился Грэхем Хорикс. — Следует ли понимать, что вы и наш Чарльз уже

больше не… э-э-э… вместе?

— Да, наверное. Я хочу сказать, уже нет.

Грэхем Хорикс для вида сочувственно улыбнулся. Прихватив свою фанту, он вместе с Рози отправился к столику в углу. Мама Рози источала недоброжелательность так же, как старый железный радиатор на всю комнату холод, зато Грэхем Хорикс был само очарование, сама любезность и во всем с ней соглашался. Действительно ужасно, что только себе позволяют нынешние турагентства! Просто омерзительно, какую небрежность допускает администрация лайнера! Поразительно, как на этих островах нечем заняться! И возмутительно, с чем — во всех отношениях — приходится мириться пассажирам! Десять дней без фаянсовой ванны, лишь с крохотным душем! Позор!

Мама Рози рассказала о нескольких весьма впечатляющих распрях, которые она успела затеять (и непрестанно подпитывать) с некими американцами, чье главное преступление, насколько понял Грэхем Хорикс, заключалось в том, что они слишком много накладывали на тарелки у шведского стола и загорали в том месте у кормового бассейна, которое мама Рози с первого же дня считала бесспорно своим.

Грэхем Хорикс кивал и издавал сочувственные ахи и охи, цокал языком и поддакивал, а на него все капала серная кислота, пока мама Рози не согласилась забыть о своей неприязни к незнакомым людям и к тем, кто так или иначе связан с Толстым Чарли, и все говорила, и говорила, и говорила… Грэхем Хорикс слушал вполуха. Грэхем Хорикс размышлял. «Весьма прискорбно было бы, — думал он, — если бы кто-нибудь вернулся в Лондон и сообщил властям, что встретил Грэхема Хорикса на Сан Андреасе». Что его рано или поздно заметят — неизбежно, однако эту неизбежность нужно постараться отдалить.

— Позвольте, — сказал он вслух, — предложить решение хотя бы одной вашей проблемы. В нескольких шагах отсюда находится мой летний домик. Хочется думать, довольно приятный. И если у меня чего-то в избытке, так это ванных комнат. Не хотите ли побаловать себя ванной?

— Нет, спасибо, — сказала Рози.

Разумеется, если бы она согласилась, то мама неминуемо указала бы на то, что им нужно вернуться в Уильямстаун, откуда катер заберет их на корабль, и одернула бы ее за то, что она принимает подобные приглашения от посторонних. Но Рози отказалась.

— Как мило с вашей стороны! — показала мама Рози в улыбке зубы. — С огромным удовольствием.

Вскоре подъехал на черном «мерседесе» садовник, и Грэхем Хорикс открыл дверцу перед Рози и ее мамой. Он заверил обеих, что абсо-ненно доставит их в гавань задолго до отхода последнего катера на лайнер.

— Куда едем, мистер Финнеган? — спросил садовник.

— Домой.

— Мистер Финнеган? — подняла брови Рози.

— Одно из имен в семье, — ответил Грэхем Хорикс, уверенный, что так оно и есть. Во всяком случае, в чьей-нибудь семье.

Захлопнув заднюю дверцу, он сел впереди.

Мэв Ливингстон потерялась. Все началось так хорошо… Она захотела попасть домой, в Понтерфракт, и пожалуйста — мерцание, ужасный порыв ветра, и потоком эктоплазмы она перенеслась к себе. В последний раз пройдясь по комнатам, она вышла под осеннее небо. Ей захотелось повидать сестру в Райе, и только она успела об этом подумать, как очутилась в садике, где ее сестра как раз выгуливала спаниеля.

Все казалось таким простым.

В какой-то момент она решила, что пора посмотреть на Грэхема Хорикса, и тут-то все и запуталось. На мгновение она оказалась в кабинете в Олдвиче, потом в пустом доме в Пурли, где была однажды на обеде, который Грэхем Хорикс устроил для небольшой компании лет десять назад, а потом…

Потом она потерялась. И куда бы ни попыталась попасть, становилось только хуже.

Она понятия не имела, куда ее занесло, хотя, по всей видимости, это был какой-то сад.

Краткий ливень промочил насквозь листву и траву, но ее не тронул. Теперь от земли валил пар, и потому она поняла, что это не Англия. Сгущались сумерки.

Сев на мокрую траву, она от расстройства шмыгнула носом.

«Хватит, — строго велела она сама себе. — Мэв Ливингстон, возьми себя в руки!»

Но шмыганье переросло в плачь.

— Хотите носовой платок? — спросил чей-то голос.

Мэв подняла глаза. Перед ней стоял пожилой джентльмен с тоненькими, словно нарисованными карандашом усиками, в зеленой шляпе и предлагал ей носовой платок.

Она кивнула.

— Хотя, наверное, он мне без надобности. Я все равно не смогу к нему прикоснуться.

Сочувственно улыбнувшись, он подал платок. Как это ни удивительно, платок не провалился у нее между пальцев, поэтому она высморкалась и промокнула глаза.

— Бывает, — сказал джентльмен и смерил ее с ног до головы оценивающим взглядом. — Вы что? «Каспер»?

— Нет, — ответила она. — Кажется, нет… А что такое «каспер»?

— Ну, помните призрака из мультфильма? Так вот, вы призрак?..

Тоненькими усиками он напомнил ей Кэба Коллоу или, может. Дана Амеша, короче говоря, тех звезд, которые, даже постарев, не теряют обаяния. Кто бы ни был этот человек, он все еще звезда.

— А… Да, наверное. Я одна из них. Э-э-э… А вы?

— Более-менее. В общем и целом я мертв.

— О! А вы не рассердитесь, если я спрошу, где мы?

— Во Флориде. На кладбище. Хорошо, что вы меня застали. Я как раз собирался на прогулку. Хотите присоединиться?

— Разве вам не положено лежать в могиле? —

нерешительно спросила Мэв.

— Наскучило, и я решил, что не помешает размяться, Может, чуток порыбачить.

Помешкав, Мэв кивнула. Неплохо, когда есть с кем поговорить.

— Хотите послушать сказку? — спросил старик.

— Не особенно, — призналась она.

Протянув руку, он помог ей подняться, и они вышли из Садов Успокоения.

— Приятная откровенность. Тогда буду краток. Не стану слишком заводиться. Знаете, я ведь умею рассказывать истории, которых хватает на месяцы. Все дело в деталях: что-то вставляешь в историю, что-то опускаешь. То есть если выбросить погоду и во что люди одеты, с тем же успехом можно перемахнуть через половину. Однажды я рассказывал сказку…

— Послушайте, — прервала его Мэв, — если собираетесь рассказать сказку, просто расскажите и все, ладно?

Идти по обочине в сгущающихся сумерках — мало радости. Мэв то и дело напоминала себе, что никакая машина ее не собьет, но ей все равно было не по себе.

Мягко и нараспев старик начал:

— Так вот о Тигре. Вам нужно понять, что это не просто полосатая кошка из Индии. Это имя, которым люди наделили вообще всех больших кошек: пум, и рысей, и ягуаров, дав общем всех. Вам ясно?

— Разумеется.

— Хорошо. Итак… Давным-давно все сказки были про Тигра. Все истории принадлежали Тигру и все песни тоже. Я бы сказал, все анекдоты были про него, но во времена Тигра анекдотов не рассказывали. Главное в Тигровых историях — насколько крепкие у тебя зубы, как ты охотишься и как ты убиваешь. В Тигровых историях нет ни доброты, ни проказ, ни мира.

Мэв попыталась представить себе, какие сказки могла бы рассказывать большая хищная кошка.

— Значит, там было сплошное насилие?

— Иногда. Но большей частью они были просто неприятными. Когда все сказки и все песни принадлежали Тигру, дурное для всех было время. Люди перенимают дух сказок и песен, которые их окружают, особенно если своих собственных у них нет. И во времена Тигра все сказки были мрачными. Они начинались слезами и заканчивались кровью, но других люди не знали. Потом появился Ананси. Надо думать, вам все известно

про Ананси…

— Кажется, нет, — призналась Мэв.

— Ну, начни я говорить о том, каким умным и красивым, каким обаятельным и коварным был Ананси, я мог бы начать сегодня и не закончить до четверга на будущей неделе, — завелся старик.

— Тогда не начинайте, — посоветовала Мэв. — Я поверю вам на слово. И что сделал этот Ананси?

— Ну, Ананси выиграл все сказки… Выиграл? Нет, он их заслужил! Он отобрал их у Тигра и сделал так, чтобы Тигр не мог больше попасть в реальный мир. Во всяком случае, во плоти. И сказки, которые люди стали рассказывать, превратились в истории Ананси. И было это?.. Кажется, лет десять — пятнадцать тысяч назад. Так вот, в принадлежащих Ананси сказках есть и хитринка, и шалости, и мудрость. И люди по всему миру перестали думать лишь о том, как бы стать охотником и не превратиться в добычу. Выход из положения они начали искать при помощи ума, а не силы — впрочем, иногда попадали в еще худший переплет. Им по-прежнему нужно было наполнять чем-то животы, но теперь они старались сообразить, как бы сделать это, не работая: вот тогда-то люди и начали работать головой! Кое-кто считает, что первым орудием человека

было оружие, но только переворачивают все с ног на голову. Всякий раз впереди дубины шел костыль. Ведь теперь люди стали рассказывать Анансины сказки, а потому думали о том, как добиться поцелуя или получить что-то задаром, будучи умнее или забавнее. Вот когда они начали творить мир.

— Но это же просто фольклор, — сказала она. — А его придумывали те, кто изучает, как появляются сказки.

— И что это меняет? — спросил пожилой джентльмен. — Предположим, Ананси просто герой сказки, придуманный в Африке на заре времен каким-то мальчишкой, вокруг ноги которого вьются мухи, который тычет концом костыля в землю и придумывает дурацкие истории про человека из смолы. Разве это что-то меняет? Люди реагируют на сказки, пересказывают их. И так сказки распространяются и, пока их рассказывают, меняют рассказчика. Ведь теперь те, кто думал лишь о том, как бы убежать от льва и держаться подальше от реки, чтобы крокодилы не получили дармовой обед, начинают мечтать о другом, новом месте. Мир, возможно, остался прежним, но обои-то изменились, верно? У людей по-прежнему все та же история, та, с которой они

родились, живут всю жизнь, а потом умирают, но теперь она значит кое-что иное, не то что раньше.

— Вы хотите сказать, что до появления историй Ананси мир был диким и варварским?

— В общем и целом.

Мэв понадобилось некоторое время, чтобы это переварить.

— Что ж, — весело сказала она наконец, — хорошо, что сказки теперь принадлежат Ананси.

Старик кивнул.

— Но разве Тигр не хочет их вернуть? — спросила вдруг Мэв.

— Вот уже десять тысяч лет как хочет.

— Но ведь он их не получит, правда?

— Ананси мертв, — сказал старик. — А «каспер» мало что может сделать.

— Учитывая, что я сама «каспер», слышать такие слова обидно.

— «Касперы» ведь не способны касаться предметов, или забыли?

Мэв задумалась.

— Так что же я могу потрогать? — спросила она.

На красивом старом лице мелькнуло выражение одновременно лукавое и распутное.

— Меня, например.

— Должна вам сказать, — с притворным возмущением объявила она, — что я замужняя женщина.

Его улыбка стала только шире. Это была ласковая и мягкая улыбка, столь же опасная, сколь и согревающая сердце.

— С точки зрения морали, в брачном обете есть оговорка: «пока смерть не разлучит нас».

На Мэв это не произвело впечатление.

— Дело в том, что вы нематериальная девушка. Вы способны касаться нематериального. Меня, например. Если хотите, пойдем танцевать. Тут есть одно местечко, сразу за углом. В том танцзале едва ли обратят внимание на пару «касперов».

Мэв поразмыслила. Она так давно не танцевала.

— А вы хороший танцор? — спросила она.

— Никто не жаловался, — улыбнулся пожилой джентльмен.

— Я хочу найти мужчину, живого мужчину по имени Грэхем Хорикс. Вы мне поможете?

— Бесспорно, я поведу вас в верном направлении. Так вы танцуете?

Уголки губ Мэв тронула улыбка.

— А вы приглашаете?

Костяные цепи, удерживавшие Паука на полу, спали. Обжигающая и постоянная, как при воспалившейся надкостнице, боль, которая заполняла все его существо, начала отступать.

Поднявшись, Паук нерешительно сделал шаг вперед.

В небе перед ним появилась прореха, и он направился к ней.

Впереди он видел островок, а в центре его — гору. Он видел чистейшее голубое небо, качающиеся на ветру пальмы и белую чайку в вышине. Но прямо у него на глазах этот чудесный мир стал вдруг удаляться. Словно бы он смотрел на него в обратный конец телескопа. Мир съеживался и ускользал, и чем быстрее Паук бежал к нему, тем дальше он становился.

Вот он уже превратился в сверкающий камешек в луже воды, а после исчез совсем.

Паук же очутился в пещере. Все контуры казались четкими, много резче и четче, чем в любом другом месте, куда его раньше забрасывала судьба или прихоть. Это место было не от мира сего.

Она стояла на пороге пещеры, загораживая ему выход и путь к свободе. Он ее знал. Это была та самая женщина, которая сидела напротив него в подвальном греческом ресторанчике Южного

Лондона, и изо рта у нее вылетали птицы.

— Знаешь, — начал Паук, — должен сказать, у тебя престранные представления о гостеприимстве. Если бы ты попала в мой мир, я бы приготовил тебе обед, открыл бутылочку вина, поставил бы музыку для расслабления и устроил бы тебе такой вечер, которого ты до конца жизни не забыла бы.

Ее лицо осталось бесстрастным — тем более что было высечено из черного камня. Ветер трепал полы старого бурого плаща. Тут она заговорила, и ее голос оказался высоким и одиноким, точно крик далекой чайки:

— Я забрала тебя. Теперь ты позовешь его.

— Позову его? Кого?

— Ты станешь блеять, — пообещала она. — Ты станешь скулить. Твой страх привлечет его.

— Пауки не блеют, — ответил он, сам не будучи уверен, что это правда.

Блестящие и черные, как осколки обсидиана, глаза смотрели на него не отрываясь. Они походили на черные дыры, не выдающие ничего, даже тени информации.

— Если ты убьешь меня, — сказал Паук, — я тебя прокляну. То есть на тебя перейдет мое проклятие.

А сам задумался, может, его и в самом деле кто-то проклял? Интересно, передается ли проклятие как зараза? Скорее всего да, а если нет, то, уж конечно, его можно разыграть.

— Я тебя убивать не стану. Нет, я оставлю это другому.

Она подняла руку, и вдруг оказалось, что на месте пальцев у нее когти хищной птицы, и этими когтями она провела ему по лицу, по груди. Разрывая кожу, острия проникли в плоть.

Боли Паук не почувствовал, хотя и знал, что она вскоре придет.

Алые капли выступили у него на груди, закапали со скулы и подбородка. Глаза щипало. Собственная кровь попала ему на губы. Он чувствовал ее вкус, ее металлический запах.

— Теперь, — произнесла она криком далеких птиц, — начнется твоя смерть.

— Мы разумные существа, — возразил Паук. — Позволь предложить тебе более разумный сценарий, от которого мы оба получим немалую выгоду. — Эти слова он произнес с обаятельной улыбкой. Произнес с убеждением.

— Ты слишком много говоришь. — Она покачала головой. — Хватит болтовни.

А потом запустила коготь ему в рот и резким

движением вырвала язык.

— Ну вот, — сказала она, а потом как будто сжалилась, потому что коснулась почти нежно лица Паука, и добавила: — Спи.

Он уснул.

Приняв ванну, мама Рози появилась посвежевшая, оживленная и определенно сияющая.

— Перед тем как отвезти вас в Уильямстаун, можно наскоро показать вам дом? — спросил Грэхем Хорикс.

— Нам нужно возвращаться на корабль, но все равно спасибо, — ответила Рози, которая так и не смогла убедить себя, что ей так уж сильно хотелось принять ванну в доме Грэхема Хорикса.

А мама глянула на часы.

— У нас есть ровно полтора часа, — сказала она. — До гавани не больше пятнадцати минут. Будь любезнее с хозяином, Рози. Мы с радостью посмотрим ваш дом, мистер Хорикс.

Поэтому Грэхем Хорикс показал им гостиную, кабинет, библиотеку, комнату с широкоэкранным телевизором, столовую, кухню и бассейн. Затем открыл дверку в кухне, за которой мог бы скрываться чулан, но за которой оказалась лестница вниз, и проводил своих гостий по деревянным ступенькам в выложенный камнем

винный погреб. Он показал им стойки с бутылками, большую часть которых приобрел вместе с домом. Он провел их в дальний конец винного погреба, в голую комнатку, где в стародавние времена, когда еще не придумали холодильники, держали мясо. В леднике всегда было прохладно, с потолка свисали тяжелые цепи, а пустые крюки в стенах показывали, где некогда хранились туши. Грэхем Хорикс вежливо придерживал дверь, пока обе женщины не зашли внутрь.

— Ох, — сказал он вдруг, — только сейчас сообразил. Выключатель-то в винном погребе. Минутку.

На этом он захлопнул дверь и заложил засовы. Потом не спеша выбрал со стойки запыленную бутылку «шабли премьер крю» 1995 года.

Бодрым шагом Грэхем Хорикс поднялся наверх и дал знать троим слугам, что отправляет их в недельный отпуск.

Когда он поднимался в свой кабинет, у него возникло странное ощущение, будто что-то беззвучно ступает за ним следом на мягких лапах, но когда он обернулся, то ничего не увидел. Странно, но от этого ощущения ему стало уютнее. Он нашел штопор, открыл бутылку и налил себе бокал бледно-золотистого вина. Отпил глоток и,

хотя раньше никогда не любил красные вина, поймал себя на том, что ему хочется чего-нибудь потемнее и побогаче букетом. «Оно должно быть… — подумал Грэхем Хорикс. — Оно должно быть цвета крови».

Допивая второй бокал «шабли», он сообразил, что в своих злоключениях винит не того человека. Теперь он понял: Мэв Ливингстон — всего лишь жертва обмана. Нет, винить — бесспорно и несомненно — следовало Толстого Чарли. Если бы не его любопытство, не его преступное вторжение в компьютерную систему агентства, он, Грэхем Хорикс, сейчас не торчал бы на Сан Андреасе, не мучился бы в изгнании, как Наполеон на восхитительном, солнечном острове Эльба. Он не оказался бы в прискорбно затруднительном положении, когда в леднике для мяса у него заперты две женщины. «Будь здесь Толстый Чарли, — подумал он, — я бы горло ему зубами вырвал». Эта мысль потрясла его, но и возбудила. Да, с Грэхемом Хориксом шутки плохи.

Наступил вечер. Грэхем Хорикс стоял у окна, глядя, как «Приступ Писка» скользит к выходу из гавани, минует его дом на скале и уходит в закат. Интересно, когда на борту заметят, что двух пассажирок не хватает? Он даже помахал

вслед лайнеру.

Глава двенадцатая, в которой Толстый Чарли кое-что делает впервые

Как и во всяком отеле, в «Дельфине» имелся консьерж. Это был молодой человек в очках, который сейчас читал роман в бумажном перелете с розой и пистолетом на обложке.

— Я ищу одного человека, — обратился к нему Толстый Чарли. — Здесь, на острове.

— Кого?

— Женщину по имени Каллианна Хигглер. Приехала из Флориды. Она давний друг моей семьи.

Молодой человек задумчиво закрыл книгу, потом, прищурившись, посмотрел на Толстого Чарли. Когда такое проделывают в романах, герой неизменно становится опасным и настороженным, но в реальности вид у молодого человека стал такой, словно он борется со сном.

— Это вы мужчина с лимоном? — спросил он.

— Что?

— Вы человек с лимоном?

— Да, наверное, я.

— Покажите-ка его, а?

— Мой лимон?

Молодой человек серьезно кивнул.

— Не могу. Он остался в номере.

— Но ведь вы и есть человек с лимоном?

— Вы в состоянии помочь мне найти миссис Хигглер? На острове вообще Хигглеры есть? У вас есть телефонная книга, которую я мог бы посмотреть? Я надеялся найти телефонную книгу в номере.

— Имя довольно распространенное, знаете ли, — сказал молодой человек. — Телефонная книга вам не поможет.

— И насколько же оно распространенное?

— Ну, — протянул молодой человек. — Например, я Бенджамин Хигглер. Вон ту девушку за стойкой портье зовут Эмерила Хигглер.

— А… Да. Уйма Хигглеров на острове. Понимаю.

— Она приехала на Музыкальный фестиваль?

— Что?

— Он уже неделю идет.

Консьерж протянул Толстому Чарли буклет, сообщавший, что на Музыкальном фестивале в Сан Андреасе даст сольный концерт Вилли Нельсон (отменено).

— Почему он отменил концерт?

— По той же причине, что и Гарт Брукс. Никто не поставил их в известность.

— Сомневаюсь, что она приехала на фестиваль. Но мне очень нужно ее разыскать. У нее есть кое-что, что мне жизненно необходимо. Послушайте, что бы вы сделали на моем месте?

Открыв ящик стола, Бенджамин Хигглер достал карту острова.

— Вы вот здесь, чуть к югу от Уильямстауна… — начал он, ткнув шариковой ручкой в карту.

От этой точки он начал рисовать план кампании Толстого Чарли: разделил остров на сегменты, которые под силу объехать за день на велосипеде, и крестиком пометил каждое питейное заведение и кафе. Каждую достопримечательность для туристов он обвел кружком.

Потом выдал Толстому Чарли напрокат велосипед.

И Толстый Чарли покатил на юг.

На острове имелись средства передачи информации, которых не ожидал увидеть Толстый Чарли, почему-то считавший кокосовые пальмы и сотовые телефоны взаимоисключающими. С кем бы он ни разговаривал: со стариками, игравшими в тени в дартс, с женщинами, у которых груди были как дыни, ягодицы как кресла и смех

как у пересмешников, с серьезной молодой дамой в туристическом бюро, с бородатым растаманом в вязаной шапочке цветов ямайского флага и некоем предмете одежды, напоминавшем шерстяную мини-юбку, — все одинаково реагировали.

— Это вы человек с лимоном?

— Пожалуй, что так.

— Покажите нам его.

— Он остался в отеле. Послушайте, я пытаюсь найти Каллианну Хигглер. Ей около шестидесяти. Американка. Вечно ходит с большой кружкой кофе.

— Никогда о такой не слышал.

Передвигаясь по острову, Толстый Чарли вскоре обнаружил, что пешеходов и велосипедистов здесь подстерегают неожиданные опасности. Основным транспортным средством тут служили микроавтобусы: нелицензированные, небезопасные и вечно переполненные, эти машинки носились по острову, гудя клаксонами и визжа тормозами, поворачивая за угол на двух колесах и полагаясь на вес пассажиров, дескать, он не даст им перевернуться. В первое же утро Толстый Чарли десяток раз рисковал попасть под один из них, и спасал его лишь бой барабанов и рокот бас-гитар из магнитол в каждом из микроавтобусов.

Вибрации барабанов и гитарных переборов он чувствовал желудком, и у него было достаточно времени, чтобы свернуть на обочину.

Да, конечно, толку от людей, с кем бы он ни заговаривал, было никакого, зато все относились к нему безусловно дружелюбно. В своей экспедиции на юг Толстый Чарли несколько раз останавливался налить питьевой воды в бутылку — и в кафе, и в частных домах. Все встречные были очень ему рады, даже если и не могли ничего сказать про миссис Хигглер. В отель «Дельфин» он вернулся к обеду.

На следующий день он поехал на север и через несколько часов, по пути в Уильямстаун остановился на вершине скалы, спешился и подвел велосипед к воротам роскошной виллы, стоявшей в стороне от прочих домов и выходившей окнами на залив. Он нажал кнопку интеркома и поздоровался, но никто не ответил. Толстый Чарли уже подумал, может, хозяев нет дома, но тут в верхнем окне шевельнулась гардина. К тому же на подъездной дорожке стояла большая черная машина.

Он снова нажал кнопку.

— Добрый день, — повторил он. — Просто хотел спросить, нельзя ли набрать у вас воды?

Ответа не последовало. Может, ему только показалось, что у окна кто-то стоит, ведь на острове ему то и дело что-то мнится? Например, сейчас ему казалось, что за ним кто-то следит, не из дома, а из кустов у обочины.

— Извините, что потревожил, — сказал он в динамик.

А после снова сел на велосипед и поехал дальше, ведь по пути в Уильямстаун наверняка встретится одно-два кафе или, может, другой дом, подружелюбнее.

От виллы на скалах шоссе шло под уклон, и Толстый Чарли как раз мирно катил, высматривая нужную вывеску, когда за спиной у него возникла черная машина и, прибавив скорость, понеслась прямо на него. Толстый Чарли слишком поздно сообразил, что водитель, наверное, его не заметил. Раздался скрежет, руль чиркнул по крылу машины, и Толстый Чарли с велосипедом кубарем покатился с крутого склона за обочиной. Черная машина не остановилась.

Падение Толстого Чарли задержал валун, и, ударившись коленкой, он сумел наконец подняться.

— Легко отделался, — пробормотал он вслух.

А так только руль у велосипеда искривился. Толстый Чарли втащил своего «железного ко-

ня» на шоссе, где низкие гитарные переборы предупредили о приближении микроавтобуса. Толстый Чарли отчаянно замахал, и микроавтобус остановился.

— Можно забросить велосипед в багажник?

— Нет места, — сказал водитель, но достал из-под сиденья несколько крепежных ремней, которыми привязал велосипед на крышу. Потом усмехнулся: — Вы, наверное, тот англичанин с лимоном?

— У меня нет его с собой. Я оставил его в отеле.

Толстый Чарли втиснулся в микроавтобус, где ухающие басы сложились — как это ни невероятно — в «Дым на воде» «Дип перпл». Толстый Чарли пристроился на сиденье рядом с женщиной, державшей на коленях курицу. Две белые девушки у него за спиной болтали о вечеринках, на которых были вчера вечером, и о недостатках того или иного временного бойфренда, коллекцию которых они собрали за время каникул.

Глянув случайно в окно, Толстый Чарли заметил черный «мерседес», возвращавшийся той же дорогой. На крыле у него была длинная царапина. Почувствовав себя виноватым, Толстый Чарли понадеялся, что руль не слишком повредил краску. Окна в машине были настолько затемнены,

что машина, казалось, ехала без водителя…

Одна из белых девушек тронула Толстого Чарли за плечо и спросила, не знает ли он, есть ли сегодня вечером на острове хорошие вечеринки, и, услышав в ответ «нет», начала рассказывать, как позапрошлой ночью была в пещере, которую хозяин оснастил плавательным бассейном, музыкальным центром и прочими причиндалами веселой жизни. В результате Толстый Чарли совершенно упустил из виду, что черный «мерседес» пристроился в хвост микроавтобусу, проследовал за ним по всему маршруту через Уильямстаун и назад и исчез только тогда, когда Толстый Чарли снял свой велосипед с крыши («В следующий раз прихватите с собой лимон, — напутствовал его водитель) и отнес его в вестибюль гостиницы.

Лишь тогда машина вернулась к дому на скале.

Осмотрев велосипед, консьерж Бенджамин сказал, мол, незачем волноваться, его починят, и завтра он будет как новенький.

Толстый Чарли поднялся в свой номер цвета подводного царства, где на комоде красовался — точно статуя маленького зеленого Будды — лимон.

— Помощи от тебя никакой, — сказал он лимону.

А вот это было нечестно. Это же был всего лишь лимон, и ничего особенного в нем не было. Он делал, что мог.

Истории — как паутины. Они связаны друг с другом нитями сюжетов, и каждую ты прослеживаешь до центра, потому что именно там — конец. Каждый человек — ниточка в истории.

Взять, скажем, Дейзи.

Дейзи не продержалась бы так долго в полиции, не будь у нее здравой практической жилки — как правило, остальные ее только и видели. Дейзи Дей уважала Закон. Она уважала правила. Она сознавала, что большинство этих правил совершенно произвольны: постановления, где можно парковаться, а где нет, например, или часы, в которые позволено работать магазинам, — но даже эти правила были в целом полезны, так как сохраняли общество, поддерживали его на плаву.

А вот сейчас ее соседка Кэрол считала, что она сошла с ума.

— Ты не можешь просто уехать, заявив, что собираешься в отпуск. Так не делается. Это не телешоу про копов, знаешь ли. Нельзя просто носиться по свету, охотясь на преступников.

— А я и не собираюсь, — возразила Дейзи. — Просто еду в отпуск.

Она сказала это так убедительно, что Разумная Полицейская на задворках ее сознания потрясенно замолкла, а потом принялась объяснять, как и чем именно она нарушает правила. Первой в перечне шла отлучка без разрешения, а это, бормотала Разумная Полицейская, равнозначно дезертирству…

И продолжала свой перечень проступков и укоров всю дорогу до аэропорта и весь перелет через Атлантический океан. А еще твердила, что даже если Дейзи удастся избежать нестираемой черной пометки в личном деле (не говоря уже о том, что ее вообще могут вышвырнуть из полиции), даже если она сумеет найти Грэхема Хорикса, то все равно ничего не сможет сделать. Полиция ее величества весьма неодобрительно смотрит на попытки похищения преступников на территории других государств, а ведь сомнительно, что удастся уговорить Грэхема Хорикса добром вернуться в Соединенное королевство.

Только когда Дейзи сошла с маленького самолетика, который привез ее на Сан Андреас с Ямайки, только когда в лицо ей ударил ветер острова — пахнущий землей и пряностями, влаж-

ный, почти сладкий ветер Сан Андреаса, только тогда Разумная Полицейская умолкла, перестав талдычить про чистейшее безумие, в которое она пустилась. И все равно так вышло только потому, что Разумную Полицейскую заглушил другой голос, который распевал: «Бойтесь, злодеи! Бойтесь! Спасайтесь! Бойтесь, злодеи!», и Дейзи зашагала в такт его песне. Грэхем Хорикс убил женщину в темном чулане за своим кабинетом, и ему это сошло с рук. Ба, да он сделал это практически под носом у самой Дейзи!

Сердито тряхнув головой, она забрала дорожную сумку, сообщила сотруднику паспортного контроля, что приехала в отпуск, и направилась к стоянке такси.

— В отель, пожалуйста, — сказала она водителю. — Не слишком дорогой, но и не в клоповник.

— Я знаю как раз то, что тебе нужно, золотко, — отозвался таксист. — Запрыгивай.

Открыв глаза, Паук обнаружил, что растянулся лицом вниз на песке, точнее — его так растянули. Руки были привязаны к большому вкопанному в землю шесту. Ногами он пошевелить не мог, как не мог и вывернуть шею, чтобы посмотреть, что там у него за спиной, но готов был поспорить, что ноги у него тоже стянуты веревками. Когда он за-

елозил, чтобы приподняться с земли и заглянуть назад, заныли раны.

Он открыл рот, и в пыль, размочив ее, стекла лужица темной крови.

Услышав какой-то звук, он насколько возможно вывернул голову. Сверху вниз на него с любопытством смотрела белокожая женщина.

— С вами все в порядке? Глупый вопрос. Посмотрите только, в каком вы виде! Вы, наверное, тоже «каспер». Я правильно поняла?

Паук задумался. Почему-то он сомневался, что он «каспер», а потому мотнул головой.

— Если вы «каспер», вам совершенно нечего стыдиться. Совершенно очевидно, что сама я «каспер». Раньше я такого выражения не слышала, но по дороге сюда познакомилась с очаровательным пожилым джентльменом, который мне все объяснил. Дайте-ка посмотрю, не могу ли я вам помочь.

Присев рядом с ним на корточки, она попыталась развязать веревки.

Ее рука прошла прямо сквозь него. Паук почувствовал, как ее пальцы завитками тумана погладили его кожу.

— Боюсь, я не могу вас коснуться, — сказала она. — Впрочем, это не так плохо: значит, вы еще

живы. Поэтому смотрите веселей.

Паук понадеялся, что странный призрак поскорее уберется. Ему и без этой болтовни трудно было собраться с мыслями.

— Как бы то ни было, стоило мне во всем разобраться, как я приняла твердое решение остаться на Земле, пока не отомщу моему убийце. Я объяснила это Моррису, это мой муж, он был на телеэкране в универмаге «Селфриджес», и он сказал, что, на его взгляд, я совершенно не понимаю, что значит оставить позади мирское. Но говорю вам, если кто-то думает, что я подставлю вторую щеку, его ждет ох какое разочарование. Да и вообще был уже ряд прецедентов. И уверена, представься мне случай, я еще как сыграю Банко. Что? Не понимаете? Я про ту сцену у Шекспира, где Макбет видит на пиру призрака. Вы говорить-то умеете?

Паук покачал головой, и собравшаяся в бровях кровь закапала ему в глаза. Глаза сразу защипало. Интересно, сколько времени понадобится, чтобы отрос новый язык? Прометею удавалось отращивать новую печень ежедневно, а Паук был уверен, что с печенкой мороки гораздо больше, чем с языком. Печень отвечает за химические реакции, там есть билирубин, мочевина, энзимы

и все такое. Там расщепляется алкоголь, а это само по себе — серьезная работа. А язык только говорит. Ну, конечно, еще и лижет…

— Я не могу тут вечно с вами болтать, — сказала вдруг светловолосая галлюцинация. — Думаю, мне предстоит еще долгий путь.

Она пошла прочь и на ходу тускнела. Паук поглядел, как она ускользает из одной реальности в другую — в точности как выцветает на солнце фотография. Он попытался позвать ее назад, но из горла вырвался лишь невнятный шум. Безъязыкий.

Где-то вдалеке раздался птичий крик.

Ему снова вспомнилась рассказанная Рози история о том, как ворон спас человека от кугуара. История царапалась и шебуршала у него в голове — ощущение похуже, чем от ран на лице и груди. «Надо сосредоточиться». Человек лежит на земле, читает или загорает. На дереве каркает ворон. В кустах прячется большая хищная кошка…

И вдруг составляющие истории сместились, и он все понял. Ничего, по сути, не изменилось. Все дело в том, как посмотреть.

Что, думал Паук, если птица кричала не для того, чтобы предупредить человека о хищнике? Что, если она кричала, дабы сказать кугуару, что

на земле лежит человек — дремлет, умирает или уже мертв. Тогда хищнику останется лишь прикончить человека. А ворон сможет полакомиться остатками…

Паук открыл рот, чтобы застонать, но оттуда потекла кровь и собралась густой лужицей на песке.

Реальность истончилась. Время в неведомом месте шло.

Безъязыкий, разъяренный, Паук поднял голову и извернулся посмотреть на призрачных птиц, с криками носящихся в вышине.

Интересно, куда его занесло? Это не вселенная Птицы с небом цвета меди или скисшего молока и не ее пещера, но это и не мир, который он раньше считал реальным. Однако это место гораздо ближе к реальному миру, настолько близко, что он почти чувствует его вкус или почувствовал бы, если бы ему не мешала железистая резь крови, настолько близко, что, не будь он привязан к шесту, мог бы его коснуться.

Не будь он твердо уверен в своей вменяемости, уверен до такой степени, которая обычно встречается только у тех, кто беспрекословно считает себя Юлием Цезарем, посланным спасти мир от адских полчищ, то решил, что сходит с ума.

Сперва он видел светловолосую женщину, утверждавшую, что она «каспер», теперь слышит голоса. По крайней мере один. Голос Рози.

— Не знаю, — говорил этот голос. — Я думала, это будет отпуск, я думала, что отдохну и развеюсь, но понимаешь, эти дети, у которых нет ничего… При виде их просто сердце разрывается. Им нужно так много…

А потом, пока Паук пытался определить, что же это все значит, она сказала:

— Интересно, сколько еще она собирается мокнуть в ванной? Хорошо еще, что тут много горячей воды.

Паук спросил себя, имеют ли слова Рози какое-то значение и не они ли ключ, который поможет выбраться ему из беды? Но тут же отмел эту мысль. Однако стал вслушиваться… Может, ветер принесет из того мира и другие слова. Если не считать волн, бившихся о камни где-то далеко внизу позади него, царила полная тишина. Но особая тишина. Как заметил однажды Толстый Чарли, есть множество разновидностей тишины. У могил одна тишина, у космоса — другая, у горных вершин — третья. Есть тишина охоты. Это тишина выслеживания. В такой тишине нечто мягко ступает на когтистых лапах, а под пуши-

стой шкурой перекатываются стальные мускулы. Нечто цвета теней в высокой траве. Нечто, готовое позаботиться, чтобы ты не услышал ничего, что оно не пожелало бы выдать. Как раз такая тишина колыхалась сейчас вокруг, надвигалась медленно и неизбежно и с каждым шагом становилась все ближе.

Когда Паук услышал эту тишину, волосы у него на загривке стали дыбом. Сплюнув кровь в пыль возле лица, он стал ждать.

А в доме на скалах Грэхем Хорикс мерил шагами комнаты. Он ходил из спальни в кабинет, оттуда вниз по лестнице на кухню, потом снова наверх в библиотеку, а оттуда — назад в спальню. Он злился на себя самого: как же он попал впросак, если счел встречу с Рози случайной? Эта мысль пришла ему в голову, когда загудел домофон, и, глянув на экран системы охраны, он увидел глупую физиономию Толстого Чарли. Ошибки быть не могло: это заговор.

Он прибег к методу тигра: сел в машину, уверенный, что без труда раздавит докучного негодяя. Если когда-нибудь обнаружат побитое о камни тело, то спишут на микроавтобус. К несчастью, он не учел, что Толстый Чарли едет так близко к обрыву. Грэхем Хорикс испугался поближе

подвести машину к краю и теперь горько об этом сожалел. Нет, Толстый Чарли специально послал к нему женщин, которые сейчас сидят в леднике, они — его шпионки. Они обманом проникли в его дом. Счастье еще, что он сумел разгадать их планы. Он с самого начала знал, что что-то с ними неладно.

Вспомнив про женщин, он сообразил, что забыл их покормить. Надо дать им что-нибудь поесть. И ведро. Через два часа сидения взаперти им, уж конечно, нужно ведро. Пусть никто не говорит, что он бесчувственная скотина.

На прошлой неделе он купил в Уильямстауне пистолет. Достать такое на Сан Андреасе довольно просто — такой уж это был остров. Но большинство местных просто не давали себе труда обзаводиться оружием — такой уж это был остров. Достав из прикроватной тумбочки в спальне пистолет, он спустился на кухню. Вынул из-под раковины пластмассовое ведро, бросил в него несколько помидоров, сырой батат, недоеденный кусок чеддера и пакет апельсинового сока. Затем (поздравив себя за заботу и предусмотрительность) прихватил рулон туалетной бумаги.

Потом спустился в винный погреб. И там, и в

леднике царила мертвая тишина.

— У меня пистолет, — громко сказал он. — И я не побоюсь им воспользоваться. Сейчас я открою дверь. Пожалуйста, отойдите к дальней стене, повернитесь и положите на нее руки. Я принес еду. Повинуйтесь, и обе выйдете отсюда целыми и невредимыми. Повинуйтесь, и никто не пострадает. А это значит, — продолжил он, радуясь, что может пустить в ход весь арсенал клише, которые до сих пор были непозволительны, — никаких выходок.

Он включил в леднике свет, потом отодвинул засовы. Стены ледника были отчасти из камня, отчасти из кирпича. С крюков в потолке свисали ржавые цепи.

Обе женщины стояли у дальней стены. Рози буравила взглядом камень. Ее мама, вывернув шею, смотрела через плечо прямо на него — словно попавшая в ловушку крыса, разъяренная и исполненная ненависти.

Грэхем Хорикс опустил ведро, но не пистолет.

— Отличная жратва, — сказал он. — И ведро — лучше поздно, чем никогда. Вижу, вы ходили в угол. Кстати, я принес туалетную бумагу. Не говорите, что я для вас ничего не делал.

— Вы ведь собираетесь нас убить, верно? —

спросила Рози.

— Не зли его, дурочка, — выплюнула, ее мама и, выдавив подобие улыбки, добавила: — Мы благодарны за еду.

— Конечно, я не собираюсь вас убивать, — сказал Грэхем Хорикс и, только услышав эти слова из собственных уст, признался самому себе: ну разумеется, их придется убить. Какие у него еще есть варианты? — Вы не говорили, что сюда вас послал Толстый Чарли.

— Мы приплыли на лайнере, у нас круиз, — сказала Рози. — Сегодня вечером нам полагается есть жареную рыбу на Барбадосе. А Толстый Чарли в Англии. Сомневаюсь, что он даже знает, куда мы поехали. Я ничего ему не говорила.

— Врите, сколько хотите, — ответил Грэхем Хорикс. — Пистолет-то у меня.

Захлопнув за собой дверь, он снова заложил засовы и услышал, как мама Рози говорит:

— А зверь? Почему ты не спросила его про зверя?

— Потому что ты его придумала, мама. Сколько раз можно тебе повторять? Нет тут никакого зверя. Да и вообще он не в своем уме. Он бы скорее всего с тобой согласился. Он сам, наверное, разговаривает с невидимыми тиграми.

Уязвленный такими словами, Грэхем Хорикс погасил им свет и, прихватив с собой бутылку красного вина, отправился наверх, с грохотом хлопнув за собой дверью в винный погреб.

В темноте под домом Рози разломила кусок сыра на четыре части и съела одну как можно медленнее.

— Что такое он говорил про Толстого Чарли? — спросила она маму, когда сыр растворился у нее во рту.

— Опять твой проклятый Толстый Чарли! Знать ничего про него не хочу! — отозвалась ее мама. — Это из-за него мы тут оказались.

— Нет, мы оказались тут, потому что Хорикс совершенно сумасшедший. Псих с пистолетом. И Толстый Чарли здесь ни при чем.

Она постаралась не думать про Толстого Чарли, потому что мысли о нем неизбежно влекли за собой мысли о Пауке…

— Он вернулся, — сказала тем временем ее мама. — Зверь вернулся. Я его слышала. Я чувствую его запах.

— Да, мама, — устало согласилась Рози.

Она сидела на бетонном полу и думала про Паука. Ей его не хватало. И вдруг решила: когда Грэхем Хорикс образумится и их отпустит, она

постарается его разыскать. Выяснит, возможно ли еще начать сначала. Она понимала, что это пустые мечты, зато они хоть немного поддерживали и утешали.

Интересно, убьет ли их завтра Грэхем Хорикс?

А на расстоянии огонька свечи от них на Паука охотился хищный зверь.

День перевалил за середину, и солнце висело низко.

Паук толкал взад-вперед что-то губами и носом. Пока это «нечто» не смочили его кровь и слюна, тут была только сухая земля. Теперь она превратилась в грязный шарик, в плотный ком красноватой глины. Он толкал и перекатывал его, чтобы сделать более-менее округлым. Потом подбросил, подсунув под него нос и дернув головой. Ничего не произошло, как не происходило сколько уже раз? Двадцать? Сто? Он не считал. Просто продолжал в том же духе. Он еще больше вжался лицом в землю, засунул нос под шарик из глины, дернул головой вперед и вверх…

Ничего не произошло. И не произойдет.

Нужно найти другой способ.

Подавшись вперед, он обхватил шарик губами. Насколько мог глубоко, вдохнул через нос. Потом выпустил воздух ртом. Шарик вылетел у него изо

рта, как пробка из бутылки шампанского, и приземлился на расстоянии восемнадцати дюймов.

Теперь Паук вывернул правую кисть. Руки у него были связаны в запястьях, веревка крепко притягивала их в сторону шеста. Он отвел кисть, вывернул. Пальцы потянулись к кому окровавленной земли, но коснулись его лишь кончики пальцев.

Так близко…

Паук снова сделал глубокий вдох, но глотнул пыли и закашлялся. Переведя дух, он попробовал, снова. Начал дуть в сторону шарика, изо всех сил выталкивая из легких воздух.

Глиняный шарик откатился — не более чем на дюйм, но и этого хватило. Осталось вытянуть пальцы…

И вот шарик у него. Он начал сжимать глину между средним и большим пальцами, потом повернул и повторил снова. И так восемь раз.

Затем опять повторил весь процесс, на сей раз сдавливая чуть сильнее и немного скручивая. Один из получившихся отростков отломился и упал в пыль, но остальные удержались. Теперь в руках у него оказался маленький шарик с семью лучами — так ребенок слепил бы из пластилина солнышко.

Паук осмотрел его с гордостью: в таких обстоятельствах любой гордился бы своим творением, как счастливый мальчишка, принесший домой из школы вылепленную фигурку.

А вот со словом придется помучиться. Изготовить паука или что-то, похожее на него, из крови, слюны и песка нетрудно. Боги, даже мелкие боги проказ вроде Паука, такое умеют. Но последний этап Творения окажется самым тяжелым. Чтобы дать чему-то жизнь, нужно слово. Нужно назвать свое творение.

Он открыл рот.

— Фрфрурррруррр, — произнес он безъязыко.

Ничего не случилось.

Он постарался снова.

— Ффрруррруррр!

Ком у него на ладони так и остался мертвой глиной.

Паук упал лицом в пыль. Он так измучен. От малейшего движения вскрывались раны на лице и груди. Из них сочилась кровь, они саднили и — что еще хуже — чесались. «Думай! — велел он самому себе. — Должен же быть какой-то способ…»

Как говорить без языка?..

На губах у него еще сохранился слой глины. Он

втянул его в себя, попытался, как смог, смочить, не облизывая.

Потом сделал глубокий вдох и выпустил воздух через сложенные в трубочку губы, произнося с такой уверенностью, что даже вселенная не осмелилась бы ему противоречить. Он давал имя существу у себя в руке и одновременно произносил свое собственное, которое, насколько он знал, было лучшей магией из всех:

— Фшпаффууфкфф.

И вдруг у него на ладони, там, где лежал кровавый комок, оказался жирный паук цвета красной глины с семью длинными хилыми ногами.

«Помоги мне, — подумал Паук. — Приведи помощь».

Паучок только смотрел на него поблескивающими на солнце глазками. Потом скатился с его ладони на землю и на неверных ногах, ковыляя и подпрыгивая, двинулся в траву. Паук следил за ним, пока он не скрылся из виду, потом опустил лицо в пыль и закрыл глаза.

Тут ветер переменился и принес аммиачный запах самца большой кошки. Хищник пометил свою территорию…

Паук услышал победное карканье птиц в вышине…

У Толстого Чарли урчало в животе. Будь у него лишние деньги, он пошел бы обедать в другое место, лишь бы убраться подальше из отеля, но учитывая, что теперь он практически на мели, а обеды включены в стоимость номера, то, как только большая стрелка часов подползла к семи, он спустился в ресторан.

У метрдотеля была роскошная улыбка. И эта метрдотель сообщила, что ресторан откроется через несколько минут: нужно дать оркестру время настроить инструменты. Потом она внимательно всмотрелась ему в лицо — Толстый Чарли уже научился узнавать этот взгляд.

— Вы?.. — начала она.

— Да, — ответил Толстый Чарли. — Он даже у меня с собой. — Он вынул из кармана и показал ей зеленый лимон.

— Очень симпатично, — отозвалась она. — У вас несомненно лимон. Но я собиралась спросить, хотите ли вы меню a la carte или предпочли бы фуршет?

— Фуршет, — сказал Толстый Чарли. Фуршет ведь бесплатный.

Он стоял в фойе перед рестораном, держа в руке зеленый лимон.

— Подождите минутку, — сказала метрдотель.

Из коридора позади Толстого Чарли вышла невысокая худенькая девушка и, улыбнувшись метрдотелю, спросила:

— Ресторан уже открыт? Умираю с голоду.

Тут раздались финальные «ур-ух-рур» бас-гитары и «блим» электрического пианино. Опустив инструменты, музыканты помахали из-за стеклянной двери метрдотелю.

— Открыт, — сказала она. — Входите.

Худенькая женщина воззрилась на Толстого Чарли с настороженным удивлением.

— Здравствуй, Толстый Чарли, — сказала она. — Зачем тебе лимон?

— Долгая история.

— У нас весь обед впереди, — откликнулась Дейзи. — Может, расскажешь?

Рози спрашивала себя, бывает ли безумие заразным. В кромешной тьме под домом на скалах она почувствовала, как мимо нее прошло что-то мохнатое. Что-то гибкое. Что-то огромное. И это что-то негромко зарычало, кружа вокруг нее и мамы.

— Ты слышала? — спросила она.

— Конечно, слышала, дурочка, — ответила мама. — Апельсинового сока не осталось?

Нащупав пакет с соком, Рози протянула его

маме. Раздались хлюпающие и глотающие звуки, потом мама произнесла:

— Зверь скорее всего нас не тронет. А вот его он точно убьет.

— Ты про Грэхема Хорикса? Да, скорее всего убьет.

— Он дурной человек. Что-то оседлало его как лошадь, но из него выйдет дурная лошадь, и человек он дурной.

Потянувшись, Рози взяла костлявую мамину руку в свою, но промолчала. Говорить-то было нечего.

— Знаешь, — сказала мама, помолчав, — я очень тобой горжусь. Ты была хорошей дочерью.

— О! — Мысль о том, что она маму не разочаровывала на каждом шагу, была совершенно новой, и Рози не знала как к ней относиться.

— Может, тебе стоило выйти замуж за Толстого Чарли, — продолжала мама. — Тогда мы бы тут не отказались.

— Нет, — возразила Рози. — Мне ни за что не стоило выходить за Толстого Чарли. Я его не люблю. Тут ты была совершенно права.

Где-то наверху хлопнула дверь.

— Он ушел, — сказала Рози. — Скорей. Пока его нет, давай рыть туннель.

Сначала она зашлась смехом, потом расплакалась.

Толстый Чарли силился понять, откуда на Сан Андреасе взялась Дейзи. А Дейзи прилагала такие же усилия, чтобы понять, как здесь очутился Толстый Чарли. И обоим не слишком удавалось. На небольшой сцене в конце зала певица в красном облегающем платье пела «Мне от тебя никуда не деться» (и делала это слишком хорошо для пятничной программы в заштатном ресторанчике).

— Значит, ты ищешь старушку, которая жила по соседству, когда ты был маленьким мальчиком, потому что она, вероятно, поможет отыскать твоего брата?

— Мне дали перо. Если оно еще у нее, вдруг мне удастся обменять его на брата? Попытка не пытка.

Дейзи задумчиво моргнула и поковыряла салат — слова Толстого Чарли ее явно не убедили.

— Ну а ты приехала на Сан Андреас в уверенности, что именно сюда сбежал Грэхем Хорикс после того, как убил Мэв Ливингстон. Но ты же здесь не как полицейская. Ты просто прилетела на свой страх и риск, в расчете на то, что он здесь. Но даже если ты его найдешь, ты ведь все равно ничего не сможешь сделать.

Дейзи смахнула с угла губ помидорное семечко, вид у нее стал явно смущенный.

— Да, я здесь не как полицейская, а как туристка.

— Но ты ведь только что бросила работу и прилетела сюда за ним! За это тебя могут выгнать с работы, или в тюрьму посадить, или еще что.

— Значит, мне на руку, что у Сан Андреаса ни с кем нет договоров об экстрадиции, верно? — сухо откликнулась она.

— О Господи, — пробормотал себе под нос Толстый Чарли.

Причиной этого «О Господи» стало то, что певица спустилась со сцены и с радиомикрофоном в руке стала обходить зал. В данный момент она спрашивала двух немецких туристов, откуда они родом.

— Но зачем ему приезжать сюда? — спросил Толстый Чарли.

— Конфиденциальность банковских счетов. Дешевая земля. Никаких договоров об экстрадиции. А может, он просто любит цитрусовые.

— Я два года до смерти его боялся, — признался Толстый Чарли. — Схожу-ка я еще за салатом из рыбы с зеленью. Тебе что-нибудь принести?

— Уже наелась, — ответила Дейзи. — Надо для

десерта место оставить.

Толстый Чарли двинулся к фуршетному столу, избрав окольный путь, лишь бы не попасться на глаза певице. Певица была очень красивой, а блестки на ее красном платье отражали свет и перемигивались. Она была много лучше оркестра. Толстому Чарли очень бы хотелось, чтобы она вернулась на сцену (ему понравилось, как она исполнила «День и ночь» и особенно задушевную «Ложку сахара») и перестала разговаривать с обедающими. Или по крайней мере с теми, кто сидит в его части зала.

Он положил в тарелку еще всякой снеди, которая понравилась ему в первый раз. Из катания по острову на велосипеде, решил он, следует как минимум одно: развивается зверский аппетит.

Когда он вернулся к столу, возле Дейзи сидел Грэхем Хорикс с рыжеватой порослью на подбородке и улыбался от уха до уха.

— А, Толстый Чарли, — неприятно хохотнул Грэхем Хорикс. — Поразительно, верно? Приезжаю поговорить с вами с глазу на глаз, и кого нахожу в качестве бонуса? Восхитительную полицейскую. Прошу, садитесь и не пытайтесь устроить сцену.

Толстый Чарли застыл как восковая кукла.

— Садитесь, — повторил Грэхем Хорикс. — У

меня в руке пистолет, а дуло прижато к животу мисс Дейзи.

Дейзи, в чьи глазах читалась мольба, кивнула, подтверждая его слова. Ее ладони были плотно прижаты к скатерти. Толстый Чарли сел.

— Пожалуйста, так, чтобы я мог видеть ваши руки. Прижмите их к столу, как она.

Толстый Чарли повиновался.

— Я всегда знал, что вы полицейский под прикрытием, Нанси, — объявил Грэхем Хорикс. — Провокатор, а? Устраиваетесь ко мне на работу, подставляете меня, обворовываете вчистую.

— Я никогда… — начал было Толстый Чарли, но, поймав взгляд Грэхема Хорикса, осекся.

— Вы считали, что умнее всех, — продолжал Грэхем Хорикс. — Думали, что я попадусь на удочку? Поэтому подослали мне тех двух, да? Ту парочку в доме? Вы думали, я поверю, что они действительно приехали в круиз? Еще не родился тот, кто меня облапошит. Кому еще вы рассказали? Кто еще знает?

— Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, мистер Хорикс, — сказала Дейзи.

Певица заканчивала «Однажды»: голос у нее был богатый и блюзовый и вился вокруг слушателей как бархатный шарф.

Однажды
Ты по мне затоскуешь, мой милый,
Однажды
Тебе будет так одиноко.
Однажды
Ты затоскуешь по моим рукам,
По моим поцелуям…
Однажды…

— Вы сейчас заплатите по счету, — сказал Грэхем Хорикс, — а потом я провожу вас и вашу даму к машине. Затем мы поедем ко мне. Надо поговорить по душам. Малейшая глупость, и я пристрелю вас обоих. Capiche?[6]

Толстый Чарли усек. А еще сообразил, кто сидел за рулем того черного «мерседеса» и что сегодня сам он был на волосок от смерти. Он начал понимать, насколько же сбрендил Грэхем Хорикс и как мало у них с Дейзи шансов выбраться из этой передряги живыми.

Певица закончила. По всему ресторану раздались аплодисменты. Толстый Чарли держал руки на столе. Он смотрел мимо Грэхема Хорикса на певицу и правым глазом, которого Грэхем Хорикс

---

[6] notes: 6
Поняли? *(ит.)*

видеть не мог, ей подмигивал. Ей уже давно надоело, что с ней избегают встречаться взглядом, а потому подмигивание Толстого Чарли пришлось как нельзя кстати.

— Вполне очевидно, мистер Хорикс, — говорила тем временем Дейзи, — что я приехала сюда из-за вас, но Чарли просто…

Тут она умолкла, и на лице у нее возникла гримаска в точности такая, какую корчишь, когда дуло пистолета еще глубже утыкается тебе в живот.

— Слушайте меня, — сказал Грэхем Хорикс. — Ради собравшихся здесь ни в чем не повинных людей давайте вести себя как добрые друзья. Я сейчас уберу пистолет в карман, но целиться он все равно будет в вас. Мы встанем. Выйдем к моей машине. И я…

Он осекся. Завлекательно улыбаясь, к их столу приближалась женщина в красном с блестками платье с микрофоном в руке. И направлялась она прямо к Толстому Чарли, а в микрофон говорила:

— Как вас зовут, милый?

Микрофон она поднесла к лицу Толстого Чарли.

— Чарли Нанси, — ответил Толстый Чарли. Горло у него перехватило, голос дрогнул.

— Откуда вы, Чарли?

— Из Англии. И мои друзья тоже. Мы все из Англии.

Время остановилось. Так бывает, когда прыгаешь со скалы в океан. И выход только один. Сделав глубокий вдох, он произнес, что нужно:

— В настоящий момент я без работы, — начал он. — Но на самом деле я певец. Пою, понимаете ли. В точности как вы.

— Как я? И что же вы поете?

Толстый Чарли сглотнул.

— А что у вас есть?

— Как по-вашему, — обратилась она к паре за столом Толстого Чарли, — удастся уговорить его спеть для нас? — Она указала микрофоном на сцену.

— Э-э-э… Сомневаюсь. Нет. Абсо-ненно, исключается, — подал голос Грэхем Хорикс.

Дейзи, не отнимая рук от стола, пожала плечами.

Певица в красном платье повернулась к залу.

— Что скажем?

По остальным столам пробежал шорох вежливых хлопков и более пылкие аплодисменты официантов и барменов.

— Спой нам что-нибудь! — крикнул бармен.

Наклонившись к Толстому Чарли, певица прикрыла рукой микрофон:

— Пусть будет что-то, что ребята знают.

— «Под променадом на пляже» они знают? — спросил Толстый Чарли.

На это певица кивнула, объявила песню и протянула ему микрофон.

Оркестр заиграл, а певица повела Толстого Чарли на небольшую сцену, сердце у него в груди бешено билось.

Толстый Чарли запел, а зал стал слушать.

Он хотел лишь выиграть немного времени, но, поднявшись на сцену, почувствовал себя как дома. Никто ничем в него не бросал. И в голове — совсем не вата, а полно места для мыслей. Он отчетливо сознавал присутствие всех до единого людей в зале: и постояльцев отеля, и обслуги, и выпивох у барной стойки. Он видел все: как бармен отмеривает алкоголь в коктейль, как старушка в дальнем конце комнаты наливает в большую пластмассовую кружку кофе. Он попрежнему был сердит и напуган, но весь свой страх и весь свой гнев вылил в песню, а потом превратил ее в рассказ о любви и лени. И пока пел, думал.

«Что сделал бы сейчас Паук? — думал Толстый

Чарли. — Как поступил бы папа?»

— Под променадом… — пел он, — мы займемся любовью.

Певица в красном платье улыбалась и щелкала пальцами, а потом даже стала покачиваться в такт музыке. Наклонившись к микрофону у электрического пианино, она начала подпевать.

«Я и впрямь пою перед аудиторией! — удивился Толстый Чарли. — Ну надо же!»

Он не спускал глаз с Грэхема Хорикса.

Вступая с последним припевом, он поднял руки над головой и стал хлопать, и вскоре вместе с ним захлопал весь зал: обедающие и официанты, гости и повара, все, за исключением Грэхема Хорикса, чьи руки все так же прятались под скатертью, и Дейзи, чьи руки все так же вжимались в стол. Дейзи смотрела на него так, словно он не просто свихнулся, но еще и выбрал крайне неподходящее время для своей мании.

Аудитория хлопала, Толстый Чарли улыбался и пел и, пока пел, вдруг без тени сомнения понял, что все будет хорошо. Все для всех уладится: и для него с Пауком, и для Дейзи, и для Рози, где бы она ни была. Он знал, что сейчас сделает: совершит глупый и невероятный, идиотский поступок, но это сработает. И когда замерли последние ноты

песни, произнес:

— За столом, где я обедал, сидит одна прекрасная девушка. Ее зовут Дейзи Дей. Она тоже из Англии. Помашешь присутствующим, Дейзи?

Дейзи поглядела на него с отвращением, но все-таки подняла руку от стола и помахала.

— Я кое-что хотел сказать Дейзи. Она не знает, что именно это будет. — «Если это не сработает, — прошептал внутренний голосок на задворках его сознания, — она умрет. Это-то ты понимаешь?» — Но будем надеяться, она скажет «да». Дейзи? Ты выйдешь за меня замуж?

Воцарилась мертвая тишина. Толстый Чарли во все глаза смотрел на Дейзи, усилием воли заставляя ее понять, заставляя подыграть ему.

Дейзи кивнула.

Обедающие зааплодировали. Вот это шоу! К столу слетелись певица, метрдотель и несколько официанток, подняли Дейзи на ноги и потащили на середину танцпола. Они подвели ее к Толстому Чарли, и, когда оркестр заиграл «Просто позвонил сказать, что я тебя люблю», он ее обнял.

— У вас есть кольцо?

Толстый Чарли опустил руку в карман.

— Вот, — сказал он Дейзи. — Это тебе.

Потом обнял и поцеловал. Если кто-то и будет

убит, подумал он, то сейчас самое время. Быстро, слишком быстро поцелуй закончился, и все вокруг стали жать ему руку, хлопать по плечу и обнимать (один человек, заявивший, что приехал на Музыкальный фестиваль, даже всучил ему визитную карточку). И Дейзи оглушенно стояла с очень странным выражением на лице, сжимая подаренный им зеленый лимон. А когда он оглянулся на стол, за которым они сидели, Грэхема Хорикса там уже не было.

Глава тринадцатая, которая кое для кого плохо кончается

Теперь птицы разошлись не на шутку: кричали, каркали и верещали в кронах деревьев. «Идет», — подумал Паук и про себя выругался. Он вымотался, сил больше нет. У него ничего не осталось. Ничего, кроме усталости, ничего, кроме изнеможения.

Он думал о том, каково это — лежать на земле и чувствовать, как тебя пожирают. С какой стороны ни посмотреть, паршивая смерть. Сомнительно, что он вообще сумеет отрастить себе не то что печень, а хотя бы язык, да и вообще тот, кто охотится за ним, ни первой, ни вторым не ограничится.

Паук принялся раскачивать столб. Сосчитав до трех, он что есть мочи дернул разом на себя обе руки, чтобы они натянули веревки и потащили бы за собой столб, потом еще раз сосчитал и попробовал снова.

С тем же успехом он мог бы пытаться перетащить через шоссе гору. Раз, два, три… рывок! Раз,

два, три… рывок! Раз, два, три… рывок!

Интересно, скоро ли появится зверь?

Раз, два, три… рывок! Раз, два, три… рывок!

Где-то кто-то пел — Паук ясно слышал песню про любовь и лень. И слушая ее, вдруг улыбнулся и поймал себя на мысли, что жалеет, что у него больше нет языка: он показал бы его Тигру, когда тот наконец соизволит явиться. Эта мысль придала ему сил.

Раз, два, три… рывок!

И шест поддался и шевельнулся у него под руками.

Еще рывок, и он вышел из земли — так же легко, как выходил меч из камня.

Подтянув к себе веревки, он схватил его за конец. Шест был футов трех высотой. Один его конец был заострен — чтобы легче вбить в землю. Онемевшими пальцами Паук стащил с рук петли, которые теперь бесполезно повисли у него на запястьях. Он взвесил шест в правой руке. Подойдет. И вдруг понял, что за ним наблюдают. Наблюдают уже давно, как кошка за мышкиной норкой.

Зверь явился в тишине или почти полной тишине, подобрался, как тень облака. Паук успел разглядеть лишь нетерпеливо бьющий по бо-

кам хвост. В противном случае его можно было принять за статую или за гору песка, которую причудливая игра теней превратила вдруг в чудовищную кошку, ведь шкура у него была цвета песка, а немигающие глаза — зелени моря посреди зимы. И у него была широкая, жестокая морда пантеры. На островах всех крупных кошек называют Тигр. А сейчас перед Пауком стояло воплощение всех крупных кошек, только крупнее, злее и опаснее.

Колени Паука все еще были спутаны, и он едва мог передвигаться. Кисти рук и ступни словно бы покалывало тысячью иголок. Он стал прыгать с ноги на ногу и попытался изобразить, будто делает это намеренно, будто это какой-то устрашающий танец, а не потому, что больно стоять.

Ему хотелось присесть и развязать веревку на коленях, но он не решался отвести глаз от зверя.

Шест был тяжелым и толстым, но слишком коротким, чтобы послужить копьем, слишком большим и неудобным, чтобы бросать как дротик. Паук держал его за заостренный конец и сейчас намеренно отвел взгляд, посмотрел на море, старательно не глядя на то место, где застыл хищник, и полагаясь на периферийное зрение.

Что она сказала? «Ты станешь блеять. Ты ста-

нешь скулить. Твой страх привлечет его».

Паук заскулил. Потом заблеял, как подраненный козлик, откормленный, потерявшийся и одинокий козлик.

Мазок песчаного, доля секунды, за которую и не распознать даже несущихся на него зубов и когтей. Паук замахнулся шестом, как бейсбольной битой, замахнулся изо всех сил и почувствовал, как с удовлетворительным, влажным стуком его оружие соприкоснулось с носом хищника.

Тигр застыл, уставился на него так, словно не верил собственным глазам, а после издал горловой звук, вопросительный рык, и ушел на негнущихся ногах туда, откуда явился, ушел в кусты с таким видом, точно его ждут на заранее условленной встрече, от которой — жаль, но никак не отвертеться.

Паук посмотрел ему вслед.

Потом сел и распутал веревки на ногах.

И нетвердым шагом отправился по краю скалы. Тропинка вилась, уходя вниз под слабым уклоном, вскоре ее пересек ручей, падавший с обрыва мерцающим на солнце водопадиком. Опустившись на колени, Паук сложил руки лодочкой и стал пить прозрачную холодную воду.

Потом начал собирать камни. Хорошие, надеж-

ные камни размером с кулак. Их он складывал в кучку, как снежки.

— Ты почти ничего не ела, — сказала Рози.

— Лучше ты поешь. Тебе нужно сохранять силы, — ответила мама. — Я съела немного сыру. Этого хватит.

В леднике для мяса было холодно и темно. И не той темнотой, к которой могут привыкнуть глаза. Света не было вообще никакого. Рози обошла ледник по периметру, ведя пальцами по побелке, по влажной скале, по осыпающемуся кирпичу: искала хоть что-нибудь полезное и не нашла ничего.

— Раньше ты ела, — сказала Рози. — Когда папа был жив.

— Твой отец тоже ел, — возразила мама. — И посмотри, к чему это привело? К инфаркту в пятьдесят один год. Что это за мир?

— Но он же любил еду.

— Он все любил, — горько отозвалась мама. — Любил еду, любил людей, любил свою дочь. Любил готовить. Любил меня. И что ему это дало? Только раннюю смерть. Нельзя постоянно любить все подряд. Я же тебе говорила.

— Да, — согласилась Рози. — Наверное, говорила.

Она пошла на звук маминого голоса, держа руку перед собой, чтобы не наткнуться лбом на какую-нибудь висящую посреди ледника ржавую цепь. Найдя костлявое плечо матери, она обняла ее.

— Я не боюсь, — сказала в темноте Рози.

— Тогда ты сошла с ума.

Отпустив мать, Рози снова вышла на середину помещения. Раздался внезапный треск. С потолка посыпались пыль и рассохшаяся штукатурка.

— Рози? Что ты делаешь?

— Раскачиваю цепь.

— Будь осторожна. Если крепеж не выдержит, ты и ахнуть не успеешь, как окажешься на полу с проломленной головой.

Не услышав ответа дочери, миссис Ной сказала:

— Я же говорила, ты сошла с ума.

— Нет, — возразила Рози. — Не сошла. Просто перестала бояться.

Где-то в доме наверху хлопнула дверь.

— Синяя Борода вернулся, — сказала мама Рози.

— Знаю. Я слышала, — ответила Рози. — И все равно не боюсь.

Люди все хлопали Толстого Чарли по спине и покупали ему коктейли с зонтиками. В дополне-

ние к тому пришлось взять пять визиток у людей из мира музыки, продюсеров и агентов, приехавших на остров ради фестиваля.

Все в зале ему улыбались. Он обнимал Дейзи за плечи и чувствовал, как ее бьет дрожь. Привстав на цыпочки и поднеся губы к самому уху Чарли, она прошептала:

— Ты совершенно сумасшедший. Тебе это говорили?

— Но ведь сработало.

Она только поглядела на него.

— Ты полон сюрпризов.

— Пошли, — ответил он. — Мы еще не закончили. — И направился к метрдотелю. — Прощу прощения… Тут была одна женщина. Когда я пел, она вошла, налила себе кофе из кофейника вон там, у бара. Куда она делась?

Метрдотель недоуменно пожала плечами.

— Не знаю…

— Нет, знаете, — не отступал Толстый Чарли.

Он чувствовал себя на коне. Он знал, что очень скоро вновь станет самим собой, но сейчас ему все по плечу: он ведь спел перед аудиторией, и ему это понравилось. Он рискнул, чтобы спасти жизнь Дейзи и свою собственную, и у него получились и песня, и спасение. Все дело в песне:

пока он пел, ему все стало совершенно ясно. И до сих пор было ясно. Он направился по коридору, и Дейзи с метрдотелем потянулись следом.

— Как вас зовут? — спросил он метрдотеля.

— Кларисса.

— Очень приятно, Кларисса. Как ваша фамилия?

— Наверное, нам нужно вызвать полицию, Чарли, — вмешалась Дейзи.

— Через минуту. Кларисса. А как дальше?

— Хигглер.

— И кем вы приходитесь Бенджамину? Консьержу?

— Он мой брат.

— И кем именно вы приходитесь миссис Хигглер? Каллианне Хигглер?

— Они мои племянники, Толстый Чарли, — сказала из вестибюля миссис Хигглер. — И вообще, думаю, сейчас лучше послушаться твоей невесты и поговорить с полицией. Как по-твоему?

Паук сидел, прислонясь спиной к скале у ручья, перед ним высилась горка камней для метания, а из высокой травы впереди широким шагом вышел человек. Он был голым, если не считать широкого куска песочного цвета меха вокруг пояса, сзади на этом «ремне» покачивался хвост.

На шее у человека болталось ожерелье из зубов, острых и белых, а за плечом висел мешок. Он небрежно приблизился к Пауку, словно просто вышел на утреннюю прогулку для моциона и встреча с Пауком оказалась для него приятным сюрпризом. Взяв из горки камень размером с грейпфрут, Паук взвесил его в руке.

— Привет, сын Ананси, — сказал незнакомец. — Я проходил мимо и увидел тебя и подумал, а вдруг могу чем-то помочь. — Нос у него был словно бы чуть свернут на сторону, вокруг расплывался синяк.

Паук только качнул головой. Ему так не хватало языка.

— Увидев, как ты тут сидишь, я подумал: бедный дитя Ананси, он, наверное, голоден. — Незнакомец широко, слишком широко улыбнулся. — Вот. У меня достаточно еды, чтобы с тобой поделиться.

Сбросив на землю мешок, он запустил правую руку внутрь и достал свежеубитого ягненка с черным хвостом. Поднял повыше за шею. Голова ягненка свесилась на сторону.

— Мы с твоим отцом много раз пировали вместе. Неужели есть причина, почему мы с тобой должны поступать иначе? Ты можешь развести

огонь, а я освежую ягненка и приготовлю вертел, чтобы его пожарить. Я прямо-таки чувствую вкус жареной ягнятины!

Пауку так хотелось есть, что кружилась голова. Будь у него язык, он, возможно, согласился бы, уверенный, что болтовней найдет выход из самого неприятного положения. Но языка у него не было. Левой рукой он подобрал второй камень.

— Так давай попируем и станем друзьями. Пусть не будет больше размолвок, — сказал незнакомец.

«А Стервятник и Ворон очистят мои кости», — подумал Паук.

Незнакомец сделал еще шаг к Пауку, который решил, что сейчас самое время бросить первый камень. Паук всегда гордился отменным глазомером и прекрасным броском, и камень ударил в точности туда, куда он рассчитывал, — в правую руку незнакомца. Незнакомец выронил мешок. Следующий попал в висок — Паук метил ровно между широко поставленных глаз, но незнакомец пытался увернуться.

Тогда незнакомец побежал со всех ног, и хвост у него за спиной был прям как палка. На бегу незваный гость выглядел то человеком, то зверем.

Когда он скрылся из виду, Паук встал и про-

шел несколько шагов забрать ягненка с черным хвостом. Когда он достиг тушки, ягненок шевельнулся, и на мгновение Пауку показалось, что он еще жив, а потом он увидел, что по шкуре ползают черви. От туши несло, и трупная вонь помогла Пауку хотя бы ненадолго забыть про голод.

Держа на вытянутой руке, он отнес трупик к обрыву и выбросил в море. Потом вымыл руки в ручье.

Он не знал, сколько часов провел в этом месте. Время здесь растянулось и искривилось. На горизонте садилось солнце.

«Когда оно уйдет под воду, но до восхода луны… — подумал Паук. — Вот когда зверь вернется».

Неумолимо веселый офицер полиции Сан Андреаса сидел в дирекции отеля и слушал, как Дейзи и Толстый Чарли наперебой рассказывают о случившемся в Англии, а потом в ресторане, и делал это с безмятежной, равнодушной улыбкой на широком лице. Иногда он поднимал палец и чесал себе ус.

Они рассказали полицейскому, что скрывающийся от правосудия преступник по имени Грэхем Хорикс подсел к ним, когда они обедали в ресторане, и грозил Дейзи пистолетом. Которого,

как им пришлось признать, никто, кроме Дейзи, не видел. Толстый Чарли рассказал про инцидент с черным «мерседесом» и велосипедом, и нет, он на самом деле не видел, кто был за рулем. Но знает, откуда взялась машина. И сообщил полицейскому про дом на скалах.

Полицейский задумчиво погладил черные с проседью усы.

— Действительно, там есть такой дом, как вы описали. Однако он принадлежит не вашему Хориксу. Вы описываете дом Бейзила Финнегана, весьма респектабельного джентльмена. Уже много лет мистер Финнеган питает здоровый интерес к поддержанию закона и порядка на нашем острове. Он давал деньги на школы, но еще, что гораздо важнее, пожертвовал солидную сумму на строительство нового полицейского участка.

— Он пистолет мне к животу приставил! — вспыхнула Дейзи. — Он говорил, что, если мы не пойдем с ним, откроет стрельбу.

— Если это был мистер Финнеган, дамочка, — возразил полицейский, — уверен, всему найдется очень простое объяснение. — Открыв портфель, он достал стопку бумаг. — Вот что я вам скажу. Поразмыслите о случившемся. Поспите. Если наутро вы будете убеждены, что дело не в винных

парах, то просто заполните эти бланки и завезите все три экземпляра в участок. Поезжайте в новый полицейский участок, позади главной площади. Все знают, где он.

Пожав обоим руки, он удалился восвояси.

— Надо было тебе сказать, что ты тоже полицейская, — задумчиво произнес Толстый Чарли. — Тогда, возможно, он отнесся бы к нам серьезнее.

— Сомневаюсь, что от этого был бы толк, — отозвалась Дейзи. — Тот, кто называет женщину «дамочка», автоматически исключает ее из числа тех, кого стоит слушать.

Они вышли в вестибюль отеля.

— Куда она подевалась? — вскинулся Толстый Чарли.

— Тетушка Каллианна? — переспросил Бенджамин. — Ждет вас в конференц-зале.

— Ну вот, — сказала Рози. — Я же знала, что сумею, надо только раскачать.

— Он тебя убьет.

— Он в любом случае нас убьет.

— Не сработает.

— Мам! У тебя есть идея получше?

— Он тебя заметит.

— Перестань видеть все в черном свете, мама.

Если у тебя есть какие-то дельные соображения, пожалуйста, выскажи. А если нет, то побереги силы. Ладно?

Молчание. Потом:

— Могу показать ему попку.

— Что?

— Что слышала.

— Э-э-э… Вместо чего?

— В дополнение.

Молчание. Потом Рози сказала:

— Ну, во всяком случае, не помешает.

— Привет, миссис Хигглер, — сказал Толстый Чарли. — Я хочу получить назад перо.

— С чего ты взял, что твое перо у меня? — вопросила она, сложив руки на огромной груди.

— Мне сказала миссис Дунвидди.

Это как будто миссис Хигглер удивило — впервые.

— Луэлла сказала тебе, что перо у меня?

— Вот именно.

— Я взяла его на хранение. — Миссис Хигглер махнула на Дейзи кружкой кофе. — Не думаешь же ты, что я стану говорить при ней. Я ее не знаю.

— Это Дейзи. Ей вы можете сказать все, что сказали бы мне.

— Она твоя невеста, — проворчала миссис Хигглер. — Я слышала.

Толстый Чарли почувствовал, как заливается краской.

— Она не моя… На самом деле мы не… Мне нужно было как-то освободить ее от человека, который угрожал ей пистолетом. Это показалось самым простым выходом.

Миссис Хигглер посмотрела на него внимательно, глаза за толстыми стеклами очков как будто блеснули.

— Я это поняла. Во время песни. Перед аудиторией. — Она покачала головой, как это делают старики, размышляя о неразумии молодых. Потом открыла сумочку, достала из нее конверт и протянула Толстому Чарли. — Я обещала Луэлле сохранить его.

Толстый Чарли вынул из конверта перо, основательно измятое в ту ночь, когда он, сам о том не зная, изо всех сил сжимал его во время сеанса.

— Ладно, — сказал он. — Перо. Замечательно. А что теперь? — Он повернулся к миссис Хигглер. — Что мне теперь с ним делать?

— Ты не знаешь?

Когда Толстый Чарли был маленьким, мама советовала ему считать до десяти и лишь потом

выходить из себя. Вот и сейчас он неспешно сосчитал про себя до десяти и лишь потом вышел из себя.

— Разумеется, я не знаю, что с ним делать, глупая вы старуха! За последние две недели меня арестовали, я потерял невесту и работу, видел, как моего воображаемого брата поглотила на Пиккадилли-серкус стена птиц. Я носился взад-вперед через Атлантический океан, как какой-нибудь сбрендивший шарик в пинг-понге, а сегодня вышел перед большим количеством людей и спел, потому что мой бывший босс-психопат прижал дуло пистолета к животу девушки, с которой я обедал. Я всего лишь пытаюсь разобраться в том хаосе, в который превратилась моя жизнь с тех пор, как вы — вы, а не кто-нибудь другой! — посоветовали мне поговорить с братом. Поэтому нет. Я не знаю, что мне делать с этим чертовым пером. Сжечь его? Порубить и съесть? Построить вокруг него гнездо? Выпрыгнуть в окно, держа перед собой?

Миссис Хигглер посмотрела на него как угрюмый ребенок.

— Следовало спросить у Луэллы Дунвидди.

— Сомневаюсь, что это возможно. Когда я к ней заезжал, вид у нее был неважнецкий. К тому же у

нас мало времени.

— Отлично, — вмешалась Дейзи. — Перо у тебя. А теперь можно нам поговорить о Грэхеме Хориксе?

— Это не просто перо. Это перо, которое я получил в обмен на брата.

— Так обменяй назад и давай займемся делом. Не можем же мы так все оставить.

— Это не так просто, — возразил Толстый Чарли, но вдруг умолк: подумал о словах, которые сам только что произнес, и о ее ответе. И с восхищением посмотрел на Дейзи. — Господи, какая же ты умная! — вырвалось у него.

— Стараюсь. А что я такого сказала?

Четырех старушек под рукой не было, но имелись миссис Хигглер, Бенджамин и Дейзи. Обед почти закончился, поэтому метрдотель Кларисса с удовольствием к ним присоединилась. У них не было земли четырех разных цветов, но был белый песок с пляжа при отеле и черная земля с клумбы перед входом, красная глина из проулка за зданием и цветной песок в пробирках из сувенирной лавки. Свечи, которые они позаимствовали со столиков возле бассейна, были маленькими и белыми, а не высокими и черными. Миссис Хигглер заверила, что все нужные травы растут на

острове, но Толстый Чарли попросил Клариссу принести с кухни букет ароматических трав для бульона.

— Думаю, самое главное тут — вера в себя, — объяснил он. — Детали — вещь второстепенная. Важна атмосфера магии.

В данном случае атмосферу магии вовсе не помогал сгустить ни Бенджамин Хигглер, который то и дело оглядывал стол и разражался хихиканьем, ни Дейзи, которая постоянно напоминала, что весь ритуал несусветная чушь.

Миссис Хигглер бросила ароматический букет в миску с оставшимся после обеда белым вином. Потом начала гудеть и жужжать. Подстегивая остальных, она подняла руки, и вскоре они стали ей вторить — в целом звучание напоминало рой пьяных пчел. Толстый Чарли ждал, когда что-нибудь произойдет.

Ничего не происходило.

— Толстый Чарли, — подала вдруг голос миссис Хигглер. — Ты тоже гуди.

Толстый Чарли сглотнул. Бояться тут нечего, сказал он самому себе. Он же пел перед полным залом, он же прилюдно предложил руку и сердце женщине, которую едва знает. После такого гудеть — проще простого.

Он уловил ноту, которую издавала миссис Хигглер, и дал ей вибрировать у себя в горле…

Сжал покрепче перо. Сосредоточился и загудел.

Бенджамин перестал хихикать. Его глаза расширились, на лице отразился испуг, и Толстый Чарли уже собрался перестать гудеть, чтобы выяснить, что его так встревожило, но жужжание было теперь внутри него, и свечи замигали…

— Посмотрите на него! — воскликнул Бенджамин, — Он… … Толстый Чарли спросил бы, что же с ним не так, но было уже слишком поздно.

Туманная завеса разомкнулась.

Толстый Чарли шел по мосту, по длинному белому пешеходному мосту над бескрайней серой водой. Чуть впереди, посреди моста на деревянном складном стульчике сидел мужчина. И удил рыбу. Глаза и лоб ему прикрывала зеленая фетровая шляпа. Он словно бы дремал и, когда Толстый Чарли приблизился, даже не шевельнулся.

Тем не менее Толстый Чарли его узнал и положил руку ему на плечо.

— Я так и знал, что ты все подделал. Никогда не верил, что ты по-настоящему мертв.

Человек на стульчике не двинулся с места, но улыбнулся.

— Много ты знаешь о смерти, — сказал Ананси. — Я мертв, мертвее не бывает. — Он с удовольствием потянулся, вытащил из-за уха тонкую черутту и прикурил от спички. — Ух. Я мертв. И на какой-то срок, пожалуй, таким и останусь. Если время от времени не умирать, люди начинают принимать тебя как должное.

— Но… — возразил Толстый Чарли.

Призывая к молчанию, Ананси приложил палец к губам, потом подобрал удочку и, крутя ручку, начал втягивать леску. Толстому Чарли он указал на сачок. Толстый Чарли за ним нагнулся и подставил отцу, который опустил в него бьющуюся серебристую рыбину. Ананси извлек из пасти рыбы крючок, потом бросил рыбину в белое пластмассовое ведро.

— Ну вот, — сказал он. — Обед на сегодня есть.

Тут до Толстого Чарли дошло, что, когда он сел за стол с Хигглерами, был поздний вечер, а здесь — где бы он ни очутился — солнце стояло низко, но еще не зашло.

Сложив стульчик, отец отдал его Толстому Чарли вместе с ведром. Они пошли по мосту.

— Знаешь, — сказал мистер Нанси. — Я всегда думал, что если ты когда-нибудь придешь со мной поговорить, я столько всякого тебе расскажу. Но

ты и сам по себе неплохо справляешься. Так что тебя сюда привело?

— Не знаю. Я пытаюсь разыскать Женщину-Птицу. Хочу отдать ей назад перо.

— Не следовало тебе связываться с такими людьми, — беспечно ответил отец. — От таких добра не жди. А она та еще птица. Сплошные обиды. Но она трусиха.

— Это из-за Паука… — начал Толстый Чарли.

— Сам виноват, — прервал ее отец. — Позволил старой перечнице отослать куда-то половину себя.

— Я был всего лишь ребенком. Ты-то почему ничего не сделал?

Ананси удочкой сдвинул шляпу на затылок.

— Старуха Дунвидди не смогла бы сделать с тобой ничего, чего бы ты сам ей не позволил, — сказал он. — Ты ведь мой сын.

Толстый Чарли это обдумал, потом спросил:

— Но почему ты мне ничего не сказал?

— Ты и так неплохо справлялся. До всего доходил своим умом. С песнями же ты разобрался, верно?

Толстый Чарли почувствовал себя еще более неуклюжим, еще более толстым и еще большим разочарованием для отца, чем когда-либо, но не

ответил просто «нет», а только сказал:

— А ты как думаешь?

— Думаю, ты на верном пути. Самое главное в песнях — то, что они совсем как истории: ни черта не стоят, если их никто не слушает.

Впереди показался конец моста. Хотя никто ему этого не объяснял, Толстый Чарли почему-то понял, что это их последний шанс поговорить. Ему так многое нужно узнать, ему так многое хочется узнать.

— Пап… — начал он. — Когда я был ребенком… Почему ты меня унижал?

Лоб старика сошелся морщинами.

— Унижал? Да я тебя любил!

— Ты отправил меня в школу в костюме президента Тафта. Это ты называешь любовью?

Раздался пронзительный взрыв чего-то, что можно было принять за старческий смех, потом Ананси затянулся черуттой. Дым вылетел у него изо рта как призрачная рамка для реплики в комиксе.

— А что мне твоя мать за это устроила! — хохотнул он и, помолчав, добавил: — У нас не так много времени, Чарли. Неужели ты хочешь провести его, ссорясь?

Толстый Чарли покачал головой.

— Наверное, нет.

Мост уже почти кончился.

— Послушай, — сказал отец, — когда увидишь брата… Хочу, чтобы ты кое-что ему от меня передал.

— Что?

Подняв руку, отец наклонил к себе голову Толстого Чарли и мягко поцеловал в лоб.

— Вот это.

Толстый Чарли выпрямился. Отец смотрел на него со странным выражением, которое на лице любого другого Толстый Чарли счел бы гордостью.

— Покажи мне перо, — велел Ананси.

Толстый Чарли опустил руку в карман. Перо выглядело еще более мятым и растрепанным, чем раньше. Неодобрительно цокнув языком, отец посмотрел его на свет.

— Красивое, — сказал он. — Нельзя его было так обмусоливать. Она испорченное не возьмет.

Мистер Нанси провел рукой по перу, и оно снова расправилось. Но пожилой джентльмен снова нахмурился.

— Зачем стараться? Ты же только снова его испортишь.

Дыхнув на ногти, он потер их, полируя о куртку.

Потом словно бы принял какое-то решение. Снял шляпу и заткнул перо за ленту на тулье.

— Вот, щегольская шляпа тебе не повредит. — Он надел шляпу на голову Толстого Чарли. — Тебе идет.

— Я не ношу шляп, папа, — вздохнул Толстый Чарли. — Она выглядит глупо, и я в ней выгляжу полным идиотом. Почему ты всегда стараешься вогнать меня в краску?

В сгущающихся сумерках старик посмотрел на сына.

— Думаешь, я стал бы тебе лгать? Чтобы носить шляпу, сынок, нужно настроение, нужен подход, ни больше ни меньше. А в тебе это есть. Думаешь, я бы сказал, что тебе идет, если она была бы тебе не к лицу? Ты сама элегантность. Не веришь?

— Не особенно.

— Взгляни, — сказал отец и указал за перила моста.

Вода под ними блестела неподвижная и гладкая как зеркало, и человек в новой зеленой шляпе, посмотревший оттуда на Толстого Чарли, действительно был сама элегантность.

Он поднял глаза, чтобы признаться отцу, что ошибался, но старик уже исчез.

Толстый Чарли шагнул с моста в сумерки.

— Так. Я хочу знать, куда он подевался? Куда пропал? Что вы с ним сделали?

— Я-то ничего не делала, — вздохнула миссис Хигглер. — Господи, дитя! В прошлый раз все было иначе.

— Его словно бы лазерным лучом вернули на корабль-матку, — сказал Бенджамин. — Круто. Спецэффекты реальности.

— Сейчас же верните его назад! — яростно выпалила Дейзи. — Немедленно!

— Я даже не знаю, где он, — ответила миссис Хигглер. — И не я его туда послала. А он сам отправился.

— И вообще, — вмешалась Кларисса, — что, если он отправился делать что нужно, а мы заставим его вернуться? Можем все испортить.

— Вот именно, — поддакнул Бенджамин. — Все равно что вытащить разведывательную экспедицию в момент высадки на чужую планету.

Подумав, Дейзи раздраженно признала, что это звучит разумно — как минимум настолько разумно, насколько вообще что-то за последние несколько дней казалось логичным или здравым.

— Если мы закончили, — сказала Кларисса, — мне, наверное, надо возвращаться в ресторан.

Присмотреть, чтобы все как следует прибрали.

— У нас тут вроде все, — согласилась, отхлебнув кофе, миссис Хигглер.

— Прошу прошения. — Дейзи с силой хлопнула ладонью по столу. — У нас тут убийца ходит на свободе! А теперь еще и Толстого Чарли унесло на «корабль-манку».

— На корабль-матку, — поправил ее Бенджамин.

Миссис Хигглер моргнула.

— Действительно, нам следует что-то предпринять. Что ты предлагаешь?

— Не знаю, — призналась Дейзи. — Убивать время, наверное.

Взяв «Уильямстаунский курьер», который читала миссис Хигглер, она начала перелистывать страницы.

Заметка о пропавших туристках, женщинах, которые не вернулись на свой лайнер, нашлась на третьей странице. «Поэтому подослали мне тех двух, да? Ту парочку в доме? — произнес у нее в голове голос Грэхема Хорикса. — Вы думали, я поверю, что они действительно поехали в круиз?»

В конце концов Дейзи была полицейской, а это ничем не вытравить.

— Найдите мне телефон, — велела она.

— Кому ты собираешься звонить?

— Думаю, начнем с министра по туризму и шефа полиции, а там посмотрим.

Алое солнце, сжимаясь, уходило за горизонт. На острове, в том месте, где существует четкая линия между днем и ночью, Паук смотрел, как море поглощает красный апельсин солнца. Не будь он Пауком, то отчаялся бы. У него ведь были только камни и шест.

Он жалел, что нет костра, и спрашивал себя, поможет ли ему луна. Когда она взойдет, у него, вероятно, будет шанс.

Солнце село, пропал последний мазок красного на темной воде. Наступила ночь.

— Сын Ананси, — сказал голос из темноты. — Скоро, очень скоро я буду кормиться. Ты не узнаешь, что я здесь, пока не почувствуешь мое дыхание у себя на загривке. Я стоял над тобой, когда тебя привязали для меня к шесту, и прямо тогда мог перекусить тебе шею, но передумал. Убить тебя спящего не доставило бы мне удовольствия. Я хочу, чтобы ты чувствовал свою смерть. Я хочу, чтобы ты знал, почему я лишил тебя жизни.

Паук бросил камень туда, откуда, как ему казалось, исходил голос, — судя по звуку, он безобидно

упал в кусты.

— У тебя есть пальцы, — продолжал голос, — но у меня есть когти, много острее ножей. У тебя — две ноги, а у меня — четыре, которые никогда не устают, и бежать я могу в десять раз быстрее, чем ты станешь улепетывать. Ты способен жевать мясо, если его размягчить и лишить вкуса на огне, ведь у тебя мелкие обезьяньи зубки, которые годятся только на то, чтобы жевать мягкие фрукты и ползучих зверьков. А мои клыки кромсают и рвут живую плоть, отдирают ее с костей, и я могу глотать ее, пока соки жизни еще бьют фонтаном в небо.

Тут Паук издал звук, какой можно издать и не имея языка, одними губами. Это было «хм» пренебрежения. «Возможно, ты и впрямь таков, как утверждаешь, Тигр, — говорило это «хм», — но что с того? Все сущие истории принадлежат Ананси. А о тебе в них ничего не рассказывается».

Из темноты раздался рев. Рев ярости и обманутых ожиданий.

Паук начал напевать без слов мелодию «Рэгги про тигра»: это была очень старая песня, которой хорошо дразнить диких зверей. «Держите того тигра. Где этот тигр?» — пелось в ней.

Когда из темноты снова раздался голос, он про-

звучал ближе:

— Твоя женщина у меня, сын Ананси. Когда я покончу с тобой, я разорву ее на куски. Мясо у нее будет послаще твоего.

Паук издал переходящий в смешок «хм», так люди хмыкают, когда знают, что им лгут.

— Ее зовут Рози.

Из горла Паука вырвался невольный стон. В темноте кто-то рассмеялся.

— А что до глаз, — сказал голос. — Твои глаза видят только очевидное, при ярком свете, если тебе повезет. А у моего народа — глаза такие, что видят, как встают дыбом волоски у тебя на руках, когда я с тобой разговариваю, видят ужас у тебя на лице — и все это под покровом ночи. Бойся меня, сын Ананси, и если у тебя есть прощальная молитва, произнеси ее сейчас.

Молитв у Паука не было, зато имелись камни, и он умел их бросать. Может, ему повезет и камень нанесет хоть какой-то урон в темноте. Паук знал, что такое было бы чудом, но ведь он всю жизнь полагался на чудеса.

Он потянулся за вторым камнем.

Что-то скользнуло по тыльной стороне его ладони.

«Привет,» — произнес у него в голове голос

глиняного паучка.

«Привет, — подумал Паук. — *Слушай, я немного занят. Стараюсь, чтобы меня не съели, поэтому не обижайся, но не путайся какое-то время под ногами…»*

«Но я же их привел! — подумал в ответ паучок. — *Как ты и просил.»*

«Как я и просил?»

«Ты сказал, чтобы я шел за помощью. Я привел их с собой. Они побежали по моей паутинке. В этой вселенной нет пауков, поэтому я пошел в другую и там сплел паутину, а после протащил ниточку сюда, и так несколько раз. Я привел воинов. Я привел храбрых.»

— Ну, что задумался? — спросил из темноты голос хищника, и прозвучало в нем извращенное веселье. — В чем дело? Язык проглотил?

Одинокий паук молчал. Пауки хранят тишину и предпочитают молчание. Даже те, кто умеет издавать звуки, обычно держатся как можно тише и выжидают. Пауки вообще по большей части выжидают.

Ночь понемногу наполнялась тихими шорохами.

Паук мысленно послал благодарность и отцовскую гордость семиногому паучку, которого

сотворил из песка и собственных слюны и крови, а паучок взбежал с ладони ему на плечо.

Даже не видя их, Паук знал, что они здесь: огромные пауки и маленькие пауки, ядовитые пауки и кусачие пауки, гигантские мохнатые пауки и изящные хитиновые. Их глаза вбирали любой свет, какой могли найти, но «видели» они ногами, ощупью создавая себе виртуальный образ мира вокруг.

И это была армия.

— Когда ты умрешь, сын Ананси, — снова заговорил из темноты Тигр, — когда род твой вымрет, все истории будут моими. И люди опять станут рассказывать Тигриные сказки. Станут собираться у костров и прославлять мои коварство и силу, мои жестокость и буйство. Каждая история будет моей. Каждая песня будет моей. И мир снова станет прежним. Безжалостным местом. Темным местом.

А Паук слушал шорохи своей армии.

Он не зря сидел на краю обрыва. Да, отступать ему некуда, но и Тигр не может наброситься, может только подкрасться.

И Паук рассмеялся.

— Чего ты хохочешь, сын Ананси? Лишился рассудка?

Но Паук только рассмеялся веселее и громче.

Тут из темноты раздался вой: Тигр познакомился с армией Паука.

Яд пауков встречается многих разновидностей. Часто проходит много времени, прежде чем проявятся все последствия укуса. Биологов давно ставит в тупик вопрос, откуда берутся такие пауки, от чьего яда кожа на укушенном месте вдруг начинает гнить и отмирать иногда год спустя после укуса. А ответ на вопрос, зачем пауки кусаются, прост. Потому что пауков это забавляет, потому что им хочется, чтобы укушенный никогда про них не забывал.

Черная вдова укусила Тигра за разбитый нос, тарантул ужалил в ухо. Уже несколько мгновений спустя все чувствительные места Тигра начало жечь, они распухли и стали чесаться. Тигр не мог понять, что происходит, только ощущал жжение и боль. И внезапный страх.

А Паук смеялся все веселее и громче, вслушиваясь в шум, который издавал огромный хищник, продираясь через кусты и ревя от боли и ужаса.

Потом он сел и стал ждать. Бесспорно, Тигр вернется. Ничто еще не завершилось.

Чуть ниже по склону холма возникло холодное зеленоватое свечение. Оно то вспыхивало, то

гасло, мерцало, как огни крохотного города.

Потом мигание переросло в свет сотен тысяч светлячков. И в центре этого светового облака проступила силуэтом темная фигура. Как будто человек. Он неспешно, но неуклонно поднимался по склону.

Подняв камень, Паук призвал свои паучьи отряды к новой атаке. Но помедлил. Было что-то знакомое в окруженном светлячками силуэте. На голове у новоприбывшего красовалась зеленая фетровая шляпа с широкими полями.

Грэхем Хорикс прикончил полбутылки рома, который нашел на кухне. Ром он открыл, так как не испытывал ни малейшего желания спускаться в винный погреб и так как решил, что им напьется гораздо скорее, чем вином. К несчастью, этого не произошло. Ром не принес вообще никакой отрады, не говоря уже о том, что не притупил чувства, как на то надеялся Грэхем Хорикс. Он бродил по дому с бутылкой в одной руке и стаканом с жидкостью в другой, иногда отхлебывал из первой, иногда из второго. Проходя мимо зеркала, он увидел свое отражение: жалкий, встрепанный и потный.

— Приободрись, — сказал он вслух. — Наверное, обойдется. И в дурном можно найти хорошее.

Дурное семя всегда даст всходы.

Ром почти закончился.

Он вернулся на кухню. Открыл несколько дверец, пошарил в шкафах, пока на одной полке за банками не нашел бутылку хереса. Грэхем Хорикс благодарно прижал ее к груди, словно это был очень маленький старый друг, недавно вернувшийся после многих лет, проведенных на море.

Отвернув пробку, он понюхал содержимое. Это было сладкое вино для готовки, но он выпил его как лимонад.

Разыскивая на кухне алкоголь, Грэхем Хорикс подмечал и другие вещи. Например, тут имелись ножи. Некоторые очень острые. В нижнем ящике была даже маленькая пила из нержавеющей стали. Грэхем Хорикс одобрил такую предусмотрительность: очень простое решение проблемы в подвале.

— Habeas corpus[7], — сказал он вслух. — Или habeas delicti[8]. В общем, то ли одно, то ли другое. Нет тела, нет и преступления. Ergo. Quod erat

---

[7] notes: 7
Распоряжение о предоставлении арестованного в суд *(лат., юр.)*

[8] notes: 8
под грузом доказательств *(иск. лат.)*

demonstrandum[9].

Достав из кармана куртки пистолет, он положил его на кухонный стол. Вокруг расположил — как спицы колеса вокруг ступицы — кожи.

— Ну, не будем откладывать в долгий ящик, — сказал он тоном, который приберегал для ничего не смыслящих в финансах мальчиковых групп, когда уговаривал их подписать с ним контракт и обрести славу, но не заработанные деньги.

Три кухонных ножа он заткнул себе за пояс, пилу положил в карман куртки и с пистолетом в руке стал спускаться по лестнице в подвал. Там зажег свет, моргая, посмотрел на винные бутылки (каждая лежит на боку в отведенной ей ячейке, каждая покрыта тонким слоем пыли) и через несколько шагов оказался перед железной дверью в ледник.

— Так, — крикнул он. — Думаю, вы будете рады услышать, что я не собираюсь причинять вам вред. Сейчас я вас обеих выпущу. Ошибочка вышла, но сейчас все уладилось. Я на вас зла не держу. Нет смысла рыдать над пролитым молоком. Встаньте у дальней стены. Примите ту же позу, что и в прошлый раз. И без глупостей.

---

[9] notes: 9
Следовательно. Что и требовалось доказать *(лат.)*

Отодвигая засовы, он подумал, как хорошо, что для людей с пистолетами придумали сколько клише. От этого Грэхем Хорикс чувствовал свою сопричастность великому братству: бок о бок с ним стояли Богарт и Кэгни, и все те, кто орет друг на друга в сериале «Копы».

Включив свет, он потянул на себя дверь. У дальней стены спиной к нему стояла мама Рози. Когда он переступил порог, она задрала юбку и повиляла перед ним на удивление костлявым загорелым задом.

У Грэхема Хорикса отвисла челюсть. В этот момент Рози с силой ударила ему по запястью куском ржавой цепи, выбив из руки пистолет, который отлетел к стене.

С пылом и меткостью женщины много моложе ее лет мама Рози ударила Грэхема Хорикса носком туфли в пах, а когда он, согнувшись пополам, схватился за ушибленное место и стал издавать звуки такой высоты, какую слышат только собаки и летучие мыши, Рози с мамой выбежали из ледника. Навалившись на дверь, они закрыли ее, и Рози задвинула один засов. Они обнялись.

Они все еще были в винном погребе, когда вдруг все лампы погасли.

— Просто пробки выбило, — сказала, успокаи-

вая маму, Рози. Сама она в этом сомневалась, но иного объяснения не видела.

— Надо запереть дверь на оба засова, — сказала ее мама и вдруг охнула, ударившись о что-то мизинцем на ноге, и выругалась.

— Это надо было делать при свете. Но, с другой стороны, — продолжала Рози, — он тоже в темноте ничего не видит. Держи меня за руку. Кажется, лестница вон там.

Когда погас свет, Грэхем Хорикс стоял на четвереньках на бетонном полу ледника. Что-то горячее стекало у него по ноге. На неприятное краткое мгновение он решил, что обмочился, а потом сообразил, что один из ножей, которые он заткнул себе за пояс, глубоко вонзился ему в бедро.

Решив не шевелиться, он опустился на пол. Как же разумно он поступил, так напившись: практически анестезия. А потом подумал, что надо бы поспать.

Но в леднике он был не один. Там бродило что-то еще. Точнее, не что-то, а кто-то, и двигался он на четырех лапах.

— Вставай, — зарычал кто-то.

— Не могу. Я ранен. Хочу в кровать.

— Ах ты, жалкая мелкая тварь. Ты разрушаешь

все, к чему бы ни прикоснулся. Вставай сейчас же!

— Рад бы, но не могу, — разумным тоном пьяного возразил Грэхем Хорикс. — Просто полежу немного на полу. Да и вообще она наложила на дверь засов. Я слышал.

Тут он услышал слабое царапанье по ту сторону двери, словно засов медленно отодвигался.

— Дверь открыта. Слушай меня. Если ты останешься здесь, то умрешь. — Нетерпеливый шорох, взмах хвостом, приглушенный горловой рев. — Дай мне твою руку, поклянись в верности. Пригласи меня в себя.

— Не поним…

— Дай мне руку, иначе истечешь кровью.

В темном леднике для мяса Грэхем Хорикс протянул руку. Кто-то — что-то — взял ее, утешительно сжал.

— Ну, ты готов пригласить меня?

Тут на Грэхема Хорикса на мгновение снизошла холодная и трезвая ясность. Он уже зашел слишком далеко. Что бы он ни сделал, хуже теперь не будет.

— Абсо-ненно, — прошептал Грэхем Хорикс.

И стоило ему произнести эти слова, как он начал меняться. Мгновенная вспышка, в свете

которой ему показалось, будто рядом с ним стоит что-то — крупнее человека и с острыми, очень острыми зубами. А потом оно исчезло, и Грэхем Хорикс почувствовал себя великолепно. Кровь из раны в ноге унялась, сама рана закрылась.

Он прекрасно видел в темноте. Вытащив из-за пояса ножи, он бросил их на пол. Снял ботинки. У стены лежал пистолет, но он к нему не притронулся. Орудия — для обезьян, ворон и слабаков. А он не обезьяна.

Грэхем Хорикс — охотник!

Поднявшись на четвереньки, он, мягко переступая руками и ногами, вышел в винный погреб.

Вот они, женщины. Нашли лестницу наверх и ощупью поднимаются по ступенькам, держась за руки в темноте.

Одна — старая и жилистая. Другая — молодая и мягонькая.

Слюна собралась в пасти того, кто лишь отчасти был Грэхемом Хориксом.

Сдвинув на затылок зеленую фетровую шляпу отца, Толстый Чарли ступил с моста и пошел в темноту. Он шел по каменистому пляжу, оскальзываясь на камнях, шлепая по лужам. А потом наступил на плоский валун, который внезапно зашевелился. Едва не потеряв равновесие, Тол-

стый Чарли отпрыгнул.

А плоский валун поднялся в воздух и стал вдруг расти. Сперва Толстый Чарли решил, что неведомое нечто будет размерами со слона, но оно никак не останавливалось.

«Свет!» — подумал Толстый Чарли и пропел это слово. И все светлячки в тех краях слетелись к нему, заливая окрестности холодно-зеленым мерцающим сиянием, и в их свете он разобрал два глаза больше обеденных блюд, которые смотрели на него с надменной физиономии рептилии.

Толстый Чарли уставился в ответ.

— Добрый вечер, — весело сказал он.

Голос у существа оказался вкрадчивым и гладким, как взбитое масло.

— Привет, — протянуло существо. — Динь-дон. Ты удивительно похож на обед.

— Я Чарли Нанси, — сказал Чарли Нанси. — А ты кто?

— Дракон, — ответил дракон. — И сожру тебя, человечек в шляпе, без остатка, но медленно.

Чарли моргнул. «Что бы сделал отец? — спросил себя он. — Что бы сделал Паук?» Откуда ему знать? «Давай же. В конце концов, Паук часть тебя. Все, что может он, сумеешь и ты».

— Э-э-э… Тебе наскучило со мной разговаривать,

и ты дашь мне беспрепятственно пройти, — сказал он дракону со всей убежденностью, на какую только был способен.

— Ухты! Хорошая попытка. Но, боюсь, не дам, — с энтузиазмом отозвался Дракон. — На самом деле я тебя съем.

— Ты, случаем, лимонов не боишься? — спросил Толстый Чарли и только потом вспомнил, что подарил лимон Дейзи.

Магическое существо презрительно рассмеялось.

— Я, — сказало оно, — ничего не боюсь.

— Ничегошеньки?

— Ничегошеньки.

— Ты боишься исключительно ничегошеньки? — спросил Толстый Чарли.

— В полнейшем ужасе, — признался Дракон.

— Знаешь, у меня карманы полны ничегошеньки. Хочешь покажу?

— Нет, — встревоженно отозвался Дракон. — Пожалуй, не хочу.

Захлопали огромные, как паруса, крылья, и Толстый Чарли остался на пляже один.

— Слишком уж просто, — сказал он вслух и пошел дальше. На ходу он придумывал себе песню, под которую хорошо было бы шагать. Чарли

всегда хотелось сочинять песни, но он никогда этого не делал, в основном из убеждения, что, если когда-нибудь напишет песню, его попросят ее спеть, а для него уж лучше смерть на виселице. Теперь ему было все равно, и он пел свою песню светлячкам, которые следовали за ним вверх по склону. Это была песня о том, как он повстречает Птицу и найдет брата. Хотелось бы надеяться, что светлячкам песня понравилась, ведь их свет мерцал и пульсировал в такт мелодии.

Женщина-Птица ждала его на вершине холма.

Сняв шляпу, Чарли вынул из-за ленты перо.

— Вот. Думаю, это твое.

Она не шевельнулась, не попыталась его взять назад.

— Наша сделка отменяется, — сказал Толстый Чарли. — Я принес тебе перо. Мне нужен мой брат. Ты его забрала. Кровь Ананси не принадлежала мне, я не вправе был ее отдавать.

— А если у меня больше нет твоего брата?

В неверном мерцании светлячков трудно было сказать наверняка, но Чарли показалось, что ее губы даже не шевельнулись. Зато слова закружились вокруг него криками козодоев и уханьем сов.

— Мне нужен мой брат, — повторил он. — Я

хочу, чтобы он вернулся целым и невредимым. Сейчас же. Или то, что было между тобой и моим отцом в прошлые годы, окажется лишь прелюдией. Сама знаешь, увертюрой.

Чарли никогда никому раньше не грозил. Он понятия не имел, как будет исполнять свои угрозы, но не сомневался, что не тратит слов даром.

— Он был у меня, — произнесла она раскатами крика далекой выпи. — Но я оставила его, безъязыкого, в мире Тигра. Я не смогла причинить вред роду твоего отца. А вот Тигр сможет, если наберется смелости.

Все притихло. Лягушки и ночные птицы умолкли. Женщина-Птица смотрела на него бесстрастно, ее лицо почти терялось в тени, рука опустилась в карман плаща.

— Дай мне перо, — сказала она.

Чарли положил перо на ее раскрытую ладонь.

И сразу почувствовал себя много легче, словно расстался с чем-то большим, нежели просто старое перышко…

А потом она вложила что-то ему в руку. Что-то холодное и влажное. На ощупь оно было как ком плоти, и Чарли лишь большим усилием воли подавил в себе желание отшвырнуть его прочь.

— Верни его брату, — сказала она голосом но-

чи. — Теперь между нами нет ссоры.

— Как мне попасть в мир Тигра?

— А как ты попал сюда? — спросила она, почти насмехаясь.

Тьма стала совершенной, и Чарли остался на холме один.

Разжав пальцы, он посмотрел на ком мяса у себя на ладони — вялый, остроконечный. Он походил на язык, и Чарли знал, кому он принадлежит.

Сдвинув широкополую шляпу на затылок, он подумал. «Пораскинь мозгами, а еще лучше надень „думательный колпак“». А на смену этой мысли тут же пришла вторая: ничего смешного тут нет. Зеленая фетровая шляпа — вовсе не «думательный колпак», но ведь такую шляпу носит тот, кто умеет не только мыслить, но и принимать решения.

Все миры он представил себе паутиной: нити вспыхнули у него в голове, соединяя со всеми, кого он знал. Нить, связывавшая его с Пауком, горела ярко, светилась холодным огнем, как гнилушка или звезда.

Когда-то Паук был частью его. Уцепившись за эту мысль, он дал паутине заполнить себя. В руке у него язык брата, который до недавнего времени был частью Паука и сейчас преданно желал снова

с ним воссоединиться. Живое не забывает.

Мерцая, светилась вокруг него паутина. Нужно лишь пойти по одной из нитей… Он решительно шагнул, и, сгрудившись ближе, светлячки последовали за ним.

— Эй, — позвал он. — Это я.

Паук издал слабый, жуткий звук.

В мерцании светлячков вид у него был ужасный: загнанный, больной, на лице и на груди — незажившие шрамы.

— Кажется, это твое, — сказал Чарли.

С утрированным жестом благодарности взяв у брата язык, Паук положил его себе в рот, подтолкнул и придавил. Чарли смотрел и ждал. Вскоре Паук как будто удовлетворился: для пробы подвигал челюстью, надавил языком на одну щеку, потом на другую, словно собирался бриться, открыл рот и поводил языком из стороны в сторону.

Наконец закрыл рот и голосом, еще чуть срывающимся, сказал:

— Отличая шляпа.

Рози первой добралась до верхушки лестницы и изо всех сил навалилась на дверь винного погреба. Дверь распахнулась, и Рози едва не упала в кухню. Подождав, когда мама переступит порог,

она закрыла дверь и наложила на нее засов.

«Раз, два, три, четыре, пять, — подумала она, — вышел зайчик погулять…»

— Звони в полицию, — велела мама.

— Где телефон?

— Оттуда мне знать, где телефон? Хорикс все еще там, внизу!

— Ладно, — сказала Рози, недоумевая, что лучше: вызвать полицию или просто поскорее выбраться из дома, но еще до того, как она приняла решение, стало слишком поздно.

От внезапного грохота у нее заложило уши, и дверь в подвал разлетелась в щепы.

Он реальный. Она знала, что он настоящий. Он стоит прямо перед ней! Но это же невозможно… Тень огромной кошки, мохнатой, гигантской. Однако странно: там, где тени касался лунный свет, она казалась еще гуще. Глаз Рози не видела, но знала, что зверь смотрит на нее и что он голоден. И он собирается ее убить. Вот тут все и кончится.

— Ему нужна ты, Рози, — сказала мама.

— Знаю.

Рози схватила первый же большой предмет, который попался ей под руку (кубическую деревянную подставку для ножей), и изо всех сил бросила его в тень. А потом, не дожидаясь, чтобы

узнать, попала ли она в цель, со всех ног бросилась вон из кухни в вестибюль. Она же знает, где входная дверь…

Что-то темное, что-то четвероногое двигалось много быстрее: перемахнув через нее, оно почти беззвучно приземлилось перед дверью.

Рози попятилась к стене. Во рту у нее пересохло.

Зверь загораживал от них выход и сейчас, мягко ступая, надвигался на Рози — будто владел всем временем в мире.

Тут из кухни выбежала мама Рози, пронеслась мимо нее — размахивая руками, засеменила в залитом лунном свете коридоре к огромной тени. Исхудалыми кулачками она ударила тварь под дых. Повисла пауза, будто сам мир затаил дыхание, а потом зверь повернулся к ней. Мгновенное, расплывающееся движение, и мама Рози оказалась на полу, а тень затрясла ее, как собака — тряпичную куклу.

Во входную дверь позвонили.

Рози хотела позвать на помощь, но вдруг поймала себя на том, что кричит — громко и настойчиво. Неожиданно наткнувшись на паука в ванной, Рози была в состоянии орать как актриса из фильма ужасов средней руки, которая в парке

столкнулась с человеком в резиновой маске. Сейчас она заперта в темном доме вместе с тенью-тигром и потенциальным убийцей-маньяком, и один из них (или возможно оба) как раз напал на ее маму. В голове у нее промелькнуло несколько возможных вариантов (пистолет: пистолет остался в подвале, нужно за ним спуститься; дверь: можно попытаться пробраться между мамой и тенью и ее отпереть), но легкие и рот только издавали крик — словно по собственной воле.

Что-то забилось о входную дверь. «Ее пытаются выломать, — сообразила Рози. — Но через дверь им сюда не попасть. Слишком массивная».

Мама лежала на полу в пятне лунного света, а над ней сидела тень. Вот тень запрокинула голову и взревела — глубоким, дребезжащим ревом страха, вызова и одержимости.

«У меня галлюцинации, — с безумной ясностью подумала Рози. — Я два дня провела запертая в подвале, и теперь у меня галлюцинации. Никакого тигра тут нет».

И она была совершенно уверена, что никакая бледная женщина не стоит в лунном свете. А ведь Рози своими глазами видела, как она пришла из коридора. Не было тут никакой женщины с золотистыми волосами, длинными-предлин-

ными ногами и узкими бедрами танцовщицы. Подойдя к тени тигра, женщина остановилась и произнесла:

— Здравствуй, Грэхем.

Зверь-тень поднял массивную голову и зарычал.

— Думал спрятаться от меня за глупым маскарадом? Прикинуться животным? — возмутилась женщина. Вид у нее был недовольный.

Рози сообразила, что сквозь плечи и грудь женщины ей видно окно, и попятилась, пока не вдавилась спиной в стену.

Зверь снова заворчал, на сей раз чуть неувереннее, а женщина сказала:

— Я в призраков не верю, Грэхем. Всю жизнь, всю мою жизнь я провела, не веря в призраков. А потом познакомилась с тобой. Ты загубил карьеру Морриса. Ты нас обкрадывал. Ты меня убил. И как будто этого мало, ты заставил меня поверить в призраков.

Теперь тень большой кошки заскулила и стала отступать в коридор.

— Не думай, будто сможешь просто так от меня отделаться, ничтожный ты человечишка. Можешь сколько угодно делать вид, что ты тиф. Ты не тигр. Ты крыса. Нет, это оскорбление благород-

ному и многочисленному семейству вредителей. Ты даже не крыса. Ты *ХОРЕК.*

Тут Рози бросилась бежать со всех ног. Она пробежала мимо зверя-тени, мимо мамы на полу. Она пробежала сквозь бледную женщину (ощущение было такое, словно она прошла сквозь туман). Достигнув входной двери, она стала нашаривать замки и запоры.

А в голове у Рози — или в неком ином мире — спорили двое. Один говорил:

— Не обращай на нее внимания, идиот. Она не может к тебе прикоснуться. Это же просто «каспер». Она даже не совсем реальна. Хватай девушку. Останови девушку.

А кто-то другой отвечал:

— Ты, конечно, здраво говоришь. Но я не уверен, что ты учел все обстоятельства, vis-d-vis, ну, такт, э-э-э… лучшая часть доблести, если понимаешь, о чем я…

— Я тут главный. А ты должен повиноваться.

— Но…

— Хотелось бы знать одно, — сказала вдруг бледная женщина. — Насколько ты в данный момент призрачный? Честно говоря, живых я коснуться не могу. И вещей в реальном мире тоже. Но вот призраков еще как!

Тут призрачная женщина замахнулась и изо всех сил попыталась ударить зверя в морду. Зашипев, хищник-тень отступил, и носок туфли не задел его на каких-то полдюйма.

Следующий удар ногой пришелся в цель, и зверь взвыл. Еще один — в то место, где полагалось быть большому носу тени-кошки, — и хищник издал такой же звук, как домашняя кошка, когда ее намыливают шампунем: одинокий вопль ужаса и возмущения, поражения и позора.

Коридор заполнился смехом, победным и радостным смехом мертвой женщины.

— Хорек, — повторила она. — Грэхем Хорек.

Холодный ветер пронесся по дому.

Рози отодвинула последний засов и повернула ключ в замке. Входная дверь распахнулась. В лицо ей ударили слепящие лучи фонарей. Люди. Машины. Женский голос произнес:

— Это одна из пропавших туристок. — А еще: — О боже!

Рози повернулась.

В свете фонаря ей была видна мама, скорчившаяся на плитках пола, а рядом, без ботинок, без сознания, но, без сомнения, в человеческом облике — Грэхем Хорикс. Повсюду вокруг них — брызги красной жидкости, точно алой краски,

и в первое мгновение Рози даже не смогла понять, что это.

К ней обращалась какая-то женщина, которая говорила:

— Вы Рози Ной, да? Меня зовут Дейзи Дей. Давайте поищем, где бы вам сесть. Вам ведь хотелось бы сесть?

Кто-то, наверное, нашел щиток, потому что мгновение спустя по всему дому зажегся свет.

Над телами склонился крупный мужчина в форме полицейского.

— Это, без сомнения, мистер Финнеган, — сказал он, поднимая глаза. — Он не дышит.

— Да, — сказала Рози. — Мне бы очень хотелось сесть, пожалуйста.

Свесив ноги вниз, Чарли сидел рядом с Пауком на обрыве скалы под луной.

— Знаешь, — сказал он, — когда-то ты был частью меня, Когда мы были детьми.

Паук склонил голову набок.

— Правда?

— Думаю, да.

— Что ж, это кое-что объясняет. — Он протянул руку: семиногий паучок сидел у него на кончиках пальцев и лапой пробовал воздух. — И что теперь? Перенесешь меня назад или как?

Лоб Чарли сошелся морщинами.

— Кажется, ты вырос лучшим, чем был бы, оставаясь частью меня. И гораздо больше повеселился.

— Рози… — сказал вдруг Паук. — Тигр знает про Рози. Нужно что-то делать.

— Конечно, нужно, — согласился Чарли.

«Это как бухгалтерия, — подумал он. — Заносишь цифры в одну графу, вычитаешь их из другой, и если все сделал правильно, в конечном итоге сумма внизу страницы сойдется». Он взял брата за руку.

Встав, они сделали шаг с обрыва…

…все стало исключительно ярким…

Меж мирами завывает холодный ветер.

— Ты не магическая часть меня, знаешь ли, — сказал Чарли.

— Нет?

Паук сделал еще шаг. Звезды падали теперь десятками, расчерчивая светом ночное небо. Кто-то где-то сладко играл на флейте.

Еще шаг, и вдалеке завыли сирены.

— Нет, — кивнул Чарли. — Не магическая. Наверное, это миссис Дунвидди так считала. Она нас разделила, но так и не поняла, что делает. Мы — как две половинки морской звезды. Ты вырос

в отдельную личность. И я, — уже произнося эти слова, он понял, насколько они истинны, — тоже.

Рассвет. Они стоят на скале у обрыва. Вверх по склону поднимается, мигая огнями, машина «скорой помощи», за ней спешит другая. Они остановились на обочине у кучки патрульных машин полиции.

Дейзи как будто отдает распоряжения, что кому делать.

— Здесь нам, кажется, делать нечего, — сказал Чарли. — Во всяком случае, сейчас. Пойдем.

Последний светлячок от него улетел и, моргнув, лег спать. На задних сиденьях первого утреннего микроавтобуса они поехали в Уильямстаун.

Мэв Ливингстон сидела в библиотеке на втором этаже дома Грэхема Хорикса, в окружении картин, книг и DVD-дисков хозяина, и смотрела в окно. Внизу санитары из единственной больницы острова грузили Рози и ее маму в одну машину «скорой помощи», Грэхема Хорикса — в другую.

По зрелом размышлении, решила Мэв, она получила удовольствие оттого, что врезала пару раз ногой по носу твари, в которую превратился Грэхем Хорикс. С тех пор как ее убили, этот поступок принес ей наибольшее удовлетворение.

Хотя, если быть честной, танец с мистером Нанси почти наступал ему на пятки. Он оказался на редкость проворным и легким на ногу.

А еще она так устала…

— Мэв?

— Моррис?

Она оглядела комнату, но в библиотеке было пусто.

— Не хотелось бы тебе мешать, если ты еще занята, душенька.

— Очень мило с твоей стороны, но, думаю, я уже закончила.

Стены библиотеки начали расплываться, терять плотность и цвет. Вот уже проступил мир за этими стенами, и в его свете она увидела ждущую ее невысокую фигуру в элегантном костюме.

Ее пальцы легли в его руку.

— Куда мы пойдем, Моррис? — спросила она.

И он объяснил.

— О! Что ж, неплохо, ради разнообразия, — сказала она. — Мне всегда туда хотелось.

И рука об руку они пошли.

Глава четырнадцатая, в которой все нити находят логичное завершение

Чарли проснулся от стука в дверь и, не понимая со сна, где находится, огляделся по сторонам. Номер отеля. И в голове у него, как мотыльки вокруг голой лампочки, теснились невероятные события прошедших дней. Пока он пытался в них разобраться, ноги сами спустились с кровати и понесли его к двери. Он поморгал на схему, сообщающую, куда идти в случае пожара, пытаясь вспомнить, что же произошло прошлой ночью. Потом отпер дверь и потянул ее на себя.

На пороге стояла Дейзи.

— Ты спал прямо в шляпе? — спросила она.

Подняв руку, Чарли пощупал голову. Там определенно была шляпа.

— Да, — признался он. — Наверное, в ней.

— Господи! — вырвалось у Дейзи. — Хотя бы ботинки сумел снять. А ты знаешь, что пропустил все веселье вчера ночью?

— Пропустил?

— Почисти зубы, — желая помочь, предложила

она. — И смени рубашку. Да, пропустил. Пока ты был…

Тут она замялась. По правде говоря, казалось совершенно невероятным, что он исчез посреди сеанса. Такого просто не бывает. Во всяком случае, в реальном мире.

— Пока тебя не было, я заставила шефа полиции поехать в дом Грэхема Хорикса. Пропавшие туристки были у него.

— Туристки…

— Ну, помнишь, что он говорил за обедом? Про то, что мы подослали к нему двух, которые сейчас в его доме. Это были твоя невеста и ее мать. Он держал их в подвале.

— С ними все в порядке?

— Они обе в больнице.

— А…

— С твоей невестой, думаю, все будет хорошо, но ее мама в тяжелом состоянии.

— Да перестань ее так называть! Она не моя невеста. Она же разорвала помолвку!

— Верно. Но ведь ты этого не делал, так?

— Она меня не любит, — сказал Чарли. — Она влюблена в моего брата. А он в нее. А сейчас я почищу зубы, сменю рубашку и предпочел бы сделать это один.

— И душ принять тоже не мешало бы, — сказала она. — А то от тебя пахнет сигарой.

— Семейное наследство, — объяснил он, а после пошел в ванную и запер за собой дверь.

До больницы была всего минута пешком. В приемной они застали Паука, который сидел, держа растрепанный «Энтертейнмент уикли» с таким видом, будто действительно его читал.

Чарли тронул его за плечо, и Паук даже подпрыгнул, потом настороженно поднял глаза и, увидев брата, расслабился, но ненамного.

— Мне велели ждать здесь, — сказал он. — Потому что я не родственник и вообще никто.

— Тогда почему ты просто не сказал им, что ты и есть родственник? — в полном недоумении спросил он. — Или хотя бы врач?

Паук поглядел на него ошарашенно, ему явно было не по себе.

— Ну, такое нетрудно провернуть, если тебе все равно. Если не важно, что я сделаю или не сделаю, войти внутрь легко. Но сейчас мне не все равно и ужасно страшно… кому-то помешать или сделать что-то не так… Я хочу сказать… Что, если я попытаюсь, а мне откажут, а тогда… Что ты улыбаешься?

— Да так, — сказал Чарли. — Знакомо звучит.

Давай же. Пойдем поищем Рози. — Знаешь, — обратился он к Дейзи, когда они пошли по выбранному наугад коридору, — есть два способа ходить по больнице. Или ты выглядишь так, будто тебе тут самое место… Вот видишь, Паук, белый халат на крючке; как раз твоего размера, надевай!.. Или нужно выглядеть настолько не на месте, чтобы никому в голову не пришло жаловаться на твое присутствие. И сестры, и санитары тогда предоставят разбираться кому-то другому. — Он начал напевать себе под нос.

— Что это за песня? — спросила Дейзи.

— Она называется «Желтая птица», — ответил Паук.

Чарли сдвинул на затылок фетровую шляпу, и они вошли в палату Рози.

Сидя в кровати, Рози читала журнал, и вид у нее был обеспокоенный. Увидев новоприбывшую троицу, она встревожилась еще больше. Посмотрела сперва на Паука, потом на Чарли, потом снова перевела взгляд на Паука.

— Вы оба очень далеко от дома забрались, — сказала она.

— Нас всех далеко занесло, — ответил Чарли. — Ну, с Пауком ты уже знакома. Это Дейзи. Она из полиции.

— В этом я уже не уверена, — ответила Дейзи. — Скорее всего я попала не в один, а в несколько переплетов.

— Это тебя я видела вчера ночью? Ты заставила полицию острова приехать в тот дом? — Рози осеклась. — О Грэхеме Хориксе что-нибудь слышно?

— Он в реанимации, как и твоя мама.

— Ну, если она придет в себя раньше него, — сказала Рози, — то боюсь, прикончит его своими руками. — И добавила жалобно: — Мне ничего не говорят о состоянии мамы. Только твердят, что оно очень серьезное и что скажут, как только будут знать что-то определенное. — Она посмотрела на Чарли ясным взглядом. — Она не такая плохая, как ты думаешь, честное слово. Надо только узнать ее получше. У нас была уйма времени поговорить, пока мы сидели запертые в темноте. Правда, она не такая плохая. Тут она высморкалась и продолжала:

— Кажется, они сомневаются, что она выкарабкается. Напрямую мне не сказали, но вроде как дали понять без слов. Странно. Я-то думала, она переживет что угодно.

— И я, — согласился Чарли. — Я считал, что даже если случится ядерная война, на Земле

останутся только радиоактивные тараканы и твоя мама.

Дейзи наступила ему на ногу.

— Врачи уже установили, что причинило ей такой вред?

— Я им говорила. Там, в доме, был какой-то зверь. Может, всего лишь Грэхем Хорикс. То есть отчасти он был самим собой, отчасти кем-то другим. Она отвлекла его от меня, и он схватил ее…

Рози, как могла, объяснила все утром полиции острова, но о светловолосой женщине-призраке предпочла умолчать. Иногда разум под давлением сдает, и Рози решила, что лучше людям не знать, что и с ней вышло то же самое.

Рози умолкла. Она смотрела на Паука так, словно только что вспомнила, кто он.

— Я все еще тебя ненавижу, понимаешь?

Паук промолчал, но на лице у него возникло жалкое выражение, и он перестал походить на врача: теперь он был похож на человека, который позаимствовал чей-то висящий за дверью белый халат и беспокоится, как бы его не раскусили. А в тон Рози вкрались мечтательные нотки.

— Вот только… — начала она и, помолчав, продолжила: — Вот только когда я была в темноте, мне казалось, что ты мне помогаешь. Не

подпускаешь ко мне зверя. Что у тебя с лицом? Сплошные царапины.

— Зверь, — объяснил Паук.

— Знаешь, — сказала Рози, — теперь, когда вы стоите бок о бок, видно, что вы совсем не похожи.

— Я из нас красивый, — сказал Чарли, и Дейзи во второй раз наступила ему на ногу.

— Ей-богу! — пробормотала она и чуть громче добавила: — Чарли? Нам нужно кое о чем поговорить. Давай выйдем. Сейчас же.

Они вышли в коридор, оставив Паука в палате.

— В чем дело? — спросил Чарли.

— В чем дело что? — откликнулась Дейзи.

— О чем нам нужно поговорить?

— Ни о чем.

— Тогда что мы тут делаем? Ты же ее слышала. Она его ненавидит. Нельзя было оставлять их наедине. Она, наверное, сейчас убивает его голыми руками.

Дейзи поглядела на него с таким выражением, с каким Иисус посмотрел на человека, который объяснил ему, что у него скорее всего аллергия на хлебы и рыб, поэтому не мог бы Он сварганить салат с курицей: в ее взгляде мешались жалость и почти бесконечное сострадание.

Приложив палец к губам, она потянула его к двери. Он заглянул в палату: не похоже, чтобы Рози убивала Паука. Скорее уж напротив.

— О! — сказал Чарли.

Они целовались. Если назвать это так, вам простится, если вы решите, что это был обычный поцелуй: сплошь губы и кожа, ну, может, немного соприкосновения языками. Но вы не заметили, как он улыбается, как светятся у него глаза. А после, когда поцелуй закончился, он выпрямился, как человек, который только что открыл для себя искусство стояния на ногах и овладел им лучше, чем кто-либо сумеет за грядущие столетия.

Чарли снова оглянулся на коридор и обнаружил, что Дейзи беседует с несколькими врачами и полицейским, с которым познакомилась вчера вечером.

— Что ж, мы всегда считали его дурным человеком, — говорил Дейзи офицер полиции. — Откровенно говоря, такое поведение встречается лишь у иностранцев. Местные до такого просто не опускаются.

— Ну разумеется, — согласилась Дейзи.

— Очень. Очень благодарен, — продолжал он, хлопая Дейзи по плечу с таким видом, что она даже заскрипела зубами. — Эта дамочка спасла

женщине жизнь, — сказал он Чарли, хлопнув вдобавок по плечу и его тоже, а после удалился с врачами по коридору.

— Что тут стряслось?

— Грэхем Хорикс умер, — объяснила она. — Более или менее. И для мамы Рози как будто надежд уже нет. Так, во всяком случае, врачи говорят.

— Понимаю, — сказал Чарли и задумался. А когда кончил думать, принял решение: — Ты не против, если я чуток поболтаю с братом? Кажется, нам с ним надо поговорить.

— Я все равно собиралась возвращаться в отель. Проверю свою почту. Потом скорее всего придется много извиняться по телефону. Надо же выяснить, есть ли у меня еще карьера.

— Но ведь ты же героиня, так?

— Сомневаюсь, что мне платят именно за это, — не без тщеславия отозвалась она. — Приходи ко мне в отель, когда закончишь.

Паук и Чарли шли по залитой утренним солнцем главной улице Уильямстауна.

— Знаешь, а у тебя по-настоящему крутая шляпа, — сказал Паук.

— Ты правда так думаешь?

— Ага. Дашь померить?

Чарли снял и протянул Пауку зеленую фет-

ровую шляпу. Надев ее, Паук поглядел на свое отражение в витрине, но поморщился и отдал шляпу Чарли.

— М-да, — разочарованно протянул он. — Но на тебе смотрится.

Чарли сдвинул шляпу на макушку. Некоторые шляпы можно носить, только если готов щегольнуть, залихватски сдвигать их и идти пружинистой походкой, словно тебе всего один шаг до танца. Такие шляпы требуют многого, и Чарли был готов рискнуть.

— Мама Рози умирает, — сказал он вдруг. — А ведь она мне очень и очень не нравилась.

— Я не знаю ее так хорошо, как ты. Ну, уверен, что со временем тоже научусь ее очень, очень не любить.

— Надо попытаться спасти ей жизнь, верно? — сказал Чарли, но сделал это без особого энтузиазма, как человек указывающий, что пора посетить дантиста.

— Сомневаюсь, что мы на такое способны.

— Папа сделал что-то подобное для мамы. Сделал так, чтобы она ненадолго поправилась.

— Но то он. А я не знаю как.

— Есть одно место на краю света, — сказал Чарли. — Со многими пещерами.

— Это начало света, а не его край. И что с того?

— Может, просто отправимся туда? Без всяких там глупостей со свечками и травами?

Некоторое время Паук молчал, потом кивнул:

— Попробуем.

Они разом повернулись и направились в ту сторону, которой обычно не существует, и ушли с главной улицы Уильямстауна.

Солнце вставало, а Чарли с Пауком шли по заваленному черепами пляжу. Это были не настоящие человеческие черепа, но пляж они устилали как желтая галька. Чарли по возможности избегал на них наступать, а Паук, давя ногами, шел напролом. В конце пляжа они повернули налево («налево» относительно абсолютно всего на свете), и перед ними встали горы в начале мира, а вниз обрывались скалы.

Чарли вспомнил, как был тут в прошлый раз. Казалось, с тех пор промелькнула тысяча лет.

— Где все? — вслух спросил он, и скалы отразили его голос и отбросили назад эхом. — Эй? Привет! — громко позвал он.

И они возникли. Все возникли и все наблюдали. Все до единого. Сейчас они казались более величественными и дикими, больше животными, меньше людьми. Чарли сообразил, что в про-

шлый раз воспринял их как людей потому, что ожидал встретить людей. Но это были не люди. На скалах над ними с Пауком расположились Лев и Слон, Крокодил и Питон, Кролик и Скорпион, и все остальные. Их были сотни и сотни, и смотрели они неулыбчивыми глазами: знакомые Чарли животные и те, которых ни один живой человек не сможет распознать. Все животные, когда-либо встречавшиеся в историях, легендах и сказках. Все животные, которых люди видели во сне, о которых мечтали, которым поклонялись.

Чарли увидел их всех.

«Одно дело, — подумал он, — *петь, спасая свою шкуру в зале, полном обедающих. Броситься в омут головой, когда дуло пистолета приставлено к животу девушки, которую ты…*

Которую ты…

О!

Об этом, — решил Чарли, — *будем волноваться потом».*

В настоящий момент ему хотелось лишь одного: или подышать в коричневый бумажный пакет, как в самолете при посадке, или попросту раствориться в воздухе.

— Их тут, наверное, сотни, — с благоговением выдохнул Паук.

В вышине захлопали крылья, и из их биения на ближайшем валуне сложилась Женщина-Птица. Сунув руки в карманы плаща, она молча уставилась на них.

— Что бы ты ни задумал, — сказал Паук, — лучше поторапливайся. Они не станут ждать вечно.

— Ладно. — Во рту у Чарли пересохло. — Итак… э-э-э…

— Что, собственно, будем делать? — спросил Паук.

— Петь, — просто ответил Чарли. — Ведь так мы подталкиваем события, верно? Я догадался. Просто выпеваем события, вдвоем.

— Не понял… Что же нам петь?

— *ПЕСНЮ,* — сказал Чарли. — Поешь песню и этим исправляешь мир. — В его голос вкралось отчаяние. — *ПРИ ПОМОЩИ ПЕСНИ.*

Глаза у Паука стали как лужи после дождя, и в них Чарли увидел то, чего никогда не видел раньше: привязанность, быть может, и растерянность, но более всего просьбу о прощении.

— Я все равно не понимаю, о чем ты.

Из-за валуна за ними наблюдал Лев. С ветки высокого дерева — Обезьяна. А Тигр…

Чарли увидел Тигра. Он шел неуверенно, осторожно переставляя лапы. Морда у него распухла

и покрылась синяками, но глаза злобно поблескивали, и вообще вид был такой, словно он готов в любую минуту сравнять счет.

Чарли открыл рот, но оттуда вышло только сиплое кваканье, словно он недавно проглотил особо нервную лягушку.

— Не выйдет, — шепнул он Пауку. — И вообще глупая была мысль, да?

— Ага.

— Как по-твоему, а нельзя просто сбежать?

Нервный взгляд Чарли пробежал по склону горы и пещерам, по лицам сотен магических существ, появившихся на заре времени. Среди них был один, которого Чарли в прошлый раз не видел: невысокий человечек в лимонно-желтых перчатках и с тонкими, словно нарисованными карандашом усиками, вот только никакая фетровая шляпа не прикрывала редеющих волос.

Поймав взгляд Чарли, старик ему подмигнул. Набрав в грудь воздуху, Чарли начал петь.

— Я Чарли, — пел он. — Я сын Ананси. Слушайте мою песню. Историю моей жизни слушайте.

Он пел им про мальчика, который родился полубогом и которого разделила на две половины сварливая старуха. Он пел о своем отце. Он пел о своей матери. Он пел об именах и словах, об этих

«кубиках», из которых строится реальный мир, о песнях, способных творить миры, об извечных истинах, скрытых за привычным порядком вещей. Он пел о должном завершении своей истории и справедливом возмездии для тех, кто причинил вред ему и его близким.

Чарли выпевал целый мир.

Это была хорошая песня, и принадлежала она ему. Иногда в ней были слова, иногда — только шумы и звуки.

И пока он пел, все слушавшие его существа начали понемногу хлопать в ладоши, притоптывать ногами и подпевать, Чарли чувствовал, что через него льется Великая Песня, которая обвила и охватила собравшихся. Он пел о птицах, о магии, какую ощущаешь, когда, задрав голову, наблюдаешь их радостный полет, об отблеске света на оперении поутру.

Магические существа теперь танцевали — и у каждого был свой танец. Женщина-Птица танцевала круженьем стаи, расправляла хвостовые перья, вздергивала вверх клювы.

Лишь одно существо на склоне горы не желало танцевать.

Тигр бил хвостом. Он не хлопал в ладоши, и не танцевал, и не пел. По его лицу расползлись

бафовые синяки и следы от укусов. Неспешно крадучись, он спустился со скалы, пока не оказался совсем близко к Чарли.

— Песни не твои, — прорычал он.

А Чарли поглядел на него и стал петь про Тигра и Грэхема Хорикса, и про всех тех, кто мучает невинных. Не переставая петь, он повернулся и увидел, что Паук смотрит на него с восхищением. Тигр рассерженно взревел, но Чарли подхватил этот рев и вплел его в Песню. Потом взревел сам, в точности как это сделал Тигр. Вот только начался этот рев как тигриный, а после Чарли его изменил, превратив в дурашливый (как у диснеевского пса Гуфи), и все существа, которые смотрели на них со скалы, рассмеялись. Просто ничего не могли с собой поделать. Чарли снова издал дурашливый уморительный рев. Как любая пародия, как любая карикатура, он превращал предмет насмешки в нечто бесконечно нелепое. Отныне всякий, кто услышит рев Тигра, тут же вспомнит рев Чарли. «Какой дурашливый рев!» — станут говорить люди и боги.

Тигр повернулся к Чарли спиной и большими прыжками бросился прочь, и на бегу рычал и ревел, от чего толпа лишь смеялась еще сильнее. Бесконечно разъяренный, Тиф скрылся в своей

пещере.

Паук поднял руки и резко их опустил.

Послышался раскатистый грохот, и вход в пещеру Тифа завалило камнями. Паук с довольным видом осмотрел проделанную работу, а Чарли продолжал петь.

Он пел песню Рози Ной и песню ее мамы. Он пел долгую жизнь миссис Ной и все счастье, какого она заслуживает.

Чарли пел о своей жизни, о жизни своих родных и друзей, и эти песни сплетались в паутину, в которую попала муха.

Мелодией и припевами он завернул муху в кокон, сделал так, что ей уже ни за что не улететь, и залатал паутину новыми нитями.

И вот песня приблизилась к естественному концу.

К немалому своему удивлению, Чарли сообразил, что получил огромное удовольствие, и в то же мгновение понял, чем будет заниматься до конца своих дней. Он будет петь людям. Нет, не великие магические песни, которые творят миры и переиначивают мироздание. Это будут лишь маленькие песни, которые, пусть хотя бы на миг, сделают людей счастливыми, заставят их двигаться в такт и ненадолго забыть свои

заботы. А еще он знал, что страх останется с ним всегда, что страх сцены никуда не денется. Но Чарли понимал, что это — как прыгнуть в плавательный бассейн: неприятный холодок в первые несколько секунд, а после боязнь пройдет и все будет хорошо.

Разумеется, не *так* хорошо, как *СЕЙЧАС.* Так хорошо, как сейчас, никогда не будет. Но на его долю все равно хватит.

И вот он закончил. Чарли опустил голову, дав замереть последним нотам. Существа на горе перестали притоптывать, перестали хлопать в ладоши, перестали танцевать. Сняв зеленую фетровую шляпу отца, Чарли обмахнул лицо.

— Поразительно, — вполголоса пробормотал Паук.

— Ты бы тоже так смог.

— Сомневаюсь. Ну и каков конец сказки? Я почувствовал, как ты что-то сделал, но не мог бы сказать, что именно это было.

— Я все исправил, — ответил Чарли. — Для нас. Кажется. Я не совсем уверен…

И действительно не был уверен. Теперь, когда песня закончилась, ее магия быстро тускнела, как сон поутру. Он указал на заваленную пещеру.

— Это ты сделал?

— Ага, — отозвался Паук. — Решил, это самое малое, что я могу. Но рано или поздно Тигр прокопает себе дорогу наружу. Если честно, то даже жаль, что я не сделал чего похуже, чем просто захлопнуть за ним дверь.

— Не беспокойся, — ответил Чарли. — Я сделал. Кое-что гораздо хуже.

Он смотрел, как звери расходятся. Отца нигде не было видно, но это его не удивило.

— Пошли, — сказал он. — Надо возвращаться.

Паук отправился к Рози в часы посещений. Под мышкой он нес самую большую коробку шоколадных конфет, какая только нашлась в магазинчике при больнице.

— Это тебе, — сказал он, переступив порог.

— Спасибо. Да, знаешь, врачи сказали, что мама все-таки выкарабкается. Кажется, она открыла глаза и попросила овсянки. Врач сказал, это чудо.

— Разумеется! Твоя мать попросила еды. По-моему, это настоящее чудо.

Рози сердито шлепнула его по руке, но ее пальцы остались лежать у него на локте.

— Знаешь, — сказала она, помолчав, — ты, наверное, сочтешь меня дурочкой. Но там, в темноте, мне казалось, ты мне помогаешь. Я чув-

ствовала, как ты не даешь подобраться ко мне зверю. Если бы ты не сделал того, что сделал, он бы убил нас.

— Э-э-э… Может, я и помог…

— Правда?

— Не знаю. Я тоже попал в беду и думал о тебе.

— В большую беду?

— В ужасную.

— Налей мне воды, ладно?

Он послушался.

— Чем ты на самом деле занимаешься, Паук?

— Занимаюсь?

— Какая у тебя работа?

— Любая, какая придет в голову.

— А я, наверное, останусь тут ненадолго. Медсестры говорят, на острове не хватает учителей. Мне бы хотелось видеть, что от моих усилий что-то меняется.

— Возможно, даже повеселишься.

— Если бы я осталась, что бы ты сделал?

— О! Ну, если бы ты осталась, уверен, я бы нашел, чем заняться.

Их пальцы переплелись. Крепко. Как морской узел.

— Как по-твоему, у нас получится? — спросила она.

— Думаю, да, — серьезно ответил Паук. — А если ты мне наскучишь, я просто уеду и займусь чем-нибудь еще. Поэтому не волнуйся.

— Ах это! — отмахнулась Рози. — И не подумаю волноваться.

Она действительно не волновалась. Под мягкостью в ее голосе притаилась сталь. Не нужно гадать, от кого она ее унаследовала.

Дейзи нежилась в шезлонге на пляже. Сперва Чарли подумал, что она дремлет на солнышке, но когда на нее легла тень, она сказала:

— Привет, Чарли. — Но глаза не открыла.

— Как ты узнала, что это я?

— От твоей шляпы пахнет сигарами. Ты скоро от нее избавишься?

— Нет, — отозвался он. — Я же тебе говорил. Это семейное наследство. Я планирую носить ее до самой смерти, а после завещать детям. Ну… Тебя оставили в полиции?

— Более-менее, — ответила Дейзи. — Мой начальник сказал, что в Лондоне приняли решение, дескать, у меня нервное истощение из-за переработок, поэтому меня отправляют в отпуск по болезни до тех пор, пока я не сочту, что оправилась и готова вернуться.

— Э-э-э… И когда это случится?

— Не знаю. Передай мне масло для загара.

— Через минуту. — В кармане у него была коробочка. Достав, он положил ее на подлокотник шезлонга. — Э-э-э… знаешь, — сказал он, — все жуткие слова, от которых так конфузишься, я уже сказал, когда ты была под дулом пистолета. — Он открыл коробочку. — Но это тебе. От меня. Понимаешь, Рози мне его вернула. Но если оно тебе не понравится, можем обменять. Выбрать какое-нибудь другое. Скорее всего это даже не подойдет. Но оно твое. Если ты его примешь… и… м-м-м… меня.

Взяв коробочку, она вынула обручальное кольцо.

— Гм. Ладно, — сказала она. — Если, конечно, это не какая-нибудь хитрость, чтобы выманить у меня лимон.

Тигр беспокойно метался из стороны в сторону и раздраженно хлестал себя хвостом по бокам, расхаживая взад-вперед перед выходом из пещеры. Глаза его горели как изумрудные факелы в темноте.

— Целый мир и все в нем когда-то принадлежало мне, — бормотал Тигр. — Звезды и луна, сказки и солнце. Все было моим.

— Сдается, мой священный долг, — произнес

голосок из глубины пещеры, — указать, что ты повторяешься.

Застыв на месте, Тигр беззвучно повернулся и стал красться в глубь пещеры, двигаясь плавно, точно меховой ковер на гидравлических амортизаторах. У обглоданной туши быка он остановился и тихонько, вкрадчиво сказал:

— Прошу прощения?

Внутри туши что-то завозилось. Из грудной клетки высунулся кончик носа.

— Собственно говоря, — ответил голосок, — я, так сказать, с тобой соглашался. Ничего другого я и не делал.

Белые лапки оттянули тонкую полоску засохшего мяса между двух ребер, открывая маленького зверька цвета грязного снега. Это мог быть мангуст-альбинос или изворотливый хорек в зимней шкурке. Глаза у существа были, как у крысы или стервятника.

— Я уже наизусть знаю. Целый мир и все в нем когда-то принадлежало мне, — заверещал он. — Звезды и луна, сказки и солнце. Все было моим. — Он ненадолго замолчал, а потом добавил: — И снова бы стало моим.

Тигр злобно на него уставился. Потом, без всякого предупреждения опустилась могучая лапа,

разметав тушу на вонючие куски и придавив зверька к полу. Зверек завозился и заизвивался, но не сумел вывернуться.

— Ты жив… — прорычал Тигр, опустив морду, так что его гигантский нос почти касался крохотного носика зверька. — Ты жив лишь по моей милости. Понятно? Потому что в следующий раз, когда ты выведешь меня из себя, я откушу тебе голову.

— М-м-мф, — издал хорькоподобный зверек.

— Тебе ведь не понравится, если я откушу тебе голову, да?

— Ой! — выдавил зверек.

Глаза у него были бледно-голубые, как две льдинки, и блестели, пока зверек беспокойно елозил под гигантской лапой.

— Обещаешь быть паинькой? Обещаешь сидеть тихо?

— Крайне, — исключительно вежливо сказало грязно-белое существо, а после извернулось и запустило острые зубки в лапу Тигра.

Взревев от боли, Тигр махнул лапой, от чего зверек отлетел в сторону. Ударившись о потолок, он отпрыгнул на уступ, откуда грязно-белым мазком метнулся в самый конец пещеры, где потолок был таким низким, что почти смыкался с полом:

такие места — отличное укрытие для маленьких зверьков, здесь большой зверь его не достанет.

Тигр подобрался так близко, насколько позволял ему рост.

— Думаешь, я не умею ждать? — спросил он. — Рано или поздно тебе придется выйти. Я-то никуда не денусь.

Тигр лег, закрыл глаза, и вскоре пещеру огласил вполне убедительный храп.

Приблизительно через полчаса этого храпа белый зверек выполз из-под камней и, перебегая из тени в тень, направился к большой кости, на которой еще осталась уйма вкусного мяса — если, конечно, вам не мешает запашок тухлятины, а зверьку он не мешал. Однако, чтобы добраться до кости, нужно было пройти мимо Тигра. Выждав еще несколько минут, зверек рискнул сделать пару шажков.

И когда он проходил мимо спящего Тигра, взметнулась передняя лапа, и на хвост зверька упал, пригвоздив его к полу, острый коготь. Вторая лапа легла твари на загривок. Огромная кошка открыла глаза.

— Откровенно говоря, нам, по всей видимости, никуда друг от друга не деться, — тяжело роняя слова, произнес Тигр. — Я прошу лишь

приложить усилия. Мы оба должны постараться. Сомневаюсь, что мы когда-нибудь станем друзьями, но, возможно, научимся терпеть друг друга.

— Намек понял, — пискнул хорек. — Как говорится, против рожна не попрешь.

— Вот тебе и пример того, о чем я говорил. Тебе нужно научиться держать рот на замке.

— Нет худа без добра, — сказал зверек.

— Теперь ты снова выводишь меня из себя, — рявкнул Тигр. — Я же пытаюсь объяснить. Не зли меня, и я не откушу тебе голову.

— Ты все талдычишь: откушу тебе голову, откушу тебе голову. Когда ты употребляешь это выражение, его, наверное, следует понимать как «оторву голову»? То есть это метафора, подразумевающая, что ты станешь кричать на меня, возможно, даже сердито?

— Я откушу тебе голову. Раздавлю зубами. Прожую. Проглочу, — сказал Тигр. — Ни один из нас не может выйти отсюда, пока сын Ананси про нас не забудет. А поскольку тебя посадило сюда это отродье, то если я убью тебя утром, к вечеру ты скорее всего снова оживешь под каким-нибудь камнем в дальнем углу этой треклятой пещеры. Поэтому не зли меня.

— Да, конечно, — пискнул белый зверек. — Лад-

но. Что ни день…

— Если ты сейчас скажешь «то доллар», — взревел Тиф, — я выйду из себя, и последствия будут серьезные. Поэтому. Не говори. Ничего. Понятно?

В пещере на краю света ненадолго воцарилась тишина, которую наконец прервал вкрадчивый голосок:

— Абсо-ненно.

Он начал было говорить «о-у-у-у-ой!», но шум внезапно оборвался.

Не стало слышно ничего, кроме треска перемалываемых зубами костей.

Одного не пишут в книжках про гробы (ведь тем, кто их покупает, так гробы не продашь): на самом деле они довольно удобные.

Мистер Нанси своим был чрезвычайно доволен. Теперь, когда все веселье закончилось, он вернулся в свой гроб и уютно там задремал. Время от времени он просыпался, вспоминал, где находится, а после переворачивался на другой бок и засыпал снова.

Могила, как уже не раз говорилось, отличное место, а еще уединенное, и в ней великолепно отдыхается. Шесть футов под землей — лучше не бывает. Еще лет двадцать, решил мистер Нанси, а тогда подумаем о том, не пора ли вставать. Когда

начались похороны, он приоткрыл один глаз. Из могилы ему прекрасно было слышно… И Каллианну Хигглер, и ту дамочку Бустамонте, и третью, худышку, не говоря уже о большой орде внуков, правнуков и праправнуков — все они пели, и завывали, и выплакивали глаза по покойной миссис Дунвидди.

Мистер Нанси подумал было, не высунуть ли через дерн руку, чтобы схватить за коленку Каллианну Хигглер. Ему хотелось проделать нечто подобное с тех самых пор, как лет тридцать назад он посмотрел фильм «Кэрри». А теперь, когда представился случай, он поймал себя на том, что вполне способен устоять перед искушением. Честно говоря, ему просто было лениво. Она только завопит, у нее случится инфаркт, она помрет, а тогда проклятые Сады Успокоения станут еще более людными, чем сейчас.

Да и вообще, к чему трудиться? У него есть дела поважнее: надо лежать и видеть сны. «Через двадцать лет, — подумал он. — Может, через двадцать пять». К тому времени у него, наверное, уже появятся взрослые внуки. Всегда интересно посмотреть, какими вырастают твои внуки.

Он слушал, как у него над головой все завывает и завывает Каллианна Хигглер. А потом она вдруг

перестала рыдать и объявила:

— Тем не менее она прожила хорошую жизнь, к тому же долгую. Когда она ушла от нас, ей ведь было сто три года.

— Сто четыре! — произнес раздраженный голос из-под земли рядом с мистером Нанси.

Протянув нематериальную руку, мистер Нанси резко постучал по боку новенького гроба рядом со своим.

— Тихо, женщина! — рявкнул он. — Кое-кто тут пытается поспать!

Рози ясно дала понять Пауку, что ему полагается подыскать себе постоянную работу, такую, на которую нужно вставать утром и куда-то идти.

Поэтому однажды утром, за день до того, как Рози выписали из больницы, Паук встал рано и отправился в городскую библиотеку. Там он вошел в библиотечный компьютер, заскочил в Интернет и — очень тщательно — опустошил оставшиеся счета Грэхема Хорикса, которые полиция нескольких континентов еще не сумела найти. Он устроил так, чтобы в Аргентине продали племенной конный завод. Потом купил маленькую, уже существующую компанию, подарил ей все деньги и подал заявление о присвоении ей статуса благотворительного фонда.

Затем послал по электронной почте письмо от имени Роджера Бронштейна, в котором нанял адвоката управлять делами фонда и предложил, что адвокату, возможно, следует найти мисс Рози Ной, еще недавно проживающую в Лондоне, а в настоящее время отдыхающую на Сан Андреасе, и нанять ее Творить Добро с большой буквы.

Рози наняли. Первым делом она бросилась искать помещение для офиса.

Вслед за этим Паук четыре дня напролет провел, обходя пешком пляж (по ночам он спал прямо на песке), который тянулся вокруг почти всего острова, и в каждом встречном кафе и ресторане пробовал еду, пока не добрался до «Рыбной хижины Доусона». Там он попробовал жареную летучую рыбу, вареные зеленые смоквы, цыпленка с гриля и кокосовый пирог, а после прорвался на кухню, отыскал шеф-повара, бывшего также владельцем заведения, и предложил ему солидный куш за партнерство и уроки кулинарного мастерства.

Теперь «Рыбная хижина Доусона» — ресторан, а сам мистер Доусон ушел на покой. Иногда Паука можно встретить в зале, иногда на кухне за плитой: сходите, поищите и обязательно найдете. Кормят там — как нигде на острове. Он стал тол-

ще, чем был, хотя и не настолько, каким будет, если не перестанет пробовать все, что готовит.

Впрочем, Рози не против. Она немного преподает, чуть-чуть помогает людям и Творит много Добра, а если ей иногда не хватает Лондона, то она этого не показывает. А бот ее мама скучает по Лондону постоянно и громогласно, но любое предложение вернуться туда воспринимает как попытку разлучить ее с пока не родившимися (и если уж на то пошло, даже не зачатыми) внуками.

Ничто не принесло бы автору большего удовольствия, чем возможность сказать, что, побывав у порога смерти и вернувшись в мир живых, мама Рози стала новым человеком, благодушной женщиной, у которой для каждого найдется доброе слово, и что ее аппетит к еде способен сравниться лишь с ее аппетитом к жизни и ко всем радостям, которые она способна предложить. Увы, приверженность к истине требует предельной честности, а истина заключается в том, что из больницы мама Рози вышла в точности такой, какой была: такой же подозрительной и придирчивой, как и раньше, хотя она и стала гораздо слабее и старалась спать при свете.

Она объявила, что продаст квартиру в Лондоне

и переберется туда, куда бы ни отправились Паук и Рози, — лишь бы быть поближе к внукам. Но по мере того как шло время, она все чаще отпускала ехидные замечания о количестве и подвижности сперматозоидов Паука, регулярности и позициях в сексуальной жизни своей дочери и зятя и сравнительной дешевизне и простоте искусственного оплодотворения. И вскоре Паук стал всерьез подумывать о том, чтобы вообще не ложиться с Рози в кровать, лишь бы позлить ее маму. Такие мысли он питал ровно двенадцать секунд однажды после полудня, пока мама Рози показывала им ксерокопию статьи из журнала, в которой говорилось, что после секса женщине следует полчаса стоять на голове. А когда тем же вечером он упомянул про статью Рози, та рассмеялась и сказала, что ни ради кого не собирается вставать на голову, а маме в их спальню хода нет и не будет.

Теперь у миссис Ной квартира в Уильямстауне, неподалеку от дома Рози и Паука, и дважды в неделю одна из многочисленных племянниц Каллианны Хигглер заглядывает к ней, пылесосит, обмахивает метелкой стеклянные фрукты (восковые расплавились на островной жаре), готовит кое-какую еду и ставит ее в холодильник,

и иногда мама Рози ее ест, а иногда нет.

Чарли стал певцом. Мягкости в нем сильно поубавилось. Теперь это худощавый мужчина, и фетровую шляпу он носит беспрестанно — как отличительный знак. Фетровых шляп у него много и притом разных цветов, но любимая — зеленая.

У Чарли есть сын. Его зовут Маркус. Ему четыре с половиной года, и он отличается глубочайшей серьезностью, доступной лишь очень маленьким детям и горным гориллам.

Никто больше не зовет Чарли Толстым Чарли, и, честно говоря, иногда ему этого не хватает.

Было раннее летнее утро, уже рассвело. Из соседней комнаты доносился какой-то шум. Оставив Дейзи спать, Чарли потихоньку выбрался из кровати, схватил футболку и шорты, натянул их и, выйдя в гостиную, увидел, как его голый сын катает по полу деревянный поезд. Чарли помог ему одеться, нахлобучил на голову шляпу, и они спустились на пляж.

— Пап? — сказал маленький мальчик.

Губы у него были сурово сжаты, он, казалось, о чем-то размышлял.

— Что, Маркус?

— Кто был самым коротеньким президентом?

— Ты про рост?

— Нет. По… по дням. Кто был самым коротеньким?

— Гаррисон. Он подцепил пневмонию на церемонии вступления в должность и умер. Пробыл президентом сорок с чем-то дней и большую их часть умирал в собственном кабинете.

— О! А кто тогда был самым длинным?

— Франклин Делано Рузвельт. Отбыл три полных срока. И умер на посту во время четвертого. Тут мы снимем сандалии.

Положив сандалии на большой камень, они босиком пошли к набегающим волнам, и их пальцы глубоко вдавливались во влажный песок.

— Откуда ты столько знаешь про президентов?

— Потому что, когда я был ребенком, мой папа считал, мне будет полезно побольше про них узнать.

— А…

Они вошли в воду и добрались до валуна, который был виден, только когда вода стояла низко. Когда вода поднялась им по колено, Чарли подхватил мальчика и посадил его себе на закорки.

— Пап?

— Что, Маркус?

— П'туня говорит, ты знаменитый.

— И кто же эта Петуния?

— Девочка в детском саду. Она сказала, у ее мамы есть все твои диски. Она сказала, что любит, когда ты поешь.

— А…

— Так ты знаменитый?

— Не совсем. Ну, может, чуть-чуть. — Он ссадил Маркуса на валун и сам вскарабкался рядом. — Ладно. Готов спеть?

— Да.

— Что ты хочешь спеть?

— Мою любимую.

— Не знаю, понравится ли она ей.

— Понравится. — Маркус обладал непоколебимостью стен или даже гор.

— Ладно. Раз, два, три…

И они вместе спели «Желтую птицу», которая на этой неделе была у Маркуса любимой, а потом «Праздник зомби», которая была второй любимой, и «Она придет из-за горы», которая была третьей любимой. Глаза у Маркуса были получше, чем у Чарли, поэтому он заметил ее, когда они заканчивали «Она придет из-за горы», и замахал.

— Вон она, папа!

— Ты уверен?

В утренней дымке море и небо сливались в жемчужную белизну, и Чарли прищурился на

горизонт.

— Ничего не вижу.

— Она нырнула. Скоро появится.

В воде плеснуло, и она всплыла прямо под ними. Потянулась рука, хлопнул хвостовой плавник, блеснула чешуя. И вот она уже сидит на валуне рядом с ними, а серебристый хвост полощется в Атлантическом океане, подбрасывая капельки на чешую. У нее были длинные огненно-рыжие волосы.

Тогда они запели все вместе: мужчина, мальчик и Русалка. Они пели «Леди и бродяга» и «Желтую подводную лодку», а потом Маркус научил Русалку словам из заглавной песенки к «Флинтстоунам».

— Он напоминает мне тебя, — сказала Чарли Русалка. — Когда ты был маленьким.

— Ты меня тогда знала?

Она улыбнулась.

— Вы с отцом тоже приходили на пляж. Твой отец… красивый был мужчина. — Она вздохнула. Русалки умеют вздыхать лучше всех на свете. — Вам пора возвращаться. Скоро прилив.

Перебросив за спину длинные волосы, она ласточкой нырнула в воду. Перекувырнулась, всплыла и, приложив пальцы к губам, послала

Маркусу воздушный поцелуй и лишь потом скрылась в глубине.

Снова посадив сына на закорки, Чарли прошел по глубокой воде к пляжу, где мальчик соскользнул на песок. Сняв зеленую фетровую шляпу, Чарли надел ее на сына. Она была ему слишком велика, но он все равно разулыбался.

— Эй, — улыбнулся Чарли. — Хочешь кое-что покажу?

— Давай, но только поскорей. Я хочу завтракать. Оладьи хочу. Нет, овсяные хлопья. Нет, оладьи.

— Смотри.

Шаркая босыми ногами по песку, Толстый Чарли начал танцевать песчаный танец.

— Я тоже так могу.

— Правда?

— Вот увидишь, папа. И действительно мог.

Отец и сын вместе протанцевали всю дорогу до дома и пели песню без слов, которую придумывали на ходу, но которая еще покачивалась в воздухе даже после того, как они пошли в дом завтракать.